

Інститут історії України НАН України
Higher Education Support Program

ІСТОРИЯ, ПАМ'ЯТЬ, ПОЛІТИКА

Збірник наукових статей

Київ–2016

УДК 323.2:94(4)
190

190 ІСТОРИЯ, ПАМ'ЯТЬ, ПОЛІТИКА. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. — К.: Інститут історії України НАН, 2016. — 277 с.

Збірник наукових статей присвячений аналізу історичної політики в 1990–2000-х роках на пострадянському просторі. Крізь окремі сюжети з історичної політики збірник порушує питання про «ремесло» історика в умовах інструменталізації минулого. Автори з Росії, України, Білорусії, Литви, Вірменії та Молдови розкривають можливості виходу істориків за межі усталених та політично вмотивованих підходів до вивчення минулого. Ця тема набуває особливої актуальності, зважаючи на те, що суперечки навколо пам'яті досі залишаються джерелом гострих конфліктів всередині спільнот, що активно використовують владні еліти, як демонструє приклад України і Росії, Вірменії і Азербайджану. Збірник досить різноплановий як щодо тематики представлених статей, так і об'єкту аналізу.

Збірник адресований історикам, політологам і широкому колу читачів.

Зміст

Передмова	5
Алексей Браточкин	
Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей»	9
Олена Бетлій	
Чи можливий «міський поворот» в українській історіографії? Або, Чого нас може навчити західна історіографія Першої світової війни та місто Київ	53
Тамара Варданян-Айвазян	
«Горячие темы» в постсоветских национальных историографиях: анализ армянского и азербайджанского нарративов по истории армяно- татарских столкновений 1905–1906 гг.	73
Александра Гайдай	
Парк памятников как форма институализации памяти о коммунистическом периоде: центральноевропейский и украинский контекст	84
Оксана Дудко	
Між історіографією і дидактикою: Перша світова війна у шкільних підручниках з історії України.....	101
Георгий Касьянов	
К проблеме дефиниций: историческая память, историческая политика ...	112
Иван Курилла	
Вызовы общества и ответы историков: российский вариант	136
Андрей Кушко, Александр Воронович	
Политика памяти и историческая политика в постсоветской Молдове и Транснистрии: конкурирующие нарративы и использование неопределенного прошлого	155
Андрій Любарець	
Історичний дискурс української національно-демократичної опозиції (1990–1991 рр.)	199
Алексей Миллер	
Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов.....	218
Раса Ченайтене	
Город как миф: литовская столица в свете культуры воспоминания	243

Contents

.....	5
Alexey Bratochkin	
The Politics of Memory in Minsk Urban Space: Between Oblivion And the Notion of 'Multiplicity of Memory'.....	9
Olena Betlii	
The Possibility for an 'Urban Turn' in Ukrainian Historiography, or What Can We Learn from the Western Historiography of World War I and the History of Kyiv	52
Tamara Vardanyan-Ayvazyan	
"Hot Issues" in Post-Soviet National Historiographies: An Analysis of Armenian and Azerbaijani Historical Narratives on the Armenia–Tatar Clashes in 1905–1906.....	72
Aleksandra Gaidai	
Statue Park as a Form of Institutional Memory about Communist Time: Central European and Ukrainian Contexts.....	84
Oksana Dudko	
Between Historiography and Didactics: World War I in Ukrainian History School Textbooks	101
Georgiy Kasianov	
On the Problem of Definitions: Historical Memory, Politics of History	112
Ivan Kurilla	
Russian Option: Challenges of Society and Responds of Historians.....	136
Andrei Cusco, Alexandr Voronovici	
The "Politics of Memory" and "Historical Policy" in Post-Soviet Moldova and Transnistria: Competing Narratives and Uses of an Uncertain Past	155
Andrii Liubarets	
Historical Discourse of the Ukrainian National-Democratic Opposition (1990–1991).....	200
Alexei Miller	
Politics of Memory in Russia. The Role of Non-Governmental Agents'	219
Rasa Čepaitienė	
The City as a Myth: Lithuanian Capital in the Light of the Memory Culture...	243

Передмова

Збірка «Історія, пам'ять, політика» є одним з результатів чотирирічного (2010–2013, 2014) проекту *Teaching 'Age of Extremes' in the Age of Politics of History*, який здійснювався за участі Інституту історії України Національної Академії наук України, Національного університету «Києво-Могилянська академія», Львівського національного університету ім. І. Франка, Харківського національного університету ім. В. Каразіна. Проект був підтриманий Програмою підтримки вищої освіти (HESP) в рамках програми *Regional Seminar for Excellence in Teaching*, метою якої було запровадження нових, передових методів викладання гуманітарних наук у вишах у країнах, які окреслюють терміном «пост-радянський простір».

Під час реалізації проекту було проведено серію методологічних семінарів в Києві, Харкові, Чернівцях та Одесі. Назви семінарів промовляють самі за себе: *Тягар історії: пам'ять, історія, політика; Magistra vitae? Вживання та зловживання історією; Викладання історії тоталітаризму: нацизм, фашизм, сталінізм; Світові війни та їхній спадок: перекроювання світу — переписування історії; Холодна війна, «відлига», розрядка та «пізній комунізм»: спадщина та інтерпретації»; Життя після комунізму: перехідна епоха і трансформації; 'Lieux de (Non)Mémoire: Пам'ять, забування та історичний простір в пост-комуністичному світі.*

Учасники семінарів (майже три десятки молодих науковців та викладачів з України, Росії, Білорусі, Молдови, Вірменії та Литви) обговорювали одну центральну проблему: як досліджувати і викладати історію «короткого двадцятого століття» не піддаючись спокусам і крайнощам афірмативної та дидактичної історії, як утримуватися в рамках дисциплінарної об'єктивності і транслювати цей підхід у викладання історії. Досвід останніх років актуалізував ці дискусії.

Учасникам семінарів довелося пережити доволі драматичні історичні події і побачити, як вживання історії і зловживання минулим позначається на сучасності. Сам проект протривав на рік довше через драматичні події осені 2013 — весни 2014 років в Україні. Деякі з учасників проекту взяли безпосередню участь у подіях на Майдані. Хтось довів, що розмови у професійному середовищі — це одне, а вибір в реальному житті — дещо інше, і став прихильником «відновлення історичної справедливості» в Криму. У цьому сенсі автори цієї збірки

мають унікальний досвід проходження тесту на професійну витривалість: попри те, що їм довелося стати свідками а іноді й учасниками знакових історичних подій, вони дотримуються високих професійних стандартів, залишаються в понятійному та інтерпретаційному полі аналітичної історії.

Статті, які представлено у збірці, об'єднує не лише тематика, а й спільність ставлення до професії історика. Автори намагаються утримуватися в рамках аналітичної історії, кожний обирає для цього власну дослідницьку та інтерпретаційну стратегію. Більшість з них дотримується міждисциплінарного підходу до предмету дослідження. Всіх об'єднує бажання вести дискусію в рамках академічного дискурсу.

Упорядники збірки висловлюють свою подяку колегам, які брали участь в семінарах і долучилися до створення сприятливої інтелектуальної атмосфери, яка уможливила вільний обмін думками та надзвичайно цікаві дискусії: Олена Бетлій (Україна), Олександр Лисенко (Україна), Том Шерлок (США), Венді Лауер (США), Карел Беркгоф (Нідерланди), Олексій Міллер (Росія), Іван Курілла (Росія), Ольга Гурова (Фінляндія), Джуліан Фюрст (Велика Британія), Джон-Пол Хімка (Канада)

Автори і упорядники висловлюють подяку Програмі підтримки вищої освіти (HESP) Фундації відкритого суспільства (OSF) за фінансову підтримку і особисто Олександрові Штоквичеві та Олені Наумкіній за багаторічну організаційну і моральну підтримку проекту.

Георгій Касьянов

Introduction

The essay collection *History, Memory, Politics* is one of the results of a four-year project (2010–13, 2014) titled “Teaching *The Age of Extremes* in the Age of the Politics of History” carried out jointly by the Institute of History, National Academy of Sciences of Ukraine, the Kyiv Mohyla Academy National University, the Ivan Franko National University of Lviv, and the Vasiliï Karazin National University of Kharkiv. The project was sustained by the Higher Education Support Program within the framework of the Regional Seminar for Excellence in Teaching, whose purpose is to implement leading innovative methods of teaching the humanities in higher educational institutions located in what is termed the “post-Soviet space.”

In the course of the project, a series of methodological seminars were held in Kyiv, Kharkiv, Chernivtsi and Odesa. The seminar titles speak for themselves: “The Burden of History: Memory, History, Politics”; “*Magistra vitae?* The Use and Abuse of History”; “Teaching the History of Totalitarianism: Nazism, Fascism, Stalinism”; “The World Wars and Their Legacy”; “The Cold War, the ‘Thaw,’ Détente and ‘Late Communism’: Legacy and Interpretations”; “Life after Communism: The Transitional Era and Transformations”; “*Lieux de (Non)Mémoire*: Memory, Forgetting, and Historical Space in the Post-Communist World.”

Participants in the seminars (almost thirty young scholars and teachers from Ukraine, Russia, Belarus, Moldova, Armenia, and Lithuania) discussed one central problem: how to research and teach the history of the “short twentieth century” without giving in to the temptations and extremes of affirmational and didactic history; how to maintain disciplinary objectivity and translate that approach into the teaching of history. The experience of recent years has made such discussions topical.

As fate would have it, participants in the seminars experienced dramatic political events and saw for themselves how the use and abuse of the past affects the present. The project itself was extended for a year by the dramatic events that took place in Ukraine between the autumn of 2013 and the spring of 2014. Some participants were directly involved in developments on the Kyiv Maidan. One participant, maintaining that discussions in a professional milieu are one thing and existential choice another, came to favor the “restitution of historical justice” in the Crimea. In that sense, the authors of this collection have had the unique experience of being tested on their professional endurance: aside from having chanced to become witnesses of or even participants in

landmark historical events, they have managed to maintain high standards of professionalism and remain within the conceptual and interpretative bounds of analytical history.

The essays in this collection are linked not only by subject but also by a common attitude toward the historical profession. Writing within the framework of analytical history, every author makes a personal choice of research method and interpretive strategy. Most adopt an interdisciplinary approach to their subject of study. All are united by the desire to conduct discussions within the framework of academic discourse.

The editors of this collection would like to express their thanks to colleagues who took part in the seminars and helped create an intellectual atmosphere that fostered the free exchange of opinion and extraordinarily interesting discussions: Olena Betlii (Ukraine), Oleksandr Lysenko (Ukraine), Tom Sherlock (USA), Wendy Lower (USA), Karel Berkhoff (Netherlands), Alexei Miller (Russia), Ivan Kurilla (Russia), Olha Hurova (Finland), Juliane Furst (Great Britain), and John-Paul Himka (Canada).

The authors and editors are grateful to the Higher Education Support Program of the Open Society Foundation for financial support and, in particular, to Oleksandr Shtokvych and Olena Naumkina for their many years of organizational and moral support.

Georgiy Kasianov

*Алексей Браточкин
историк, руководитель концентрации
«Публичная история» Европейского колледжа
Liberal Arts в Беларуси*

Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей»

В 1991 году, после распада СССР, Минск из столицы «советской Белоруссии» превратился в столицу независимой Республики Беларусь. Историческое прошлое Минска связано как с периодом средневековья, так и с новой и новейшей историей Европы, город возник во второй половине — конце XI века и менялся в период существования Великого княжества Литовского (получил, в том числе, Магдебургское право), был включен в процессы урбанизации в период Речи Посполитой, Российской империи (в качестве центра Минской губернии), стал, по выражению немецкого историка Томаса Бона, «феноменом», «образцовым городом социализма» в Советском Союзе. В интерпретации Томаса Бона «минский феномен» был обусловлен сверхвысокими темпами урбанизации Минска после Второй Мировой войны, резким ростом миграции и населения Минска (даже на фоне остальных городов СССР), и другими значительными изменениями городской среды, приведшими, в том числе, к «рурализации» культуры города, организованной, по мнению Бона, по «крестьянскому» принципу¹.

Историю Минска можно рассматривать и в контексте исследований восточноевропейского Пограничья — как места/региона пересечения разных культурных традиций и влияний. В межвоенный период (1918–1939 гг.), несмотря на процессы советизации, городская среда Минска еще продолжала оставаться поликультурной и полиэтничной (по Конституции БССР 1927 года в стране функционировало четыре государственных языка — белорусский, русский, польский и еврейский). В частности, значительное влияние на развитие Минска и повседневную жизнь горожан, начиная с XIX века, оказывала еврейская культура, «советизи-

---

¹ Более подробно об этом в исследовании Томаса Бона «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. — Москва, РОССПЭН, 2013.

рованная» в межвоенный период, а потом практически уничтоженная в период Холокоста.

Индустриальная модель развития города после Второй мировой войны, политика советского властного центра по отношению к городу и уничтожение исторических построек (не только во время войны, но и после нее), позволили белорусскому историку-урбанисту Захару Шибекe в 2009 году выдвинуть тезис о «неисторичности», «провинциальности» Минска», о том, что он, как город, до сих пор является «столицей БССР» и «сосредоточием советского провинциализма», и вследствие этого не годится на роль столицы «независимой Беларуси»².

Таким образом, политические процессы, миграция и другие факторы значительно изменили город в XX веке, создав ту социальную среду, которая сегодня является основой для реализации разных вариантов политики памяти и потенциальным ресурсом для публичных дебатов об историческом прошлом города, включенных в общую проблематику «права на город».

За более чем двадцать лет после распада СССР мы видим, тем не менее, с одной стороны, медленный, но ускорившийся в последние годы процесс трансформации «советского» Минска (включая изменения символического ландшафта города), с другой стороны, сам характер этой трансформации и ее характеристики являются проблемой, которая нуждается в комплексном анализе. Этот анализ должен включать в себя как рефлексию по поводу постсоциалистической трансформации городского пространства в Беларуси (изменение социальной среды и подходов к урбанизации, анализ трансформации повседневных практик горожан, оценку влияния политических перемен, маркетизации и глобализации, оценку специфики белорусской публичности и т. д.), так и анализ символических аспектов (роль и место дебатов о национальной идентичности и ее репрезентации в городском пространстве, содержание в целом политики памяти в городском пространстве и влияние на нее различных акторов и т. д.).

В данном тексте основное внимание будет уделено вопросу о том, насколько политика памяти в городском пространстве Минска сегодня является демократической и ориентированной на социальную инклюзию и критическую рефлексию по поводу прошлого, а не исключение исторических событий, травм и памяти отдельных социальных групп.

Проблема политики памяти в посткоммунистических/посттоталитарных обществах, включая то, что происходит в городском пространстве,

---

² Захар Шыбека. Гарадская цывілізацыя. Беларусь і свет. Курс лекцый. — Вільня, ЕГУ, 2009. — С. 176–204.

связана со спецификой таких обществ как «разделенных» обществ, в которых фрагментация исторической памяти и конфликты по ее поводу приобретают значительный размах и политически сильно нагружены³. В случае Беларуси мы также имеем проблему разделенной памяти, связанную и с периодом советской истории и с политическими конфликтами, возникшими в ходе распада СССР, и установлением в 1994 год авторитарного режима Александра Лукашенко.

Еще один аспект анализа политики памяти в посткоммунистических/посттоталитарных обществах обусловлен ситуацией асинхронности и несогласованности разных видов памяти, функционирующих в обществе: если в советскую эпоху культурная и иная разнородность «советских и социалистических пространств» внутри СССР регулировалась при помощи «всеобъемлющей сети директив и практик», то в постсоветскую эпоху эти механизмы были разрушены⁴. После распада СССР постсоветские общества столкнулись с целым рядом проблем исторической памяти, которые с трудом можно решить одновременно. С одной стороны, необходимо было критически переосмыслить советское прошлое и попытаться создать «национальный» нарратив и определенную модель коллективной памяти и идентичности, с другой стороны, акцент на идее «нации» при работе с историческим прошлым входит в противоречие с постнациональной перспективой (в том числе институционально выраженной в идее европейской интеграции) и проблемой включения травм и исторических событий, не попадающих в «этноцентричный» нарратив истории и памяти.

В белорусском контексте мы можем видеть иллюстрацию всех описанных выше проблем: как на фоне критически не осмысленного советского прошлого белорусский авторитарный режим пытается проводить политику памяти (в том числе и в городском пространстве), представляющую собой комбинацию стратегий, направленных на легитимацию этого режима и изолирование альтернативных версий памяти, истории и идентичности.

Память о Холокосте, память о сталинизме и жертвах коммунистических репрессий, память о белорусском национальном движении, теневые стороны памяти о Второй мировой войне, память о протестном

³ Постановка проблемы памяти в «разделенном обществе» в публикации Oхана Shevel *The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine* // *Slavic Review*, Vol. 70, No. 1 (Spring 2011): 137–164.

⁴ *Нершюс Милерюс*. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах // P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп — Вильнюс : ЕГУ, 2008. — С. 37–39.

движении и нонконформизме 1990–2000-х, споры об интерпретации значений постсоветских «мест памяти» — это те точки напряжения и поля борьбы за идентичность, которые сегодня определяют динамику памяти в городском пространстве Минска. Описанные противоречия отражаются и в попытках найти новые формы репрезентации памяти в городском пространстве: советский монументализм сочетается с «малыми формами» и новыми видами мемориальных знаков, в которых используется, в том числе, христианская символика, однако остается проблема поиска нового «языка» и эстетики для репрезентации памяти.

Однако, хотя политика памяти, инициированная белорусским политическим режимом, и оказывает наиболее существенное влияние на формирование символического ландшафта Минска, ее успех основан не только на политических ресурсах белорусского авторитаризма. Деятельность независимых акторов, пытающихся влиять на официальную политику памяти, как это будет показано далее, также может укреплять существующее положение вещей: эти акторы, предлагая свою альтернативу официальной политике памяти, пока что не могут предложить механизмы и практики согласования и синхронизации разных версий памяти, истории и идентичности, существующих в белорусском обществе, и преследуют свои партикулярные интересы. Это, с одной стороны, позволяет сделать вывод о том, что привычная для анализа белорусской ситуации дихотомия «политический режим/гражданское общество» не может являться достаточным объяснением для динамики коллективной памяти, с другой стороны, остается открытым вопрос о том, что оказывает влияние на ситуацию, кроме политики существующего авторитарного режима.

В первой части статьи описывается процесс формирования «официальной» политики памяти и ее проявления в пространстве Минска, во второй части текста акцент делается на анализе отдельных «мест памяти» сегодняшнего Минска и стратегиях сопротивления официальной политике памяти со стороны разных акторов.

Память, история и идентичность после СССР: поиск «новой истории» для Минска

Вторая половина 1980-х — начало 1990-х для Беларуси стали периодом, когда процесс разрушения советской идентичности сопровождался конструированием «новой» национальной идентичности, в рамках проекта «национального возрождения», авторами которого являлись представители части белорусской советской интеллигенции. Один из лидеров Белорусского Народного Фронта (БНФ), массового политического дви-

жения тех лет, Зенон Позняк, был известен и тем, что в конце 1960–1970-х гг. участвовал в борьбе за сохранение исторической застройки Минска, которую собирались снести. Борьба за «право на город» была одним из мотивов, благодаря которым также произошла мобилизация минской интеллигенции во второй половине 1980-х гг., в период перестройки⁵.

В дальнейшем тематика защиты исторического наследия города не была центральной в политической борьбе второй половины 1980-х — начале 1990-х гг., ее сменила в публичном дискурсе основная для тех лет тема последствий сталинизма. Это выразалось в новом «картографировании» пространства Минска: «символическая разметка» городского пространства стала включать в себя «места памяти», связанные с репрессиями эпохи сталинизма⁶. Особое значение приобрели Куропаты — место массовых расстрелов конца 1930–1940-х гг., находящееся на северо-восточной границе Минска. Куропаты получили в первой половине 1990-х статус «историко-культурной ценности первой категории», но там так и не был создан полноценный мемориал.

Широкие дебаты о сталинских репрессиях были фактически прекращены во второй половине 1990-х, хотя ряд историков и активистов продолжают поднимать эту тему в публичном пространстве, развернув в 2015 году кампанию по созданию общественного трибунала «Преступления сталинизма»⁷. Показательными являются и последние события, связанные с мемориалом в Куропатах: рядом с охранной зоной Куропат началось строительство в 2012 году развлекательного комплекса «Бульбаш-холл», приостановленное после протестов общественности, но узаконенное окончательно постановлением Министерства культуры РБ, уменьшившего размеры охранной зоны Куропат⁸.

Распад СССР и приход в политику представителей новых политических сил, включая БНФ, повлиял на символический ландшафт Минска. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. ряд его улиц, включая центральный Ленинский проспект, были переименованы, в частности, Ленинский проспект стал в 1991 году называться проспектом Франциска Скорины,

⁵ Александр Курьянович. БНФ. Истоки // Историческая правда 06.05.2013 Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/research/3279/>

⁶ Андрей Казакевич. Символика места: забывание и фрагментация советского в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас, № 6, 2011. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1575>

⁷ Осудить преступления сталинизма берется народный трибунал // Сообщение Naviny.by 12.02.2015. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2015/02/12/ic_articles_116_188213/

⁸ Постановление Минкульты узаконило здания «Бульбаш-холла» с западной стороны Куропат // Сообщение TUT.by. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/431028.html>

деятеля культуры эпохи Возрождения. Переименования улиц, однако, не носили массового характера, и, кроме того, в Минске остались все советские памятники, включая центральный памятник Ленину, находившийся перед Домом правительства в центре Минска, на площади Ленина (которую, однако, переименовали в Площадь Независимости).

«Возвращение» исторических названий улиц имело свою специфику: ряд этих названий, появившихся вместо советской топонимики, были «новоделами», отсылающими не к конкретному досоветскому названию улицы, а к названию района или «места», существовавшему ранее. Сами переименования также не всегда встречали поддержку, по их поводу шла полемика о соотношении «советского» и «национального»⁹.

Само определение «национального» было предметом для споров в белорусском обществе. Анализируя эту полемику, которая продолжается, политолог Андрей Казакевич выделяет четыре основные «концепции нации» (то есть того, как пытались определять «границы сообщества», «границы нации» и ее «публичные институты»), появившиеся в интеллектуальном поле Беларуси в 1990–2011 гг.: 1) этнокультурную (характерную для представителей проекта «национального возрождения» и делающую акцент на этнокультурном наследии именно белорусов); 2) руссоцентристскую (ориентированную на усиление «славянской» и «общерусской» идентичности); 3) государственно-политическую (созданную режимом Лукашенко); 4) культурно-политическую (более либеральную)¹⁰. В рамках каждой из этих концепций предлагается своя версия истории, памяти и коллективной идентичности.

Для «государственно-политической» концепции нации, начиная с середины 1990-х, был характерен акцент на «советской культурной политической преемственности», использовании «этнографических особенностей» и абстрактном принципе широкого «гражданства» (в реальности в Беларуси всегда использовались после 1994 года практики «исключения» из сообщества по разного рода критериям, «политической лояльности», «принадлежности к доминирующей системе ценностей» и так далее)¹¹. Фактически, в Беларуси так и не удалось создать модель «инклюзивного гражданского национализма», предполагающего наличие

---

⁹ Вячеслав Бондаренко. Минская топонимика за двести лет: тенденции, загадки, парадоксы // Туризм и отдых 04.12.2008. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.tio.by/newspaper/1628>

¹⁰ Андрэй Казакевіч Канцэпцыі (ідэі) беларускай нацыі ў перыяд незалежнасці, 1990–2009 // Палітычная сфера. — № 14, 2010, с. 21–40.

¹¹ Там же, с. 33–35.

«автономии граждан» и «широкого общественного горизонтального диалога»¹².

Для внешнего (обычного) зрителя Минск сегодня часто до сих пор представляется городом, в котором всегда «чисто», и пространством, напоминающим «большой мемориал», происхождение которого связано с советской эпохой¹³. Действительно, центральная часть города представляет собой архитектурный ансамбль, созданный в 1930–1950-х гг. в стиле «сталинского ампира» (с локальными особенностями), а значительная часть «спальных районов» города представляет собой результат советского панельного домостроения и реализации градостроительных концепций периода 1960–1980-х гг. Городская топонимика, согласно сравнительному исследованию городской топонимики Минска, Киева и Вильнюса, также несет на себе отпечаток как советского плана «монументальной пропаганды», так и советских коммеморативных практик, связанных с историей коммунистического движения и советским конструктом памяти о Второй Мировой войне: как констатируют авторы исследования, «Минск является одним большим мемориалом по увековечиванию памяти о Второй мировой войне»¹⁴.

Фактически, после распада СССР, символический и материальный ландшафт Минска был «советским». Вопрос о том, теряет ли Минск свою «советскую идентичность» и остается ли «советским» сегодня, является частью публичных дебатов в Беларуси. Но эти дебаты крайне ограничены, учитывая тот контроль над публичной сферой, который стал частью политики авторитарного режима Лукашенко, начиная с 1994 года. Жесткий контроль над публичной сферой в Беларуси заставляет, в том числе, интерпретировать метафору «чистоты» Минска и как «зачищенного» от «ненужных» влияний публичного пространства.

Установившийся в 1994 году политический режим Александра Лукашенко многими исследователями рассматривался в контексте идеи «ресоветизации» Беларуси, но эта «ресоветизация» имеет свои пределы, если говорить о периоде 2000-х: «постепенное забывание советского, его специфики и символического содержания, становится характерным для

¹² О проблеме национализма в контексте других социальных теорий и практик в Беларуси см. Владимир Фурс Белорусский проект «современности»? // Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели / Сост. О. Шпарага. — Вильнюс : ЕГУ, 2007, с. 43–60.

¹³ Минск напоминает большой мемориал. На его улицах чисто и пустынно // Народная воля 29.08.2012. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.nv-online.info/by/291/weabouthtemtheyaboutus/47424.htm>

¹⁴ А. Ластовский, Р. Балочкайте, А. Казакевич. Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы. Минск, 2009. Электронный ресурс, режим доступа: http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/total%20report_rus.pdf

повседневных политических практик... Это приводит к устойчивому снижению политического и символического значения места (памятников и так далее — прим. автора) в городском ландшафте» Минска¹⁵. Однако тезис о «забывании и фрагментации советского» также должен быть совмещен с анализом того, что происходит в целом с памятью о советском прошлом в Беларуси, и насколько процесс «забывания и фрагментации» является частью формирования «должной памяти» о советском (пользуясь теоретической схемой Поля Рикера), а не проявлением «задержанной» или «манипулируемой» памяти¹⁶.

Споры о «советской идентичности» Минска и символических переменах приобретают новые смыслы на фоне начавшегося несколько лет назад разрушения градостроительного облика «советского» Минска, его центральной части. В 2012 году панорама центральной части города была нарушена домом, построенным компанией приближенного к Лукашенко белорусского олигарха Юрия Чижана. Один из скандалов был связан со строительством (под предлогом подготовки к спортивному «мега-событию» — Чемпионату мира по хоккею летом 2014 года) отеля «Kempinski» в центре города, с нарушением сложившегося архитектурного ансамбля¹⁷. Другие скандалы связаны со сносом в 2014 году старого здания музея Великой Отечественной войны (и постройкой нового здания), а также с намерением снести часть городской застройки советской эпохи под предлогом ее «низкой исторической ценности»¹⁸. Кроме того, городские власти сегодня активно занимаются «уплотнением» городской застройки в центре города и реформативным функциями мест общественной значимости (магазинов шаговой доступности и так далее), появившихся в советский период, под дорогие отели, офисы, «элитные» магазины и т. д.

Проблема «идентичности города» и «идентичности его горожан» включает в себя не только споры о «советскости» Минска, но и о том, является ли он «европейским» городом, и насколько включен в процессы

---

¹⁵ А. Казакевич. Символика места: забывание и фрагментация советского в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас, № 6, 2011. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1575>

¹⁶ Поль Рикер. Нарушения естественной памяти: задержанная память, манипулируемая память, насилие над памятью // Память, история, забвение. Электронный ресурс, режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/07.php

¹⁷ Отель, изуродовавший центр Минска, не появится к ЧМ по хоккею? // Сообщение газеты «Салідарнасць» 06. 12.2013. Электронный ресурс, режим доступа: http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=65943

¹⁸ Минская Осмоловка ее будущее // Текст Left.by 05.08.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://left.by/archives/3084> и Белорусские архитекторы о сносе музея ВОВ: «Это начало масштабной беды» // Текст Realt.by 25.08.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://realt.by/news/article/14085>

глобализации, насколько (и как) в символическом и материальном ландшафте города сегодня репрезентирована идея «независимости», связанная с национальным нарративом и столичным статусом города. Городские власти и представители городских сообществ, пытаясь сделать образ города привлекательным, прилагают усилия по созданию «бренда» города, и эти предложения также вызывают многочисленные споры, в том числе и о том, насколько история Минска может быть отражена в его «бренде». Предложенная в 2013 году городскими властями концепция бренда Минска как города «живого и деятельного ума, интеллекта, инжиниринга» визуально не включала в себя никаких отсылок к истории города, но и не была, по сути, реализована в городском пространстве¹⁹.

Приход к власти после выборов 1994 года Александра Лукашенко и конституционные изменения 1996–2004 гг. обозначали не только политическое поражение проекта «национального возрождения», но и начало процесса «ресоветизации» белорусского общества и свертывания демократических реформ первой половины 1990-х гг. Прежде всего это отразилось на функционировании избирательной системы, которая была поставлена под контроль, и на ликвидации свободы артикуляции интересов различных социальных групп в белорусском обществе (в том числе и интересов, касающихся городского пространства).

«Государственно-политическая» модель коллективной идентичности, созданная при Лукашенко, имела свою динамику. Изначально, во второй половине 1990-х, основным символическим ресурсом при проведении внутренней политики, стало советское прошлое, отсылки к которому должны были легитимировать новый политический режим и его «особые» отношения с политической элитой постсоветской России.

Центральное место в политике памяти нового политического режима заняла конструкция памяти о «Великой Отечественной войне» и апелляция к наследию советской государственности в виде БССР. В публичном пространстве это выражалось в сохранении ритуалов прежней мемориальной культуры (включая сохранение 7 ноября, годовщины Октябрьской революции, в качестве государственного праздника) и эстетике государственной символики: принятая в 1991 году символика в виде «бело-красно-белого» флага и герба «Погоня» была заменена в 1995 году на «красно-зеленые» герб и флаг, во многом копирующие символы, существовавшие в период БССР. В 1995 году также было принято решение о придании русскому языку статуса государственного, наравне с

---

¹⁹ Битва за бренд города: к оружию! // Сообщение DEV.by Электронный ресурс, режим доступа: <http://dev.by/lenta/main/bitva-za-brend-minska-k-oruzhiyu>

белорусским (белорусский язык был объявлен государственным в 1990 году).

Все эти решения привели к расколу «культуры воспоминаний» белорусов, который во многом стал определяющим для дальнейшей истории и динамики коллективной памяти. Немецкий исследователь Райнер Линднер описывал этот раскол в терминах противостояния двух конкурирующих в Беларуси версий истории — «национальной» и «ненациональной» (anational). Споры об истории и политике, как отмечает Линднер, находили свое выражение и в публичном пространстве Минска: в 1997 году, при праздновании 930-летия Минска, состоялся протестный митинг, против политики Лукашенко и его ориентации на Россию²⁰.

Во второй половине 1990-х политика памяти в Беларуси фактически превратилась в дискурс власти и способствовала тому, что процесс трансформации городского пространства Минска и его символического ландшафта стал рассматриваться в терминах политического противостояния и консервативной установки на сохранение советского наследия. Начиная с 1996 года и до начала 2000-х государство не вкладывало бюджетных средств в реконструкцию или изменения исторической застройки города²¹.

В 1996 году было завершено сооружение в Минске мемориала «Остров мужества и скорби» (называемого также «Островом слез»), задуманного в 1988 году в качестве памятника воинам-афганцам, участвовавшим в войне СССР в Афганистане (1979–1989). Несмотря на ряд включенных в мемориал знаков, связанных с историей войны в Афганистане, сам памятник приобрел скорее «абстрактное» значение места воспоминания о всех погибших за пределами Беларуси, о «сынах и дочерях Беларуси, павших в разные века, на чужой земле, под чужими флагами, в чужих войнах». Отсутствие проблематизации войны в Афганистане (в том числе и в белорусской историографии) как раз позволило включить этот памятник в официальный нарратив памяти и экскурсионные маршруты²².

---

²⁰ Райнер Линднер. Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. — Спб., Неўскі прасцяг, 2003. — С. 402–407.

²¹ К очередному Дню города предполагается восстановить здание городской ратуши // Сообщение агентства «Белпан» Электронный ресурс, режим доступа: <http://afn.by/news/i/22684>

²² Об этом шла речь на воркшопе «Back from Afghanistan: A workshop on veterans' experiences» 12-13.02.2015 в Европейском Гуманитарном Университете (Вильнюс, Литва) <http://www.ehu.lt/en/events/show/back-from-afghanistan-a-workshop-on-veterans-experiences>

Иллюстрация 1. — Остров мужества и скорби
(Режим доступа: <http://poznanka.ru>)

В начале 2000-х советское прошлое перестало быть тем исключительным символическим ресурсом, на который можно было опираться для проведения внутренней политики. Это было связано и с генеративными изменениями (в том числе и с постепенным уходом бывшей советской элиты, представители которой до начала 2000-х сохраняли свое влияние в Беларуси и определяли ее внутреннюю политику²³), и с процессом распада советской социальной структуры и появлением новых социальных групп в белорусском обществе, с влиянием процессов глобализации и европейской интеграции (хотя Беларусь и не была включена в процессы евроинтеграции напрямую). Устойчивая тенденция в Беларуси, о которой свидетельствуют данные социологических опросов, заключалась в уменьшении сторонников восстановления СССР с конца 1990-х гг.²⁴

В 2003 году возникает проект «идеологии белорусской государственности», который в момент появления многими был воспринят в ка-

²³ Элита советская уходит казакевич. См. комментарии политолога Андрея Казакевича к белорусскому изданию книги — Урбан М. Белорусская савецкая эліта (1966–1986): алгебра ўлады / М. Урбан; пер. з англ. мовы. Выльня: ЕГУ, 2010. — 196 с.

²⁴ Данные соответствующих опросов Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) представлены на сайте <http://iiseps.org/old/5-06-06.html>

честве еще одного примера «ресоветизации» Беларуси, однако с нашей точки зрения необходимость создания новой «идеологии» для страны, сформулированная в рамках привычной советской риторики, скорее свидетельствовала о границах «ресоветизации» и необходимости срочно обнаружить новые идеи, в которых были бы отражены произошедшие перемены. В начале 2000-х завершился и процесс консолидации белорусского авторитаризма, когда после 2004 года Александр Лукашенко получил возможность избираться неограниченное число раз на пост президента. За десять лет, прошедшие после 1994 года, авторитарный режим в Беларуси создал уже собственную историю, менее нуждающуюся в отсылках к советскому наследию.

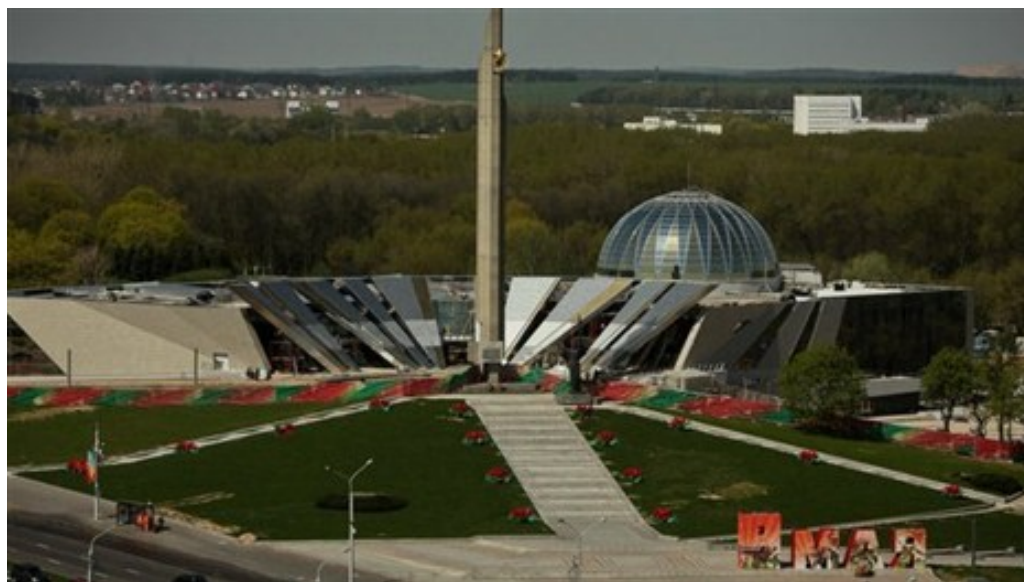
Одним из символических маркеров, увековечивающих свежую историю белорусского авторитаризма в городском пространстве Минска, стало очередное (но неожиданное для горожан и проведенное с нарушением закона²⁵) переименование в 2005 году двух центральных проспектов — проспекта Франциска Скорины и проспекта Петра Машерова (названного в 1980 г. в честь коммунистического лидера БССР в 1965–1980 гг.). Проспект Скорины был переименован в проспект Независимости, проспект Машерова в проспект Победителей, а само переименование было приурочено к 60-летию «Победы в Великой Отечественной войне» и объяснено «просьбами организаций ветеранов». Проспект Победителей одновременно являлся основной дорогой, по которой Александр Лукашенко перемещался по Минску, из своего постоянного места проживания в центральную резиденцию.

В 2000-е в Минске появился комплекс монументальных для города зданий, которые также должны были демонстрировать достижения Беларуси при новом политическом режиме: в 2006 году было достроено новое здание Национальной библиотеки, в открытии которой принял участие президент Александр Лукашенко, в 2013 году было завершено строительство Дворца независимости, в 2014 году открыли новый Музей Великой Отечественной войны. Эти здания символически «заменили» прежние сооружения, связанные с советским прошлым: бывшую «Ленинскую» библиотеку, Дворец республики (его постройка началась в позднесоветскую эпоху, и была завершена при Александре Лукашенко) и старый Музей Великой Отечественной войны, построенный в середине 1960-х гг. На церемонии открытия Дворца независимости Александр Лукашенко заявил: «Этот комплекс был задуман как последняя крупная точка в спорах о нашей независимости. Это, если хотите, демонстрация

---

²⁵ Главный проспект Минска переименовали! // Комсомольская правда в Беларуси 12.05.2005. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.kp.by/daily/23509.3/138723/>

того, что Беларусь — это страна, в этой стране есть все: от земли, герба, флага и этого Дворца независимости»²⁶.

Иллюстрация 2. — Новый Музей ВОВ
(режим доступа: <http://povtoriashki.by>)

В 2000-е годы начался еще один процесс, имеющий значение для трансформации городского пространства Минска — «восстановление» ряда исторических зданий и кварталов. В 2002–2003 гг. было построено на «историческом месте» здание городской ратуши (проект обсуждался еще в 1980-м г.), в котором предполагалось проведение «торжественных приемов Минского горисполкома и различных символических мероприятий»²⁷. По мнению экспертов проект восстановления здания ратуши оказался одним из наиболее удачных с точки зрения воссоздания исторической застройки, в то время как остальные проекты менее удачны, если вести разговор именно о «реставрации, а не реконструкции здания»,

²⁶ Лукашенко: открытие площади Государственного флага станет точкой в спорах о независимости // Сообщение агентства «Интерфакс» 7.05. 2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/1129663>

²⁷ К очередному Дню города предполагается восстановить здание городской ратуши // Сообщение агентства «Белта» Электронный ресурс, режим доступа: <http://afn.by/news/i/22684>

в ходе которой могут нарушаться правила, обеспечивающие «достоверность» сооружения²⁸.

Иллюстрация 3. — Здание Минской ратуши
(Режим доступа: <http://belarus.svobodno.su/>)

В 2004–2007 годах появилось на карте Минска здание гостиницы «Европа», выполненное в стилистике модерна начала XX века, «повторяющее» (хоть и на новом месте) здание гостиницы «Европа», существовавшее до начала Второй мировой войны. Начиная с 2012 года, на деньги частных инвесторов и с разрешения городских властей ведется застройка исторической части города в районе улиц Немиги и Зыбицкой. Эту застройку эксперты уже назвали «псевдоисторической»: проект предусматривал «воссоздание» исторического квартала, но получившиеся

---

²⁸ Реставрация без халтуры: эксперт показал, какими зданиями Минск может гордиться. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.21.by/economics/2013/04/02/742783.html>

здания (с включением офисных помещений, «ресторанов и бутиков» и так далее) стали скорее «имитацией, а не реставрацией»²⁹.

*Иллюстрация 4. — Застройка на улице Зыбицкой
(Режим доступа: <http://realt.by/>)*

Процесс создания «псевдоисторической» застройки в Минске можно рассматривать в контексте критики «индустрии наследия», процесса превращения культурного наследия в «продукт для удовлетворения запросов современного потребления», при этом «окончательный вид продукта совершенно не зависит от первичных свойств ресурса, часто же и не отражает историческую действительность»³⁰. В случае Минска ситуация становится проблемной в большей степени, поскольку инструментализация истории является характерным признаком постсоветских авторитаризмов и практически полностью отсутствуют механизмы общест-

²⁹ Как будет выглядеть псевдоисторическая застройка улицы Зыбицкой // Материалы «Onliner.by». Электронный ресурс, режим доступа: <http://realt.onliner.by/2012/04/26/zib-2> и Реставрация или имитация? Что строят в историческом центре Минска // Материалы «Onliner.by» Электронный ресурс, режим доступа: <http://realt.onliner.by/2014/01/09/centre>

³⁰ *Раса Чепайтене*. Культурное наследие в глобальном мире. — Вильнюс: ЕГУ, 2010. — С. 170–171.

венного контроля и предотвращения негативных эффектов «индустрии наследия».

Еще один важный аспект политики памяти в пространстве Минска 2000-х — появление мемориальных объектов, связанных с историей Холокоста. Об этих местах памяти чуть подробнее будет сказано во второй части статьи, но в контексте анализа официальной политики памяти стоит отметить, что само появление этих памятников не означало отсутствия проблем с включением истории Холокоста в коллективную память белорусов. В частности, президент Лукашенко только в 2008 году принял участие в церемонии, связанной с памятью жертв Холокоста в Минске³¹.

Именно в период 2000-х сложился «официальный» образ истории Минска, представленный, в том числе, в материалах на сайте Мингорисполкома, исполнительного органа городских властей. В 2009–2012 году, с отсылками к истории Минска, были утверждены гимн (в советской музыкальной эстетике), герб и флаг города. В очерке истории Минска он определяется как город с «почти тысячелетней историей» и «богатым историческим прошлым». Основная часть текста является описанием событий средневековой, новой и новейшей истории Минска до 1945 года, разделы истории Минска после Второй мировой войны и современной истории, после 1991 года, минимальны по своему содержанию (хотя, как было показано выше, сегодняшний облик Минска и его социальная среда в основном сформировались именно в эти исторические периоды). Акцент в нарративе истории города сделан на истории «сверху» и политической истории, в гораздо меньшей степени описывается культурная история города и история повседневной жизни горожан, полностью игнорируется в повествовании гендерная перспектива и практически не проблематизируются исторические травмы, конфликты и их последствия для городского пространства. Хронологический принцип организации материала создает иллюзию стабильного нарратива истории города, что входит в противоречие с многочисленными «разрывами» в исторической ткани города, очевидными для обычного наблюдателя³².

Об этих разрывах свидетельствует и экспозиция в созданном в 2010 году Музее истории города Минска: в нем нет постоянной экспозиции, показывающей всю историю города, а проходящие исторические выставки в основном ориентированы на историю XIX — начала XX веков,

---

³¹ Более подробно об этой теме см. статью: *Алексей Браточкин*. Память о Холокосте и националстроительство в Беларуси и Украине (итоги 2000-х) // *Перекрестки*, № 1-2, 2013, с. 57–85.

³² История города // Сайт Минского городского исполнительного комитета. Электронный ресурс, режим доступа: <http://minsk.gov.by/ru/tempage/history/>

«этнографию» губернского Минска периода Российской империи. Это же характерно для Национального исторического музея, в котором, если говорить в целом об истории Беларуси, отсутствует экспозиция по истории XX века и современности, но есть часть экспозиции, демонстрирующая городскую «повседневность» XIX века. В новом Музее Великой Отечественной войны часть экспонатов представляет восстановление Минска после завершения Второй мировой войны.

Акцент на городской истории XIX века (не только в музейном пространстве, но и, например, при организации публичных мероприятий в День города, когда при помощи костюмов «оживляются» сцены городской жизни из прошлого), а также содержание экскурсионных маршрутов по Минску, могут быть обусловлены и доминированием туристов из России в Минске, в соответствии с запросом которых планируются экскурсии (по некоторым данным, из общего потока туристов в Минске российские туристы составляют до 80% от общего количества)³³.

На сайте городских властей Минска и в официальных выступлениях часто звучат отсылки к Минску как «европейскому городу», но при этом «европейскость» города интерпретируется не в рамках дискурса демократии, открытости и прав человека, а в контексте создания в Минске условий для европейского уровня «потребления»: строительства дорогих гостиниц, гипермаркетов и моллов. Такое понимание «европейскости» коррелирует и с риторикой на общегосударственном уровне, когда европейские ценности рассматриваются исключительно как ценности потребления, включающие идеи о «здоровой нации, здоровой семье, обществе без наркотиков, хороших дорогах, магазинах и так далее...»³⁴.

Разница в интерпретации понятия «европейскости» официальными властями в Беларуси и за ее пределами отражается и в коммеморативных практиках. Когда в 2003 году в Минске открыли памятник Адаму Мицкевичу, представители Польши попытались придать особый смысл этому акту, но риторика белорусской делегации была другой. Присутствовавший на открытии памятника маршал Сената Польши Лонгин Пастусяк говорил о том, что «Адам Мицкевич был величайшим европейцем,

³³ Об этом шла речь в дискуссии с участием автора данной статьи. К сожалению, только часть материалов дискуссии вошла в текст «Ленін у вышыванцы і помнік тшкчанчыку — якая гарадская скульптура патрэбная беларусам?» // Будзьма беларусамі 16.09.2014. Электронны рэсурс, рэжым доступа: <http://budzma.by/news/lyenin-u-vyshyvancy-i-pomnik-tushkanchyku-yakaya-haradskaya-skulptura-patrebnaya-byelarusam.html>

³⁴ Интервью с Лидией Ермошиной, возглавляющей Центральный избирательный комитет РБ // Текст Naviny.by 22.10.2009. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2009/10/22/ic_articles_112_165089/print/

памятник ему должен напоминать белорусскому и польскому народам об их единстве и братстве, их великом прошлом», а другие представители польской делегации в своих выступлениях делали акцент на том, что «с установлением памятника Мицкевичу Беларусь приблизилась к Европе», спикер Совета Республики Национального собрания Беларуси Геннадий Новицкий отметил, что «произведения Мицкевича и в настоящее время не потеряли своей значимости»³⁵. Тем не менее, в городе появляются в последнее время мемориальные знаки и объекты (памятный знак 2014 года в честь получения Магдебургского права³⁶ и др.), которые потенциально могут интерпретироваться не только локально, но и в «европейском», транснациональном контексте.

В целом, характеризуя официальную политику памяти последних лет в пространстве Минска, можно определить в качестве ее центрального содержания попытку создать такую модель памяти, которая ориентирована на разного рода практики исключения и нейтрализации опасных тем.

В центре этой модели — модифицированный советский конструкт памяти о «Великой Отечественной войне», к нему добавляются попытки «самоисторизации» политического режима, создающего новые объекты в пространстве Минска. Эти объекты (Дворец независимости, Национальная библиотека, новый музей Великой Отечественной войны, и даже гостиницы и спортивные сооружения) выполняют «мемориальную» функцию регистрации «достижений» Беларуси при новом политическом режиме. Помещение в центр официальной политики памяти конструкта памяти о «Великой Отечественной войне» не означает историзацию войны, а скорее продолжение традиций ее идеологизации — новый музей Великой Отечественной войны в Минске является не столько историческим, сколько «идеологическим» проектом³⁷, а открытие нового мемориала в лагере смерти Тростенец постоянно откладывалось, в том числе из-за разногласий по поводу интерпретаций истории войны.

Характерная черта официальной политики памяти — нарастающая инструментализация истории, когда даже то, что представлялось ранее «священным», в частности «советское прошлое» и его материальное

---

³⁵ В Минске открыт памятник Адаму Мицкевичу // Сообщение AFN.by 05.10.2003. Электронный ресурс, режим доступа: <http://afn.by/news/i/35522>

³⁶ Напротив Минской ратуши появился памятник, посвященный получению городом Магдебургского права // Сообщение Onliner.by 04.04.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://realt.onliner.by/2014/04/04/magdeburg-2/>

³⁷ Критический взгляд на новый музей Великой Отечественной войны в Минске // Новая Европа 25.08.2014. Электронный ресурс, режим доступа: http://n-europe.eu/article/2014/08/25/kriticheskiy_vzglyad_na_novyi_muzei_velikoi_otechestvennoi_voiny_v_minske

воплощение в пространстве города, начинает использоваться утилитарно и прагматически, под влиянием экономической целесообразности (отношений с приближенными к государству инвесторами), и городская среда становится «жертвой» специфической «индустрии наследия».

Еще одной распространенной практикой является «нейтрализация» символических значений и контроль над интерпретацией ряда мемориальных объектов (мемориалы Холокоста, памятник воинам-афганцам и так далее), когда включение в официальный нарратив коллективной памяти предполагает одновременно и исключение из публичного дискурса проблемных вопросов, связанных с событиями, лежащими в основе этих мемориальных объектов. Мемориальные объекты, которые могут претендовать на то, чтобы быть «местами памяти» общеевропейской истории, локализуются в рамках официального нарратива в качестве объектов с «иным» значением, в том числе и за счет особой интерпретации понятия «европейскости».

Понятие «нейтральности» становится определяющим для описания художественного языка городской скульптуры в Минске — с 1998 года и по 2011 год в городе было установлено 14 скульптур авторства Владимира Жбанова, демонстрирующих, за редким исключением, сценки городской жизни. Доминирование этих скульптур означало, с одной стороны, отказ от советских монументальных традиций, с другой стороны, демонстрировало фактический отказ властей устанавливать в городе объекты, выходящие за рамки «нейтральности». Интересна в связи с этим и история самого скульптора Владимира Жбанова, бывшего воина-интернационалиста, делавшего скульптуры в память о войне в Афганистане, а потом переключившегося исключительно на другие формы скульптуры³⁸.

Такие практики нейтрализации символических значений или прямого отказа в установлении памятных знаков становятся очевидными при попытке выхода за рамки официального нарратива памяти и описания не включенных в него/или включенных особым образом «мест памяти» в пространстве города.

«Места памяти» Минска и стратегии деконструкции официальной политики памяти

Белорусские власти тщательно следят за тем, что происходит в пространстве Минска, к тому же город в глазах власти имеет негативную

---

³⁸ Создатель городской скульптуры // Сообщение [privet-minsk.com](http://www.privet-minsk.com). Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.privet-minsk.com/ru/zhbanov-ru.html>

«электоральную репутацию»: все значимые политические протесты после установления режима Лукашенко происходили именно в Минске, и даже официальные цифры электоральной поддержки режима (например, в ходе президентских выборов) всегда были ниже, чем в других городах Беларуси³⁹. В 2006 и 2010 году именно в Минске произошел феномен «Плошчы» (белорусский вариант слова «площадь»), когда те, кто протестовал против результатов выборов, сумели в 2006 году организовать палаточный городок в центре Минска, на Октябрьской площади, а в 2010 году вывести граждан на массовый митинг на площади Независимости. Эти выступления были подавлены и разогнаны, и в апреле 2011 года Александр Лукашенко дважды иронично назвал Минск «свядомым» городом, делая отсылку к тому, как иногда называют в Беларуси деятелей национально-ориентированной оппозиции — «свядомыми» («сознательными»)⁴⁰.

Контроль над публичным пространством Минска со стороны власти определяет и характер стратегий сопротивления и деконструкции официальной политики памяти. Сопротивление не так часто принимает форму открытого протеста и требований, скорее оно выражается в попытках лоббирования интересов разных акторов в рамках белорусского законодательства и поиска лазеек в нем. Периодически это лоббирование принимает форму подачи петиций и обращений граждан в соответствующие государственные органы.

Благодаря развитию цифровых технологий, ряд вопросов, связанных с политикой памяти, обсуждается публично, на форумах и в социальных сетях, а также в независимых СМИ. Кроме того, можно говорить о процессе «дигитализации» стратегий деконструкции/сопротивления официальной политике памяти: «места памяти», не вписывающиеся в официальный нарратив, находят себе место в сети Интернет, в виде пользовательских инициатив по «картографированию» городского пространства и «виртуальному» описанию значимых исторических событий и их трактовок. Тенденция последних лет — появление «виртуального» образа Минска, с альтернативными «местами памяти» и рост пользовательского интереса к этой проблематике памяти в городском пространстве.

Предложенная ниже панорама ряда «мест памяти» Минска отражает описанную выше ситуацию: с одной стороны, мы видим попытки реализации официальной политики памяти, с другой стороны — комбина-

---

³⁹ Архив данных Центризбиркома РБ. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.rec.gov.by/Archive-Elections>

⁴⁰ Вопросы без ответов // Сообщение газеты «Свободные новости» 01.05.2011. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.sn-plus.com/humor/3733-2011-05-01-16-57-54.html>

цию привычных (протесты, обращения и т. д.) и новых, в том числе «виртуальных», стратегий деконструкции/сопротивления официальной политике памяти. К этим стратегиями обращаются как частные лица (историки, краеведы, городские активисты и урбанисты и так далее), так и организации и общественные инициативы, включая «Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры», белорусское отделение «Мемориала», еврейские организации и структуры, политические партии и движения (БНФ и др.). Участие политических партий способствует приданию мемориальным мероприятиям определенного политического смысла, и это воспринимается другими активистами, в том числе, в негативном ключе⁴¹.

При определении мотивации и характера стратегий городских инициатив, а также реакции на них горожан, необходимо учитывать и специфику социальной среды Минска: в Минске население достигает более 1 800 000 человек, из них более 79% — беларусы, более 15% — русские, население растет в основном за счет миграционных процессов, специфика социального капитала заключается в относительно высоком уровне развития межличностных связей и низким уровнем доверия к общественным объединениям и социальным институтам⁴².

В контексте данной статьи мобильный характер среды Минска можно интерпретировать в терминах проблемы с наличием устойчивого образа городской идентичности и идентичности минчан у горожан, многие из которых не имеют долгой минской истории. И, также, возникает проблема консенсуса по поводу памяти: социологические опросы по этому поводу не проводились, но можно обратиться в качестве примера к одному из опросов, устроенных городскими властями в 2012 году. Минчан опрашивали «он-лайн» о том, какой из восьми предложенных в списке памятников должен быть установлен в столице: «памятники патриарху Алексию II, князю Глебу Всеславовичу (Глебу Минскому), первому секретарю ЦК КПБ Петру Машерову, мемориальные знаки, посвященные памяти жертв терактов, мемориальный знак «Воссоединение земель Беларуси» и мемориальная композиция «1000-летие белорусской государственности»⁴³. Больше всего голосов набрала «абстрактная композиция в честь 1000-летия белорусской государственности»,

⁴¹ Анон Астапович: Чижу во встрече я отказал // TUT.by 23.01.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/331591.html>

⁴² Минчане в начале XXI века: социально-психологический и экономический портрет / А.В. Рубанов [и др.] — Мн. : Юнипак, 2005, с. 7–14, с. 126–145. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.bsu.by/Cache/Page/389473.pdf>

⁴³ Кто достоин памятника в Минске? // Сообщение TUT.by 17.01.2012. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/268983.html>

меньше всего — идея установить памятник событиям 1939 года, когда после пакта Молотова-Риббентропа и начала Второй мировой войны произошел раздел Польши и объединение Западной и Восточной Беларуси, а памятник средневековому основателю Минска князю Глебу и коммунисту Петру Машерову набрали одинаковое количество голосов⁴⁴. Можно гипотетически предположить, что выбор абстрактной композиции по увековечиванию белорусской государственности объясняется не только ценностями патернализма и патриотизма, но и невозможностью сделать выбор среди предложенных исторических персоналий, что и может свидетельствовать об определенном расколе культуры памяти в Минске.

«Места памяти» советской истории: от Белоруссии к Беларуси

«Советский» Минск сохранял свой почти неизменный облик до начала 2000-х гг. До сих пор «места памяти» советской истории, такие как Дом-музей I съезда РСДРП, ансамбль Площади Победы (появившийся в 1954 году) и связанный с советской мемориализацией «Великой Отечественной войны»), памятник Ленину и т. д. находятся на своих местах. Однако процесс «рефрейминга памяти» (термин А. Ассман) меняет значение этих памятных мест и восприятия событий советской истории: с течением времени ряд мемориальных объектов потерял свое прежнее значение⁴⁵.

Советские смыслы стали трансформироваться, превращаясь в ресурс для конструирования «государственно-политической» модели коллективной идентичности, в рамках которой происходит инструментализация советской истории. Возникшие комбинации интересны сочетанием «советскости» и «белорусской современности»: в частности, Дом-музей I съезда РСДРП из «самого посещаемого объекта страны» в советское время, превратился в место, которое посещают «единичные граждане», хотя с 2009 года наблюдается некоторый рост посетителей⁴⁶. Одновременно в нем проходят выставки, которые трудно было представить ранее, например, привозная выставка, посвященная 400-летию царской семьи Романовых.

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ А. Казакевич. Символика места: забывание и фрагментация советского в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас, № 6, 2011. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1575>

⁴⁶ Ребрендинг коммунизма: Дом-музей I съезда РСДРП сегодня // Сообщение Interfax.by 05.03.2010. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.interfax.by/article/59717>

Иллюстрация 5. — Восковые фигуры царской семьи Николая II в Доме-музее I съезда РСДРП (Режим доступа: <http://ctv.by/>)

Нахождение памятника Ленину на Площади Независимости периодически вызывает дискуссии в негосударственных СМИ (активизировавшиеся после «ленинопада» в Украине) и является местом, куда приходят немногочисленные (в 2014 году их было около 1 000 человек⁴⁷) сторонники идеи коммунизма 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, являющуюся государственным праздником в Беларуси (хотя и не выходным днем). Ритуалы празднования годовщины Октябрьской революции не носят грандиозного характера, но в них иногда участвуют не только пенсионеры и коммунисты, но и пионеры (пионерская организация была восстановлена в Беларуси в виде «Белорусской республиканской пионерской организации»), как это было в 2013 году⁴⁸.

⁴⁷ Коммунисты поклонились Ленину в Минске // Сообщение Naviny.by 07.11.2014. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/rubrics/politic/2014/11/07/ic_media_photo_112_6922/

⁴⁸ Пионеры и коммунисты возложили цветы к памятнику Ленина в Минске // Сообщение TUT.by 7.11.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/373851.html>

*Иллюстрация 6. — Возложение цветов к памятнику Ленина
7 ноября 2012 года (Режим доступа: <http://tut.by/>)*

Существование в Беларуси пионерской организации, как и других подобных структур, унаследованных от советской эпохи, можно рассматривать в контексте попыток белорусского государства создать «сверху» коллективные структуры, формирующие лояльное отношение к белорусскому политическому режиму, с соответствующей идеологией и ритуалами. Именно лояльность режиму/«государству» находится в центре публичных ритуалов, а не апология советского прошлого. Об этом свидетельствует и новое место проведения публичных ритуалов: в 2014 году пионеров принимали в пионерскую организацию уже на площади Государственного флага перед новым зданием Дворца независимости⁴⁹.

Городские власти Минска, инициируя проведение «уплотнительной» застройки, способствуют началу дискуссий о «советском» Минске и исторической ценности его «советских» же кварталов. Здесь возникает интересная дилемма, связанная с трактовкой понятия «исторической ценности»: советская застройка часто была типовой, но можно ли изме-

⁴⁹ 13 сентября на площади Государственного флага в Минске прошла торжественная церемония посвящения в пионеры // Сюжет телеканала «СТВ» 13.09.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.ctv.by/novosti-minska-i-minskoy-oblasti/na-ploshchadi-gosudarstvennogo-flaga-proshla-torzhestvennaya>

рять ценность этой застройки для истории и коллективной памяти только при помощи отсылок к ее «типовому» характеру? «Сталинки», «хрущевки» и «брежневки» (и вся инфраструктура старых районов) могут ничего не представлять в плане исторической ценности на макроуровне значений, но на микроуровне — это своеобразные «места памяти» для обычных горожан, и дифференцированный подход к судьбе этих зданий должен основываться на критериях, включающих эту специфику и роль «индивидуальных памятей».

«Советский» Минск — это не только сохранившаяся топонимика и памятники, но и специфика организации городской среды и инфраструктуры, трансформация которой сегодня приводит к возникновению специфической ностальгии «без ностальгии»: в ее основании не столько тоска по советским политическим символам и политической системе, сколько современные попытки переосмысления понятия «социальной справедливости», являвшегося частью советской мифологии. Один из усилившихся процессов последних лет — исчезновение советской социальной инфраструктуры в Минске, которое означает изменение практик потребления в постсоветском социуме, и также вызывает критику горожан, принимающую протестную форму⁵⁰.

Большую популярность в последнее время приобрели фотоподборки и тексты в социальных сетях и СМИ о Минске в советскую эпоху: описывается «элитное жилье» советской номенклатуры и интеллигенции, появившееся в советском Минске⁵¹, повседневная жизнь в городе в советскую эпоху и т. д. В комментариях к этим материалам обсуждаются проблемы, имеющиеся в сегодняшнем Минске, такие как дискомфорт от уплотнения «советского» Минска и другие негативные аспекты жизни в постсоветской Беларуси и ее городском пространстве, включая проблему социальной мобильности, неравенства и доступности социальных благ.

Таким образом, отсылки к «советскому Минску» и памяти о том времени носят амбивалентный характер: с одной стороны, наследие советских урбанистических практик в городском пространстве Минска мешает городскому планированию и адаптации новых урбанистических и социальных форм жизни и идентичности, с другой стороны, ряд аспектов «советского Минска» сегодня выглядит привлекательным и, одновре-

⁵⁰ Гид по исчезнувшим «гастрикам»: какие магазины шаговой доступности пропали из центра // Сообщение Citydog.by 03.01.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://citydog.by/post/gid-gastriki/>

⁵¹ Пример наиболее типичного текста и комментариев: «Районы. Кварталы. Номенклатурные дома: где и как жила советская элита» // Сообщение Onliner.by 26.05.2012. Электронный ресурс, режим доступа: <http://realt.onliner.by/2012/05/26/rajony-kvartaly-nomenklaturnye-doma-gde-i-kak-zhila-sovetskaya-elita>

менно, тем, что постепенно утрачивается. Ностальгия по поводу «советского Минска» не носит политического характера, но наследие «советской модерности» (критически не осмысленное) до сих пор является референциальной рамкой для оценки постсоветских социальных, политических и иных практик.

«Места памяти» протестной культуры, субкультур и нонконформизма 1990–2000-х

Одно из знаковых мест Минска с начала 1990-х — «Стена Цоя», появившаяся после гибели лидера группы «Кино» Виктора Цоя в августе 1990 года. Надписи и рисунки изначально наносились на бетонные блоки, окружавшие строительную площадку вокруг Дворца республики на Октябрьской площади Минска, «долгостроя» позднего социализма (стройка началась в 1985 году). Рядом с этим местом собирались «неформалы», минская молодежь и поклонники группы «Кино». Строительство Дворца республики было завершено в 1997 году, и встал вопрос о переносе «Стены Цоя». Ее перемещали несколько раз (сохранили не полностью), с 1997 по 2008 год несколько блоков стены стояли на улице Интернациональной, в 2008 году она нашла себе место в одном из районов Минска (уже не в центре города).

В 2008 году, перед финальным переносом, около двух тысяч минчан собрали подписи под обращением в Мингорисполком о восстановлении «стены»⁵². В августе 2010 года, в очередную годовщину смерти Цоя, у «Стены Цоя» прошел «несанкционированный концерт», который пыталась остановить милиция⁵³. Летом 2011 года, когда стала нарастать протестная активность в Минске, некоторые ее участники использовали песню Цоя «Перемен», и после того, как радиослушатели стали заказывать песню по радио, она была запрещена к исполнению в эфире⁵⁴.

---

⁵² Минчане хотят вернуть стену Цоя // Сообщение «Хартия 97» 4.12.2009. Электронный ресурс, режим доступа: <http://charter97.org/ru/news/2009/12/4/24279/>

⁵³ «Если вы будете продолжать играть, то «стены Цоя» больше не будет!» // Сообщение «Комсомольской правды в Беларуси» 16.08.2010. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.kp.by/online/news/721288/>

⁵⁴ В Беларуси запретили включать по радио песню Виктора Цоя «Перемен» // Сообщение OPEN.by 19.06.2011. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.open.by/country/58014>

Иллюстрация 7. — Стена Виктора Цоя в Минске
(Режим доступа: <http://victor-tsoy.vesna-art.ru>)

Городское пространство Минска, как уже было сказано выше, являлось основным местом для политических протестов после прихода к власти Александра Лукашенко, и «места памяти» этих протестов, имеющие конкретное материальное воплощение, занимают важное место в неофициальном нарративе о городе. Протесты 2006 года и феномен «Площчи» — часть этого неофициального нарратива. Этот нарратив находит свое воплощение в культурной продукции и неофициальной топонимике: в 2006 году режиссер Юрий Хашчеватский снимает документальный фильм «Площадь Калиновского» (так стали называть протестующие Октябрьскую площадь Минска)⁵⁵. Кроме того, в социальных сетях и на сайтах проектов, посвященных истории 1990-х в Беларуси, периодически размещаются материалы, визуально демонстрирующие

⁵⁵ Фильм Юрия Хашчеватского «Площадь Калиновского» <https://www.youtube.com/watch?v=9yICrIWscn0> и пример упоминания неофициальной топонимике в публикации «Как пройти на площадь Калиновского?» // Сообщение сайта «Химик.info». Электронный ресурс, режим доступа: <http://ximik.info/article/208>

протестную активность и политические собрания на площадях Минска, и на главном месте протестов конца 1980-х — начала 1990-х — площади Независимости⁵⁶.

Значимым местом для субкультурной активности 1990-х был Александровский сквер в центре Минска, находящийся между зданием Национального академического театра имени Янки Купалы, бывшим зданием ЦК КПБ (сегодня это резиденция Александра Лукашенко) и Домом офицеров. Место среди минчан называют «Паниковкой», отсылая к произведениям Ильфа и Петрова и фонтану с фигурой лебедя. Именно здесь в 1990-е годы собирались преставители минских субкультур совершенно разных направлений, включая представителей минского ЛГБТ-сообщества.

В 1994 году гомосексуальность в Беларуси была декриминализована, и это способствовало большей легальности ЛГБТ-сообщества, представители которого до сих пор сталкиваются с дискриминацией и гомофобией. Александровский сквер был одним из мест встречи представителей ЛГБТ-сообщества, где они могли не только находить себе партнеров/партнерш, но и социализироваться, и куда приезжали, в том числе, из других городов Беларуси, это было место пересечения «приватности и публичности», возможности заявить о себе⁵⁷.

Процессы маркетизации городской жизни и трансформация прежней советской инфраструктуры приводят к закрытию «культовых» мест, которые посещали представители городской активной прослойки в советскую и в постсоветскую эпоху. В 2008 году была попытка развернуть общественную кампанию против перепрофилирования магазина «Рыба» на одной из центральных улиц Минска, улице Карла Маркса. Магазин, по словам сторонников его сохранности, не только был уникальным для послевоенной истории города объектом (как памятник послевоенного дизайна), но и являлся местом для «культурной тусовки». Активисты кампании создали сайт проекта по спасению магазина и заявили о своей инициативе в СМИ⁵⁸. Магазин был перепрофилирован в пиццерию, но часть внутреннего дизайна была оставлена.

---

⁵⁶ Ствараецца Беларускае згуртаванне вайскоўцаў // Сайт исторического проекта «90s.by» Электронный ресурс, режим доступа: <http://90s.by/years/1991/bzv.html>

⁵⁷ Дыскусія: Панікоўка — месца супольнасці, памяці альбо барацьбы? // Текст проекта «Makeout.by» 28.06.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://makeout.by/2014/06/28/diskusya-panikoka-mesca-supolnasci-pamyaci-albo-baracby.html> и «Вось ужо пяць гадоў тут ніхто не збіраецца» // Текст проекта «Makeout.by» 7.01.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://makeout.by/2014/01/07/vos-uzho-amal-pyac-gado-yak-tut-nhto-ne-zbraecca.html>

⁵⁸ Общественность сопротивляется планам ликвидации магазина «Рыба» на улице

«Места памяти» белорусского национализма

Проблема истории и историографии белорусского национального движения до сих пор является предметом для дискуссий в Беларуси. В том числе обсуждается роль и место в истории белорусов БНР (Белорусской Народной Республики), возникшей и завершившей свое существование в 1918 году, в период завершения Первой мировой войны на территории Беларуси. Провозглашение БНР было связано с деятельностью первой значимой волны белорусского национального движения в начале XX века, а память о БНР цензурировалась и специфически интерпретировалась в советскую эпоху как память о государстве «буржуазных националистов».

После провозглашения независимости в 1990–1991 гг. началось возвращение памяти о БНР, но для политического режима Александра Лукашенко важной являлась не память о БНР, а память о БССР. Начиная со второй половины 2000-х, память о БНР постепенно вписали в официальный нарратив, делая акцент на том, что БНР «не являлась государством», но является частью истории Беларуси. Тем не менее, одна из дат, связанных с процессом провозглашения БНР, 25 марта 1918 года, стала одной из центральных дат для протестного календаря постсоветской эпохи и демонстрации критики режима Лукашенко. «День воли» проводится 25 марта уже много лет, в виде политического шествия в Минске, на проведение которого городские власти дают свою санкцию.

Других символических напоминаний о событиях 1918 года в контексте белорусского национализма в пространстве города практически нет, хотя сохранился ряд зданий — объектов, связанных с провозглашением БНР. Актуализация этой памяти в Минске еще ждет своего времени, но существуют инициативы, которые способствуют сохранению этой памяти: в частности, проводятся неформальные экскурсии, посвященные «адресам БНР»⁵⁹.

К. Маркса в Минске // Сообщение Naviny.by 30.03.2008. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2008/03/30/ic_news_116_288405/print/ Сайт проекта: <http://www.gybasos.org/about/>

⁵⁹ Адреса БНР: экскурсия по Минску // Сообщение газеты «Наша нива» 23.03.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=106966&lang=ru>

*Иллюстрация 8. — Коллаж с изображением деятелей БНР и здания, связанного с ее историей, нынешней «Чебуречной»
(Режим доступа: <http://journalby.com/>)*

Обвинения режима Лукашенко в «антинациональном» характере создали контекст и для повышенной чувствительности к действиям, связанным с мемориальными объектами, имеющими отношение к национальной культуре. Так в 2008 году была организована акция протеста против переноса в Минске с санкции президента памятника классику белорусской литературы начала XX века, поэту Максиму Богдановичу. Организаторы акции, в том числе представители БНФ, протестовали против «оскорбления памяти великого белорусского поэта» и «нарушения архитектурного ансамбля», также указывая, что рядом с памятником проходили многочисленные акции протеста 1990-х⁶⁰. Памятник был перенесен на новое место, но не слишком далеко от старого места.

Имя еще одного деятеля белорусской литературы советской и постсоветской эпохи, писателя Василя Быкова, давно является символом проблем с политикой памяти в белорусском контексте. Умерший в 2003

---

⁶⁰ В Минске прошла акция против переноса памятника Максиму Богдановичу // Сообщение TUT.by 29.04.2008. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/culture/108114.html>

году Быков был участником Второй мировой войны и одним из самых известных белорусских советских писателей, в период перестройки он активно включился в политические процессы и участвовал в создании БНФ, а затем, после 1994 года, стал одним из критиков режима Лукашенко, и на некоторое время покидал страну. Его похороны в Минске в 2003 году превратились в многочисленную манифестацию. После его смерти неоднократно поднимался вопрос о памятнике Быкову или появлении улицы, названной в его честь. В 2010–2014 году в Минске собрали 100 000 подписей под обращением о названии улицы в честь Василя Быкова⁶¹, когда отмечался 90-летний юбилей со дня его рождения. Но решение о названии улицы и установке памятника в Минске до сих пор не принято.

Полемика вокруг мемориализации имени Василя Быкова интересна еще и тем, что в ней поднимаются сразу несколько вопросов: о характере политизации памяти, и о месте и смысле «национального» в советском прошлом и постсоветском настоящем Беларуси. Официальные идеологи режима Александра Лукашенко, при разговоре о Быкове, призывают не «политизировать» его имя и «не приватизировать память» о нем, упрекая в этом представителей оппозиционных политических сил⁶². Этот идеологический призыв сосредоточиться на таланте писателя, а не на «второстепенной политике», выглядит логической подменой — нам предлагают не историзацию деятельности и творчества Быкова, а отказ от актуализации «политического» вообще. И это одна из типичных стратегий официальной политики памяти — нейтрализация всех политических смыслов памяти. Именно так литература и деятельность Быкова лишается и своего «национального» (в том числе и политического) содержания: Быков был «советским» больше, чем «белорусским», не был диссидентом и так далее.

Интересно и то, что проблема совмещения «советского» и «национального» нарративов в Беларуси в контексте мемориализации деятельности Василя Быкова, пока что не решаема и для противников политического режима и является одной из самых острых проблем для понимания динамики коллективной памяти и интерпретации белорусской истории. Мы не только затрудняемся внятно высказаться о «советском» и «национальном» в случае споров о мемориализации имени Василя Быкова, но и в случае обсуждения вопросов, связанных с динамикой

---

⁶¹ Минчане собрали 100 тысяч подписей за улицу Быкова // Сообщение TUT.by 28.08.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/413121.html>

⁶² Наш Быков // Блог Вадима Гигина на сайте «БЕЛТА» 19.06.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://blog.belta.by/?p=2451>

постсоветской памяти о Второй мировой войне в Беларуси, о советском наследии эпохи Машерова и других вопросах.

В топонимике города после распада СССР появились улицы, названия которых ассоциируются с наиболее общими представлениями о том, что такое «белорусскость» и «национальная история», однако большинство этих улиц находится на периферии городского пространства, что, с одной стороны, является результатом действия официальной политики памяти, с другой стороны, демонстрирует постепенное расширение возможностей городских сообществ так или иначе влиять на эту политику. При этом новые названия сочетают в себе отсылки к советской, досоветской и постсоветской истории, которые еще до конца не отрефлексированы, и минские краеведы обращают внимание на сохранение политических функций топонимике и специфической политики памяти в пространстве Минска, родом «из 1917 года»⁶³.

В 2014 году были созданы виртуальные карты двух минских некрополей — Кальварийского кладбища и Восточного кладбища, с обозначением могил белорусов, «посвятивших жизнь белорусскому делу, культуре и языку»⁶⁴. В перечне фамилий можно увидеть людей, чья деятельность связана с досоветским, советским и постсоветским периодом белорусской истории и истории Минска. Их объединяет предложенная создателями рамка «белорусскости», которая должна нивелировать существующие противоречия в интерпретациях перечисленных периодов истории.

«Места памяти» о Холокосте

В период Второй мировой войны в Минске было уничтожено до 100 000 белорусских евреев и евреев, депортированных на территорию Беларуси из стран Европы. Трагедия Минского гетто и лагеря смерти Тростенец, созданного в окрестностях Минска, до сих пор являются предметом для исследования не только белорусских историков. После Второй мировой войны память о Холокосте в СССР нивелировалась, а еврейская идентичность жертв исчезала в официальном конструкте памяти об уничтоженных «мирных советских гражданах». После 1991 года началось возвращение памяти о Холокосте, в том числе благодаря

---

⁶³ Вячеслав Бондаренко. Минская топонимика за двести лет: тенденции, загадки, парадоксы // Туризм и отдых 04.12.2008. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.tio.by/newspaper/1628>

⁶⁴ 80 пахаваньяў выбітных беларусаў, якія варта наведаць на Дзяды (+ мапа Кальварыйскіх і Ўсходніх могілак) // Радио «Свобода» 01.11.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.svaboda.org/content/article/26669413.html>

активности зарубежных еврейских организаций и минской общины, но этот процесс идет достаточно медленно и сталкивается с рядом трудностей, одна из которых — совмещение этноцентричного нарратива о страданиях белорусов и евреев и разного исторического опыта переживания войны.

*Иллюстрация 9. — Мемориал на месте расстрелов евреев — «Яма»
(Режим доступа: <http://place.by/>)*

Одна из интересных особенностей Минска — существование и в советскую эпоху памятного знака, поставленного в честь жертв Холокоста в 1947 году на месте массового убийства евреев, «Ямы». На знаке указывалось этническое происхождение жертв и была надпись на «запрещенном еврейском языке», что уже придавало знаку «антисоветские» смыслы: в советский период памятник был местом для поминовения жертв и открытой демонстрации еврейской идентичности тех, кто к нему приходил⁶⁵. В 2000 году был открыт новый мемориал «Памятник жертвам холокоста Минского гетто», в центре которого композиция «Последний путь», показывающая 27 «фигур-теней, которые идут на расстрел», а

⁶⁵ Черный обелиск, или История об антисоветском памятнике // Блог «Твоя столица» 13.11.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.t-s.by/blog/2013/11/chernyj-obelisk-ili-istoriya-ob-antisovetskom-pamyatnike/>

перед памятником разбит парк «Праведников мира» в честь белорусских граждан, спасавших евреев⁶⁶.

В 2008 году был открыт памятник на месте бывшего еврейского кладбища жертвам Минского гетто «Разбитый очаг»: «Мемориал, созданный архитектором Леонидом Левиным и скульптором Максимом Петрулем, олицетворяет образ разрушенного дома. На квадратном постаменте из красного гранита — символическом фундаменте дома — установлены изломанный бронзовый круглый стол и венское кресло», что символически отсылает к нарушенному миру — “за этим столом когда-то собиралась семья. После нацистского погрома дома нет, убита семья”⁶⁷.

*Иллюстрация 10. — Мемориал «Разбитый очаг»
(Режим доступа: <http://minsk-old-new.com/>)*

---

⁶⁶ Черный обелиск. К истории создания Мемориала на Минской Яме // Уроки Холокоста. Электронный ресурс, режим доступа: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/uh/uh010504.shtml>

⁶⁷ Памятник жертвам нацизма в гетто // Минск старый и новый. Электронный ресурс, режим доступа: <http://minsk-old-new.com/minsk-3219-ru.htm>

Новые памятные знаки Холокоста стали символом изменения подходов к мемориальной эстетике: вместо традиций советского монументализма мемориализации памяти о Второй мировой войне, увековечивающих абстрактный образ жертв и «советского народа», предлагаются образы, отсылающие к частным трагедиям и образам конкретной группы жертв. Однако, до сих пор в Минске нет музея, посвященного событиям Холокоста, за исключением Музея истории культуры евреев, являющегося инициативой еврейских организаций.

«Места памяти» постсоветских травм: трагедия на Немиге и взрыв в минском метро

30 мая 1999 года в массовой давке в подземном переходе станции метро «Немига» в Минске погибло 53 человека, большинство из которых — молодежь 14–20 лет. Трагедия произошла в ходе праздника пива и концерта одной из музыкальных групп: сильный дождь заставил горожан искать укрытие, но станцию метро перекрыли, что привело к давке и панике. На месте гибели минской молодежи возник стихийный мемориал в вестибюле станции метро, который был убран, а рядом со станцией поставили в 2002 году мемориальный знак, представляющий собой разбросанные на ступенях лепестки цветов, символизирующие погибших, с надписью на белорусском языке «53 рубца на сердце Беларуси. 30 мая 1999 года» и цитатой из Евангелия от Иоанна «Я есмь воскресение и жизнь. Верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек». Знак завершается православным крестом.

Трагедия привела к появлению уголовного дела, но оно в дальнейшем было прекращено, а родственникам выплатили компенсации. Однако само наличие мемориала в городе не привело к проведению регулярных официальных мероприятий, связанных с трагедией, о которой пишут в основном в СМИ, в связи с очередной годовщиной событий. Отсутствие мемориальных практик⁶⁸ может быть объяснено тем, что ответственность за трагедию лежит на городских властях и государстве, не желающем укреплять негативный образ власти, сформировавшийся в ходе этой трагедии.

---

⁶⁸ 10 лет трагедии на Немиге // Комсомольская правда 30.05.2009. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.kp.by/daily/24302/496266/>

Иллюстрация 11. — мемориал трагедии на Немиге
(Режим доступа: <http://Interfax.by/>)

11 апреля 2011 года погибло 15 человек после террористического акта на центральной станции «Октябрьская» минского метро. Эти события привели к одной из самых острых дискуссий в публичном пространстве Беларуси: речь шла о разрушении образа «стабильности», созданного пропагандой политического режима и об ответственности властей за случившееся. Судебный процесс над двумя обвиняемым в террористическом акте, Дмитрием Коноваловым и Владиславом Ковалевым, приговоренными к смертной казни, также вызвал множество вопросов о прозрачности судебной системы Беларуси, границах ее ангажированности и применении смертной казни, с практиками отсутствия информирования родственников приговоренных о дате смерти и запрета на выдачу тел. В марте 2012 года смертные приговоры, несмотря на активные протесты родственников Владислава Ковалева, были приведены в исполнение.

В начале 2012 года было принято решение на месте трагедии заменить временную мемориальную доску скульптурной композицией «Река памяти». Ее создатель, Константин Селиханов, предложил «сделать

проект, который был бы наиболее щадящим по отношению к родственникам погибших», он решил «сознательно уйти в этой работе от слов «взрыв», «теракт» и прочих вещей, которые могут ранить». По словам автора, «решение этого памятника пришло ко мне сразу, в одно мгновение. Я постарался сделать его спокойным, мягким, плавным, эстетически привлекательным, избегая чрезмерного драматизма. Кроме того, сознательно не использовал никаких дополнительных символов: цветы, свечи, кресты... Дело в том, что объект будет расположен в общественно-активной зоне: там каждый день ходят люди — из метро, в метро, — поэтому идея памятника должна быть максимально лаконичной и не нарушать состояния городской среды»⁶⁹.

*Иллюстрация 12. — Мемориал «Река памяти»
(Режим доступа: <http://bnp.by/>)*

Предложенная Константином Селихановым концепция «терапевтического памятника» является компромиссом и входит в противоречие с сегодняшними тенденциями, когда «памятник нужен не как рубец на месте бывлой травмы, успокаивающий зрителей и выполняющий работу

⁶⁹ У входа на станцию метро «Октябрьская» установят «Реку памяти» // Сообщение Naviny.by 27.01.2012. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/gubrics/auto/2012/01/27/ic_news_116_385674/print/

памяти за него, но как открытая кровоточащая рана. А зритель должен быть не пассивным, но вовлеченным в проект, рассерженным, но не равнодушным. Памятник, тем самым, должен работать как триггер общественных дискуссий, которые... никогда не должны прекращаться»⁷⁰. На месте трагедии, после установки мемориального знака, также не проводится никаких регулярных официальных мероприятий.

Забывые «места памяти»?

Память о Первой мировой войне в Беларуси всегда находилась в тени памяти о Второй мировой войне, несмотря на то, что, начиная с осени 1915 года, часть боевых действий происходила на территории западных губерний Российской империи (включая территорию современной Беларуси). В советской историографии Первая мировая война была лишь фоном для центрального события начала XX века — Октябрьской революции. Нарратив о Первой мировой войне, сложившийся в советской историографии, до сих оказывает свое влияние на репрезентации памяти о ней в Беларуси: война рассматривается в качестве события, приведшего к «обострению классово-борьбы», и только в последнее время о ней заговорили, делая акцент на идее нациостроительства и последствиях распада континентальных империй для Беларуси и региона⁷¹. Актуализация памяти о Первой мировой войне произошла в 2014 году, в год столетия после ее начала. В этом же году в Беларуси появился «первый масштабный мемориал героям столетней давности» в Сморгони⁷².

На старейшем кладбище Минска, Кальварийском кладбище, имеются захоронения участников Первой мировой войны. Также эти захоронения находились в большом количестве (более пяти тысяч солдат Российской армии и беженцев, умерших в Минске) на территории Братского военного кладбища в районе Сторожевского рынка. В 1998 году кладбище получило статус «историко-культурной ценности», но в 2002 году, в ходе прокладки инженерных коммуникаций, часть захоронений была уничтожена, а работы прекращены в результате протестов общественности, в

---

⁷⁰ «Круглый стол» и открытая дискуссия «Коллективная память в городском пространстве». Электронный ресурс, режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/a44.html>

⁷¹ Текст к выставочному проекту о Первой мировой войне в Национальной библиотеке Беларуси. Электронный ресурс, режим доступа: <http://www.nlb.by/portal/page/portal/index/content?lang=ru&classId=C7B627B8BE5641A9A7A6BF533207A63C>

⁷² В Сморгони открыт мемориал героям Первой мировой войны // Сайт «Белорусского союза суворовцев и кадет» 16.08.2014. Электронный ресурс, режим доступа: <http://belkadet.by/?p=10293>

том числе историка Владимира Богданова, в 2008 году ситуация повторилась, хотя речь шла о работах по «благоустройству кладбища»⁷³.

Мемориализация памяти жертв коммунистических репрессий до сих пор является предметом для споров в Беларуси, и об этом свидетельствует не только описанная в первой части текста незавершенная история мемориала в Куропатах. В рамках официальной политики памяти произошло вытеснение этой темы из публичного дискурса⁷⁴, но существуют частные и общественные инициативы, направленные на актуализацию этой темы. В 2006–2010 году проводились мемориальные акции «памяти жертв сталинизма», приуроченные к годовщине расстрела в ночь с 29 на 30 октября 1937 года в Минске более 100 представителей белорусской интеллигенции. Акции были инициированы представителями БНФ, Радой белорусской интеллигенции и обществом «Мемориал»⁷⁵. В 2013–2014 годах было издано два тома результатов работы минского краеведа и писателя Леонида Морякова «Галоўная вуліца Мінска (1880–1940 гг.) («Главная улица Минска»), в которых описывается судьба репрессированных жителей улицы Советской (сегодня проспекта Независимости)⁷⁶.

Интерес к межвоенному периоду истории Минска, досоветскому периоду, к истории поликультурной и поликонфессиональной городской среды проявляется и в таких общественных инициативах, как организация в Минске свободных экскурсий в рамках «Феста экскурсоводов» по тематике «Минск еврейский», «Минск татарский», «Минское гетто» и др. Тематика предлагаемых экскурсий отсылает к образу «европейского» Минска в советский период, к историческим травмам и советскому наследию, к индивидуализации памяти о городской истории⁷⁷.

⁷³ Главный архитектор Минска извинился за нарушения во время работ на военном кладбище // Сообщение TUT.by 29.09.2008. Электронный ресурс, режим доступа: <http://news.tut.by/society/120304.html>

⁷⁴ Более подробно об этой теме см. статью Алексей Браточкина Генезис, основные проблемы и европейское измерение “исторической политики” в Беларуси // Пути европеизации Беларуси: между политикой и конструированием идентичности (1991–2010). Под редакцией О. Шпараги. — Минск: И.П. Логвинов, 2011, 278 с., — С. 155–198.

⁷⁵ В Минске состоялась акция памяти жертв сталинизма // Сообщение Open.by 30.10.2010. Электронный ресурс, режим доступа: <http://pda.news.open.by/country/39424>

⁷⁶ Почему было опасно жить на главной улице Минска? // Сообщение citydog.by 26.03.2013. Электронный ресурс, режим доступа: <http://citydog.by/post/glavnaya-ulica-minska/>

⁷⁷ Тематика экскурсий на сайте «Феста экскурсоводов». Электронный ресурс, режим доступа: <http://archeomuseum.com/projekty-2/ohrana-pamjatnokov-archeologii/fest-minsk/>

Чернобыльская авария 1986 года также является сегодня в Беларуси событием, не включенным в календарь официальных коммеморативных практик. В 2011 году был снят с проката в Минске фильм Александра Миндадзе «В субботу», посвященный аварии на ЧАЭС⁷⁸, а на прошедшей в 2011 году в Минске, в Национальном историческом музее, выставке, посвященной 25-летию аварии на ЧАЭС, была показана картина успешного преодоления последствий аварии в Беларуси, хотя социальные льготы «чернобыльцам» к тому времени были значительно урезаны⁷⁹. Минск, тем не менее, был местом, куда переселяли людей с зараженных территорий, и чья память также нуждается в репрезентации. В 1991 году, в пятую годовщину аварии, в Минске был заложен памятный камень и начато строительство храма-памятника жертвам Чернобыля, который и стал выполнять функцию «места памяти». Начиная с 1990-х гг. в Минске ежегодно проводится политическая акция «Чернобыльский путь», на которую дают разрешение городские власти, и которую пытаются использовать в своих интересах политические организации.

Динамика политики памяти в пространстве Минска и возможности для ее демократизации

Подводя итоги описания политики памяти в пространстве Минска после распада СССР, можно выделить три ее периода:

1) **Конец 1980–1994 гг.** — после распада СССР политика памяти в городском пространстве Минска начала приобретать демократический характер, на нее могли активно влиять разные акторы, не только белорусское государство. В этот период политика памяти находилась под влиянием практик «идеологической деколонизации» («освобождения памяти после коммунизма»)⁸⁰, характерных для многих постсоветских обществ, когда произошла эмансипация памяти разных социальных групп («сообществ памяти»). Доминирующей практикой в этот период стали переименования минской топонимики в контексте «возвращения национальной истории», попытки мемориализации памяти жертв сталинизма,

---

⁷⁸ Правообладатели фильма «В субботу» не запрещали прокат картины // Сообщение Naviny.by 16.03.2011. Электронный ресурс, режим доступа: http://naviny.by/gubrics/culture/2011/3/16/ic_articles_117_172856/

⁷⁹ «Огосударствленный» Чернобыль // Новая Европа 26.04.2011. Электронный ресурс, режим доступа: http://n-europe.eu/columns/2011/04/26/ogosudarstvlennyi_chernobyl

⁸⁰ Понятие «идеологической деколонизации» в статье Пьера Нора Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас № 2-3 (40-41). Электронный ресурс, режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>

памяти о Чернобыльской аварии и войне в Афганистане. Мемориальная эстетика отсылала к советским традициям, но включала уже открыто и христианскую символику.

2) **1994–2003 гг.** — в результате смены политического режима в Беларуси демократизация политики памяти была остановлена, она превратилась в дискурс власти. Мемориальная культура, сложившаяся в советский период, была законсервирована в пространстве Минска, и на политику памяти практически минимально могли влиять другие акторы. В то же время начались попытки совместить в публичном пространстве советскую мемориальную культуру с ритуалами, связанными с «независимостью» и новым политическим режимом. Мемориализация памяти жертв коммунистических репрессий не была завершена, а памятники, связанные с проблемными зонами советской истории (мемориал воинам-афганцам, постройка храма-памятника жертвам Чернобыля) включаются в официальный дискурс, и их значение «нейтрализуется» при помощи контроля над интерпретациями советской истории и истории этих событий.

Советское прошлое становится основным символическим ресурсом для официальной политики памяти. Мемориальные практики, связанные с памятью о Второй мировой войне, ориентированы на легитимацию нового политического режима и включают в себя частично модифицированный советский нарратив о «Великой Отечественной войне». Появление такой комбинации было обусловлено и политическими отношениями с соседней Россией, основанными на идеализации и политической эксплуатации «общего прошлого».

Меняется постепенно и художественный язык репрезентаций памяти. Правда, использование универсальной христианской символики для репрезентаций памяти, в контексте особых отношений Православной церкви и белорусского государства, становится еще одним способом нейтрализации политически «опасных» значений мемориальных объектов. В этот период, тем не менее, начинается мемориализация памяти о Холокосте, в ходе которой появляется альтернатива советской мемориальной эстетике.

Период 1994–2003 гг. был периодом политических конфликтов в Беларуси, в контексте которых политика памяти рассматривалась в терминах «раскола» и «конфликта» между приверженцами «национальной» и «ненациональной» версий памяти, истории и идентичности. Стратегии противостояния официальной политике памяти также носили, в основном, политический характер, и были связаны с деятельностью политических акторов.

3) **2003–2015 гг.** — период перемен в символическом и материальном ландшафте Минска, связанных с завершением процесса консолидации белорусского авторитаризма. Советское прошлое перестает быть основным символическим ресурсом, главной задачей становится увековечивание в пространстве Минска новейшей истории белорусского авторитаризма, в топонимике и в виде «квазимемориальных» объектов. Основными факторами, оказывающими влияние на трансформацию символического и материального ландшафта Минска становятся не только политические представления власти, но и маркетизация постсоциалистической белорусской экономики и развитие «индустрии наследия». В результате действия этих факторов началось разрушение «советского» Минска, прежде всего его центральной части, возник феномен «псевдоисторической застройки». В этот период также «стираются» постепенно из городского пространства следы памяти протестных движений и нонконформизма 1990-х гг., но появляются неофициальные «места памяти», связанные с протестами середины-второй половины 2000-х гг.

Конфликтная схема политики памяти «национальное» vs. «ненациональное» дополняется «европейским» измерением, и начинается борьба за право определять содержание понятия «европейского Минска» и репрезентаций этого понятия в городском пространстве. Власть пытается использовать образы «европейского Минска», проводя Чемпионат мира по хоккею в 2014 году и создавая объекты для разных видов потребления в пространстве города. Одновременно, конструирование образа «европейского Минска» дополняется созданием его исторических маркеров (знака Магдебургского права и т. д.). К вытесненным из официальной памяти темам Чернобыльской катастрофы, войны в Афганистане, памяти о жертвах коммунистических репрессий добавляется память о постсоветских травмах города (трагедии на Немиге и т. д.), это вытеснение осуществляется при помощи контроля над внешним видом мемориальных объектов и интерпретациями истории этих событий.

Произошел, как можно предположить, окончательный отказ от советских монументальных форм мемориальных объектов, но появившиеся в городе новые объекты отличаются однообразием в том, что они ориентированы на политическую «нейтральность» их значений.

В деконструкции официальной политики памяти стали больше принимать участие акторы, не принадлежащие к политическим силам и использующие новые виды стратегий, включая использование дигитальных технологий картографирования «мест памяти» города и истории его жителей в блогах, социальных сетях, СМИ, на сайтах городских проектов. Одна из характерных черт периода — интерес к истории повседневности Минска в разные исторические эпохи и интерес к поликультурной и

поликонфессиональной истории города, к ее индивидуальному измерению. Можно говорить о появлении «виртуального» образа Минска, отличающегося от официального образа, в создании которого у горожан почти нет возможностей для участия. Часть общественных инициатив носит «оффлайнный» характер.

* * *

Пространство Минска сегодня насыщается новыми мемориальными знаками прошлой и современной истории, но асинхронность и отсутствие механизмов согласования разных версий коллективной и индивидуальной памяти в пространстве города создает не упорядоченную картину «множественности памятей», а увеличивает ощущение эклектики в восприятии истории города. Официальная политика памяти, ориентированная на исключение или искажение памяти о ряде исторических событий и травм, а также институциональная слабость гражданского общества и городских неформальных инициатив создают неблагоприятные условия для дальнейшей динамики коллективной памяти и ее репрезентаций в пространстве Минска. Еще один негативный аспект заключается в разобщенности «сообществ памяти», так как практически ни одна инициатива в Минске не была реализована при участии всех этих разных сообществ.

Дефрагментация коллективной памяти, начавшаяся после распада СССР, с одной стороны, является защитой от попыток навязывания новых «единых» версий памяти и идентичности⁸¹, с другой стороны, процесс дефрагментации памяти развивается по своей логике, не предполагающей демократический горизонтальный диалог о ее проблемах. Возможность такого диалога зависит не только от политики существующего режима, но и от возможностей гражданского общества переосмыслить содержание категорий «национального», «европейского», «транснационального», определяющих рамки для исследований и репрезентаций памяти и истории в городском пространстве. Выход за рамки уже сложившихся интерпретаций локальной истории, придание иных значений «местам памяти» города открывает новую перспективу. И также важным условием является согласие разных «сообществ памяти» на такой диалог и такую рефлексию.

---

⁸¹ *Сергей Ушакин*. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас № 6(80), 2011 Электронный ресурс, режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u3-pr.html>

Alexey Bratochkin

**The Politics of Memory in Minsk Urban Space:
Between Oblivion and the Notion of 'Multiplicity
of Memory'**

After more than 20 years have passed since the collapse of the USSR, we're witnessing the accelerating rates of transformations of the 'Soviet' Minsk, now the capital of the independent Republic of Belarus.

This article elaborates the extent on which politics of memory in Minsk urban space could be viewed as democratic and oriented on social inclusion and critical reflection about the past, but not excluding historical events, trauma and collective memory of certain social groups. Diverse communities choose different strategies for asserting their rights on historical memory within the urban space, involving means of digital technologies. Meanwhile articulation and synchronisation of this various narratives of memory still remain to be the central issue under the authoritarian regime.

Чи можливий «міський поворот» в українській історіографії? Або, Чого нас може навчити західна історіографія Першої світової війни та місто Київ

У своєму нещодавньому есеї «Поиски неиспользованных возможностей» Володимир Маслійчук розмірковує про ймовірні зміни в історичній науці, появу нових тем і підходів до вивчення минулого східно-європейського простору XVIII–XIX століть. Серед іншого, він зображує контекст власного дослідження, десь скептично, а десь обнадійливо. Зокрема, зазначає: «Я знаю, что многие факты, о которых я пишу, общество не примет, так как они не соответствуют “правильному” историческому канону. Отчасти в качестве реакции я возвращаюсь к нарративу и повествованию в духе позитивистских историков (с огромной доказательной базой, кругом источников и таблицами), разделяя предубеждения против теорий социального конструирования и всемогущества дискурса власти»¹. Своєю чергою, появу нових тем вбачає в наступному: «Мне кажется, что текущие украинские события способствуют новой актуальности изучения истории эмансипационных движений»². Спираючись на реалії політичної дійсності після 2014 р., автор прогнозує «сплеск міської історії», адже пережиті нещодавні події показали важливість міста як «центру революційних змін» (до слова, Париж вказав на подібні залежності вже наприкінці XVIII ст.). «Мне кажется, — пише Маслійчук, — что большие изменения произойдут в изучении формирования города (в его современном понимании) и городской жизни. В украинском национальном видении истории главную роль по понятным причинам играет изучение сельского быта и сельского населения. Однако уже в конце XVIII — начале XIX в. — один из наименее изученных в национальной историографии периодов — можно наблюдать возникновение начал городской модерности: экономического и административного доминирования городов, городской многокультурности и характерного для городов дисциплинарного контекста (правительственные и общественные заведения, правильная архитектура, планирование городской застройки и проч.). Наконец, очень слабо исследовано значение торгового капитала и

---

¹ Маслійчук В. Поиски неиспользованных возможностей // *Ab Imperio*. — № 1. — 2015. — С. 515.

² Там само. — С. 515.

купеческих корпораций, образовательных реформ и университетов в развитии центров городской культуры»³.

Погоджуючись з позитивним прогнозом Маслійчука стосовно розвитку історичної урбаністики, я би обґрунтовувала тезу спираючись на реалії не політичні, а історіографічні — насамперед західні, але також і українські. Разом з тим ймовірність такого «міського повороту» в українській історичній науці є фактом непевним і залежним від насправді одного чинника: кількості істориків, які як і Маслійчук або авторка цих рядків, можуть сказати про себе: «робота з архівними джерелами приносить мені задоволення», тобто тих, хто готовий повернутися до «оповідання в дусі позитивістських істориків». Надто багато тем, не вмістило прокрустове ложе національного наративу, без яких ми сьогодні не в стані пояснити все те, що відбулося з українськими теренами і населенням, яке їх населяє, протягом останніх двох століть. А тому потрібно їх «відкривати» заново. Заповнення цих прогалів завдяки дослідженню міста може бути найбільш ефективним способом.

Нижче я спробую показати шляхи, якими може піти українська історична урбаністика, якщо врахує здобутки західної історіографії Першої світової війни⁴. По суті, тут йдеться і про мій дослідницький досвід, адже вивчаючи соціальну історію Києва часів війни і революції (1914–1918), я віднаходжу в матеріалах ті доріжки, якими уже пройшли на своєму матеріалі західні дослідники.

«Урбанізація» досліджень Першої світової війни

Науковий доробок про Першу світову війну незабаром нараховуватиме власну сторічну історію. І ця історія, по суті, є віддзеркаленням стану історичної науки загалом, її блукань, пошуків нових тем, інтерпретацій, пропозицій підходів, винайденням нових напрямків, переосмисленням пройденого шляху тощо. Що прикметно, західні колеги не чекали появи сторічного ювілею, а ще в середині минулого десятиліття проаналізували загальний доробок. На відміну від них, українські історики таки дочекалися столітнього ювілею для осмислення власних здобутків у

³ Там само. — С. 517.

⁴ Метою цієї статті є вказати на деякі дискусії та напрямки розвитку західної історіографії, а не подати ґрунтовний і всебічний аналіз існуючих на сьогодні досліджень Першої світової війни. Водночас цей текст є продовженням моїх тез, викладених в статті «Історик на позовах із простором, або чи можлива синхронізована історія» (УГО, 2012 — <http://m.krytyka.com/ua/articles/istoryk-na-pozovakh-iz-prostorom-abo-chy-mozhlyva-synkhronizovana-istoriya>). В обох текстах я виходжу із твердження, що “history takes place”, і що завданням і викликом для історика є знайти спосіб, як таку історію описати.

вивченні проблематики першої із великих воєн ХХ ст., про що буде нижче.

Навряд чи буде перебільшенням сказати, що чи не найбільше для вивчення історіографії, комемораційних практик, контексту та впливу Першої світової війни на ХХ та й уже ХХІ століття зробив на сьогодні американський дослідник Джей Вінтер (Jay Winter)⁵. Про те, як можна врахувати запропоновані ним підходи при написанні підручників з історії України влучно написала Оксана Дудко⁶. Я ж зупинюся тут більше на одній з книжок Вінтера, написаній ним спільно з французьким істориком Антуаном Про (Antoine Prost) і опублікованій у 2005 р. — “The Great War in History. Debates and Controversies, 1914 to the Present”. По суті, ця книжка про всіх тих, хто торкнувся теми Першої світової війни в своїх вербальних чи візуальних текстах — істориків, письменників, митців, режисерів тощо, а також про пошук спільної мови, якою можна донести проблематику війни до вихідців з різних країн, а відтак і носіїв різних історіографічних та комемораційних традицій і досвідів.

Ця книжка багата смислами, які стосуються історії як дисципліни та історика як одного з посередників, який передає знання про минуле сучасним поколінням і не має монополії над цим минулим. «Війна 1914–1918 нікому не належить, навіть історикам», — починають свій вступ автори⁷. Однак історики, як ми бачимо і в наведених вище цитатах з тексту Володимира Маслійчука, в своїх дослідженнях належать до події і контекстів, в яких пишуть свої дослідження. Так було й з вивченням Великої війни. Перші два напрямки в рамках яких воно розвивалося — це воєнна (історія битв) та дипломатична історія (історія дипломатичних контактів), коли історики також були колишніми акторами подій. Збирання та «правильне» тлумачення документів, поява перших еґо-документів від «свідків» та «учасників», спроба пояснити причини війни, боротьба зі штампом «винуватці війни», — все це створювало поле великої кількості інтерпретаторів, на якому професійні історики вряди-годи поступалися внаслідок слабкості університетських інституцій та своєї малої кількості. На відміну від Франції, де вивчення Першої світової

---

⁵ Деякі з книжок Вінтера були опубліковані в рамках книжкової серії, присвяченої «Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare», запровадженої Cambridge University Press. Детальніше про доробок історика див.: <http://history.yale.edu/people/jay-winter>. Про книжки, видані в рамках згаданої серії див.: <http://www.cambridge.org/lu/academic/subjects/history/twentieth-century-european-history/series/studies-social-and-cultural-history-modern-warfare>

⁶ Див. статтю Оксани Дудко в цьому збірнику — С. 101–112.

⁷ Winter J., Prost A. *The Great War in History. Debates and Controversies, 1914 to the Present*. — Cambridge: Cambridge university press, 2005. — P. 1.

війни перебувало, по суті, під впливом однієї людини — професора П'єра Ренувена — до середини 1960-х, історичні кола Франції та Німеччини не винайшли домінуючого наративу про події нещодавнього минулого⁸.

Розмірковуючи про особливості текстів, запропонованих істориками т.зв. першого покоління, Вінтер і Про звертають увагу на цілком слушне і в багатьох аспектах актуальне для України сьогодні питання — «наскільки особисто віддаленим від події, про яку пише, має бути історик»⁹? Або переінакшуючи запитаю: хто насправді творить перший наратив про подію? Якщо у випадку Франції домінуючим голосом став голос учасника подій та історика — Ренувена, ціною стихених або й вичищених голосів інших учасників війни, то звертаючись до сучасних українських реалій, які, як бачимо, невідступно накладаються на мислення українських істориків сьогодні (і я тут не становлю виняток) — запитаю, хто визначатиме наратив Майдану та війни на Сході країни? Адже те, що ми бачимо сьогодні — це репортажі журналістів та художні твори, інтерв'ю з учасниками подій та спогади свідків подій, які забезпечують відповідну поліфонію поглядів, якої поки що не торкнулася рука професійних істориків. Яюсь-то під час однієї з лекцій я запитала студентів Києво-Могилянської академії про те, коли історик має взятися за наратив про події нещодавнього минулого, відповідь радше була традиційною — має пройти час, щоб за допомогою архівних матеріалів... Годі казати, що подібне ставлення до вивчення насправді карколомних історичних подій, і є причиною того, що з часом історик не тільки запізнюється з ґрунтовними дослідженнями, але й змушений боротися з уже закоренілими стереотипами, «правильними» історичними канонами і дискурсами.

Голоси пересічних громадян заговорили в текстах західних істориків у 1960-тих. Не останню роль тут відіграв розвиток університетів і збільшення кількості студентів на історичних факультетах, а відтак і кількості майбутніх професійних істориків. Покоління цих дослідників вивчало Першу світову війну уже в рамках соціальної історії. Їхній доробок Вінтер і Про зараховують відповідно до другого етапу досліджень. Переосмисленню підходів та увазі до «історії знизу» сприяли також пережиті Друга світова війна та подальші війни, зокрема Алжирська у випадку французів. Водночас відзначається чинник ветеранів Першої світової війни, людей уже літнього віку, яким належало бути почутими. Окрім того на середину 1960-х припадає перша гучна річниця початку війни. Вона стає каталізатором для освоєння нового конкурентного для висвітлення минулого засобу донесення інформації — телебачення.

⁸ *Winter J., Prost A. Ibid.*, p. 10.

⁹ *Ibid.*, p. 15.

Новостворений канал BBC2 тепер пропонує свій варіант історії Першої світової війни — офіційний наратив супроводжується візуальним матеріалом, який якраз розкриває історію «знизу». Відгук глядачів був відповідний — історія повинна зосереджуватися на солдатському досвіді війни. Перша світова війна також з'явилася на телеекранах у Франції. Передача була підготовлена Марком Ферро (Marc Ferro). Наратив рясно супроводжувався візуальним рядом, представленим оригінальними кадрами з кіноархівів, зробленими під час війни світлинами¹⁰.

Отже, тексти, написані в рамках другого етапу досліджень війни, враховували як пошкваллення суспільного інтересу до подій, так і збільшення кола документів, які з часом ставали доступними, насамперед в архівах. Окрім того, зосередженню на соціальній історії сприяла популярність марксистської парадигми — пояснювати «політичне через соціальне, а соціальне через економічне», яка визначала інтелектуальний дискурс 1960–1970-х років.

Цікавий цей період також спробами переосмислити дипломатичну історію, змістивши акценти з винуватців на пояснення причин війни (особливо в німецькій історіографії), а також воєнній історії, де поряд з битвами починають помічати і солдат, пресу та підручники, громадську думку і мотивацію учасників.

Наступний, третій етап досліджень, був пов'язаний уже не тільки з соціальною, але також з культурною історією. Новий підхід було використано Вінтером у 1988 р. Пишучи розлогу синтезу про війну для ширшого загалу, він поруч з розділами про «війну політиків», «війну генералів», «війну солдат», «війну цивільних» умістив також розділ про пам'ять про війну в художніх та візуальних текстах — літературі, мистецтві та кінематографі¹¹. В рамках культурної історії починають пояснювати осмислення війни та її наслідків у новому комплексі текстів і через нових авторів, роблячи істориків одними і далеко не головними інтерпретаторами подій минулого. Важливою стає пам'ять про подію, те, що люди відчували, а не тільки досвідчували в побуті. Саме тому важливими для дослідження стають культурні репрезентації минулого. Відтак культура, на відміну від рішень окремих персоналій та соціальних груп і класів, розглядається як рушійна сила історії в рамках такого підходу.

Так коротко можна викласти зміст першого розділу книжки Джея Вінтера і Антуана Про, щоб окреслити нехай і схематично основні риси західної історіографії Першої світової війни. Подальші розділи присвя-

¹⁰ Winter J., Prost A. Ibid., p. 20.

¹¹ Ibid., p. 26.

чені детальніше кожному з окреслених напрямків, в яких показано взаємовпливи різних історіографічних традицій і підходів. З огляду на загальну проблематику нашого збірника, зверну тут коротко увагу лише на один із розділів — «Agents of memory: how did people live between remembrance and forgetting?»¹². Тут передусім йдеться про культуру комеморацій — через вшанування пам'яті загиблих і сакралізацію їхньої смерті «заради нас». Історики, які спостерігали за ритуальними практиками та й самі брали у них участь, лише наприкінці століття звертають увагу на те, що «спосіб, в який люди пам'ятають про Велику війну» також несе в собі важливі посили. При детальному ж аналізі цього питання стає зрозумілим і розщеплення на «що вони знають про подію» (пам'ять) та «що інші знають про цю подію» (історія). Звідси й вихід на дискусії про «правдиву» і «неправдиву» історію «справжньої» війни, яку ведуть свідки подій і насамперед ветерани. Це якраз ті голоси, які переказують досвід солдат на фронтах, озвучений у міжвоєнний період Ремарком та екранізацією його книжки «На західному фронті без змін». Тут теж маємо справу з комемораційними практиками, які відбуваються на військових цвинтарях і біля монументів, які рясніють міста і містечка вздовж колишнього західного фронту.

Окрім такого корпусу текстів, що складається зі свідчень учасників, паралельно виникає ще один — ґрунтовні путівники для відвідувачів місць, де відбулися головні битви. Водночас війна стає мистецьким об'єктом — вона перетворюється на зображення — намальоване чи зафіксоване. Пам'ятають її також у збережених листах та у збірках поезій. Всі ці тексти накопичуються і доповнюються новими архівними матеріалами у 1960-х роках. Як зазначають Вінтер і Про, в цей час історія та пам'ять про війну нарешті починають взаємонакладатися, що дає поштовх для виникнення комемораційної індустрії та вивчення згаданих джерел у школах, напр. Великобританії¹³. До інституалізації пам'яті доходить з відкриттям *Memorial de Verdun* у 1967 р. та розширенням діяльності *Imperial war museum* у Лондоні у цей період. Саме музеї стали центром комемораційних подій, присвячених сторічній річниці початку війни¹⁴.

¹² Winter J., Prost A. Ibid., pp. 173–191.

¹³ Ibid., p. 179.

¹⁴ Див., напр., “First World War Galleries”, виставку, яка розкриває війну через життя тих, хто пережив її на бойовому та домашньому фронтах, у IWM London — <http://www.iwm.org.uk/exhibitions/iwm-london/first-world-war-galleries>; у 2016 р. на базі Музею пам'яті битви під Верденом, відбудуться окремі заходи, присвячені сторіччю цієї події — <http://verdun2016.centenaire.org/fr/>; з подіями ще одного ключового музею — In Flanders Fields Museum (в м. Іпр) — можна познайомитися за цим посиланням: <http://www.inflandersfields.be/en>

Водночас дослідники, сягаючи зазначених джерел, звертають увагу на такі теми, як «абсурдність виживання», «уявна війна», «пам'ять у мовчанні», «shell shock», «культ пам'яті», «культ скорботи», «обов'язок пам'ятати», — тобто ті теми, через які можна розкрити досвід переживання, емоційний та психічний стан, осмислення війни різними її учасниками.

Підсумовуючи, Джей Вінтер і Антуан Про зазначають, що «письменники, музикознавці, митці, режисери сформували репрезентації конфлікту 1914–1918 років», відтак перетворивши історію Великої війни на справу кожного¹⁵. До того ж у наш час все частіше «цей кожен» уже той, хто може володіти пам'яттю про війну («сума історій розказаних про неї»), і хто уже не має власного безпосереднього досвіду тієї війни навіть через тих, хто у ній вижив.

Дослідженню Великої війни в рамках культурної історії присвячено наступні роботи Вінтера. Наведу тут деякі з тез з однієї з них, “Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century” (2006). Вона представляє широкий масив текстів, які вивчаються ним з позицій культурної історії, яка своєю чергою «представляє коди, вирази, образи, через які люди розуміють свій власний час»¹⁶. Яка також є «історією репрезентацій», на практиці досвідченій, напр., при підготовці музейної виставки або зйомці документального фільму¹⁷. З огляду на це, книжка, по суті, оповідає досвід академічної та публічної історії Першої світової війни, розкриває зіткнення з уявленнями про війну, якими живе широкий загал, і спробами професійних істориків ламати ці уявлення, переконувати і будувати наративи з новими акцентами. При цьому Вінтер щиро зізнається, що «в нашій професії ми маємо бути вдячними за те, що історія продає», і пропонує далі влучне пояснення «однією з причин, чому вона так популярна і заробляє, є та, що вона розташовує родинні історії в більших, глобальніших наративах»¹⁸.

Однак, якщо родина в колективному чує свій голос, то історики дедалі частіше від колективного національного намагаються перейти до мікро-досвіду — села чи містечка, в якому пам'ять про Першу світову війну вже у міжвоєнний період визначилася в особливих формах скульптурних композицій воєнних меморіалів. Саме тому, спускаючись на цей нижчий рівень, ми можемо вловити нюанси «місце пам'яті» у

¹⁵ Winter J., Prost A. Ibid., p. 190.

¹⁶ Winter J. Remembering war: the Great War between memory and history in the twentieth century. — New Haven, Yale University Press, 2006, p. 217.

¹⁷ Детальніше про свій досвід він пише в у третьому розділі книжки «Театри пам'яті»: Ibid., pp. 211–221.

¹⁸ Ibid., p. 40.

порівнянні з існуючими практиками «колективного згадування». По суті, тільки тоді ми можемо починати працювати з цим «матеріалом пам'яті», встановлюючи «активістів пам'яті» (за Carol Gluck) і відповідаючи на питання: хто, чому, де¹⁹. Як зазначає Вінтер, ці активісти створювали своєрідну псевдорідню («fictive kinship»), пов'язану спільно пережитим досвідом наче кров'ю. А оскільки їхній зв'язок підкріплювався дією, то він називає їх й ключовими агентами практик згадування, тими, хто «діяв, щоб боротися зі скорботою, заповнити мовчання, запропонувати щось символічне для загиблих»²⁰. Власне, з цими групами пов'язаний власний момент пам'яті, про що ми часто в наших дискусіях про історичну пам'ять забуваємо: «нації не пам'ятають, групи людей пам'ятають». Нації не мають одного голосу, бо все, що вони можуть запропонувати — це какофонію голосів²¹. Мені здається, про це варто пам'ятати особливо в умовах діяльності Українського інституту національної пам'яті та в період становлення нових комемораційних практик, пов'язаних з нещодавніми подіями в Україні.

Я детальніше зупинилася на контексті західної історіографії та деяких аспектах, пов'язаних з тим, як західні суспільства, включно з історичною спільнотою, пам'ятають про свою Велику війну, зокрема й тому, що в українських реаліях згадана проблематика радше вимита хвилиною «забування» і «стиранням пам'яті», розпочатими уже в 1920-ті роки. З огляду на це знання про комемораційні практики, які розвивалися в країнах Західної Європи, може дати в руки українських істориків хороший інструментарій для всебічного дослідження репрезентацій та пам'яті про інші війни та революції, присутні в публічному просторі і в збережених родинних історіях в Україні. Адже досі предмет дослідження становили радше ритуальні практики та підручники, лише почасті музеї. Разом з тим, знання про підходи та інтерпретації, застосовані західними істориками для вивчення широкого кола джерел, що веде до розуміння контекстів самої війни, може допомогти українським істориками вийти за межі все ще панівного мілітарно-дипломатичного підходу з особливою увагою до виокремлення «українського питання» в політичному вирі тогочасних подій²². Зрештою, це суспільствам забороняли пам'ятати, але ніхто сьогодні не забороняє історикам досліджувати війну, яка не просто

¹⁹ Winter J. Ibid., p. 152.

²⁰ Ibid., p. 140. Початок створення таких спільнот ми можемо спостерігати уже в Україні.

²¹ Ibid., p. 198.

²² Саме про данину цим підходам говорить зміст нещодавно опублікованого збірника статей за редакції Реєнта «Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: Історичні нариси» (т. 1, 2014).

мала місце на українських теренах, але й перебіг якої торкнувся кожної родини, яка тут проживала, а також визначила характер майбутніх революцій.

З огляду на те, що розглянуті вище дослідження були опубліковані у 2005 та 2006 роках, у них лише побіжно розглянуто ще один пласт літератури, який, на мою думку, уже можна включити до четвертого етапу досліджень, розвиток якого ми спостерігаємо впродовж останніх десятиліть. Йдеться про вивчення Великої війни в рамках історичної урбаністики (*urban history*)²³. Цей напрямок досліджень також розвивався не без участі Вінтера.

За редакції Джея Вінтера та Жан-Луї Робера (Jean-Louis Robert) у 1999 році опубліковано перший том студій «*Capital cities at war: Paris, London, Berlin, 1914–1919*», в якому зібрано статті, написані з позицій соціальної історії, а у 2007 р. другий том — з позицій культурної історії. Метою двотомника було дати відповідь на питання, що сталося з населенням метрополій в період між початком війни та демобілізацією. Відзначалося, що досі дослідники війни були заручниками національного підходу, в рамках якого намагалася поєднати непоєднані досвіди та показники. Внаслідок цього недосліджуваним лишалося життя містян, міської громади, у воєнний час в межах «домашнього фронту». На відміну від націй як «уявної спільноти», міська громада — «проявлена спільнота», поєднана конкретними просторовими практиками і досвідом міського життя. Одним з наслідків слідування національному наративу якраз і став брак праць, присвячених історії міст під час війни, адже більшість істориків або закінчували свою оповідь 1914 р., або починали з закінчення війни 1918 або 1919²⁴. Подібна ситуація досі спостерігається в українській історіографії.

Що показав перший двотомний тематичний збірник статей, присвячений соціальній та культурній історіям згаданих метрополій? Насамперед те, що досліджувати війну через місто не тільки можливо, але й конче необхідно. Вихід за межі національної історії та компаративний аналіз довели, що виокремлення менших, але важливих одиниць аналізу (місто-район-дільниця-вулиця) допомагає побачити, «що було спільного між подібними одиницями в різних країнах, а що становило національні

---

²³ Слід сказати, що міська історія згадується Вінтером і Про, коли йдеться про досвід бізнесу та цивільних під час війни.

²⁴ Див.: *Winter J. Paris, London, Berlin, 1914–1919 capital cities at war // Capital cities at war. Paris, London, Berlin 1914–1919 / eds. Winter J., Robert J.-L. — Vol. 1: A social history. — Cambridge: Cambridge university press, 1999. — P. 3–10.*

особливості воєнного досвіду»²⁵. Показово, що Вінтер та Робер у висновках до першого тому наполягали на тому, що запропонований підхід не був запереченням національних історії, а радше його переосмисленням. Цю ж тезу вони повторюють у висновках до другого тому студій: «Історія метрополій не замінює національної історії; вона допомагає її поглибити і розширити»²⁶.

Отже, які теми починають звучати в працях істориків при переході з рівня абстрактних націй на цілком реальні мостові тогочасних міст, якими крокують конкретні персонажі? Якщо йдеться про вивчення міського життя крізь призму соціальної історії, то умовно їх можна визначити так: 1) «людський вимір» — мобілізація, її принципи, хвилі та особливості; втрати у війні і відтак демографічні зміни в місті; поява нових категорій містян — поранених і хворих солдат, біженців — і опіка над ними; налагодження комунікації між фронтовиками і цивільним населенням у місті; становлення нового соціального порядку в місті; 2) «економічний вимір» — перехід від миру до війни і навпаки; ринок праці і нові соціальні ролі містян; мобілізація індустрії і переорієнтування промислового комплексу міста на потреби воєнного часу; демобілізація та безробіття; 3) «соціальний вимір» — вплив війни на добробут мешканців; поява нових категорій малозабезпечених містян і заходи з їхньої підтримки на рівні міста; визначення нової шкали соціальних привілеїв та прав; 4) «логістичний вимір» — забезпечення міста товарами першої необхідності, продуктами харчування, паливом; дисциплінарна споживацька політика та запобігання соціальним бунтам; умови та стандарти проживання і вирішення квартирного питання; зміни в інфраструктурі та підтримування порядку в місті; 5) «демографічний вимір» — система охорони здоров'я в місті і виклики воєнного часу; хвороби та епідемії; смертність і демографічна ситуація в містах. В рамках культурної історії натомість виокремлюються такі теми, як: 1) «міський простір» — нові практики використання публічного простору; вокзали як ворота міста і транзитні станції; мілітаризація і фемінізація вулиць; ностальгія за мирним життям і тягар тотальної війни; публічний простір і культура дозвілля; приватне і публічне в межах містах; 2) «міська культура» — поява нової політичної культури у місті; пропагування знання про війну через нові практики і новий просторовий досвід; виставки і пропаганда; формування нової «учасницької» культури у школах; студентська куль-

---

²⁵ Robert J.-L., *Winter J. Conclusion: towards a social history of capital cities at war // Capital cities...* — P. 553.

²⁶ *Winter J., Robert J.-L. Conclusion // Capital cities at war. Paris, London, Berlin 1914–1919 / eds. Winter J., Robert J.-L. — Vol. 2: A cultural history. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 469.*

тура часів війни; політизація публічного простору; 3) «місця спілкування» — родина, концепція домівки та стосунки між членами родини; шпиталь як місце між фронтом і домівкою та простір, де воєнне переплітається з мирним життям; церква і релігійні практики часів війни; жертвовність і духовне життя міста; міські цвинтарі та формування нової культури пам'яті.

Зазначені два томи студій об'єднали авторів з різних країн та університетів. Відтак вони не тільки показали, як на сторінках однієї статті можна представити особливості кожного з досліджуваних міст — Париж, Лондон, Берлін, — але також продемонстрували, як міжнародний колектив істориків може працювати над такими привласненими національними наративами історіями як Перша світова війна. Серед авторок, яка публікувалася у першому томі студій, була й Белінда Дейвіс (Belinda J. Davis) з Рутгерського університету. У 2000 р. вона опублікувала окрему розвідку, присвячену Берліну часів війни “Home fires burning: food, politics, and everyday life in World War I Berlin”. У центрі уваги дослідниці — гендер та його вплив на формування політики Німеччини під час війни. Досліджуючи «малозабезпечене жіноцтво», «солдатських дружин», «бідних споживачок» Берліна, авторка показує, як вуличні зібрання (від черг до демонстрацій) жінок впливали на політичну ситуацію та порядок денний в місті; розкриває питання політичної ідентичності та агентності жінок; оповідає історію винайдення внутрішнього ворога в умовах дефіциту продуктів і голоду і постання “репрезентанток нації”; це також історія розмитих довоєнних класових ідентичностей і образів, якими наділило їх суспільство і того, як вони були використані в конкретних політичних обставинах. Наратив розвивається за хронологією, що накладається на все нові продовольчі кризи, викликані блокадою, які, своєю чергою, змушують містянок ставати впливовою силою, здатною не просто вимагати від держави справедливого розповсюдження продуктів харчування та соціальної підтримки, але й реагувати на ці вимоги. З іншого боку, держава не просто помічає ці вуличні виступи, але й починає стежити за проявами такої активності, суспільними настроями громадянок і шукати шляхи запобігання розростанню протестів. Суттєво, що ці акції, як доводить Дейвіс, були частиною не економічної, а політичної значущості, що демонстрували політичну дієвість учасниць. Разом з тим, авторка показує, як в умовах нестачі продуктів і продовольчих криз «працюють» ідентичності, як співвідносяться споживання та виробництво і що відбувається з громадянством, коли активізується «параноїдальний націоналізм»²⁷.

²⁷ Див.: Davis B. Home fires burning: food, politics, and everyday life in World War I Berlin. — Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2000. — P. 93–113; 129–136.

З іншої перспективи розглядає війсьний досвід міста Марк Гатлі (Mark R. Hatlie) у монографії “Riga at war 1914–1919. War and wartime experience in multi-ethnic metropolis” (2014), текст якої є допрацьованою версією захищеної у Тюбінгенському університеті Ебергарда Карла дисертації. На відміну від Дейвіс та авторів згаданого двотомника, Гатлі структурує свою роботу довкола національного контексту. Перша частина роботи — це ґрунтовне висвітлення подієвої канви історії міста в зазначений період, а друга — це війсьний досвід найбільших етнічних груп міста — німців, латишів, росіян. Основним аргументом свого дослідження автор називає важливість етнічного чинника — саме етнічна ідентичність визначала формування сприйняття воєнного часу та визначала діяльність акторів²⁸. Погоджуючись з тезою, що війна посилює етнічну самоідентифікацію, все ж залишу відкритим питання того, наскільки репрезентативним є зображення воєнного досвіду мешканців міста відповідно до кордонів їхніх власних ідентичностей. Адже й сам дослідник звертає увагу на брак его-документів, які б в повній представили повсякденний досвід латишів та росіян в Ризі. Чи беручи до уваги найбільш артикульовані позиції авторів з добре вираженою етнічною ідентичністю і екстраполюючи їхнє бачення на всю «уявну спільноту», ми не стишуємо й без того німі голоси мешканців Риги? В який спосіб ми можемо визначити пріоритетність ідентичностей і сказати, що етнічна була визначальною перед соціальною, а національна перед локальною? Водночас маю визнати²⁹, що використання «національної схеми», вивчення мешканців за етнічним принципом, може бути простішим шляхом дослідження міста, адже працювати з добре артикульованими джерелами завжди легше, аніж перетворювати місто в лабораторію з вивчення людської поведінки в міському просторі та досвіду сотень тисяч мешканців, здобутого ними на «домашньому фронті».

Те, що написати всебічну історію міста часів Першої світової війни все ж таки можна, довів американський історик Роджер Чикеринг. Автор книжок з німецької історії Великої війни та проблем тотальної війни, він узявся за написання монографії про Фрайбург, керуючись ідеєю «тотальна війна вимагає тотальної історії». Для нього це був практичний експеримент, який мав дати відповідь на питання, чи можливо написати текст, в якому будуть розглянуті усі аспекти історії суспільства в

²⁸ Hatlie M. Riga at war 1914–1919. War and wartime experience in multi-ethnic metropolis. — Marburg, Verlag Herder-Institut, 2014. — Pp. 7–11.

²⁹ Одна з перших моїх статей, присвячених Києву періоду війни, теж написана з використанням «національного підходу»: Ubi bene ibi patria: Reading the City of Kiev through Polish and Czech “Spatial Stories” from the First World War Period // Frontiers and Identities: Cities in Regions and Nations. — Pisa: Pisa university press, 2008. — Pp. 197–221.

конкретно взятий період. Відтак завданням дослідження було показати «тотальність» війни, «простежити її вплив на кожну стадію життя»³⁰. Беручись за текст, Чикерінг виходив з передумов: війна здійснює всепроникний вплив на життя містян; війна має величезні матеріальні наслідки; війна має свою «текстуальність»³¹. Відповідно до них, а також з використанням підходів соціальної та культурної історій, дослідник веде читача через передвоєнний Фрайбург, перші тижні війни в місті, матеріальні аспекти життя міста в часі війни, демографічні зміни та рух населення, логістику міста, переживання війни та вплив її перебігу на приватне життя, смаки і запахи війни, прояви соціальних контекстів та колективне досвідчення війни в рамках соціальних груп, політика соціального досвіду³². З методологічної точки зору також важливим є наголос Чикерінга на тому, що «центральною темою стає самореалізація війни», а війна відтак є центральною фігурою³³. Прийняття цієї засади може допомогти встановити необхідні хронологічні рамки дослідження. Адже проблема періодизації вряди-годи постає в дослідженнях з міської історії, бо історія міського життя не завжди збігається з історією національного, відповідно до якого виставляються прапорці на часовій шкалі. У даному ж випадку достатньо пам'ятати, що війна закінчується і з цим моментом починається уже інша історія.

Київська урбаністика часів Першої світової війни

Наскільки оригінальними в своїх дослідженнях були історики, які взялися за вивчення історії міст періоду Першої світової війни? Чи вдалося їм підняти нові теми і побачити в минулому сюжети, які оминули сучасники подій? Відповідаючи на ці питання, я би сказала, що оригінальними — ні, сміливими — так. Адже ще раз підкреслю, що всебічне вивчення досвіду містян в рамках одного дослідження без надання преференцій жодному з підходів — чи то гендерному, чи національному, вимагає не тільки хорошої історичної ерудиції, але відданості історика своєму фаху, про що уже йшлося на початку цієї статті. Водночас такі дослідження винагороджують щонайменше доброю обізнаністю з, повторюся, «різними аспектами історії суспільства в один конкретно взятий період».

---

³⁰ *Chickering R.* The Great War and urban life in Germany. Freiburg, 1914–1918. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 2.

³¹ *Ibid.*, p. 8.

³² *Ibid.*, p. 10.

³³ *Ibid.*, p. 7.

Чому я відмовляю історикам в оригінальності? Насамперед тому, що те, що лягло в структуру вищезгаданих досліджень, стало розділами і підрозділами, значною мірою було визначено і структуровано самими сучасниками. Не дарма, і Чикеринг згадує про свого попередника, Вільгельма Фладта, якому міська рада Фрайбурга у 1915 р. доручила написати історію міста часів війни. Київ тут може становити наступний приклад. Адже саме під час війни київськими урбаністами і гласними Думи були окреслені головні проблеми, з якими зіткнулося місто та його населення.

Напередодні війни, ще у мирному Києві 16 червня 1914 р. відбулося засідання Київської міської думи. На ньому розглянули питання реорганізації органу Думи — «Известий киевской городской думы». У своєму обґрунтуванні гласний М.С. Ярошевський вказував на незадовільний стан представлення міської проблематики та нарікав на те, що Київ відстає в цьому питанні від інших міст імперії: «Между тем как в последние годы целый ряд городов как Харьков, Екатеринослав, Симферополь, Астрахань, Архангельск, Томск, Иркутск и др. создали или реорганизовали у себя интересные, ценные муниципальные журналы, а Самарская Дума даже ежедневник „Городской Вестник”»³⁴. Ярошевський вважав, що Київ — і тут хочу підкреслити образ міста, ним використаний — «як претендент на третю столицю в імперії», «місто з великими завданнями в господарській сфері» — вимагає: «всестороннего освещения и изучения города, который готовится стать муниципальным научно-деловым центром, организуя и городские съезды, и выставку, и институты благоустройства»³⁵. На його думку, саме у статтях видання, а не під час засідань Думи мала вестися ґрунтовна дискусія з питань розвитку міста. Зазначав він також про те, що Київ мав для цього завдання наукові та практичні сили. Структура вбачалася наступною: статті та нотатки щодо різних питань і сфер міської справи; огляди діяльності закордонних муніципалітетів (за закордонними виданнями та в колі зацікавлень міста Києва); огляд діяльності російських міських самоврядувань; огляд муніципальної літератури; у спеціальній частині мали виходити: урядові розпорядження та законодавчі постанови з міського самоврядування, журнали засідань київської міської думи, огляд діяльності різних міських комісій та установ; статистичні відомості по місту Києву; публікації³⁶.

Реорганізація видання була проведена доволі швидко. Уже у вересні структура змінилася. Опубліковані матеріали були такими: загальні зав-

---

³⁴ Заявление о необходимости реорганизации «Известий Киевской Городской Думы» // ИКГД. — 1914. — № 6-7. — С. 62.

³⁵ Там само. — С. 63.

³⁶ Там само. — С. 65.

дання міського господарства Росії (проф. Воблий); загальноміські комітети, їх значення та завдання (проф. Яснопольський), до питання про узгодження на місцях діяльності міст і земств (Б. Веселовський), дитячі притулки (Т. Лубенець), газове питання у Києві (Д. Марголін), огляд преси, муніципальне життя заходу (війна і місцеве самоврядування в Англії — Н. Козеренко; війна і місцеве самоврядування в Швейцарії — С. Драгоманов); загальноросійський муніципальний огляд; київська муніципальна хроніка (організація містом допомоги родинам запасних — організація допомоги біженцям і пораненим — фінанси та економічні заходи в містах у зв'язку з війною — загальноміський комітет); обласний відділ — повідомлення з місцевостей; журнал засідання Думи. В передмові до видання «від редакції» читаємо: «Решение расширить программу «Известий» [...] диктовалось всем ходом развития городского хозяйства, чрезвычайно разросшегося и усложнившегося в последние годы, особенно благодаря частью совершившемуся, частью предстоящему переходу в руки города крупных предприятий из рук концессионеров, а вместе с тем, как и во всех русских муниципалитетах, выдвигался ряд местных сложных вопросов в области финансового дела, благоустройства, экономической политики и т.п.»³⁷. Водночас зазначалося, що реорганізація органу Думи «неожиданно совпадает с периодом великой борьбы нашей родины с напавшим на нее историческим врагом, борьбы, которая привлекает массу сил и внимания. Однако, текущие задачи городского хозяйства отнюдь не могут быть заброшены на все время могущей войны. По счастью Россия сравнительно с другими странами располагает большим запасом людей и большими возможностями для того, чтобы сделать наименее чувствительным для хозяйственного развития городов тяжелое время военной грозы»³⁸.

Відтак усі працівники муніципалітетів мали б докласти якомога більше сил для того, щоб «мирна культурна робота» постраждала від війни найменше. Передбачалося, що завдяки ґрунтовним статтям можна буде також сприяти успішному вирішенню питання допомоги постраждалим від війни — завдання, що лягло на міста одразу ж з початком бойових дій. Насамкінець ще раз підкреслювалося, що Київ — третя столиця — має необхідний кількісний та науковий потенціал для того, щоб впоратися з усіма завданнями.

Матеріали, що виходили в наступних числах, стосувалися різних тем з питань розвитку міста: від боротьби з дорожнечею, розвитку інфраструктури (напр., залізничного сполучення та київського трамваю), питання

³⁷ От редакции // ИКГД. — 1914. — № 9. — С. 3.

³⁸ Там само. — С. 4.

сміттєспалення, постачання палива до політики щодо окремих категорій містян: дітей, жінок, біженців, родин запасних нижніх чинів, безробітних. Не бракувало також теоретичних статей про містопланування, розвиток центру та околиць. Так, багато про тогочасну урбаністику, основи містобудування та західний досвід міського самоврядування писав Світозар Драгоманов, син Михайла Драгоманова. На цей період припадає також розвиток контактів із західними урбаністами. Зокрема, у 1915 році встановились контакти з Чиказьким університетом. З метою отримати відповіді на питання «о топографии города, населении, путях сообщения городских и пригородных, о предприятиях общего пользования, народном образовании, санитарно-медицинском деле, городских финансах и внутренней организации городского управления...» професору Київського університету св. Володимира Костянтину Воблому написав лист проф. Е. Мак-Кен. Професор Чиказького університету мав намір включити отриману інформацію в лекції, що читав навесні. Дума відзвітувала, що «проф. Воблому были доставлены все необходимые по этим вопросам издания, для отправки в Чикагский университет. Интерес к Киеву в Америке имеет, конечно, существенное практическое значение в отношении главным образом возможности в будущем иметь подготовленную почву для совершения кредитных операций на богатом американском рынке»³⁹. Гласні Думи тоді не знали, що якраз в Чикаго в цей період збирається сильний колектив дослідників, який ми тепер називаємо Чиказькою школою урбаністики. Але їхнє бізнес-чуття не можна не оцінити.

Попри те, що контакти Київ-Чикаго у сфері урбаністики вочевидь тільки налагоджувалися, підходи до міста, запропоновані урбаністами цих міст, мало чим відрізнялися. В той час, як Роберт Парк⁴⁰ наголошував на необхідності перетворити місто в лабораторію, в якій вивчатимуться звички та практики містян і соціальні процеси, щоб зрозуміти, як функціонує місто та розвивається міське середовище, Г. Наумов⁴¹, по суті, з тих самих позицій обстоював питання розвитку міської статистики у Києві. Зрештою, в його тексті зустрічаємо й виклад основних проблем, з якими зіткнулися міста і містяни під час війни: «Война возложила на города многочисленные и ответственные функции, которых они в мирное время не знали или не хотели знать. Городам пришлось заняться вопросами об обеспечении населения продовольствием, о поддержке наи-

³⁹ Изучение г. Киева в Чикагском университете // ИКГД. — 1915. — № 2. — С. 162–163.

⁴⁰ Див.: Park R. The city: suggestions for the investigation of human behavior in the city environment // Journal of Sociology. — 1915: March. — N. 5, Vol. XX. — Pp. 577–612.

⁴¹ Наумов Г. Организация и задачи городской статистики // ИКГД. — 1915. — № 10. — С. 3–41.

более ослабленных в материальном отношении элементов, о регулировании беженского потока, о содействии нормальной хозяйственной жизни населения. От них потребовались экстренные широко задуманные и планомерно проводимые меры. Появились таксировки цен на продукты первой необходимости, потребовалось участие городов в регулировании транспорта, понадобилась организация закупочных предприятий и распределение наличных запасов, но все это предполагало точное знание хозяйственного положения населения и его фактических нужд. ... В результате этого оказывается, что города не знают даже численности своего населения. Всероссийская перепись произведена восемнадцать лет тому назад и в условиях, не гарантировавших ее надежности. ... Статистические силы, имеющиеся в распоряжении адресных столов и полиции ниже всякой критики»⁴².

Саме вдосконала міська статистика в цьому випадку мала не тільки виправити ситуацію, але й надати інформацію про те, хто, коли і чому приїздив у Київ, де проживав, працював і які посади обіймав, про вік та етнічне походження мешканців. Швидше за все ці міркування Наумова були враховані при проведенні перепису населення Києва 16 вересня 1917 р. Київським Міським Статистичним Бюро⁴³. Важливим тут є зафіксувати комплексний підхід до вивчення населення міста задля вироблення ефективної міської політики, зорієнтованої на всіх мешканців, незалежно від їхньої національності.

Окрім того, які були проблеми перед містами і як вони їх вирішували, з матеріалів «Известий» ми також можемо довідатися про ставлення до національної політики імперії. Покажемо в цьому плані є звіт про «Нараду з питань про розвиток фабрично-заводської промисловості у Києві». На ній, властиво, було визначено дві перепони для перетворення міста на розвинутий промисловий центр — брак вільних коштів та брак робочої сили. Відзначалося, що попри те, що губернія має необхідну кількість робочої сили, працевлаштовувати на заводи не буде кого, адже «сельскохозяйственные рабочие к промышленности мало приспособлены» і додавалося «если бы не препятствия правового характера, можно было бы использовать местное еврейское ремесленное население». Євреї для міста, відтак, були насамперед ремісниками та промисловцями. Не було національного також в принципах роботи Думи: «И правые, и левые должны войти сюда и не имеют права отказаться от общей работы. Здесь

⁴² Наумов Г. Организация и задачи городской статистики. — С. 3.

⁴³ Див.: Биск И.С. К вопросу о социальном составе населения г. Киева (по данным переписи 1917 г.). — К., 1920. — 18 с. — (Губерн. стат. бюро). — Відб. з: Голос кооперации. — 1919. — № 15-16.

нет и не должно быть политики. Здесь должны быть только честные люди и должна быть общая для всех неотложная работа» — зазначалося на засіданнях у вересні 1914⁴⁴.

Отже, як бачимо, якщо спуститися на рівень міста-у-війні, як окремої одиниці дослідження, з висот імперського чи національного наративу, то можна зафіксувати як інші візії Києва — розвинутого сучасного міста, а не застиглу в часі «мать городов русских», — так і ставлення до містян не як до носіїв національних, але насамперед соціальних ідентичностей. Разом з тим можна помітити київських урбаністів, які чітко розуміли засади розвитку міста, а також добре орієнтувалися в питаннях міського самоврядування Заходу. То чи ж не збіднюємо ми своє знання про період Першої світової війни, продовжуючи досліджувати національний контекст та ігноруючи контекст міський, залишаючи сотні тисяч містян не тільки без голосу, але й на узбіччі минулого, і водночас мимохіть стаючи учасниками давніх і безплідних дискусій про «чий Київ», забуваючи, що модерне місто за визначенням може бути або сучасним, або провінційним і завжди багатонаціональним?

Урбанізація і наші перспективи

У вступі до книги «Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі» Сергій Плохій зауважує: «Історія як наукова дисципліна постала в епоху націоналізму. Сам цей факт «обтяжив» усі великі наративи тієї доби завданням знаціоналізувати період до 1800 року й у такий спосіб злегітимізувати злет і тягле існування модерних націй та національних держав. У другій половині ХХ століття цей підхід було піддано серйозній критиці, передусім з боку «модерністів» — істориків і суспільствознавців, які доводили, що до початку Нового часу націй не існувало»⁴⁵. На мою думку, цей уривок влучно показує, чому більшість праць українських істориків досі «обтяжені» цим завданням «знаціоналізувати», до того ж не так період до 1800 р., як до 1991 р. Одним з наслідків такого стану речей є, напр., брак ґрунтовних монографій, присвячених історії Києва, а не киевознавству, написаних українськими істориками. На це свого часу звернув увагу американський дослідник Натан Меїр (Natan Meir), автор книги «Kiev,

⁴⁴ Яснопольский Л. Общегородские комитеты, их значение и задачи // ИКГД. — 1914. — № 9. — С. 21.

⁴⁵ Плохій С. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі. — Київ: Критика, 2015. — С. 3.

Jewish Metropolis. A history, 1859–1914»⁴⁶. Автором, по суті, єдиної синтези про модерний Київ є інший американський історик Майкл Гем (Michael Hamm) — «Kiev: A portrait, 1800–1917». Варто згадати також дисертацію знову ж американської дослідниці — Фейт Гілліс (Faith Hillis) «Between empire and nation: urban politics, community, and violence in Kiev, 1863–1907». Монографію-енциклопедію про поляків у Києві написав польський історик Маріуш Коженювський (Mariusz Korzeniowski) — «Za Żłotą Bramą. Działalność społeczno-kulturalna Polaków w Kijowie w latach, 1905–1920». Про те, що ситуація починає змінюватися свідчать дослідження молодих істориків Юрія Глизи та Яни Іващенко (Купчик), які присвячені відповідно діяльності Київської міської думи 1871–1914 та 1917–1919 років⁴⁷.

На початку цього тексту я наводила аргументи Володимира Маслійчука на користь розвитку історичної урбаністики в Україні. Тут, насамкінець, розширю його тезу про актуальність і обґрунтовуватиму її не політичним контекстом, який ми всі переживаємо, а сучасним розвитком світу. Якщо історія як дисципліна поставала в епоху націоналізму і творення національних держав, то сьогодні вона розвивається в епоху урбанізованого світу. Це не тільки означає кількісну перевагу міського населення над сільським, але також появу «світових міст» і «глобальних міст», часто впливовіших за національні держави. Хочемо ми цього чи ні, але суспільство також починає мислити категоріями міста і цікавитися насамперед питаннями розвитку міського середовища. Про це свідчить і розвиток громадських ініціатив, зокрема у Києві, впродовж 2014–2015 рр.⁴⁸ Передбачаю, що наслідком цього буде також зростання суспільного запиту на історію міста, історію міського самоврядування, а враховуючи й військовий контекст сучасної української дійсності — то й на питання розвитку міста в часі війни. Сподіваюся, що історики зможуть відповісти на цей запит з не меншим ентузіазмом, як на запити доби

⁴⁶ Один з параграфів вступу він так і назвав: “A city without a history”: *Meir N. Kiev, Jewish metropolis: a history, 1859–1914*. — Bloomington: Indiana university press, 2010. — Рр. 6–7.

⁴⁷ *Іващенко Я.* Діяльність Київської міської думи (1917–1919 рр.): автореферат дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Київ. нац. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. — К. : [б. в.], 2012. — 16 с.; *Глизь Ю.* Київська Дума і благоустрій міста (кінець XIX — початок XX ст.) // Київська старовина. — К.: Журнал Київського славістичного ун-ту, 2011. — № 6. — С. 157–171; *Глизь Ю.* Фінансова діяльність Київської міської думи 1871–1914 рр. // УІЖ. — 2015. — № 4. — С. 37–58.

⁴⁸ Одна з найактивніших ініціатив — це CANactions School for Urban Studies («міждисциплінарна лабораторія міських досліджень») — <http://www.canactions.com/uk/> В рамках цієї програми відбуваються публічні лекції, проекти, навчання за участі вітчизняних та авторитетних західних урбаністів.

націоналізму, і засвоять для цього пташину мову урбаністичних студій. Лектура історіографії Першої світової війни і повернення до міських анналів може бути хорошим початком в цьому напрямку.

Olena Betlii

**The Possibility for an ‘Urban Turn’ in Ukrainian Historiography,
or What Can We Learn from the Western Historiography of World War I
and the History of Kyiv**

The article explores the current tendencies of history writing in Ukraine, and poses a question whether “urban turn” is possible in Ukrainian historiography. It is stated that western historiography of WWI can provide Ukrainian historians with necessary methodology and research tools and show how to switch from political, military and diplomatic history to the social, cultural and, finally, urban one. Moreover, the author analyzes the books dedicated to the history of numerous European cities during the war and demonstrates what kind of obstacles historians may face while trying to explain the city as a living organism in desperate times of the war. Besides, it is stressed that investigation of urban history during WWI on Ukrainian materials will not be unique. As the study of the history of Kyiv shows our predecessors began their own research of the city development already during WWI. All what one has to do is to continue those studies using the contemporary achievements of urban studies. Finally, it is stressed that currently we all live in a highly urbanized world, when a city is gradually replacing a nation, and societies are becoming more and more city-oriented than nation-oriented, at least in the developed world. Obviously, historians also have to pay attention to these tendencies and to become aware that a good urban history would be a history, in which our societies would be most interested soon enough. The article is an invitation to a wider discussion on possibilities of urban history development in Ukraine.

Тамара Варданян-Айвазян
к.и.н., Ереванский Государственный университет

«Горячие темы» в постсоветских национальных историографиях: анализ армянского и азербайджанского нарративов по истории армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг.

Введение

В период постмодерна историческая наука вступает в новую стадию своего развития, которая обусловлена изменением в восприятии отношения между памятью и историей. Если сторонники историцизма считали память скрытым основанием истории, то историки-постмодернисты рассматривают память и историю как противоположности. По словам П. Хаттона, «...изящное искусство современной исторической науки заключается в его стремлении удержать память и историю в равновесии — как взаимодействие между повторением традиции и воспоминанием истории»¹.

Активизация коллективной памяти происходит большей частью под влиянием значимых общественно-политических событий современности. Такие явления, как национальное пробуждение, всплеск интереса к национальной истории, унаследованные из прошлого нерешенные национальные задачи, эскалация межэтнического конфликта и пр. являются катализатором пробуждения памяти. Активизация коллективной памяти в свою очередь в значительной степени предопределяет направленность в выборе исследовательских топиков (topics). Как пишет Я. Зерубавель, «подобно маятнику, коллективная память находится в бесконечном движении: от исторических источников — к современным общественно-политическим проблемам и задачам, от современности — обратно к свидетельствам о прошлом, стремясь объединить их между собой»².

Но постмодернистская интерпретация, делая акцент на сознательность и целеустремленность исторических процессов, зачастую отводит мало места тому, насколько в недрах самого общества существовал общественный заказ. Ведь нельзя ставить под сомнение и тот факт, что до

---

¹ Хаттон П. История как искусство памяти, СПб., 2003, с. 26.

² Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти, Ab Imperio, no. 3, 2004.

коллапса СССР практически было невозможно репрезентировать многие фундаментальные исторические проблемы советских народов, включая проблемы *между* ними, в паттерне национального мышления. Подобная интерпретация и восприятие истории находились вне партийных предписаний. Известно, что в годы существующей идеологии о “нерушимом союзе народов СССР” было невозможно об этом писать открыто. Это не значит, что общество не имело более или менее адекватного отношения к историческим событиям и прежде, просто оно находилось под сильным идеологическим прессингом. Коллапс СССР, вооруженный конфликт в Карабахе (1991–1994 гг.) и до сего времени не прекращающееся армяно-азербайджанский конфликт создали потребность в глубоком и всестороннем исследовании событий исторического прошлого. Все эти трансформации, естественно, нашли свое отражение в национальных историографиях постсоветского периода.

Проследим процесс репрезентации истории столкновений между армянами и закавказскими татарами (эволюционировавших позже в современных азербайджанцев) на Южном Кавказе в 1905–1906 гг. в контексте новых потребностей армянского и азербайджанского социумов, потребностей, на формирование которых большое влияние оказали освобождение исторической науки от советского идеологического пресса, а также общественно-политические события постсоветского периода.

Акценты советской историографии

Для начала представим советскую интерпретацию армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг. На репрезентацию упомянутых событий в советской историографии оказывали существенное влияние установленные жесткие «правила» в исследованиях и интерпретации национальных историй народов СССР. В условиях идеологического диктата и цензуры те или иные исторические события, происходившие в начале XX века на национальных окраинах Российской империи, рассматривались под призмой первой русской революции 1905–1907 гг. Следовательно, при обсуждении и представлений сюжетов, касающихся межнациональных отношений, акцентировалась сущность имперской политики царизма, которая определялась как политика — «разделяй и властвуй». Советские историки представляли эту имперскую политику центра в качестве основной причины армяно-татарского (азербайджанского) конфликта начала XX века. Во время описания исторических событий обязательно говорилось о том, что это была «братоубийственная» война двух «братских» народов.

С одной стороны подобная интерпретация событий определялась общепринятой политической и идеологической конъюнктурой, которой

четко и беспрекословно придерживалась советская историография. При этом не было попыток всестороннего анализа и выявления причин упомянутого конфликта, так как малейшие намеки на существование каких-то более глубоких противоречий между народами, проживающими на территории СССР, считались неприемлемыми с точки зрения официальной идеологии.

С другой стороны, так как было необходимо разоблачать имперскую сущность национальной политики царизма, в противовес «справедливой» национальной политике советского руководства, то основной причиной столкновений было принято считать подстрекательскую и провокаторскую политику самодержавия. Официальная версия гласила, что разжигание межнациональной розни было в интересах царских властей. Основная цель такой сознательно проводимой политики — отвлечь внимание активных слоев общества от назревавшего революционного движения и перевести его в русло межнациональных трений и конфликтов.

Объявлялись националистическими и беспощадно критиковались разные течения, партии и лидеры, выступавшие в то время с обеих сторон конфликта. Например, в работах Л. Климовича³, а также А. Аршаруни и Х. Габидуллина⁴ татарское пантюркистское движение оценивалось как буржуазное и националистическое, которое ничего общего не имеет с истинными желаниями и чаяниями всего татарского народа. Фактически, процессы пробуждения этнонационального самосознания у закавказских татар, формирование этномобилизационных проектов, этнизация/тюркизация общественного сознания исследователями тщательно обходились стороной. Таким образом, важные этногенетические процессы не включались в нарратив истории. Все негативные события рассматривались скорее как результат проявления узкоклассовых интересов буржуазных слоев общества.

Армянская советская историография упомянутые события также представляла в контексте революционных брожений в России в начале XX века. Основной лейтмотив этих исследований можно представить одной цитатой из монографии Г. Галояна: «Самодержавие надеялось отвлечь внимание народов Закавказья от русской революции, возбудить друг против друга и сломать интернациональное единство пролетариата»⁵. На подстрекательской и провокаторской роли самодержавия,

³ *Климович Л.И.* Ислам в Царской России. Очерки, М., 1936.

⁴ *Аршаруни А. и Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России, М., 1931.

⁵ *Галоян Г.* Россия и народы Закавказья, Ереван, 1978, с. 454, (на арм. яз.).

которая и в самом деле имела место, акцентировали свои исследования и другие армянские историки советской эпохи — А. Варданян, Ц. Агаян, Д. Мурадян, В. Бархударян и другие.

При этом надо заметить, что в советский период ни в Армении, ни в Азербайджане по событиям армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг. фундаментальных исследований не проводилось. Большинство упомянутых работ, в которых мы находим несколько строк об этих событиях, в основном посвящены истории первой русской революции.

Армянская постсоветская историография

Более детальное исследование исторических событий начала XX века, а именно армяно-татарского столкновения 1905–1906 гг., стало возможным благодаря освобождению национальных историографий от оков **советского идеологического прессинга**. Кроме этого, интерес к истории взаимоотношений двух народов резко возрос из-за начавшегося карабахского конфликта. Как пишет М. Смит, «Война как ничто другое определяет контуры жизни нации. Она вводит нас в круг врагов и друзей. Она требует от нас жертв. Взамен она дает нации героев и мучеников. Она создает для воюющих трагические истоки и несет с собой мучительные утраты, которые ложатся в основу повествований о национальной истории»⁶.

Каковы основные акценты армянской постсоветской историографии в интересующем нас вопросе? Во-первых, огромное внимание стало уделяться выявлению истинных причин армяно-татарских столкновений. Для объяснения причин конфликта подчеркивались культивируемые в тот период идеи пантюркизма и панисламизма, но не как результат узкоклассовых интересов, как оно представлялось в советской историографии. После крушения лозунга о «Дружбе народов СССР» и в условиях карабахского конфликта вопрос ставился намного шире, он уходил от узкоклассовых в сторону общенациональных восприятий. Протурецкая ориентация закавказских татар и тюркизация их идентичности к началу XX века в постсоветской армянской историографии объясняется как основной источник межнационального конфликта между армянами и татарами (азербайджанцами). Эти причины проектировались, естественно, и на современный конфликт. Можно сказать, что в основе концептуализации видения армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг. в армянской постсоветской историографии лежит постановка вопроса,

---

⁶ Смит М. «Память об утратах и азербайджанское общество». В кн. Азербайджан и Россия: общества и государства, сб. ст., М., 2001, с. 89.

предложенная видным армянским историком и политологом А. Айвазяном, который представил Карабахский конфликт как «органическое продолжение армяно-турецкой (османской) вражды с 1890-х по 1923 гг., а армяно-татарские (азербайджанские) столкновения — как составная часть этого конфликта»⁷.

В целом современная армянская историография в исследовании причин событий 1905–1906 гг. пришла к следующему выводу: хотя царизм и играл подстрекательскую роль в разжигании межэтнической розни, но его «заслуги» в этом явно переоценены советской историографией. Считается, что, сколько бы царские власти ни старались, но без наличия глубоких межэтнических противоречий невозможно было бы разжечь столь кровопролитное развитие событий. Данный тезис явно превалирует не только среди историков, но и среди публицистов и писателей.

Исследователи подробно останавливаются на событиях, в которых раскрываются картины зверской резни армян — мирных жителей в тех или иных губерниях, уездах и селах во время столкновений 1905–1906 гг. При этом, в основном публицистами, отмечается, что такое поведение присуще татарам (азербайджанцам) в силу их «нецивилизованности», «дикости», «фанатичности», «темноты». События 1988 г. в Сумгаите, когда произошли погромы и убийства мирного армянского населения, а также кровавые январские погромы в Баку 1990 г., естественно, тоже способствовали активизации подобных акцентов в коллективной памяти армян.

Отдельное внимание в национальной историографии уделяется теме открытой поддержки Турцией закавказских татар как основного их союзника на Южном Кавказе в ходе упомянутых столкновений. Обращается внимание роль и значение Турции как традиционного антиармянского игрока в регионе⁸.

В связи с успехами армянских сил самообороны в ходе военных действий в Карабахе в 1991–1994 гг., произошли интересные трансформации в восприятии образов соседей. Как об этом пишет исследователь-конструктивист В.А. Шнирельман: «...в ходе конфликта обе стороны вынуждены были существенно пересмотреть свои бывшие автостереотипы: армяне избавились от образа беспомощной жертвы, а азербайджанцы, напротив, восприняли имидж народа, будто бы веками притеснявшегося

---

⁷ Айвазян А. Урегулирование карабахского конфликта и стратегическая безопасность Армении, Ереван, 1998, с. 19, (на арм. яз.).

⁸ Варданян Т. Проявление татарского национализма в Закавказье в начале 20-го века, Вестник Ереванского госунта, Ереван, 2000, но. 3, (на арм. яз.).

армянами (Abrahamian, 1999. pp. 68–69)»⁹. В репрезентации исторических событий столетней давности основным элементом в активизации коллективной памяти стали мотивы героического прошлого армянского народа. Например, в одной из статей автором этих строк был показан процесс трансформации образа армянского народа от “пугливого торговца” до “бесстрашного бойца”¹⁰. В статье отмечается, что за 1905–1906 гг. армянам во главе партии “Дашнакцутюн”, не только удалось организовать самооборону, но и перейти в наступление, и что эти события способствовали изменению восприятия армян, про которых соседи думали, «что те якобы боятся крови». На самом деле, как показывает автор, не «пугливость» была причиной того, что армяне стремились мирным путем решать конфликты, а, прежде всего то, что как западные, так и восточные армяне сосредоточили все свое внимание на борьбе западных армян за освобождение из-под османского ига. То есть армянский национализм был сфокусирован на политической программе, ареал осуществления которого ограничивался западной частью Армении, находившейся под властью Турции. В таких условиях сохранение мира и стабильности в Восточной Армении было просто необходимо.

В научной литературе также показывается преемственность поведения сторон в конфликте, как в начале XX века, так и в ходе карабахского конфликта — армянская сторона, не являясь инициатором военных действий, в процессе эскалации напряженности смогла сконцентрировать свои усилия и ресурсы на успешную оборону и контрнаступление. На эти моменты также обращается внимание в историографии, так как опять-таки последние события активизируют самовосприятие (эндостереотип) модели «миролюбивого и более цивилизованного армянина, вынужденного к самозащите от нападения турок». Следует добавить, что турки и татары/азербайджанцы армянами традиционно воспринимаются как единый этнос. В рамках естественной для любого этноса дихотомии «Мы — Они» в образе «Они» для армян вышеназванные группы представлены в одном и том же контексте. Основной упор делается на тезисе о том, что вынужденная, но успешная самооборона армян — это результат их более высокого уровня социально-экономического, политического и культурного развития¹¹. Этот тезис встречается и у западных авторов, работы

---

⁹ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2003, с. 39.

¹⁰ Варданян Т. Межэтнический конфликт как фактор изменения межэтнического восприятия (экзостереотипа), «Дрошак» (Флаг), Ереван, no. 3, 2003, (на арм. яз.).

¹¹ Армяне к началу XX века имели разветвленную сеть национальных благотворительных, культурных, и образовательных учреждений, а также определенный боевой

которых посвящены изучению процессов пробуждения национального самосознания татар (не только закавказских, но также и крымских) Российской империи. Например, Т. Свентоховский, который в армянской научной среде воспринимается как проазербайджанский автор из-за его стремления представлять татарское поведение как череду ответных и вынужденных мер, а татар в качестве жертв, пишет: «Все имеющиеся данные указывают на то, что мусульмане понесли большие потери по сравнению с армянами. Это подтверждает ту истину, что чем в большей степени модернизировано общество, тем эффективнее оно сражается»¹².

Более высокий уровень социально-экономического развития армян создавал почву для поиска причин конфликта якобы в эксплуатации татар армянами. При этом армян представляли как эксплуататоров, т.е. нарратив сконцентрировался на конфликте между трудом и капиталом. С целью развенчивания этого мифа автором была представлена на суд читателя статья¹³, в которой на основе статистических данных доказывается тезис о том, что татары эксплуатировались в основном со стороны неармянского капитала. Если бы причина была лишь в усилении армянского капитала, то подобным же образом разразился бы и армяно-грузинский конфликт, но этого не произошло.

На современном этапе армянская историография по другому представляет деятельность армянской революционной партии «Дашнакцутюн». В противовес тому, как эту историю пересказывала в свое время армянская советская историография, полностью демонизировав деятельность этой партии. Так, известный армянский историк Г. Симонян пишет: «Для армянского народа судьбоносной случайностью было то, что он “хранил и оберегал в своих объятиях” революционную организацию — Дашнакцутюн, которая в дни ужасных бедствий поняла ситуацию, осознала свою миссию и с удивительной быстротой приспособила всю свою машину для дела спасения кавказских армян»¹⁴. Важная роль партии «Дашнакцутюн» представлена и в работах Г. Тарханяна, который

опыт организации самообороны в Западной Армении. А среди татар подобные развития имели место только после событий 1905–1906 гг.

¹² См. *Свентоховский Т.* Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане. В кн. *Азербайджан и Россия: общества и государства*, сб. ст., М., 2001, с. 19.

¹³ *Варданян Т.* Истоки проявления татарского национализма в Закавказье в начале 20-го века, “Дрошак” (Флаг), Ереван, но. 4, 2002, на арм. яз.

¹⁴ *Симонян Г.* На путях освободительной борьбы, в 4-х книгах, кн. 1, Ереван, 2003, с. 312, (на арм. яз.).

подробно останавливался также на выявлении хронологической картины столкновений¹⁵.

Все перечисленные акценты в репрезентации событий 1905–1906 гг. находили отклик в армянской среде, так как последние события в Карабахе и ход военных действий почти один к одному доказывали тезис о «повторении истории».

В коллективной памяти современного армянского общества наблюдалась усиление еще одной модели восприятия народа-соседа и недавнего собрата по великому союзу — азербайджанцев в качестве не отдельной самостоятельной этнической группы, а народа и государства, которые в восприятии армян ассоциируются с Турцией. Подобное, на первый взгляд эмоциональное восприятие, на самом деле вполне рационально и основано как на историческом опыте, так и на фактах современной региональной геополитики, прежде всего 1) проазербайджанской политике Турции на современном этапе и 2) официально провозглашенном лозунге азербайджанских властей — «одна нация — два государства». Под этим лозунгом имеется ввиду одна тюркская нация в двух разных государствах — Турция и Азербайджан. Примечательно, что до сих пор в армянской бытовой разговорной речи можно наблюдать использование этнонима «турки» по отношению к азербайджанцам. Так было и в начале XX века. Даже в некоторых армянских источниках армяно-татарские столкновения 1905–06 гг. упоминаются как “армяно-турецкие”¹⁶. Таким образом, в условиях освобождения от советского идеологического давления и активной фазы армяно-азербайджанского конфликта армянская историография стремилась к более глубоким и всесторонним исследованиям причин тлеющего конфликта, также его концептуализации.

Азербайджанская репрезентация событий начала XX века

Рассмотрим и акценты азербайджанской постсоветской историографии. Причем, требуется в особенности исследование жанра публицистики, так как фундаментальных исследований по событиям 1905–1906 гг. в азербайджанской историографии пока нет. Уход от «классового» восприятия в представлении событий происходит и в азербайд-

---

¹⁵ *Тарханян Г.* Причины и ход армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг., автореферат диссертации, Ер., 2002.

¹⁶ Например, *А-До (Оганес Тер-Мартиросян)*, Армяно-турецкие столкновения на Кавказе в 1905–1906 гг. с фактологическими, статистическими, топонимическими иллюстрациями, Ереван, 1907 (на арм.); также “Экономические, политические причины армяно-турецких погромов”, газета “Мурч” (Молот), Тифлис, от 1905/но. 11, 12 (на арм.).

жанской историографии и публицистике. События 1905–1906 гг. в современный период используются в качестве исторического материала для антиармянской пропаганды в прессе, на интернетовских форумах и в историографии. Неудачи в Карабахской войне способствовали конструированию определенных элементов коллективной памяти в современной азербайджанской действительности.

С одной стороны основным элементом сознания стал образ врага в лице армян, которые «будто бы веками их притесняли», а с другой — в соответствии с нескрываемыми реваншистскими настроениями бакинских верхов начался процесс конструирования образа азербайджанского народа как жертвы. Армян же представляли в качестве «агрессоров», «террористов» и «эксплуататоров». Примечательно, что подобные акценты директировались прежде всего на государственном уровне. Свидетельством тому является Указ президента Азербайджана от 31 марта 1998 г. «О геноциде азербайджанцев», где говорится, что якобы армяне в 1905–1907 гг. провели против азербайджанцев широкомасштабные кровавые акции¹⁷. Подобные политические пропагандистские шаги целенаправленно транслировались в академическую среду.

Особенно сильный акцент делается на так называемой «террористической» деятельности армян, что репрезентируется на материалах армянской борьбы за создание независимого армянского государства в Турции и на Южном Кавказе. При этом весь стиль репрезентации удачно вмещается в рамки актуальной на сегодняшний день конъюнктуры — «международной борьбы против терроризма».

На современном этапе, из-за неудач в военном конфликте и все более усиливающихся реваншистских настроений в Азербайджане, как результат сформировавшихся определенных потребностей социума, вышеупомянутый нарратив представляется в контексте так называемых армянских территориальных «притязаний». Так, в книге «Терроризм: причина и следствие» отмечается: «...причинами погромов и провокаций, разрушения мирной жизни на Кавказе были бредовые фантазии о “Великой Армении”, с которыми в качестве основной силы выступала партия “Дашнакцутюн” и банды армянских террористов»¹⁸.

С 1990 г. в Баку неоднократно была переиздана книга известного антиармянски и антисемитски настроенного публициста XIX и начала XX вв. В. Величко «Кавказ: Русское дело и межплеменные вопросы». В этой книге армяне представлены крайне негативно. Автор пишет: «всякий обман считается им дозволенным в покупке и продаже, всякая

¹⁷ Национальные истории в советских и постсоветских государствах, под ред. К. Аймермахера. Г. Бодюгова, М., 1999, с. 402–404.

¹⁸ Асадов С.Д., Мамедов И.С. Терроризм: причина и следствие, Баку, 2001, с. 144.

мера для приобретения — законною. Они владеют торговлею Тифлиса и всего Закавказья, исполняют всякого рода поручения, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комиссариатских и провинциальных комиссий. Они — переводчики, докладчики, факторы: словом, где есть возможность получать прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть — первый двигатель всех их помышлений и поступков»¹⁹. В. Величко всех армян представляет в собирательном образе — в образе торговцев, приписывая им такие качества как «хитрость», «лукавство», «бесхарактерность»²⁰. Ссылаясь на «Анатолийские эскизы» немецкого путешественника Альфреда Керте, Величко пишет: «Везде оправдывается пословица, что грек обманет двух евреев, а армянин двух греков»²¹.

Также в 1991 в Баку на азербайджанском языке, а в 2010 г. на русском в Санкт-Петербурге было переиздано произведение М.С. Ордубади «Кровавые годы» (первое издание было в 1911 г.), где описываются события 1905–1906 гг. В книге закавказские татары последовательно изображаются как жертвы карательных операций эффективно организованных армянских отрядов. Одной из главных причин этих событий считается «стремление армян к созданию автономии» и «невежество мусульман, их неинформированность о современных событиях». Отмечается, что «Необразованные и плохо разбирающиеся в политических тонкостях азербайджанцы не учитывали позиции государственных чиновников в отношении Кавказа, в то время как армяне использовали этот фактор»²².

Процесс целеустремленного конструирования образа жертвы в азербайджанском социуме сопровождается «обвинениями» не только в адрес армян, но и некоторых крупных европейских держав, также и России. Так, в вышеупомянутой книге говорится: «С начала прошлого века до наших дней все общественно-политические события, происходящие в регионе, управлялись различными чужими государствами, и все эти мероприятия без преувеличения, можно сказать, сопровождалась не пре-

---

¹⁹ Величко В. Кавказ: Русское дело и межплеменные вопросы, СПб., 1904, Баку, 1990, с. 82.

²⁰ В ответ на подобные обвинения армянские историки цитируют иностранные источники, где говорится, что армян не любят, «так как они умные и деловые. Им удастся быстро разбогатеть в ущерб тех, среди которых они живут, но в этом их обвиняют», см. Газета «Мшак» со ссылкой на французскую газету «Temps», Тифлис, 1905, но. 136 (на арм. яз.).

²¹ Величко В. Кавказ: Русское дело и межплеменные вопросы, СПб., 1904, Баку, 1990, с. 191.

²² Ордубади Мамед Саид. Кровавые годы: История армяно-мусульманской войны на Кавказе в 1905–1906 гг., СПб., 2010, с. 4.

кращающимися арестами, геноцидом, терактами против Азербайджана и его народа»²³.

Таким образом, поражение в карабахской войне побудило азербайджанцев искать его причины в «агрессивной» политике армян, в «проармянской» и «антиазербайджанской» сущности политики России и европейских стран, усилило акценты на образе народа, якобы традиционно являющегося жертвой в силу своей беззащитности и простодушия.

Сравнительное исследование репрезентации одних и тех же исторических событий в разных социумах дает широкую возможность выявить не только разные акценты в исследованиях горячих тем (hot issues) историками и публицистами, но и показать, как национальные историографии стремятся ответить на вызовы времени, дать обществу ответы, на волнующие им вопросы.

Tamara Vardanyan-Ayvazyan

«Hot Issues» in Post-Soviet National Historiographies: An Analysis of Armenian and Azerbaijani Historical Narratives on the Armenia–Tatar Clashes in 1905–1906

The activation of collective memory occurs mostly under the influence of serious contemporary socio-political events. Collective memory could be catalyzed by such phenomena as the national awakening, a burst of interest towards national history, the unresolved national issues inherited from the past, and the escalation of an interethnic conflict. The activation of collective memory, in its turn, significantly predetermines the choice of research topics.

Nevertheless, the postmodern interpretation, emphasizing the consciousness and purposefulness of historical processes, often devotes little space to the consideration of a social demand. After all, until the collapse of the USSR it was practically impossible to discuss many fundamental historical issues of the Soviet ethnic groups, including the problems between them in the pattern of their national thought. The fall of the USSR, the armed conflict in Karabakh (1991–1994) and the hitherto ongoing Armenian-Azerbaijani conflict created the necessity for a profound and multilateral research of the historical past. All these transformations were naturally reflected in the post-Soviet national historiographies.

This article considers the process of historical representations of the clashes between Armenians and Transcaucasian Tatars (who later became modern day Azerbaijanis) in the South Caucasus during 1905–1906 within the context of the new needs of Armenian and Azerbaijani societies and the liberation of historical science from the Soviet ideological pressure.

---

²³ Асадов С.Д., Мамедов И.С. Терроризм: причина и следствие, Баку, 2001, с. 7.

Гайдай Александра
к.и.н., вед. науч. сотрудник
Музея истории города Киева

Парк памятников как форма институализации памяти о коммунистическом периоде: центральноевропейский и украинский контекст

В начале 1990-х гг. в условиях краха коммунистической системы роль истории в новых независимых государствах была огромной: с одной стороны, в ней видели инструмент легитимации нового политического режима, а с другой — механизм мобилизации и объединения общества. Память о государственности в прошлом призвана была легитимизировать «новые» политические силы. В качестве «нарративного шаблона»¹ странами был выбран национальный нарратив, ставший, по определению Мориса Хальбвакса, «социальной рамкой» памяти о прошлом страны. Формирование видения прошлого включало также и определение предыдущего коммунистического опыта. Отдельной формой институализации рецепции коммунизма стал тематический парк памятников. По мнению Майи Надкарни, вопрос монументов прежнего режима стал частью политики стран после обретения независимости, а дебаты об их судьбе отражали особенность тех изменений, которые (не)произошли в политической и общественной сфере стран². Таким образом, целью данной статьи является анализ рецепции коммунизма в тематических парках как способа презентации коммунистического прошлого в странах Центральной и Восточной Европы, а также то, как эти дискуссии были восприняты и реализованы в Украине. С одной стороны, это вопрос о возможностях и пределах репрезентации прошлого в парках монументального искусства, а с другой — об особенностях исторической политики в странах региона, которые, несмотря на некоторые различия в форме и содержании,

---

¹ Схематические по своей природе, нарративы отражают стремление к пониманию прошлого как «собственного». Подробнее о «повествовательных шаблонах» см: *Wertsch J. Voices of Collective Remembering.* — N.Y.: Cambridge University Press, 2002; *Wertsch J. Blank Spots in Collective Memory // The Annals of the American Academy of Political and Social Science.* — 2008. — № 617(1). — P. 58–71.

² *Nadkarni M. Making and marketing the past in Budapest Statue Park Museum / Maya Nadkarni in Memory, History, Nation: Contested Pasts / ed. by K. Hodgkin, S. Radstone.* — Transaction Publishers, 2005. — P. 196.

воспроизводят похожие стратегии в музеефикации коммунистического прошлого.

Первые парки скульптур начали создаваться еще в начале XX века³, но их основной целью было представление скульптур объектами монументального искусства, а не олицетворением определенного исторического периода или идеологического направления. И только в странах с коммунистическим прошлым парки скульптур получили отчетливо идеологическое и политическое определение, став формой рецепции коммунизма. Сегодня идея парков в странах социалистического блока и бывших республиках СССР стала достаточно популярной, и даже больше — утвердилось мнение, что парки памятников являются наилучшей альтернативой таким действиям, как уничтожение памятников или оставление их в публичном пространстве.

В научной литературе тематические парки анализируются в контексте более широких культурных процессов в сфере наследия⁴, или как один из элементов политики памяти государств после обретения независимости. Исследования сосредоточены на осмыслении и возможностях репрезентации коммунистического наследия⁵, а наиболее изученным остается тематический парк в Будапеште⁶. Парку памятников, расположенному в Литве, посвящено отдельное диссертационное исследование Эми Беркхют⁷, на его примере она исследует то, как новая среда изменяет зна-

---

³ Парк скульптур Лаонго (Буркина-Фасо, 1989), Парк скульптур Вигеланда (Норвегия, 1907–1942 гг.), Парк скульптур в Клайпеде (Литва, 1977), Скульптурный парк «Легенда» (Россия, 2008), государственный художественный музей и парк скульптур «Миллесгорден» (Швеция, 1950).

⁴ *Harrison R. Heritage: Critical Approaches / Rodney Harrison. — Routledge, 2013. — 268 p.; Pasa Čenašmenė. Культурное наследие в глобальном мире — Вильнюс : ЕГУ, 2010. — 298 с.; Lisiak A. Urban cultures in (post)colonial Central Europe / Agata Anna Lisiak. — Purdue University Press, 2011. — 232 p.*

⁵ *Memory, History, Nation: Contested Pasts / ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. — Transaction Publishers, 2005. — 264 p.; Socialist Realism Without Shores. / ed by T. Lahusen, E. Dobrenko. — Duke University Press, 1997. — 369 p.; Levinson S. Written in Stone: Public Monuments in Changing Societies / Sanford Levinson — Duke University Press, 1998. — 144 p.*

⁶ *Palonen E. The city communist Budapest: street names, memorials, and the politics of commemoration / Emilia Palonen // GeoJournal. — 2008. — № 73. — P. 219–230; Robin R. The Past as Dustbin, or, the Phantoms of Socialist Realism / Regine Robin in Socialist Realism Without Shores / ed by T. Lahusen, E. Dobrenko. — Duke University Press, 1997. — P. 337–357; Nadkarni M. Making and marketing the past in Budapest Statue Park Museum / Maya Nadkarni in Memory, History, Nation: Contested Pasts / ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. — Transaction Publishers, 2005. — P. 193–208.*

⁷ *Berkhout A. A Third Alternative: The Peculiar Case of Grūtas Sculpture Park (Dissertation) / Amy Berkhout. — University of Bristol Department of Historical Studies, 2011. —*

чение и функции памятников. Отдельной темой стало исследование феномена «темного туризма» как подхода в презентации коммунистического репрессивного наследия⁸. Парк памятников стал неотъемлемой частью политических, культурных процессов стран, где он был создан, но исследования в основном сосредоточены на форме парка и на структуре повествования, в то время, как социальный и политический контекст его создания, мотивы и цели агентов памяти остаются мало изученными.

Опыт стран Центральной и Восточной Европы в создании парков памятников коммунистического периода: проблемы и достижения

Интенсивность антикоммунистического и национального движения в республиках, а также (не)устойчивость национальной памяти и идентичности определили политику памяти касательно советского периода и его наследия. Среди советских республик только в странах Балтии, где была достаточно сильная мобилизация населения в борьбе с коммунистическим режимом, памятники всем советским деятелям были демонтированы в начале 1990-х гг., в других республиках бывшего СССР все происходило гораздо медленнее, и советские памятники оставались (а у некоторых и остаются до сих пор) в публичном пространстве на протяжении десятилетий после распада СССР.

В процессах, связанных с рецепцией коммунизма и вообще прошлого режима, для стран Центрально-Восточной Европы поворотным стал 1989 — «падение» Берлинской стены (9 ноября), а для республик СССР — 1991, когда произошла неудачная попытка государственного переворота (19–21 августа). Следствием общественного напряжения, которое возникло в результате путча в Москве, стал публичный демонтаж памятника основателю ВЧК Ф. Держинского 22 августа 1991. Одновременно активизировался процесс дезинтеграции в советских республиках: только в августе 1991 о своем выходе из состава СССР провозгласили Украина, Молдова, Узбекистан, Кыргызстан, Азербайджан, Латвия и Эстония. В эти первые годы, учитывая то «революционное» настроение, которое сопровождало распад СССР, политические элиты и общество были готовы к действиям по устранению символов предыдущего режима. Демонтаж памятников Ленину происходил без значительных осложнений или

Accesses http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/arhistory/migrated/documents/2011_berkhout.pdf

⁸ The Dark Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism / ed. by R. Sharpely and P.R. Stone. — Bristol, Channel View Publications, 2009. — 275 c.

протестов, а в Москве вполне серьезно обсуждали возможность погребения тела Ленина. В течение конца лета—осени 1991 по решению местных властей памятники Ленину демонтировали на главных площадях Риги, Вильнюса, Баку, Кишинёва, Ташкента и Киева, а за несколько месяцев до того — в Ереване и Тбилиси.

17 сентября 1991 в российской газете «Известия» была опубликована статья Н. Андреева⁹, в которой автор заявил о необратимости процесса устранения памятников, портретов Ленина, цитат из его работ и имени из названий улиц, заводов и фабрик. При этом он подчеркнул необходимость выработки осознанного и взвешенного подхода к «деленинизации» городского пространства. Как возможный вариант сохранения наследия предыдущего режима он предложил создать парк «скульптур эпохи тоталитаризма». Эта же идея о создании парка коммунистических скульптур упоминалась и во время демонтажа центрального памятника Ленину в Берлине в ноябре 1991. Член ХДС Герд Ханнеман высказал предложение переместить памятник Ленину на окраину города и установить его в парке вместе с другими аналогичными памятниками¹⁰. Но практическую реализацию идея собирания памятников прошлого режима впервые получила в Венгрии, где еще 5 июля 1989 журналист Лашло Шорени в периодическом издании «Hitel» предложил создать парк, где были бы собраны все памятники Ленину в стране¹¹. Изменение политического режима в Венгрии, произошедшее преимущественно мирным путем, презентовалось как главное достижение венгерского общества. Поэтому и касательно социалистического наследия утвердилось мнение, что очищение пространства от памятников должно происходить цивилизованно¹². При этом важно было, чтобы демонтированные памятники остались доступными для публики и впоследствии стали частью процесса демократизации общества.

5 декабря 1991 Национальная Ассамблея Венгрии издала декрет, согласно которому власть округа получала право самостоятельно решать судьбу статуй, находившихся на его территории. Параллельно был объяв-

---

⁹ Андреев Н. Минус ленинизация всей страны / Андреев Николай // Известия. — 1991. — 17 сентября. — С. 3.

¹⁰ Ланский В. Продается памятник Ленину // Комсомольская правда. — 1991. — 7 ноября. — С. 4.

¹¹ Robin R. The Past as Dustbin, or, the Phantoms of Socialist Realism / Regine Robin in *Socialist Realism Without Shores* / ed by T. Lahusen, E. Dobrenko. — Duke University Press, 1997. — P. 344.

¹² Nadkarni M. Making and marketing the past in Budapest Statue Park Museum / Maya Nadkarni in *Memory, History, Nation: Contested Pasts* / ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. — Transaction Publishers, 2005. — P. 197.

лен конкурс проектов парка, в котором планировалось разместить демонтированные монументы. Победителем стал известный венгерский архитектор Акос Елеод. По его словам, парк «Мemento» (с лат. «Помни», венг. «Szobor Park») рассказывает как о диктатуре, так и о демократии, позволившей его создать¹³. Парк в Венгрии стал почти хрестоматийным примером парка статуй коммунистического периода, ведь был создан одним из первых, кроме того, его создание сопровождала мощная рекламная компания.

Открытие парка в Будапеште было символично приурочено ко второй годовщине вывода российских войск из страны — 29 июня 1993. Коллекция насчитывает 42 экземпляра монументальных коммунистических произведений, среди которых статуи, бюсты советских воинов, местных коммунистов и мемориальные плиты¹⁴. Вход в парк сделан в виде фасада античного храма из красного камня, по бокам размещены арки с памятниками Ленину и Марксу с Энгельсом. Таким образом, создается восприятие парка как «храма» коммунизма, где центральное место отведено его создателям. В 2001 в связи с активизацией интереса к социалистическому периоду в Будапеште возобновились работы по оформлению парка скульптур. В 2006 Акос Елеод разместил в парке копию сапог статуи Сталину — все, что осталось от памятника после того, как он был разрушен во время акций протестов в 1956. Этот образ «отсутствующего памятника» («absent heritage» используя обозначение Родни Гаррисона¹⁵) стал олицетворением памяти о венгерской революции.

Следует отметить, что венгерское общество в начале 1990-х гг. не полностью разделяло идею о необходимости демонтажа памятников периода социализма с последующим созданием парка памятников. Как отмечает Мая Надкарни, согласно опросу большинство жителей Будапешта осенью 1992 поддержали идею сохранения статуй в городском пространстве¹⁶. Поэтому одной из задач политической и интеллектуальной элиты стало убедить население в необходимости очистки городского пространства от остатков прошлого режима. И дело здесь не только

---

¹³ Haines J. Visiting Day at the Old Soviet Statues Home / Jerry Haines // The Washington Post. — June 27, 1999. — P. 2.

¹⁴ Light D. An Unwanted Past: contemporary tourism and the heritage of communism in Romania / Duncan Light // International Journal of Heritage Studies. — 2000. — Vol. 6. — No. 2. — P. 167–168.

¹⁵ Harrison R. Heritage. Critical Approaches / Rodney Harrison — Routledge, 2013. — P. 169–175.

¹⁶ / Maya Nadkarni in Memory, History, Nation: Contested Pasts / ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. — Transaction Publishers, 2005. — P. 199.

в освобождении места для установления памятников новым национальным символам, но и в унификации памяти о прежнем режиме. Отношение населения к прошлому было амбивалентным, ведь сильным был еще повседневный опыт и, соответственно, не все памятники воспринимались как идеологические, значительная часть из них была включена в культурные практики населения, представляя знакомое и «уютное» прошлое. Поэтому, как указывает Мая Надкарни, основная угроза монументов прежнего режима в ходе политической трансформации заключалась не в том, что они имели идеологическое значение, а в том, что эти значения могли быть проигнорированы или забыты¹⁷. Создание парка памятников позволяло решить эту проблему: на отдаленной закрытой территории памятники избавлялись от культурного контекста, в который они были включены ранее¹⁸, и получали новое осмысление. Единственным критерием, за которым статуи определялись в парк, было их социалистическое прошлое, соответственно, не важно это скульптурное изображение работницы или памятник главе государства.

Сложность в том, что не всегда памятники в парке интерпретируются и воспринимаются посетителями так, как того хотели его создатели. На проблематичность репрезентации прошлого в тематическом парке в Будапеште и, шире, на возможности функционирования его как «места памяти» указывает специалист по культурному наследию Родни Харрисон¹⁹. Лишенные своего предыдущего окружения, статуи теряют часть своего значения, приобретая новое, порой ироническое, что только усиливается ввиду того, что размещены они вместе на небольшой территории. Исследовательница политических и культурных процессов Эмилия Палонен среди основных недостатков репрезентации венгерского социалистического опыта в парке указывает на то, что в нем присутствует разделение между «нами» (посетителями) и «ними» (представителями социалистического прошлого). Последние имеют «безвредный» и иногда комический, но все же весьма далекий от «нас» образ²⁰. И вообще, в экспозиции теряется связь между прошлым и настоящим, соответственно формируется представление о прошлом как о другом времени, где существовали отличные от современных «правила» и «принципы», и поэтому то, что было возможно тогда, невозможно сейчас.

---

¹⁷ *Nadkarni M.* Making and marketing the past in Budapest Statue Park Museum. — P. 201.

¹⁸ Там же. — P. 198–199.

¹⁹ *Harrison R.* Heritage: Critical Approaches / Rodney Harrison. — Routledge, 2013. — P. 195.

²⁰ *Palonen E.* The city communist Budapest: street names, memorials, and the politics of commemoration / Emilia Palonen // *GeoJournal*. — 2008. — № 73. — P. 219.

Примерно в одно и то же время с открытием парка в Будапеште городская власть Москвы приняла решение 24 января 1992 разместить демонтированные коммунистические монументы во дворе Дома художников. Впоследствии там был создан музей скульптур под открытым небом — «Музеон», в который попал в 1994 памятник Ф. Дзержинскому скульптора Е. Вучетича, в 1993 — памятник Сталину авторства С. Меркурова из Измайловского парка в Москве, а в 1998 и памятник Ленину. Таким образом, памятники попадали в музей в разное время, кроме того, «Музеон» был создан при Доме художников, соответственно, его экспонаты оценивались, в первую очередь, с точки зрения их художественной ценности, а не только как пример советской монументальной пропаганды²¹.

Политика «Музеона» отражает российскую тенденцию к интерпретации советского периода как части общего прошлого российской государственности, и, еще шире, русской культуры, а не как отдельный политический и социальный опыт. Историк культуры Илья Калинин указывает, что на государственном уровне такой взгляд на советский период окончательно сформировался в 2000-х гг. Соответственно, и памятники, созданные в советское время, представляются как часть общего российского культурного наследия²².

Парки в Будапеште и Москве являются примерами разных стратегий интерпретации памятников прошлого режима, и хотя со временем эти парки претерпели небольшие изменения, связанные с усилением коммерческой и ностальгической составляющей, их основные значения не изменились. Они продолжают отображать те государственные проекты в сфере памяти, в соответствии с которыми они создавались. Отличный от них — парк памятников в Литве. Как частный проект, финансируемый за счет прибыли от билетов и продажи сувениров, парк в Литве продемонстрировал большее разнообразие в представлении коммунистического опыта.

Парк в Литве был создан в 2001, после того, как Министерство культуры Литвы организовало конкурс проектов, направленных на решение судьбы демонтированных советских скульптур. В конкурсе победил проект частного предпринимателя Вилюмаса Малинаускаса Грутас парк. Решающими факторами избрания этого проекта стало создание комплекса на частные средства, а также содействие парка в развитии

---

²¹ Официальный сайт «Музеон». — Режим доступа: <http://www.muzeon.ru/pages/museum>

²² Калинин И. Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт / Илья Калинин // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 6 (74).

туризма в регионе²³. Отметим, что Грутас парк был создан в начале 2000-х гг., когда среди населения стран, входивших когда-то в социалистический блок и СРСР, вырос интерес к коммунистическому периоду. К тому времени общественные практики и предметы быта, характерные для коммунистического периода, почти полностью исчезли из повседневности населения стран Центральной и Восточной Европы. Музеи и тематические парки стали единственным местом, где граждане могли «встретиться» с этим прошлым²⁴.

В связи с тем, что парк в Литве существует за счет продажи входных билетов и сувенирной продукции, коммерческая составляющая в его деятельности довольно существенная. Тем не менее, парк вписывается в четкие нарративные рамки, нацеленные на конструирование определенной рецепции коммунизма²⁵ как периода оккупации. Целью Грутас парка провозглашалось раскрытие особенностей советской идеологии, вредившей литовцам в течение десятилетий²⁶. Как и в случае с Будапештским парком, посещение парка в Литве является «комфортным» для жителей страны, ведь он не противоречит официальной политике памяти о советском периоде и не ставит неудобных вопросов.

Отсутствие государственных средств позволило трактовать коммунистическое прошлое более свободно в парке, и вместе с дидактической составляющей представить ностальгическую и развлекательную. Последняя отражена уже в надписи, которая встречает посетителей: «Добро пожаловать на территорию вечного соцреализма». Парк расположен на 23 гектарах и состоит из выставки советских скульптур, музея, построенного в форме советского Дома культуры, картинной галереи с произведениями социалистического искусства, кафе, где посетителей обслуживают переодетые в пионеров и комсомольцев официанты, а в меню представлены блюда из советского периода, детской площадки и зоопарка. В Доме культуры размещен своеобразный музей пропаганды, в

---

²³ *Kuusi H.* Prison Experiences and Socialist Sculptures — Tourism and the Soviet Past in the Baltic States / Hanna Kuusi in *Touring the Past Uses of History in Tourism* / edited by A. Kostianen, T. Syrjämaa. — Centre for Tourism Studies University of Joensuu, 2008. — P. 114.

²⁴ Музей коммунизма в Праге (Чехия, 2001), Музей ГДР в Берлине (Германия, 2006), музей Ленина в Риге (Латвия, 2006), и частично «Дом террора» в Будапеште (Венгрия, 2002).

²⁵ *Berkhout A.* A Third Alternative: The Peculiar Case of Grūtas Sculpture Park (Dissertation) / Amy Berkhout. — University of Bristol Department of Historical Studies, 2011. — Accesses <http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/arthistory/migrated/documents/2011berkhout.pdf>

²⁶ *Rasmussen J.* Travel Guide. Traces of the Cold War Period. The Countries around the Baltic Sea / Johannes Bach Rasmussen — Copenhagen 2010. — P. 128–129.

котором представлены портреты политических лидеров, агитационные листовки, флаги, газеты, книги, значки и одежда, также здесь раскрывается история массовых депортаций населения Литвы, репрессий и уничтожения литовских партизан. Избыточность музея является своеобразным средством репрезентации режима, раскрытием того, насколько мощным и тотальным был механизм индоктринации населения²⁷.

Выставка скульптур состоит из более чем 90 экспонатов, размещенных вдоль пешеходной дорожки длиной около двух километров, и является центральным компонентом парка. Кроме коммунистических лидеров, в парке представлены скульптуры советских партизан и воинов Красной армии²⁸. Следует отметить, что памятники и монументы прежнего режима утратили свое сакральное значение для литовцев еще в начале 1990-х годов, а в 2000-х годах они стали не более чем символами прошлого. Поэтому размещения памятников без пьедестала, рядом, и в большом количестве, как метод их десакрализации, повлекло лишь к усилению их комичности²⁹. Коммунистические памятники были составляющей пространства вокруг них, они получали свое значение во взаимодействии с ним, поскольку и пространство также было организовано в соответствии с идеологическими ориентирами страны. Поэтому релокация памятников неизбежно вела к изменению их значений и, следовательно, восприятию.

Парк в Литве является местом отдыха и развлечений, в значительной степени семейным заведением, с достаточно высоким уровнем коммерциализации прошлого, где коммунистическое стало трендом. Его даже называют «StalinWorld» за аналогией с «DisneyWorld»³⁰, выделяя то, что в обоих случаях мы имеем дело с обособленной и значительным образом «самодостаточной» реальностью, где символы, характеристики и структуры представлены отдельно от реальной жизни, а развлекательная составляющая достаточно сильная. Указывалось, что парк может воспроизводить для части посетителей определенную альтернативу настоящему,

---

²⁷ *Berkhout A.* A Third Alternative: The Peculiar Case of Grūtas Sculpture Park (Dissertation) / Amy Berkhout. — University of Bristol Department of Historical Studies, 2011. — Accesses <http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/arhistory/migrated/documents/2011berkhout.pdf>

²⁸ *Rasmussen J.* Travel Guide. Traces of the Cold War Period. The Countries around the Baltic Sea / Johannes Bach Rasmussen — Copenhagen 2010. — P. 128–129.

²⁹ *Wight C.* Contested National Tragedies: An Ethical Dimension / Craig Wight // *The Dark Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism* / ed. by R. Sharpely and P.R. Stone. — Bristol, 2009. — P. 141.

³⁰ *Wight C.* Contested National Tragedies: An Ethical Dimension / Craig Wight // *The Dark Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism* / ed. by R. Sharpely and P.R. Stone. — Bristol, 2009. — P. 140.

где прошлое трактуется как такое, которое потеряли, а не как такое, от которого освободились³¹.

В странах с коммунистическим прошлым не прекращается обсуждение идеи собрания памятников предыдущего периода в отдельном месте, доступном для публики. Свое намерение о создании тематического парка объявили власти Эстонии. С этой целью Исторический музей Таллинна уже несколько лет собирает скульптуры и мемориальные доски, которые были сделаны в период с 1945 по 1990 гг. На официальном сайте проекта указывается, что эти памятники являются частью воспоминаний о предыдущем периоде, поэтому их следует сохранить³². Тем временем, до открытия музея было принято решение поместить изображения памятников из будущего музея на официальной странице проекта в сети Интернет. Кроме фотографии монументов, представлены также их описание, информация о скульпторах и людях, увековеченных в этих памятниках.

Между парком как художественным музеем и парком определенного исторического периода (тематическим) существует кардинальная разница, что отображается как в форме представления, так и в содержании. В первом случае, избегается идеологически ориентированная нарративная структура, во втором, практически полностью отсутствует художественная составляющая, вместо этого советское искусство представляется как однотипное, не имеющее художественной ценности, что ограничивает понимание как периода, так и его искусства. Это упущение пытаются преодолеть создатели парка в Эстонии, которые уделяют также внимание художественной составляющей экспозиции.

У всех упомянутых парков были как сторонники, так и противники создания, что связано с различными интерпретациями объектов монументального искусства и коммунистического опыта в целом. Как утверждает Крег Уайт, парки представляют то, как прошлое должно быть воспринято и проинтерпретировано, они придают ему смысл для того, чтобы обосновать настоящее³³. Большинство стран выбирают нарративную рамку, при которой коммунистическое прошлое интерпретируется

---

³¹ *Berkhout A.* A Third Alternative: The Peculiar Case of Grūtas Sculpture Park (Dissertation) / Amy Berkhout. — University of Bristol Department of Historical Studies, 2011. — Accesses <http://www.bristol.ac.uk/media-library/sites/arhistory/migrated/documents/2011berkhout.pdf>

³² Исторический музей Эстонии. — Режим доступа: www.ajaloomuuseum.ee/en/estonian-history-museum/park-of-monuments

³³ *Wight C.* Contested National Tragedies: An Ethical Dimension / Craig Wight in *The Dark Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism* / ed. by R. Sharpely and P.R. Stone. — Bristol, 2009. — P. 141.

как уникальный и одновременно наиболее травматический опыт, что ведет к его гомонизации. Следует также отметить, что опыт, представленный в парках, зачастую представляется как противоположный западному, в значении цивилизованному.

Обсуждение создания парка памятников в Киеве

В Киеве несколько раз обсуждали возможность создания парка памятников, первый раз — в начале 1990-х гг., второй раз — осенью 2008 г., когда Киевский городской совет, исполняя Указ Президента 2007 о демонтаже памятников лицам, причастным к организации голода и репрессий, объявил о намерении демонтировать памятники советским деятелям, которые остались в городе, и в последний раз — после принятия парламентом в апреле 2015 года закона о демонтаже символов коммунистического режима. Несмотря на то, что обсуждения создания парка памятников в столице Украины происходили в разное время и участвовали в них разные политические и общественные деятели, по своему содержанию они не очень отличались. Участники использовали похожие аргументы для обоснования необходимости создания парка, а также определяли достаточно сходным образом цели и задачи музея.

В начале девяностых идея о собрании памятников в отдельном месте обсуждалась на уровне городских властей, департамента культуры, а также музейных сотрудников, в первую очередь Музея истории города Киева, на территории которого и находились некоторые из демонтированных в начале 1990-х статуй. Но никаких конкретных решений принято не было.

В сентябре 2008 Киевская городская государственная администрация заявила о намерении демонтировать 27 памятников советским деятелям, среди которых: 17 памятников Владимиру Ленину, 2 — Надежде Крупской, 2 — Феликсу Дзержинскому, по 1 — Станиславу Косиору, Григорию Петровскому и Михаилу Калинину³⁴. Но через год, осенью 2009 городские власти демонтировали только памятники лицам, которые были непосредственно причастны к организации голода и занимали высокие государственные посты в СССР в 1932–1933: Генеральному секретарю ЦК КП(б)У Станиславу Косиору, председателю Совета Народных Комиссаров УССР Власу Чубарю и председателю ВУЦИК Григорию

---

³⁴ У Києві знесуть пам'ятник радянському діячеві Петровському // ТСН. — 29 вересня 2009. — Режим доступу: <http://tsn.ua/ukrayina/u-kiyevi-znesut-pam-yatnik-radyanskomu-diyachevi-petrovskomu.html>

Петровскому³⁵. Подавляющее большинство других памятников из сложеного в КГГА списка, включая памятники Ленину, остались на своих местах.

Незавершенность процесса демонтажа памятников не помешала городским властям Киева во главе с Александром Поповым в октябре 2009 выступить с инициативой о создании «Парка советского периода» на территории Гидропарка. Среди мотивов такого решения преобладали практические, указывалось на то, что тематические парки памятников в Литве и Будапеште являются коммерчески успешными. Соответственно, создание парка в Киеве должно было способствовать привлечению туристов, в том числе из других стран. Но, несмотря на то, что желание получить прибыль от таких парков-музеев присутствовало во всех странах, даже в отношении наиболее коммерчески успешного Грутас парка, говорить о полной окупаемости и финансовой независимости преждевременно.

9 апреля 2015 года Верховный Совет принял закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». «За» проголосовало 254 народных депутата. Примечательно, что существенного обсуждения этого закона, как и законов об открытии архивов репрессивных органов СССР, увековечении победы над нацизмом и о правовом статусе всех борцов за независимость Украины, не проводилось.

Законы вступили в силу 21 мая, но уже 23 апреля в Национальном музее истории Украины состоялось обсуждение создания музея тоталитаризма в Украине, в котором участвовали министр культуры Вячеслав Кириленко, народный депутат от Блока Петра Порошенко Ольга Богомолец, высказавшая предложение разместить демонтированные коммунистические памятники возле Радомышля³⁶, диссидент Левко Лукьяненко, заместитель председателя КГГА Анна Старостенко и член Украинской Хельсинской Группы, публицист Василий Овсиенко. По сути, обсуждение свелось лишь к констатации необходимости создания такого музея, а министр Кириленко заявил, что в регионах Украины также будут

---

³⁵ У Києві демонтовано пам'ятник Григорію Петровському // Кореспондент. — 25 листопада 2009. — Режим доступу: <http://ua.korrespondent.net/ukraine/1021138-u-kievi-demontovali-pamyatnik-radyanskomu-diyachevi-petrovskomu>

³⁶ Ольга Богомолец ініціювала створення Музею тоталітаризму в Україні. — Режим доступу: 22.04.2015 <http://solydarnist.org/?p=17756>

созданы аналогичные музеи³⁷. Министр повторил уже звучавшие ранее заявления о предназначении музея тоталитаризма: «Человек должен выходить из музея с невыносимой болью за то, что украинский народ 70 лет подвергался таким ужасным пыткам... Дух экспозиции должен быть отчетливо антитоталитарный»³⁸. Говоря о будущем музее, министр упомянул музеи в Венгрии, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии. Таким образом, в представлении министра культуры будущий проект в Киеве должен совместить музей оккупации и тематический парк памятников.

Члены комиссии Киевского городского совета по вопросам культуры и туризма поддержали позицию министра³⁹. Секретарь комиссии Павел Бригинец отметил, что музей советской оккупации можно разместить на территории парка в Подольском районе Киева или в одном из павильонов ВДНХ. В то же время, окончательно этот вопрос, по его словам, должен быть решен после общественного обсуждения⁴⁰. Отметим, что в Киеве уже существует музей советской оккупации в помещении Украинского общества «Мемориал» имени Василия Стуса.

Примечательно то, что, несмотря на разнообразие формулировок названия музея-парка, все официальные агенты памяти сходятся во мнении о необходимости такого музея, а также имеют сходные представления о его концепции. Легитимация создания подобного музея осуществляется посредством апелляции к общественности, но результаты опросов общественного мнения, как правило, не упоминаются, также политические актеры ссылаются на опыт европейских стран в создании таких музеев, при этом этот опыт представляется без какого-либо критического осмысления. Официальная риторика государственных деятелей ограничена национальным нарративом, желанием представить украинцев только жертвами прошлого режима, а весь советский период — препятствием к европейскому развитию Украины.

Так как интерпретация советского периода истории Украины трактуется как важная политическая тема, центральную роль в обсуждении будущего музея-парка играют политические и государственные деятели, историки и работников музейной сферы, если и допускают, то только как консультантов. Также проявляется отличие в мотивации создания

---

³⁷ Музеї тоталітаризму будуть по всій Україні — Кириленко. — Режим доступу: http://www.ukrinform.ua/ukr/news/muzeii_totalitarizmu_budut_po_vsii_ukraini_kirilenko_2046409

³⁸ Там же.

³⁹ Київ проти комунізму, або Нове звалище радянської історії. — Режим доступу: <http://www.dw.com/uk/>

⁴⁰ Музей комуністичної доби можуть розмістити у парку на Подолі? // Українська правда. — Режим доступу: <http://kiev.ppravda.com.ua/news/559678d8679dc/>

парка памятников в 2009 и 2015, что повязано с активизацией исторической политики на государственном уровне. Если раньше одним из главных мотивом в создании парка была финансовая выгода, то теперь — идеологическая и просветительская деятельность такого музея.

Нужно отметить, что при отсутствии других форм организации коммунистического наследия, в странах социалистического блока и бывших республиках СССР, несмотря на многочисленные недостатки, идея создания тематических парков памятников остается достаточно популярной. Ведь такой парк удовлетворяет потребности туристов, которые интересуются коммунистическим прошлым, тех граждан страны, которые хотят его сохранить, и тех, кто хочет забыть⁴¹. С другой стороны, остается неразрешенным вопрос о тех значениях, которые он создает, в том числе, и в рецепции коммунизма. Собранные вместе на небольшой территории, памятники гиперболизируют коммунистическую реальность, превращая ее в объект коммунистического китча⁴². Специалист по культурному наследию Родни Гаррисон на примере парка «Мemento» указывает на несоответствие между задекларированной целью парка (рассказать туристам и визитерам о падении коммунизма) и ее практической реализацией. Рецепция коммунизма в тематическом парке колеблется между иронией и желанием унизить, опорочить режим, а строгость и триумфальность статуи часто вызывает у туристов лишь иронию⁴³.

Выводы

Коммунистический период представляет значительный интерес для населения, так как он уже превратился в исключительный исторический опыт со своим набором символов и значений. При этом интерес к нему не следует понимать как тоску по утраченному прошлому в сочетании с желанием его вернуть, а, в значительной степени, как интерес к «другому» опыту. Но не всегда музеи, посвященные коммунистическому периоду, удовлетворяют эту потребность, соответственно возникают другие частные инициативы по собиранию, сохранению и представлению коммунистического прошлого.

---

⁴¹ *Light D.* An Unwanted Past: contemporary tourism and the heritage of communism in Romania / Duncan Light // *International Journal of Heritage Studies*. — 2000. — Vol. 6. — No. 2. — P. 169.

⁴² *Meusburger P., Heffernan M., Wunder TE.* Cultural Memories: An Introduction // *Cultural Memories. The Geographical Point of View* / ed. By Peter Meusburger, Michael Heffernan, and Edgar Wunder. — 2006. — P. 11.

⁴³ *Harrison R.* Heritage. Critical Approaches. — P. 194.

Парки памятников так же, в некоторой степени, — музеи коммунистического периода. Но, учитывая то, что представляют они объекты монументального искусства, парки достаточно ограничены в презентации прошлого. Соответственно, с целью интерпретации и презентации прошлого режима государства создают традиционные музеи, посвященные коммунистическому периоду. Возникает вопрос о необходимости такого объекта как парки памятников, учитывая также и определенное несоответствие декларируемых целей и того реального влияния, которое имеет парк на посетителей. Главным мотивом в создании парка памятников является возможность решить таким образом проблему сохранения коммунистических монументов в новых демократических странах. Парк памятников функционирует как наглядное свидетельство того, что коммунистический режим в прошлом, а государства окончательно определились как с его интерпретацией, так и с наследием.

Практической проблемой остается выработка приемлемого соотношения развлекательного и образовательного компонента в парке, ведь усиление первой составляющей ведет к увеличению количества посетителей, но в то же время влечет за собой профанацию и юморизацию истории в восприятии посетителей парка.

Музеефикация советского периода — это процесс селекции определенного исторического опыта, что особенно сильно проявляется в музеях, созданных для репрезентации определенной модели памяти, где «нужный» опыт вытесняет тот, который ему противоречит. В первую очередь, речь идет о повседневном опыте, который может противоречить официальному или же интерпретироваться как недостойный музейной экспозиции.

Музеи продолжают восприниматься не как место осмысления прошлого, представления различного опыта и средство коммуникации, а как инструмент отражения и воплощения официальной версии прошлого. Упрощенное представление о коммунистическом режиме облегчает достижение консенсуса о прошлом, но препятствует пониманию основ режима, целей и мотивации населения того времени.

Создание парка памятников в Украине, как и представление коммунистического периода в музее вообще, официальными агентами памяти артикулируется как важный политический вопрос. Соответственно, деятельность музеев в этом направлении, финансово зависимых от муниципальных властей, непосредственно контролируется и координируется властью. После принятия упомянутых «декоммунизационных» законов возможность дискуссии о советском наследии была резко ограничена. Негативная интерпретация советского периода стала составной частью современной украинской политики, соответственно институализация и

музеефикация памяти о том периоде, кроме образовательных, выполняет также и внутри- и внешнеполитические задачи. Речь идет о подчеркивании европейского характера Украинского государства, представлении его истории как части общеевропейской истории.

На наш взгляд, проблема состоит в самом подходе к истории коммунистического периода, который выделяется с истории страны как что-то особенное (для институализации памяти о нем создаются отдельные музеи). Среди удачных проектов в Украине, посвященных советскому наследию, следует отметить выставку организованную Национальным художественным музеем в 2015 году совместно с Goethe-Institut: «Герои. Попытка инвентаризации», куратором которой был директор Института «Искусство в контексте» университета Искусств в Берлине Михаэль Фер. Целью выставки была попытка критически проанализировать «героическое наследие» Украины, представленное экспонатами, сохранившимися в коллекции музея, то, как образ героя функционирует в обществе и как он конструируется. Важной частью этой выставки стал образ «советского героя». Примечательно, что именно немецкий фонд стал спонсором этой выставки. Ведь уже больше года в Берлине готовится выставка «Revealed: Berlin and its monuments», посвященная всем демонтированным в двадцатом веке памятникам города. Выставки в Киеве и Берлине, как форма проработки прошлого, резко контрастируют с инициативами государственных органов в Украине, представляя отличную инклюзивную модель интерпретации прошлого.

‘Gaidai Oleksandra

Theme Parks as a Form of Institutional Memory about Communist Time: Central European and Ukrainian Contexts’

After the fall of Communism the leaderships of new democratic states were looking for a way to get rid of unwanted remains of the former regime without its destruction. The USSR and communist regimes in Eastern Europe have left behind a number of monuments which should be stored and re-interpreted. Ukraine that has yet to decide the fate of its Communist heritage is one of these cases. In this context the idea of creating special places called statue parks is being presented as the best possible solution. The two most famous parks “Memento” and “Grutas” are presented by Ukrainian political elites as a positive model for dealing with the past that satisfies both educational and commercial needs. In order to attract visitors these parks exhibit not only symbols of the former regime, but also recreate daily practices of communist “reality” what turn them into theme parks. Therefore, the article offers an analysis of present-day memory culture surrounding the theme parks in order to

understand its current function as place of memory. For this purpose it examines the forms and features of representation of communist heritage in statue parks, and its ability to overcome the controversial past. Moreover, the article scrutinizes the public discussions evolved around these parks, including the strategies and intentions of its creators. The conclusions presented in the article are based on the observation made by the author while visiting of mentioned sites and research into the literature on the subject.

Оксана Дудко
к.і.н., дослідниця Центру міської історії
Центрально-Східної Європи (Львів)

Між історіографією і дидактикою: Перша світова війна у шкільних підручниках з історії України

Яким чином академічне знання слід адаптувати до потреб шкільних підручників? Як трансформувати „дослідження” у „дидактику”, не вдаючись до надмірних спрощень і перекручування фактів? Як у підручниках представляти складні дискусійні теми? У який спосіб шкільна програма має реагувати на зміни у історичній науці? Проблеми адаптації академічного знання до потреб шкільної історії неодноразово підіймалися у рамках обговорень нових стандартів шкільних підручників з історії України. Частина з них фіналізувалася у публікації¹ та розробку “Концепції та програми викладання історії України у школі (проект)”² під редакцією Наталії Яковенко, яка є однією з ключових промоторок моніторингу і впровадження нових підходів до написання шкільних підручників³.

Дана стаття має на меті проаналізувати яким чином сучасні напрямки досліджень Першої світової війни можна інкорпорувати у шкільні підручники з історії України, щоб вони розвивали критичне мислення у школярів і одночасно відповідали новій концепції виховання відпові-

---

¹ Шкільна історія очима істориків-науковців. Матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України / упорядкування та редакція Яковенко Н. — К., 2008. — 122 с. [Електронний ресурс] <http://osvita.khpg.org/index.php?id=1224512202>; Україна модерна. — Випуск 19. — Як (не) писати підручники з історії. — К., 2012. — 336 с.

² Концепція та програми викладання історії України у школі (проект) / упорядкування та редакція Яковенко Н., Ведмідь Л. — К., 2009. — 87 с.

³ Яковенко Н. Нова доба — нові підручники. Про потребу дискусії над підручниками з історії України [Електронний ресурс] <http://www.prev.novadoba.org.ua/history/data/development/yakovenko.rtf>; Яковенко Н. „Образ себе” — „образ Іншого” у шкільних підручниках з історії / Шкільна історія очима істориків-науковців. Матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України / упорядкування та редакція Яковенко Н. — К., 2008. — 122 с. [Електронний ресурс] <http://osvita.khpg.org/index.php?id=1224511000>; Яковенко Н. Польща та поляки в шкільних підручниках історії, або відлуння давнього та недавнього минулого / Яковенко Н. Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. — К., 2002. — С. 366–379.

дальних і відкритих до світу громадян⁴. Вихідною точкою для міркувань стануть три вживані сьогодні шкільні підручники з історії України для 10 класу⁵, а також згадана вище концепція і програма викладання історії України у школі⁶.

Воєнна історія: від стратегій і тактик до досвідів і мотивацій

Одним з найбільших критичних закидів сучасним підручникам з історії України є надмірна концентрація на політичній, а у випадку війни, мілітарній історії. Нова концепція підручників наголошує на важливості „звільнення підручника від другорядного фактажу, що надасть простір для обговорення політичних та військових подій здебільшого на прикладах поведінки конкретних соціальних груп, а не безособових державних чинників”⁷. Постає питання, які з фактів, що представлені у підручниках, слід залишити, з якої перспективи їх представляти і які нові теми необхідно вводити. Всі розглянуті сучасні українські підручники описують Першу світову війну як боротьбу між двома ворожими блоками — Антантою і Троїстим союзом, концентруючись переважно на європейському характері конфлікту⁸. Досить багато уваги приділяється планам воюючих сторін стосовно українських територій і так званій політиці орієнтацій — реакції українських політичних і громадських середовищ на проголошення війни⁹. Далі увага авторів підручників зосереджується на описі переміщення лінії фронту по території України¹⁰. Серед битв

⁴ Передусім стаття опирається на сучасні європейські, американські та, частково, українські дослідження Першої світової війни.

⁵ Турченко Ф.Г. Історія України 10 клас. Профільний рівень. Підручник для загальноосвітніх навчальних закладів. — К., 2011; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України, підручник для 10 класу (рівень стандарту, академічний рівень). — К., 2012; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України. Підручник для 10 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Рівень стандарту, академічний рівень. — К., 2012.

⁶ Концепції та програми викладання... — 87 с.

⁷ Концепції та програми викладання... — С. 9.

⁸ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 106–107; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 104–105; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 56.

⁹ Турченко Ф.Г. Історія України... — 107–115; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 105–112; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 56–62.

¹⁰ Поняття „Україна” і „український” реферують до територій, що під час Першої світової війни належали до Австро-Угорської і Російської імперій, а сьогодні є частиною України.

виділені Галицька битва 1914 р., Брусилівський прорив 1916 р. і бойові дії у яких брали участь Українські січові стрільці¹¹.

Яким чином представлені у підручниках факти відповідають сучасним історіографічним репрезентаціям воєнних дій? У західній історіографії відбувся поступовий відхід від домінування воєнної історії, що концентрується на детальному вивченні тактик і стратегій ведення бою. Починаючи з 60-х рр. ХХ ст. центральною темою досліджень стали соціальні структури та суспільні рухи, як-от заворушення на фронтах, революції, страйки. З початком 90-х рр. ХХ ст. з'явилося нове покоління дослідників, об'єктом історичного аналізу яких стала культурна та соціальна історія фронту. Методологічний злам мав безпосередній вплив на "класичні" студії війни — політичну, воєнну та дипломатичну історію. З'явилася так звана "нова мілітарна історія". Дослідники сфокусувалися на вивченні особистісних мотивацій і суб'єктивних чинників, що впливали на прийняття рішень державних діячів і воєнного командування. Вивчення історії фронтів з перспективи державних еліт доповнилося численними працями про так звану "війну солдат". Об'єктом аналізу стали повсякденні практики на фронтах, фізичні та емоційні переживання військових, що вперше зіштовхнулися з індустріальною війною. Історики відійшли від трактування солдат як інструментів для реалізації планів вищого командування. Мотивації і уявлення військових різних рангів стали розглядатися як важливий чинник впливу на перебіг бойових дій¹².

Опираючись на нові методологічні підходи, яку інформацію варто включити в оновлені підручники? Поруч з описами бойових дій та історією Українських січових стрільців важливим є представлення досвідів, мотивацій і стратегій виживання солдат, які воювали у складі російської та австрійської армій. У діючих підручниках воєнний досвід, мобілізованого з українських територій населення, обмежується тільки інформацією про Українських січових стрільців, а також цифрами мобілізованих чоловіків у армії Австро-Угорської та Російської імперій¹³. Дані

---

¹¹ Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 62–66; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 113–124; Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 121–126.

¹² У західній історіографії важливими працями, які описують досвіди військових є: Smith V.S., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War 1914–1918. — New York, 2008; Watson A. Enduring the Great War. Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914–1918. — New York, 2009; Reid F. Broken Men. Shell Shock, Treatment and Recovery in Britain 1914–1930. — London, 2012.

¹³ Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 116; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 57; Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 110–111.

супроводжуються короткими примітками про братовбивчий характер війни¹⁴ і відстоювання українцями чужих інтересів у війні¹⁵.

Наголошення на факті, що кілька мільйонів українців, як і десятки мільйонів людей по всьому світу, брали участь у війні дасть змогу відійти від трактування історії України як об'єкту міжнародної політики. З іншого боку, важливо наголосити на різноманітності досвідів, що здобуло населення у складі імперських військ у світовій війні на різних фронтах. Одним з важливих аспектів був вплив війни на емансипацію, модернізацію та українцізацію армії, що привело до створення національних підрозділів у час революції¹⁶. Обговорення з школярами таких категорій як патріотизм, лояльність, вірність, обов'язок вироблятиме в учнів розуміння і повагу до різноманітних життєвих виборів.

Представлення бойового шляху Українських січових стрільців як героїчної сторінки боротьби українського народу за незалежність теж потребує перегляду. Підручники насамперед звертають увагу на військові кампанії січових стрільців. Ідеалізований образ січових стрільців, що боролися проти Росії, створює хибне враження про вирішальний вплив воєнних кампаній за їх участю на перебіг війни на Східному фронті. У підручниках відсутні інформації про те, що поруч з українцями воювали інші військові підрозділи австрійської армії.

Ідеалізація воєнного досвіду стрільців витісняє аналіз символічної ролі стрільців в українській історії ХХ ст. і в формуванні українського історичного наративу. Поза увагою залишається унікальний пласт стрілецької культури. Однобічне представлення історії УСС створює дисонанс між інформацією у шкільних підручниках, історичною пам'яттю та академічними дослідженнями, обмежує розуміння учнями важливих сторінок історії України та актуальних суспільно-політичних дискусій на історичні теми.

Тотальна війна

Проблематичним у підручниках є представлення різних сфер суспільного життя поза фронтом. Аналізуючи динаміку економічного життя на території України, автори підручників концентруються виключно на

---

¹⁴ Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 57; Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 111.

¹⁵ Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 57.

¹⁶ Детальніше про воєнні досвіди та націоналізацію див.: Гаусман Г. Культура поразки. Перша світова війна в українській пам'яті // Критика. — Число 1–2 (195–196). — К., 2014. — С. 23–24.

кризових явищах, які каталізували революцію¹⁷. Представляючи економічний вимір війни, оповідь розпочинається тільки з 1915 р., а то й з 1916 р.¹⁸ Розгляд економічної ситуації у Російській та Австро-Угорській імперії не порівнюється. Узагальнюючи автори представляють економічну ситуацію у Російській імперії як таку, що стосується всіх українських територій. Натомість специфіка воєнної економіки на українських територіях Габсбурзької імперії не розглядається взагалі або розглядається тільки в контексті руйнувань, здійснених російськими військами¹⁹. Місце української індустрії і сільського господарства у воєнних економіках імперій описано вибірково і поверхнево. У підручнику Турченка згадується, що роль української індустрії після захоплення польських і прибалтійських індустріальних районів Російської імперії значно зростає²⁰. Відзначається ключова роль Донецького вугільного району для воєнної економіки Російської імперії²¹. Міститься також інформація про евакуацію підприємств з прифронтової зони, проте не зазначено яких саме²². Більше уваги підручник Турченка звертає на наростання соціально-економічної кризи. У підручниках описано страйки робітників у різних частинах України — Катеринославщині, Миколаєві, Донеччині²³. Натомість підручник Прометун-Гупан наголошує на тому, що обсяги видобутку вугілля на Донбасі та руди на Криворіжжі не задовляли потреби російської імперської економіки після захоплення Домбровського вугільного басейну, а обсяги промислового виробництва значно скоротилися²⁴.

Всі аналізовані підручники звертають увагу на проблеми сільського господарства, викликані зменшенням посівних площ, мобілізацією чоловіків та реквізицією коней²⁵.

Найбільш структуровано економічну ситуацію висвітлює підручник Кульчицького-Лебедевої. Це єдиний з аналізованих підручників, який містить інформацію про процес мілітаризації економіки Російської

---

¹⁷ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 126–131; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 125–128.

¹⁸ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 126–131; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 125; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 70.

¹⁹ Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 71.

²⁰ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 127.

²¹ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 128.

²² Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 128.

²³ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 129–130.

²⁴ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 130; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 70.

²⁵ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 130; Прометун О.І., Гупан Н.М. Історія України... — С. 70; Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 126.

імперії та особливості управління нею у воєнний час²⁶. Матеріал про роль Донбасу під час війни подається більш збалансовано²⁷. Проте підручник повністю ігнорує розгляд воєнної економіки на українських землях у складі Австро-Угорщини.

Намагання представити воєнну економіку крізь призму назрівання революційної ситуації у Російській імперії суттєво обмежує розуміння учнями функціонування воєнних економік загалом, особливостей економічної ситуації в Україні та вплив економічної ситуації на соціальне життя і повсякденні практики населення. Підручники не можуть переконливо пояснити чим відрізняється воєнна економіка від економіки мирного часу. Без відповіді залишаються питання про те, як економіка Австро-Угорщини і Російської імперії перелаштовувалася на воєнні рейки на початку війни. Питання особливостей управління економікою під час війни теж ігнорується. Надмірне узагальнення інформації залишає поза розглядом важливі проблеми інфраструктури та комунікації між фронтом і тилом. Питання логістики, транспортування, постачання, розквартирування та переміщення військ, що в умовах затяжної війни мали визначальне значення, артикуються, проте не інтерпретуються²⁸. Акцентування на негативних сторонах економічної ситуації на українських територіях залишає відкритим питання про те, яким чином воєнним економікам обох імперій, незважаючи на проблеми і прорахунки, вдавалося вести війну, і часто небезуспішно, протягом такого тривалого періоду.

Такі самі проблеми зустрічаються при висвітленні соціальної історії. Українські робітники і селяни виступають виключно як революційна маса, яка прогнула повалити російське самодержавство. Натомість у підручниках немає інформації про зміни соціальної структури населення, викликані війною. Вплив воєнних дій та економічної кризи на повсякдення українського населення згадується побіжно, в контексті “наростання кризових явищ у російському суспільстві”²⁹. Повністю ігнорується соціальна та етнічна специфіка різних українських регіонів, різниця між містом та селом, різними статусами територій під час війни, зумовленими умовами воєнного часу.

Які підходи сучасної історіографії можуть бути продуктивним при складенні оновленої програми шкільних підручників і допомогти подати матеріал більш структуровано? Передусім варто відзначити, що у сучас-

²⁶ Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 125.

²⁷ Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 125.

²⁸ Турченко Ф.Г. Історія України... — С. 127–128.

²⁹ Кульчицький С.В., Лебедева Ю.В. Історія України... — С. 125.

них дослідженнях тема цивільного населення, а отже мілітаризації економік і суспільного життя є пріоритетною. Одним з провідних методологічних підходів, який застосовується у сучасній історіографії є концепція “тотальної війни”, тобто безпрецедентного за масштабами конфлікту, що торкнувся всіх сфер людського життя на фронтах і поза ними. Історик Роджер Чікерін наголошує, що участь цивільного населення була такою самою важливою як і участь армій³⁰. Тотальна мілітаризація економік призвела до того, що навіть далеко поза лінією фронту життя людей стало цілком залежне від війни. У західній історіографії використовується поняття “домашній фронт”. На відміну від українського терміну “тил” чи “запілля”, термін “домашній фронт” наголошує, з одного боку, на повному підпорядкуванні життя цивільних воєнним потребам, а, з іншого, прирівнює цивільне населення до учасників бойових дій. Прихильники ідеї “тотальної війни” наголошують, що функціонування воєнних економік і праця цивільного населення, а не тільки успіхи чи поразки армій, великою мірою визначали масштаб, тривалість та інтенсивність війни. Важливість “домашніх фронтів” призвела до того, що вони стали об’єктами воєнних цілей, а цивільне населення стало жертвою воєнних дій.

Увага до повсякдення і індивідуальних стратегій виживання дасть змогу представити досвіди різних груп населення — немобілізованих чоловіків, жінок, літніх людей та дітей³¹. Важливим аспектом історії війни на українських територіях є множинність і відмінність досвідів людей, які жили безпосередньо на лінії фронту, в прифронтовій смузі, зоні окупації, тилу чи були примусово переселені. Відтак уявлення про війну, а також стратегії виживання суттєво відрізнялися у залежності від території проживання і приналежності до тої чи іншої соціальної групи.

Окрім опису кризових економічних і соціальних явищ, на яких концентруються діючі підручники, важливим є також представлення прикладів громадянського активізму. Зокрема важливим є акцентування уваги на практиках громадської самоорганізації, волонтерській роботі, гуманітарній та благодійній діяльності, що демонструватимуть учням способи за допомогою яких населення намагалося долати моральні виклики та фізичні труднощі війни.

---

³⁰ Chickering R, Förster S. Great War, Total War. Combat and Mobilization on the Western Front, 1914–1918. — New York, 2006. — P. 6.

³¹ Прикладами таких досліджень можуть бути: Proctor T. Civilians in a World War 1914–1918. — New York and London, 2010; Chickering R. The Great War and Urban Life in Germany. Freiburg, 1914–1918. — New York, 2009; Grayzel S. Women’s Identities at War. Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France During the First World War. — London, 1999.

Війна як транснаціональна катастрофа

Україноцентричність шкільних підручників, виключення представників інших національних, етнічних чи конфесійних груп зазнає чи не найбільшої критики. Тема Першою світовою війни тільки підтверджує цей факт. Проблема націоцентричного висвітлення війни була і досі залишається одним з найбільших викликів і для сучасної історіографії. Тільки в останнє десятиліття з'явилося нове покоління, так званих транснаціональних істориків, що намагається вийти за вузькі межі національних історіографій. За словами одного з найважливіших дослідників цього напрямку Джея Вінтера, транснаціональний підхід “бере різноманітні пласти історичного досвіду, включно з пластами, які знаходяться над і під національним рівнем”³². Прикладом транснаціональних тем можуть бути заворушення, що відбувалися у арміях різних країн, практики пам'ятання і вшанування загиблих, міська історія, переміщення населення³³. На відміну від національних історіографій, які тяжіють до героїзації війни, фокусування на антагонізмі між окремими державами та міждержавними блоками, дослідження війни з транснаціональної перспективи розглядає війну як спільне страждання і катастрофу, що торкнулася мільйонів людей у різних частинах світу. Дослідження, які постають у рамках цього напрямку, часто мають порівняльний характер і звертаються до тем, які часто є стигматизованими у національних історіографіях, оскільки не вписуються у стрункий героїчний наратив національної історії. До таких тем можна віднести історію військовополонених, дезертирства, колаборації.

Використання транснаціонального підходу в представленні матеріалів шкільних підручників дозволить врахувати відмінності між різними частинами українського суспільства і уникнути герметичності національної історії. В українському контексті важливим завданням є представлення історії військовополонених і примусово переміщених осіб. Масштаб розгортання цих двох феноменів був однією з важливих характеристик Східного фронту. Загальна кількість військовополонених на Східному фронті сягала близько 5 млн³⁴. Ще складнішою була проблема біженців, яку називають соціальною катастрофою Російської імперії. Фактично 20% населення Російської імперії, перебувало „у русі”³⁵. Трансфери і міграції населення були відчутні на українських територіях по обидва

---

³² The Legacy of the Great War. Ninety Years on / Edited by Winter J. — Columbia, London, 2009. — P. 7.

³³ The Legacy of the Great War... — P. 7–8.

³⁴ Гаусман Г. Культура поразки... — С. 24.

³⁵ The Legacy of the Great War... — P. 9.

боки російсько-австрійського кордону³⁶. Особливо масштабними були депортації євреїв. Повернення військовополонених і біженців тривало і після завершення війни і стало однією з найбільших соціально-політичних проблем й індивідуальних трагедій, що спричинила Перша світова війна.

Візуальна репрезентація війни

В останнє десятиліття відбувся так званий цифровий поворот у гуманітарних науках. Цифрова історія і цифрова гуманітаристика набувають все більшого розповсюдження. Нові способи і методи обробки інформації дозволили використання аудіовізуальних джерел — фотографій, аудіо, відео та мап — на якісно новому рівні. Фотографії і відео є не тільки ілюстрацією до текстових документів, а самостійним джерелом для досліджень³⁷. Використання аудіо-візуальних джерел здійснило прорив у вивченні культурної історії війни. З'явилися ґрунтовні дослідження про тих її учасників, які не залишили по собі письмових документів. Прикладом таких нових досліджень є праці Шантану Даса, який займається вивченням індивідуального досвіду і персональних мотивацій індійських солдат у складі Британської армії на основі аудіоматеріалів записаних у таборах для військовополонених у Німеччині³⁸.

Використання фотографій як самостійного історичного джерела дозволить не тільки якісно доповнити шкільні підручники, але й дасть змогу розвинути в учнів навички інтерпретації фотодокументів, що є важливим вмінням у добу домінування візуальної інформації. Супровід фотографій описом, вплетеним у доповідь підручника, сприятиме уважнішому вивченню історичних фотографій. Оцифровування фотоколекцій та відкриття архівів відкривають нові можливості для використання візуальних матеріалів. Окрім індивідуальних і колективних портретних фотографій політичних і громадських діячів використання зображень повсякдення з різних частин України сприятимуть поглибленню уявлень про війну.

---

³⁶ Детальніше про феномен біженців на українських землях можна знайти у книгах: *Gatrell P. A Whole Empire Walking. Refugees in Russia During World War I.* — Bloomington and Indianapolis, 1999; *Жванко Л. Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918).* — Х., 2012. — 568 с.

³⁷ Приклад аналізу фотографій Східного фронту: *Winter J. All Quiet on the Eastern Front: Photography and remembrance / Winter J. Remembering War. The Great War Between Historical Memory and History in the Twentieth Century.* — New Heaven, London, 2006. — P. 79–102.

³⁸ *Das S. Indian Sepoy Experience in Europe, 1914–18: Archive, Language, and Feeling // Twentieth Century British History.* — 2014. — Vol. 25. — No. 3. — P. 391–417.

Висновки

Ключовою проблемою представлення воєн є моральні виклики, які стоять перед дослідниками чи авторами підручників. Яким чином має вестися оповідь про війну? Чи це був виключно трагічний досвід для населення? Чи, навпаки, війна є формою консолідації держав і націй, можливістю боротьби за ідеали, періодом виявлення кращих рис національних характерів — патріотизму, самопожертви, братерства?

Сучасна історіографія дає, принаймні, часткові відповіді на ці запитання, які можуть стати основою для впровадження нових підходів для представлення Першої світової війни у шкільних підручниках. По-перше, розуміння війни як тотального індустріального конфлікту, що створив цілком нові рамки уявного і допустимого, дасть змогу пояснити, але у жодному разі не виправдати масову жорстокість під час війни та після її завершення.

По-друге, Перша світова війна, яка розпочалася як протистояння імперій, не тільки каталізувала їх розпад, але й створила умови для маніфестації різних національних, етнічних і локальних ідентичностей. Вивчення модернізуючого і націоналізуючого впливу війни на українське населення відкриває нові перспективи аналізу соціально-політичних процесів під час Української революції.

По-третє, одним з виявів тотальної війни є розмивання меж між фронтом воєнних дій і домашнім фронтом. Цивільне населення стало як учасником, так і жертвою війни. Вивчення поведінкових стратегій, емоційних та фізичних пережиттів дозволить показати багатовимірний вплив війни на українське суспільство, відмінності у мотиваціях, поглядах та уявленнях про війну різних груп населення, у залежності від території проживання чи приналежності до певної етнічної чи соціальної групи.

Врешті, війна була передусім транснаціональною катастрофою, яка забрали мільйони життів воєнних і цивільного населення. Україна безпосередньо зазнала глобального впливу війни — мільйони чоловіків були мобілізовані до армій Російської та Австро-Угорської імперій, по українських територіях проходив один з головних і найкривавіших фронтів бойових дій — Східний фронт. Тут відбулися радикальні соціальні трансформації, викликані примусовими переміщеннями населення та проблемою військовополонених.

Oksana Dudko

Between Historiography and Didactics: World War I in Ukrainian History School Textbooks

The main objective of this paper is to analyze the potential for incorporating the recent research findings on World War I into school textbooks on the history of Ukraine for the purpose of developing school students as critical thinkers as well as implementing a new teaching concept aimed at cultivating responsible global citizens. The reflections herein are based on three Grade 10 Ukrainian history textbooks currently used in Ukrainian schools and the draft of “Concepts and Programs for Teaching Ukrainian History in Schools” edited by Natalia Yakovenko. The paper, inter alia, examines the main topics and issues these textbooks focus on. At the same time, it draws the reader’s attention to those issues that remain beyond their scope — experiences of various social, linguistic, ethnic, national, and religious groups; daily life during the war; life outside of the battlefield; issues of prisoners of war, refugees, and civilians that resided or stayed temporarily on the territory of modern Ukraine during the war.

Георгий Касьянов
д.и.н., проф., зав. отделом новейшей истории
и политики Института истории Украины НАН Украины

К проблеме дефиниций: историческая память, историческая политика

Историческая память. Историческая политика. Базовые формулировки. История и память. Украинский контекст

Я не ставлю перед собой цели давать здесь обстоятельный анализ необъятной литературы по вопросам взаимоотношения истории и памяти, истории и политики, традиции и культуры, мифа и научного знания, исторической эпистемологии. Обращение к базовым понятиям и подходам имеет в данном случае чисто утилитарное значение: я использую их для установления понятийной рамки, которая может быть полезной для понимания представленных в данном сборнике нарративов, интерпретаций и объяснений.

Опираясь на опыт некоторых исследователей темы, уже предложивших свое видение проблемы, я сформулирую собственные определения, которые буду использовать в дальнейшем изложении.

Историческая память

На первый взгляд термин «историческая память» тавтологичен: память по определению имеет дело с прошлым, то есть с тем же, с чем имеет дело история. В то же время содержит внутреннее противоречие: память индивидов или групп может не совпадать с историей, предлагающей некий нарратив, игнорирующий вариации памяти индивидов и групп — на это обратил внимание М. Альбвакс, пересматривая свои идеи относительно взаимодействия истории и памяти.

Тем не менее, прилагательное «историческая» является вполне уместным, когда мы имеем в виду именно коллективную память поскольку инженеры и промоутеры этого вида коллективной памяти нередко отождествляют его с историей (то есть с конкретным нарративом о прошлом) и в более широком смысле — с прошлым как таковым — иногда настолько, что в их представлениях граница между историей и исторической памятью стирается.

Для Украины наиболее показательный пример: конструирование исторической памяти о голоде 1932–1933 годов или Голодоморе. Создание

исторического нарратива о голоде преподносилось как процесс восстановления исторической памяти. История (вплоть до профессиональной историографии) выполняла функции коллективной памяти.

В России подобным же образом «воссоздавалась» коллективная память о «Великой Отечественной войне»: после деконструкции советского варианта в 1990-е, с начала 2000-х фактически речь шла о восстановлении именно советского стандарта репрезентаций этого события.

Историческую память можно считать разновидностью «коллективной памяти». Бум исследований, посвященных разным видам, функциям и воплощениям «коллективной памяти» привел к возникновению такого объема научной литературы¹, что простое описание основных идей и предложений разных дисциплин требует отдельного исследования. Поэтому ограничимся ссылками на наиболее известные исследования и фигуры, оказавшими видимое воздействие на формирование интерпретационных рамок и познавательных возможностей явления, называемого «коллективной памятью».

Интеллектуальную генеалогию *memory studies* и термина «коллективная память» принято начинать с работ французского социолога Мориса Альбвакса, впервые артикулировавшего базовые понятия (включая такие, как *les cadres sociaux de la mémoire* «социальные/общественные рамки памяти» (1926) и *la mémoire collective* «коллективная память»² (1950). Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что термин (как понятие социологическое) возник в интеллектуальной среде зарождающейся «школы Анналов»: в любом случае, первым, кто отреагировал на формулировки Альбвакса, был Марк Блок³, а возникшая впоследствии «история ментальностей» явно перекликается с его идеями.

---

¹ Содержательный обзор интеллектуальной и общественной генеалогии исследований памяти можно найти здесь: *Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From 'Collective Memory' to the Historical Sociology of Mnemonic Practices, Annual Review of Sociology, 1998, № 24, pp. 105–140.*

² *Halbwachs M. La mémoire collective, Paris, 1950.* Данное издание, являющееся посмертной публикацией рукописей М. Альбвакса, как и ряд статей, посвященных его идеям, можно найти в открытом доступе: http://classiques.uqac.ca/classiques/Halbwachs_maurice/memoire_collective/memoire_collective.html (Режим доступа 17 декабря 2015 г.); Дополненное и исправленное издание: *Halbwachs M. La mémoire collective / Nouvelle édition critique établie par G. Namer. Paris: Albin Michel, 1997;* Английский перевод: *Halbwachs M. On Collective Memory / Ed. And trans. Lewis A. Coser. Chicago, 1992.* Фрагменты перевода с французского издания на русский язык в тематическом выпуске журнала Неприкосновенный запас: *Хальбвакс М. Коллективная и историческая память, Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3.*

³ *Bloch M. Mémoire collective, traditions et coutumes, Revue de synthèse historique, 1925, № 118-120, p. 72–83.*

Практически одновременно с М. Альбваксом немецкий историк искусств Аби Варбург сформулировал понятие *soziales Gedächtnis* («социальная память»), которое было достаточно близким к идее французского коллеги⁴ — по сути, речь шла о тех же социальных рамках, формирующих и опосредующих структуры коллективной памяти.

Далее возникает ставшая уже канонической фигура французского историка Пьера Нора с его монументальным (в прямом и переносном смысле) проектом *Les Lieux de mémoire*⁵ (стандартный перевод — «места памяти»), однако встречается и не менее содержательный — «пространства памяти»).

Рядом с П. Нора наиболее прилежные исследователи упоминают его современников и соратников по научной школе (так называемое «третье поколение» школы Анналов) Филиппа Арьеса, и Жака Ле Гоффа. В последние 20 лет, как раз в период бума исследований памяти, наиболее значимыми фигурами считаются американский историк Патрик Хаттон с его фундаментальной «Историей как искусством памяти»⁶, британский социолог Пол Коннертон освеживший тему книгой «Как общества помнят» и предложением обратить внимание на способы передачи памяти через телесные и комеморативные практики⁷, американский социолог Джеффри Олик, ре-интерпретировавший понятие «коллективной памяти», и немецкие историки, супруги Ян и Аляйда Ассман, дополнившие словарь понятием «коммуникативная память».

Представленный здесь набор знаковых имен, разумеется, далеко не исчерпывает всего многообразия и вариаций наработанных за девяносто лет после выхода знаменитой работы Альбвакса. Это всего лишь некие вехи интеллектуальной генеалогии нынешних, ставших уже общеупотребимыми (чтобы не сказать, затертыми) понятий и подходов.

Обратимся к тем сюжетам и положениям исследователей коллективной памяти, которые на данный момент наиболее полно артикулируют

---

⁴ Forster K. Aby Warburg's History of Art: Collective Memory and Social Mediation of Images, Daedalus, Winter 1976, pp. 169–176.

⁵ Думаю, можно обойтись без обязательной ссылки на результаты этого исследовательского мегапроекта, отображенные в семитомнике с аналогичным названием. Сошлемся на англоязычное издание, включающее 46 статей (из более чем 130) вышедшее в США в *Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past*, 3 vols., New York, Columbia University Press, 1996–98.

⁶ Hutton P. History as an Art of Memory, University Press of New England, 1993.

⁷ Connerton P. How Societies Remember, Cambridge University Press, 1989. Стоит обратить внимание на то, что П. Коннертон рассматривал и другую сторону, а именно способы и формы забывания. См.: Connerton P. How Modernity Forgets, Cambridge University Press, 2009 а также любопытная статья о типах забывания: Connerton P. Seven types of forgetting, Memory Studies, 2008, № 1, pp. 59–71.

проблемы ее функционирования и предлагают достаточно четкие (хотя и далеко не бесспорные) формулировки.

Д. Олик предлагает учитывать различия между «коллективной памятью» (*collective memory*) и «сборной памятью» (*collected memory*) — в английском прочтении терминов угадывается приятная глазу игра слов. «Сборная память», по его мнению, может представлять собой сумму или скорее набор сходных индивидуальных памятей того или иного сообщества, группы. При этом автор признает, что в процессе «собираения» однотипных индивидуальных памятей, коррелирующих одна с другой, индивидуальные версии не могут избежать трансформаций, связанных со взаимодействием с другими, пускай очень похожими версиями⁸.

«Коллективная память» — это противоположность «сборной памяти», поскольку здесь отсутствует набор воспоминаний индивидов — здесь присутствует набор общих для всех дефиниций, символов, образов, достаточно независимых от субъективного восприятия этих индивидов. Нетрудно обнаружить «... четко видимые структуры памяти и воспоминания, которым общества отдают должное достаточно долгое время, они демонстрируют удивительную неуязвимость по отношению к усилиям отдельных индивидов избежать их. Мощные институции устанавливают высшую ценность одних историй по сравнению с другими, устанавливают способы изложения и образцы того, как индивиды могут и должны помнить, активизируют память такими способами и такими мотивами, которые сильно отличаются от работы индивидуальной памяти»⁹

Термин «коллективная память», по мнению Д. Олика, страдает от чрезмерной универсальности, поэтому можно предложить минимум три варианта обхождения с ним. Во-первых, можно обратиться к близким по значению понятиям: миф, традиция, комеморация и таким образом конкретизировать область исследования или интерпретации. Во-вторых, можно адресовать его только самым общим формам публичного дискурса, описаниям и образам прошлого, говорящим от имени определенной общности или группы. И наконец, можно сделать его предельно обобщенным, когда термин «коллективная память» апеллирует к широкому набору мнемонических процессов и практик, и их результатам — как на индивидуальном, так и на коллективном уровне¹⁰.

Достаточно близким к этим рассуждениям можно считать предложение супружеской четы Яна и Аляйды Ассман разделять коллективную

---

⁸ Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility, New York–London, 2007 p. 23.

⁹ Ibid., p. 28–29.

¹⁰ Ibid., p. 33–34.

память на коммуникативную и культурную (1987). Коммуникативная память (подобно «сборной памяти») — явление, относящееся больше к общению между индивидами. Коммуникативная память предельно индивидуализирована и слабо структурирована. Она функционирует в пределах социальной группы, границы которой как раз определяются этой общей памятью, передаваемой в основном через вербальное общение и через него же видоизменяется. Она напрямую связана с определенными социальными ролями индивидов внутри группы и формированием социальной идентичности. Коммуникативная память как правило, вписывается в срок жизни трех поколений, и затем угасает вместе со сменой поколений и увеличением «срока давности» ее начальных форм.

Некой противоположностью коммуникативной служит культурная память. Ее формирование и функционирование связано с традицией, которая, в свою очередь, связана с властью. Культурная память навязывается индивиду извне, в этом смысле она противостоит коммуникативной памяти, более того, может конфликтовать с ней. Культурная память является частью культурной идентичности групп и выступает по отношению к индивидам как форма идентичности, определяемая извне.

Если коммуникативная память имеет дело с достаточно конкретным, «социальным» временем, например, легко измеряемыми периодами жизни поколений, то культурная память измеряет время историческими периодами, время здесь мифологизировано. Культурная формируется и поддерживается институтами, общественными или государственными, она может существовать и передаваться столетиями и тысячелетиями. Доступ к формированию, сохранению и передаче культурной памяти имеют только люди, которым общество или государство делегирует такие полномочия, это профессионалы мнемоники: от служителей культа до писателей, историков и архивистов¹¹.

Международная энциклопедия политической науки дает определение «исторической памяти» через описание функций последней: «Концепт исторической памяти» ... имеет дело (refers to the ways) со способами, с помощью которых группы, сообщества и нации конструируют и идентифицируют себя с определенными историческими нарративами или событиями¹². Заметим, что исторический нарратив — это не только

---

¹¹ Впервые эти тезисы были сформулированы в конце 1980-х. В сжатом виде эти рассуждения представлены в: Assman J. Communicative and Cultural Memory. In: *Erll A., Nünning A.* (Hg.), *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Berlin, New York 2008, pp. 109–118.

¹² См.: *Hite K.* Historical Memory. In: *Badie B., Berg-Schlosser D., Morlino L.* (eds) *International Encyclopedia of Political Science*, Sage, 2011. On-line publication <http://knowledge.sagepub.com/view/intlpoliticalscience/n251.xml> (дата доступа 9 октября, 2015).

написанная история (мастер-нарратив), это может быть и сюжетная линия, фактография, интерпретационная стратегия, выраженная в художественных произведениях, визуальных репрезентациях и т.п.

Нетрудно заметить точку, в которой сходятся все исследователи — противопоставление сборной/коммуникативной и коллективной/культурной памяти (что не исключает их тесного взаимодействия) с целью выделить в самостоятельную категорию тот вид памяти, который является объектом целенаправленного конструирования, социальной, культурной, политической инженерии. Культурная/коллективная память — это именно тот вид памяти, который можно отождествлять с исторической памятью.

Проблема исторической памяти имеет непосредственное отношение к вопросу о власти: как сугубо политической, так и власти дискурса. В этом смысле вполне уместным является утверждение Ж. Ле Гоффа о том, что «... коллективная память была и есть важным вопросом в борьбе за власть между общественными группами. Для классов, групп или индивидов, которые правили и далее господствуют в истории обществ, их власть над памятью и забвением остается одной из наиглавнейших забот»¹³.

Историческая память как форма коллективной/культурной памяти является одновременно объектом и субъектом *исторической политики*, борьбы разных общественных групп за контроль над умами — это цель и средство достижения цели. В этом смысле историческая память является ключевой категорией для понимания исторической политики.

Историческая политика

Термин «историческая политика» имеет почти полувековую историю. В 1970 г. вышла книга известного американского историка Р. Цинна, название которой можно перевести именно как «Историческая политика»¹⁴. Сборник полемических эссе был направлен на «развенчание» якобы имевшихся на тот момент претензий научного истеблишмента на «нейтральную», «объективную» историю. Гражданский пафос автора, ветерана Второй мировой войны и активиста антивоенного движения и движения за права человека 1960-х, сводился к утверждению так называемой «радикальной истории». Р. Цинн призывал историков к более активной «жизненной позиции» — эта позиция вполне соответствовала

---

¹³ *Le Goff J. History and Memory*, Translated by Stephen Rendall and Elizabeth Claman, Columbia University Press, 1992, p. 54.

¹⁴ *Zinn R. The Politics of History*. University of Illinois Press: Chicago and Urbana, 1990 (2-nd edition), 392 p.

духу мятежных 60-х и несколько парадоксальным образом перекликалась с советским стандартом об историках — «бойцах идеологического фронта». Автор не претендовал на изобретение термина, но с его помощью артикулировал проблему взаимодействия научной дисциплины и общества, в частности, способности историков отвечать на запросы и вызовы современности, быть «общественно активными». Судя по всему, в данном случае мы имеем дело с первым появлением словосочетания «историческая политика» — скорее в публицистическом, чем в академическом дискурсе.

В 1980-х, во время знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*) в Западной Германии (1986–1989) термин «историческая политика» возник уже в несколько ином контексте и значении. Дискуссия, начавшаяся с обсуждения страданий мирного населения Германии на завершающем этапе Второй мировой войны и героизма вермахта, защищавшего свое население от Красной Армии (А. Хильгрубер), быстро вышла за рамки чисто профессиональных дискуссий и приобрела общенациональные масштабы: в нее втянулись политики, журналисты, масс-медиа. Особый резонанс вызвала статья известного историка, исследователя истории фашизма Э. Нольте в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, в которой он опротестовал особую вину немцев в преступлениях нацизма, а сами эти преступления, по мнению его критиков релятивизировал ссылками на подобные действия в других странах: геноцид и социцид, лагеря, депортации существовали до 1933–1945 гг. Своеобразной «жемчужиной» высказываний Э. Нольте стало утверждение о том, что нацистские лагеря смерти были реакцией на сталинский ГУЛАГ. К нему присоединился еще один влиятельный историк, М. Штюмер, утверждавший, что тот вариант восприятия прошлого, который возник у немцев (или был навязан им извне) после Второй мировой войны, фактически лишает их нормальной коллективной памяти и к тому же мешает свободному историческому поиску и дискуссии. Немцы заслуживают такого прошлого, которым они могут гордиться, поэтому нужно предоставить им именно такое прошлое.

Поскольку М Штюмер был советником канцлера Х. Коля, его позиция была истолкована интеллектуалами и общественными деятелями левого и либерального толка (здесь столпом общественного мнения был Ю. Хабермас) как артикуляция официальной позиции неоконсерваторов, находившихся у власти и правых, выступавших со сходных позиций. В поисках подходящих аргументов либеральные публицисты запустили в оборот термин «историческая политика»¹⁵ — им была обозначена

---

¹⁵ С. Требст считает, что в этой дискуссии термин «историческая политика» впервые использовал историк Кристиан Майер. См.: *Troebst S. Geschichtspolitik*, Docupedia,

практика манипулирования историей (представлениями о прошлом) в конъюнктурных интересах определенной политической силы¹⁶.

В представлениях критиков «исторической политики» Х. Коля она могла привести к опасному прецеденту перекраивания прошлого в интересах ревизии идеи ответственности немцев за преступления нацизма, а отсюда — и к реставрации тех составляющих исторической памяти и национальной идентичности, которые сделали возможным нацизм.

Из словаря публицистики и журналистики термин перебрался в академический лексикон. В 1999 г. появилось капитальное исследование Эдгара Вольфрума «Историческая политика в Федеративной Республике Германии. Путь к западногерманской памяти, 1948–1990», в котором понятие «историческая политика» не только было использовано в титуле научной монографии, но и видимо впервые было сформулировано как научное определение: «это вид деятельности и область политики, где разные акторы, используют историю в своих специфических политических целях. Она адресуется общественности и выполняет задачи легитимации, мобилизации, политизации, скандализации, диффамации и т.п., ключевой вопрос здесь: кто, какими методами, с какими намерениями и с какими результатами политически актуализирует обсуждаемый опыт прошлого»¹⁷.

Довольно быстро термин прижился в научной терминологии, и в первом десятилетии 2000-х поспела целая гроздь работ, где он фигурировал и в названии, и в понятийном аппарате историков, социологов, культурологов, политологов¹⁸.

<https://docupedia.de/zg/Geschichtspolitik> (дата доступа 20 октября 2015). Он же приводит точку зрения политолога Гаральда Шмидта, указавшего на то обстоятельство, что в журналистике этот термин использовался еще в 1930-е годы именно в контексте манипуляций прошлым в интересах настоящего: *Harald Schmid, Vom publizistischen Kampfbegriff zum Forschungskonzept. Zur Historisierung der Kategorie „Geschichtspolitik“*, in: *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*, Göttingen 2009, s. 53–75.

¹⁶ Более подробно см. сборник: *Forever in the shadow of Hitler?: original documents of the Historikerstreit, the controversy concerning the singularity of the Holocaust / translated by James Knowlton and Truett Cates*, Atlantic Highlands, N.J. : Humanities Press, 1993, 282 p.; более широкий контекст проблемы и развитие исторической политики в Германии после «спора историков» см.: *Berger S. German History Politics and the National Socialist Past*. In: *Miller A., Lipman M. Convolutions of Historical Politics*, CEU Press: Ney York–Budapest, 2012, pp. 24–44.

¹⁷ *Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung 1948–1990*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1999, s. 25.

¹⁸ *Fein E. Geschichtspolitik in Russland. Chancen und Schwierigkeiten einen demokratisierenden Aufarbeitung der sowjetischen Vergangenheit am Beispiel der Tätigkeit der*

В середине первого десятилетия 2000-х, когда явления, описываемые термином «историческая политика» значительно актуализировались как в «старой Европе», так и в обновленном Евросоюзе, пополнившимся более чем десятком новых членов, он опять возник в общественно-политическом новоязе.

Вряд ли можно считать неожиданностью, что это произошло в Польше, где вопросы истории традиционно имеют большой общественный вес и влияние. Правоконсервативные политики (речь идет о партии «Право и справедливость» и их союзниках), пришедшие к власти в конце 2005 г. и близкие к ним представители общественной мысли открытым текстом сообщили обществу о необходимости реализации новой исторической политики (*polityka historyczna*)¹⁹ — в интересах укрепления польской национальной идентичности и единства нации. Фактически речь шла о фронтальном пересмотре отношения к прошлому, о целенаправленной политике восстановления коллективной памяти — с отсылкой к романтическому национализму образца девятнадцатого века²⁰. Инициаторы и промоутеры новой исторической политики призывали не ограничиваться пересмотром трагедий и героических страниц двадцатого века. Директор Института национальной памяти Януш Куртыка предлагал обратиться к опыту и особой исторической роли Польши начиная с шестнадцатого столетия²¹.

Дискуссия, вспыхнувшая в Польше по поводу «новой исторической политики», по масштабам и уровню эмоций не уступала немецкой *Historikerstreit*. Однако дело было не только в формальных аналогиях. В обоих случаях побудительным мотивом были проблемы с форми-

---

Gesellschaft Memorial LIT Verlag, Munster–Hamburg–London, 2001, 288 s.; *Heinrich H.-A., Kohlstruck M.* Geschichtspolitik und sozialwissenschaftliche Theorie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008, 144 s.; Fröhlich C. (Hrsg.), Heinrich H.-A. (Hrsg.) Geschichtspolitik. Wer sind ihre Akteure, wer ihre Rezipienten, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 2004, 148 s.; *Geschichtspolitik in Zentraleuropa* Studien Verlag, 2006, 58 s.; *Geschichtspolitik in Europa seit 1989. Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich* / Francois E., Konczal K., Traba R. und Troebst S., Wallstein Verlag, Göttingen, 2013, 560 s.

¹⁹ См. Более подробно: *Traba R.*, *Przeszłość w teraźniejszości: polskie spory o historię na początku XXI wieku*. Poznań, 2009; *Cichocka L., Panecka A.* (eds), *Polityka historyczna: historycy–politycy–prasa*. Warsaw, 2005.

²⁰ См.: *Traba P.* Польские споры об истории в XXI веке // Миллер А. Липман М. Историческая политика в 21 веке. Москва, Новое литературное обозрение, 2012, с. 69–71. Для понимания общего исторического контекста возникновения «новой исторической политики» стоит также обратиться к исследованию Эвы Охман, посвященному «регионализации» исторической памяти в современной Польше: *Ochman E.* *Post-Communist Poland: Contested Past and Future Identities*, Routledge, 2014.

²¹ *Polska polityka historyczna*, *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej* 2006, Nr 5 (64), s. 16–17.

рованием или реформатированием идентичности. В обоих случаях наблюдалась попытка некой ревизии прошлого в интересах настоящего, в частности, декларируемой идеи «консолидации» нации. И в Германии, и в Польше инициаторы рассчитывали на некий терапевтический эффект для национальной идентичности путем воображаемой «нормализации» прошлого, восстановления в коллективной памяти тех фрагментов, которые по их мнению, несли позитивный потенциал. В обеих странах этими инициаторами были правоконсервативные политики и националисты. И в обоих случаях инициаторы натолкнулись на мощное сопротивление тех сегментов общества, которые принято называть либеральными.

Ирония истории заключалась в том, что в Германии термин «историческая политика» в общественном дискурсе использовался оппонентами этой политики как негативный, он содержал, помимо прочего, иронию и сарказм. В Польше середины первого десятилетия 2000-х промоутеры «исторической политики» находили в нем жизнеутверждающую силу в их поисках подъема национальной идентичности. Правда, в Польше, в отличие от Германии, первоначально у «новой исторической политики» почти не нашлось сторонников в среде профессиональных историков.

Впрочем, одним из результатов этих дискуссий стало то, что термин «историческая политика» (*polityka historyczna*) вошел в академический лексикон.

Уже совсем недавно немецкий исследователь, С. Требст, посвятивший выяснению биографии термина отдельное небольшое исследование, выяснил, что сходные понятия присутствуют еще в двух мировых научных языках: английском, как *politics of history* и французском — как *politique du passé*²². Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что и в английском и во французском академическом словарях термин появляется именно в конце 1990-х — начале 2000-х, видимо как реакция на общественно-политические вызовы: те явления, что описываются термином «историческая политика», актуализировались не только в Центрально-Восточной, но и в «старой Европе».

Итак, термин «историческая политика» и обозначаемый им комплекс явлений утвердился как в общественно-политическом, так и в научном словарях сравнительно недавно. Означает ли это, что явление, описы-

---

²² Troebst S. Geschichtspolitik. Politikfeld, Analyserahmen, Streitobjekt. In: Geschichtspolitik in Europa seit 1989. Deutschland, Frankreich und Polen im internationalen Vergleich, s. 15–34. Этот очерк на данный момент является наиболее информативным и полным исследованием приключений термина «историческая политика» и его аналогов.

ваемое им, также относиться к прошлому, которое принято называть недавним?

Историческая политика то есть инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях — явление достаточно давнее. Любой историк может привести немало примеров использования описываемого, воображаемого, представляемого прошлого для текущих нужд настоящего — еще с тех времен, когда появилась письменность, государство и потребность в таких описаниях. Многое из того, что мы сейчас определяем как «историческую политику» возникло и успешно функционировало до появления этого термина.

Отличие современной исторической политики от ее прототипов в прошлом состоит в масштабах и средствах. Историческая политика — явление нового времени, ее зарождение и развитие связаны с индустриальным обществом, появлением массовой политики, стандартизованных национальных языков, массового образования, в том числе — исторического. В этом смысле историческая политика существует с тех пор, когда история превратилась в средство формирования массовой лояльности — не только и не только к сюзерену, но скорее — к самому крупному социально-культурному и политическому сообществу нового времени — нации.

Индустриальное общество не только провоцирует и обуславливает возникновение наций, но и создает организационно-технические и культурные предпосылки для формирования гомогенных форм «коллективного сознания». Распространение грамотности на основе стандартизованных и кодифицированных национальных языков, пресса и масс-медиа, стандартизация образования и превращение школы, а затем и университета в массовое явление, индустриализация средств хранения и передачи информации — все это создает инфраструктуру для формирования не только неких стандартных форм «массового/коллективного сознания», но и для тех видов деятельности, которые позволяют активно влиять на его формирование, в частности — для исторической политики.

В девятнадцатом веке целенаправленное использование истории и коллективной памяти в утверждении доминирующих политических курсов и формирования системы лояльностей становится неотъемлемой частью внутренней и внешней политики государств, средством формирования и легитимации наций. «Изобретение традиций», идеологическая унификация и мобилизация, достижение некоего уровня культурной гомогенности, необходимой для обеспечения коллективной лояльности нации и государству, ведение современной войны было бы невозможным без манипуляций историей и «коллективной памятью».

Возникновение термина «историческая политика» в 1990-е, его общественная и академическая легитимация совпали с качественно новым уровнем отображаемого им явления. Технологические усовершенствования в сфере передачи, хранения и распространения информации, развитие наук о человеке и о его психической природе, тотальность проникновения масс-медиа во все сферы человеческой жизни и во все закоулки планеты создали предпосылки для беспрецедентного по масштабам манипулирования коллективным сознанием. Развитие средств коммуникаций резко повысило мобилизационные возможности исторической политики. Технологические и организационные возможности государства и других агентов исторической политики возросли до невиданных ранее масштабов.

В то же время рост политического плюрализма и распространение демократии парадоксальным образом содействовали росту конфликтности исторической политики: политические свободы и расширенный доступ к средствам управления информацией позволяет любым группам интереса быстро и эффективно организоваться для артикуляции и распространения нужных им версий прошлого, для организации информационного, психологического и политического давления на оппонентов.

Базовые определения

Приведенные здесь примеры рассуждений о природе коллективной памяти, исторической политике, политике памяти и т.п. интересуют нас в только в одном практическом аспекте: соотношении понятий «историческая память» — «коллективная память», «историческая политика» — «политика памяти». В любом виде рассуждения о коллективной памяти выходят на проблемы формирования коллективной идентичности. Эти последние так или иначе приводят к необходимости определить объекты и субъекты процессов формирования такой идентичности. А дальше любой исследователь неумолимой логикой поиска причин и следствий оказывается перед необходимостью выяснения роли институтов и групп интереса — то есть политики, если конечно, предметом поиска не является сугубо специальные аспекты искусствоведения, этнографии или культурологии.

Опираясь на приведенные выше термины попробуем сформулировать некие общие определения, необходимые нам как для дальнейших рассуждений, так и для организации связного нарратива, описывающего историческую политику в Украине и на пост-коммунистическом пространстве с конца 1980-х — до наших дней, то есть начала 2016 г.

«Историческая память» — это форма «коллективной» или «культурной» памяти, та ее разновидность, которая претендует на статус традиции (разумеется, изобретенной, сконструированной). «Историческая память» — это мифологизированная форма групповых представлений о прошлом, существующих как правило в виде набора симулякров, символов и «мест памяти». В условиях информационного общества она приобретает статус некой гиперреальности, серьезно влияющей на то, что принято считать реальностью.

«Историческая память» — это *целенаправленно сконструированный средствами исторической политики относительно устойчивый набор взаимосвязанных коллективных представлений о прошлом группы, кодифицированный и стандартизированный в общественных, культурных, политических дискурсах, мифах, символах, мнемонических и комеморативных практиках.*

«Историческая память» с одной стороны, является результатом культурной, социальной, политической инженерии, но и в свою очередь является инструментом конструирования культурной, социальной, политической, религиозной идентичностей, в эпоху национализма синтезирующихся в идентичность национальную.

Устойчивость или продолжительность существования тех или иных элементов «исторической памяти» зависит от степени ее интеграции в традицию и насколько последняя отвечает культурным запросам социальных, политических, религиозных и других сообществ. В этом смысле «историческая память» является необходимой частью «изобретенной традиции».

Историческая политика — это *целенаправленное конструирование и утилитарное использование в политических целях «исторической памяти» и других форм коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций — в том числе профессиональной историографии.*

Историческая политика осуществляется в интересах политических, культурных, этнических и других общественных групп в борьбе за власть, за ее удержание или перераспределение. Историческая политика является средством обеспечения политической, культурной или иных форм лояльности крупных общественных групп, а также удержания идеологического и политического контроля над ними.

Наиболее выразительной чертой исторической политики является *идеологическая и политическая инструментализация как истории (т.е. упорядоченной версии знаний и представлений о прошлом), так и памяти, утилитарное использование истории и памяти во внутренней политике, юридических и законодательных практиках, идеологических, дипломатических и военных конфликтах.*

Политика памяти в этом случае является более узким термином, охватывающим практики, связанные преимущественно с формированием коллективной/исторической памяти и не включающим интервенции в сферу профессионального историописания и дидактической истории.

Говоря о политике памяти в Украине конца 1980-х — начала 2000-х я хотел бы предложить различать несколько типов или моделей исторической памяти в зависимости от их идеологической направленности и соответствующего наполнения.

Первую модель я предлагаю назвать *экслюзивной* — в этом варианте речь идет о том, чтобы исключить из коллективной/исторической памяти некий набор мифов, представлений и репрезентаций прошлого, который мешает формированию ее «правильного» варианта, очистить ее от чужеродных элементов. В Украине в рамках экслюзивной модели наблюдалось противостояние двух основных нарративов памяти²³, связанных с разными формами культурной и политической идентичности: *национального/националистического* и *советско-ностальгического*. Экслюзивная модель по определению предполагает конфликт с теми вариантами памяти, которые не вписываются в ее идеологическое содержание.

Вторую модель можно описать как *инклюзивную*: она предполагает интеграцию в единое мемориальное и символическое пространство разных вариантов коллективной/исторической памяти и их объединение в некий общий нарратив, например, объединенный идеей гражданского патриотизма. Создаваемая в настоящее время коллективная память о «революции достоинства» имеет признаки инклюзивной модели. Постановление Верховной Рады Украины «О признании геноцида крымско-татарского народа» (ноябрь 2015 г.) и установление общенациональной памятной даты 18 мая как Дня памяти жертв геноцида крымско-татарского народа²⁴ также вписывается в эту модель.

Третья модель, назовем ее *смешанной (амбивалентной)*, основана на сосуществовании (но не слиянии) разных вариантов коллективной памяти, иногда идеологически и политически несовместимых, но уживающихся рядом то ли из-за отсутствия общественного интереса, то ли благодаря целенаправленной политике нейтрализации их идеологичес-

---

²³ «Нарратив памяти» — совокупность визуальных образов и текстов, предполагающих наличие повествования. Например памятник или памятное место могут содержать текст. Визуальный ряд может содержать рассказ, повествование (например барельефы в Мемориальном комплексе Великой Отечественной войны в Киеве) или памятник Т. Шевченко в Харькове.

²⁴ Постановова Верховної Ради України «Про визнання геноциду кримсько-татарського народу», <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/792-19> (дата доступа 26 декабря 2015).

кого содержания. Визуальной иллюстрацией может служить пример улицы Январского восстания в Киеве. В 2007 г. ее переименовали в улицу Степана Мазепы (национальный/националистический вариант), стерев советское название, связанное с памятью про инспирированное большевиками восстание на заводе Арсенал в январе 1918 г. Тем не менее улица Мазепы берет начало от Арсенальной площади, на которой находится советский памятник (орудие на постаменте), символ январского восстания. Заканчивается она на площади Славы (советское название), где расположен один из самых знаковых и важных мемориальных комплексов советского времени — Мемориал и парк Вечной Славы.

Разумеется, предложенная типология может использоваться только для анализа и выстраивания интерпретаций. В реальной жизни «чистые типы» встречаются редко и как правило в виде крайностей.

Когда адепты мифологии УПА утверждают, что в рядах этой армии сражались представители не только украинской национальности²⁵, они привносят в свой нарратив памяти элемент инклюзивной модели. То же самое делают носители советско-ностальгического варианта, когда они упирают на вклад всех национальностей в «победу над фашизмом». Хотя коллективная память о Голодоморе формировалась в рамках эксклюзивной модели (голод как средство истребления этнических украинцев), практика проведения экуменических молебнов в День памяти жертв голодоморов свидетельствует о наличии элементов инклюзивной модели.

Очень важным обстоятельством является то, что историческая политика в Украине фактически определялась конфликтом между двумя эксклюзивными нарративами памяти: национальным/националистическим и советско-ностальгическим. Более того, усилиями разных агентов исторической политики эти два нарратива обрели еще и территориальные рамки. Национальный/националистический преобладал в западных регионах Украины, преимущественно в Галиции. Советско-ностальгический — в восточных регионах (преимущественно на Донбассе) и в Крыму. В Центральной и Юго-Восточной Украине преобладала смешанная модель с субрегиональными и временными колебаниями то в пользу национального/националистического, то в сторону советско-ностальгического.

История и память

Если попытаться обобщить разные подходы к природе взаимоотношений истории и памяти, то можно свести их к следующим позициям:

---

²⁵ Вірмени, азербайджанці, євреї, росіяни та грузини у лавах УПА <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1114513.html> (дата доступу 12 мая 2014).

1) история и память противопоставляются и даже рассматриваются как несовместимые явления; 2) история и память отождествляются; 3) история и память рассматриваются как взаимодействующие и взаимодополняющие формы понимания, интерпретации и репрезентации прошлого.

Первый и третий подходы как правило и преимущественно связаны с исследовательскими и аналитическими операциями, они больше характерны для сферы научной деятельности. Отождествление истории и памяти — действие, более характерное для общественно-политических, публицистических, идеологических дискурсов. Наиболее радикально идею разделения и противопоставления истории и памяти сформулировал Пьер Нора: «Память и история. Мы отдаем себе отчет в том, что всё противопоставляет друг другу эти понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память это жизнь, воплощенная в ныне живущих сообществах, она сама по себе является постоянной эволюцией, она подчиняется диалектике запоминания и забывания, и не осознает искажений, которым она в результате подвергается, она зависима от самых разных видов присвоения и манипуляций, способна на длительные периоды сна и внезапные пробуждения. История, с другой стороны — это реконструкция, всегда проблематичная и неполная — того, чего уже нет. Память — это явление современности, привязывающее нас к вечному настоящему времени. История — это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы принимает только те факты, которые ей подходят. Она произрастает из неясных, многоступенчатых, иногда чрезмерно общих и смутных, иногда слишком частных символических деталей. Она уязвима для любого переноса, отображения, цензуры или проецирования. История будучи интеллектуальным, светским видом деятельности, обращается к анализу и критическому дискурсу»²⁶.

Разделение, «цивилизованный развод» истории и памяти, по мнению П. Нора, происходит с появлением «истории истории», то есть профессиональной историографии. История переходит от обслуживания памяти, от стремления (не обязательно осознанного) к ее наиболее полному описанию, заполнению лакун и трещин, к критике и анализу. Происходит переход от истории-памяти к критической истории²⁷. И здесь историописание фактически опровергает право памяти на адекватное отображение прошлого, оно развенчивает мифы памяти и выстраивает прошлое в соответствии со строгими законами историчности, «объективности»,

---

²⁶ *Nora P. Between memory and History In: Nora P. Realms of Memory: Rethinking the French Past, Vol. 1 — Conflicts and Division, New York: Columbia University Press, 1996, p. 3.*

²⁷ *Ibid.*, p. 3–4.

научного анализа. История вытесняет память из коллективных репрезентаций прошлого.

Одновременно история подчиняет себе память, «захватывает» ее. Память получает шанс сохраниться или в неких кодифицированных (и признанных историей) следах, остатках (местах памяти), или будучи интегрированной в историческое описание. Необходимость в создании «мест памяти» (*les lieux de mémoire*) возникает с исчезновением «среды памяти» (*milieux de memoire*), места памяти являются искусственным заменителем живой памяти. Изучая места памяти, историки обращаются не столько к прошлому, «как оно было», сколько к его репрезентациям, закодированным в памятниках, символах, дискурсах и т.п. Здесь П. Нора описывает взаимодействие и взаимопроникновение истории и памяти уже в эпоху архивов, «мест памяти» и профессиональной историографии.

Несмотря на некоторые риторические преувеличения, отмеченные многими комментаторами, П. Нора был едва ли не первым, кто четко артикулировал проблему отделения истории от памяти и новой формы их взаимопроникновения и взаимодействия в эпоху «ускорения истории», когда возникла тенденция к быстрому угасанию памяти.

Тему продолжил американский историк Патрик Хаттон, уделивший специальное внимание интеллектуальной истории взаимоотношений между историей (профессиональной историографией) и памятью. Исследуя прошлое через следы памяти, историки имеют дело не столько с прошлым как таковым, как с его образами. Память — это не только и не столько часть истории, сколько формы репрезентации прошлого, исследуемые историками²⁸.

Его коллега по историческому цеху Аллан Мегилл углубляет тему рассуждениями о взаимодействии памяти, традиции, историографии (или истории) и политики. Он предлагает рассматривать три вида историографии: аффирмативную, дидактическую и аналитическую.

Именно аффирмативная историография в первую очередь подвержена тенденции отождествлять историю и память. «Ориентированная на память историография, пишет А. Мегилл, — есть особый случай более общей категории историографии, которую можно назвать *аффирмативной*, т. е. утверждающей, потому что ее главная цель состоит в том, чтобы утвердить и превознести определенную традицию или группу, чью историю и опыт она изучает. /.../

Ориентированная на память аффирмативная историография, — продолжает он — это версия «обыденного» или «вульгарного» понимания истории /.../ Аффирмативная историография подчиняет прошлое тем

---

²⁸ Hutton Op. cit., pp. 17–22.

проектам, которыми люди заняты в настоящем. У нее отсутствует критическая позиция по отношению к воспоминаниям, которые она собирает, и к традиции, которую она поддерживает. В самом деле, она не только некритична по отношению к избранным воспоминаниям и традициям, но фактически имеет тенденцию к их мифологизации»²⁹.

Аффирмативная историография сознательно выполняет функцию консолидации и укрепления некоего сообщества — народа, нации, государства, политической или религиозной группы. Поскольку эта функция совпадает с подобными задачами коллективной памяти, брак истории и памяти здесь вполне легитимен.

Близко к аффирмативной располагается *дидактическая историография*, смысл существования и деятельности которой изложен в давней формуле Цицерона *Historia magistra vitae est*. Здесь можно усмотреть некий сдвиг в сторону аналитической истории, поскольку опыт прошлого здесь подвергается анализу, необходимому для извлечения уроков. В данном случае память тоже не отделяется от историографии.

И наконец, *аналитическая история/историография* отделяется от памяти и противопоставляет себя ей, хотя бы потому, что память не может быть своим собственным критическим текстом³⁰, аналитическая же история — это критический, в том числе по отношению к памяти, текст.

При этом А. Мегилл не отрицает значения и важности памяти для истории, во-первых, потому что без памяти невозможно ощущение времени, во-вторых, история обращается к фактам, наличие которых без памяти было бы невозможным.

Говоря о необходимости различать историю и память, Мегилл делает еще одно важное замечание, имеющее большую практическую ценность. Память нередко является конфликтной территорией, само собой, это касается прежде всего конфликтов прошлого, которые актуализируются в настоящем. Воспоминания об этих конфликтах всегда актуализируются проблемами настоящего, и воспоминания конфликтующих сторон всегда будут противоречить друг другу. Если историография отождествляет себя с памятью, она только усиливает конфликт. Во всех подобных случаях

---

²⁹ Мегилл А. Историческая эпистемология (перевод Кукарцевой, М. Катаева В., Тимонина В.). Москва, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 98, 99. Здесь и далее даются ссылки на качественный перевод. Желая обратиться к тексту на языке оригинала: Megill A. Historical knowledge, Historical Error. A Contemporary Guide to Practice (With contributions by Steven Shepard and Phillip Honerger), University of Chicago Press, 2007.

³⁰ Там же. С. 103–105.

история должна быть критической, то есть она должна отделять от себя память на расстояние, необходимое для анализа³¹.

Эти рассуждения Мегилла весьма полезны для понимания роли исторической политики. Историческую политику можно описать либо как сознательное смещение истории и памяти, как торжество аффирмативной историографии, или же как попытки отделить историю от памяти, или помирить их средствами дидактической истории. В этой понятийной рамке можно достаточно уверенно типологизировать разные варианты исторической политики.

Например, можно предположить, что историческая политика аффирмативного типа будет преобладать в обществах, где идеологический и культурный плюрализм находится на начальной стадии развития, где силен популизм и фасадная демократия, где наличествуют сильные традиции патриархально-патримониальных отношений, а национальная идентичность традиционно отождествляется преимущественно с этническими маркерами (язык, общая история, кровное родство). Дидактическая история будет подчинена аффирмативной, в то время как аналитическая история институционно интегрирована в первые две.

В обществах с более развитой демократией (демократические институты реально отображают интересы разных общественных групп, а не являются прикрытием реальной политики олигархии), и более развитой традицией политического плюрализма в исторической политике возможен баланс между аффирмативной и дидактической историей, при этом аналитическая история уже может быть отделена от них как в идеологическом, так и в эпистемологическом смысле.

Наконец, идеальный вариант исторической политики, характерный для плюралистических обществ с развитой, устойчивой демократией — это свободное сосуществование всех трех типов истории/историографии, где аффирмативная и дидактическая история выполняют свои функции, не претендуя на прерогативы аналитической истории, а она в свою очередь вольна в своих рефлексиях по поводу первых двух.

Разумеется, тут описаны «чистые типы» как результат аналитической операции, в реальной жизни возможны ситуативные диспропорции или сосуществование указанных форм в параллельных идеологических пространствах — в зависимости от колебаний исторической политики.

Например, Украина и Россия, как и большинство стран постсоветского пространства вписываются в первую модель, однако при этом наблюдается нестойкая тенденция к самоопределению аналитической историографии, уменьшению ее зависимости от исторической политики.

---

³¹ Мегилл А. Историческая эпистемология. — С. 111.

Польша, часть стран Центрально-Восточной Европы и страны Балтии больше подпадают под вторую модель, однако здесь можно наблюдать периодическое использование аналитической истории в интересах аффирмативной и особенно дидактической.

В странах «старой Европы» историческая политика может спровоцировать конфликт между аналитической историей с одной стороны и аффирмативной и дидактической с другой. Уже упомянутый «спор историков» в Германии, вроде бы закончившийся в 1990-е, явно имеет тенденцию к продолжению, особенно когда проблемы исторической политики выходят за пределы национальных границ. Видимо неслучайно инициатива введения общеевропейского законодательства по поводу отрицания Холокоста исходила от представителей Германии. Во Франции историческая политика в вопросе геноцида армян 1915 г. привела к резкому протесту профессиональных историков (движение «Свободу истории!») — явное противостояние аналитической и аффирмативной моделей.

Приведенные здесь рассуждения, взгляды, модели и определения не претендуют на универсальность. Данное замечание необходимо для того, чтобы максимально уберечь данное исследование и его восприятие/прочтение от эссенциализма, от соблазна полностью отождествить понятия с некими неизменными сущностями. Рассматриваемые далее явления, события и факты в своем разнообразии неизбежно выходят за рамки приведенных выше определений, схем и моделей. И далее мы будем говорить не только и не столько о фактах, событиях и явлениях, но и о способах их восприятия разными объектами и субъектами исторической политики. Иными словами, мы будем наблюдателями «второго порядка», та есть нас будет интересовать не только наблюдение за процессами, но и наблюдение за процессом наблюдения, в поле зрения будут не только тексты, но и контексты — интеллектуальные, культурные, социальные, политические.

В связи с этим уместно будет обратиться к украинскому опыту усвоения понятий, описанных выше.

Украинское измерение

В 1997 г. американский историк Алон Конфино достаточно желчно высказался по поводу бума *memory studies* в западном обществоведении. Он сетовал на то, что растущее количество исследований во-первых, не обеспечивается качеством методологического, теоретического осмысления проблемы, во-вторых, выработался некий шаблон подхода к проблемам памяти, сводящийся к набору стереотипов, кочующих из дисциплины в дисциплину, из исследования в исследование. Центральной темой

исследований в 1990-е по его мнению была «политика памяти», что создавало опасность редуцирования культуры к политике как объекту исследований. «... Отдавая должное количеству, — писал он, — трудно избавиться от ощущения, что термин «память» обесценивается от чрезмерного употребления, при этом исследования памяти явно страдают от недостатка четкости, в то же время становясь несколько предсказуемыми. Затертое утверждение о том, что прошлое конструируется не как факт, а как миф для обслуживания интересов определенного сообщества и сейчас может кому-то показаться достаточно радикальным, но оно не может (и не должно) притуплять взгляд историков. /.../ Истории памяти ... недостает критической рефлексии по поводу методов и теории, и равным образом систематизированной оценки проблем, подходов и объектов исследования»³².

Рискну предположить, что в Украине 2015 г. *memory studies* пребывают приблизительно в таком же состоянии, правда, с той разницей, что слово «бум» здесь будет явным преувеличением.

Если в общественно-политическом дискурсе вопросы исторической памяти возникли еще в период «перестройки» второй половины 1980-х — в контексте ликвидации «белых пятен» истории или «возвращения к исторической правде», то их научное осмысление затянулось. Проблемы коллективной/исторической памяти в Украине стали предметом критической рефлексии и научного осмысления совсем недавно. Первые спорадические попытки, как правило связанные с попыткой выяснить или объяснить политический или социальный подтекст событий, явлений и практик, связанных с коллективной памятью, приходится на конец 1990-х — начало 2000-х годов³³.

Рост интереса к проблеме ожидаемо совпал с оживлением исторической политики во времена В. Ющенко: именно тогда словосочетание «историческая память» прочно вошло не только в общественно-политический лексикон и даже нормативные документы, но и в язык научных исследований. Особую роль в этом сыграла масштабная государственная кампания по формированию коллективной памяти о голоде 1932–1933 гг. (Голодоморе). Достаточно сказать, что центральный проект этой кампании назывался «Национальная книга памяти жертв Голодомора»

К концу первого десятилетия 2000-х в Украине сформировался достаточно стойкий интерес к проблемам исторической памяти. С одной

---

³² *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method, *American Historical Review*, December 1997, pp. 1386–1403.

³³ См., например: *Грабович Г.* Україна: підсумки століття // *Критика*. — 1999. — № 11; *Рябчук М.* Потьомкінський ювілей, або ще раз про амністію, амнезію та „спадкоємність” посткомуністичної влади в Україні // *Сучасність*. — 2004. — № 3.

сторони, он был связан с политической конъюнктурой, с другой — с быстро растущим общественным интересом, опять таки подогреваемым политиками, раскусившими возможности манипуляций с памятью.

Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что украинская гуманитаристика постепенно входила в мировое интеллектуальное пространство, где *memory studies* уже не только утвердились как респектабельная область исследований, но уже имели серьезные наработки концептуального характера. Стали появляться тематические выпуски научных журналов³⁴, обзорные аналитические статьи³⁵, аналитические записки в государственные органы³⁶, тематические конференции³⁷, диссертации³⁸, и даже объемные монографии³⁹ и тематические сборники с

---

³⁴ Україна модерна (Пам'ять як поле змагань). — Ч. 15(4). — Київ, 2009; Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 13-14: Спец. вид.: Історична пам'ять і тоталітаризм: досвід Центрально-Східної Європи. Харків, 2009.

³⁵ *Зашикульняк Л.О.* Історична пам'ять та історіографія як дослідницьке поле для інтелектуальної історії, Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність, 2006–2007, № 15, с. 855–862; *Зерній Ю.О.* Як суспільства пам'ятають: властивості та механізми формування історичної пам'яті, Стратегічні пріоритети, 2008, № 4 (9), с. 35–43.

³⁶ *Симоненко І.* «Концептуальні засади державної політики пам'яті». Аналітична записка <http://www.niss.gov.ua/articles/269/> (дата доступу 21 березня 2016).

³⁷ Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність. Матеріали «круглого столу» 22 квітня 2008 р. За заг. ред. Ю.О. Зерній, К., НІСД, 2008, 68 с.; Історична конференція «Пам'ять як поле змагань у польсько-російсько-українському трикутнику», <https://ua.boell.org/uk/2010/02/06/istorichna-konferenciya-pamyat-yak-pole-zmagan-u-polsko-rosiysko-ukrayinskomu-trikutniku>; Семінар «Політика пам'яті та символічний простір міста: приклади Харкова і Львова», <http://www.lvivcenter.org/uk/conferences/urban-seminars/?newsid=1210>

³⁸ *Зерній Ю.О.* Державна політика пам'яті як чинник утвердження української національної ідентичності: автореф. дис... канд. політ. наук: 23.00.05 / Ю.О. Зерній ; НАН України; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького. — К., 2009. — 20 с. — укр.; *Коньшина Г.С.* Трансформація соціальної пам'яті в інформаційному суспільстві: автореф. дис. ... канд. філософ. наук: 09.00.03 / Г.С. Коньшина ; Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. — Х., 2008. — 14 с. — укр.; *Купіна Я.В.* Вербалізація концепту «пам'ять» в українській літературній мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Я.В. Купіна ; Харк. нац. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди. — Х., 2011. — 20 с. — укр.; *Жадько В.О.* Історична пам'ять у системі духовного світу особистості сучасного українського соціуму (соціально-філософський аналіз): автореф. дис. ... д-ра філос. наук: 09.00.03 / В.О. Жадько ; АПН України. Ін-т вищ. освіти. — К., 2007. — 36 с. — укр.; *Кравченко Д.Г.* Історична свідомість української молоді: проблеми формування в трансформаційному суспільстві (соціально-філософський аналіз): Автореф. дис. ... канд. філософ. наук: 09.00.03 / Д.Г. Кравченко ; Ін-т вищ. освіти АПН України. — К., 2004. — 19 с. — укр.; *Рагозіна Т.Е.* Культурна пам'ять як механізм соціально-історичної наступності: автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.03 / Т.Е. Рагозіна ; Донец. нац. ун-т. — Донецьк, 2010. — 20 с. — укр.; *Халимон М.М.* Реактуалізація пам'яті та досвіду в

привлечением зарубежных специалистов⁴⁰, украинские исследователи включились в международные проекты, опосредованно или прямо посвященные проблемам памяти⁴¹.

В 2010–2014 гг. в Украинском институте национальной памяти (УИНП) и в некоторых академических институтах начала складываться группа ученых, проявлявших стойкий интерес к теоретическим и методологическим разработкам в сфере *memory studies*. В УИНП был составлен словарь ключевых терминов и понятий⁴², издана объемная библиография исследований по теме памяти⁴³ здесь же был начат выпуск серии

нарративній філософії історії: автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.03 / М.М. Халимон ; Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. — Х., 2011. — 20 с. — укр.; *Фостачук О.О.* Соціальна пам'ять як соціокультурний феномен: Автореф. дис. ... канд. соціол. наук: 22.00.04 / О.О. Фостачук ; Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. — Х., 2005. — 19 с. — укр.; *Стародубцева Л.В.* Пам'ять і забуття в історії ідей: мнемонічна герменевтика культури : Автореф. дис. ... д-ра філософ. наук: 09.00.04 / Л.В. Стародубцева; Харк. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна. — Х., 2004. — 37 с. — укр.; *Волянук О.Я.* Суспільна пам'ять в контексті розвитку політичної свідомості у сучасній Україні : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 23.00.01 / О.Я. Волянук, Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. — К. : Б.В., 2012. — 20 с. — укр.; *Глушко А.О.* Компаративний аналіз концептів історичної пам'яті в Україні та в Республіці Словенія : автореф. дис. ... канд. політ. наук : 23.00.05 / А.О. Глушко; НАН України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ім. І.Ф. Кураса. — Київ, 2014. — 24 с. — укр.; *Павленко Ю.Ю.* Дискурс індивідуальної пам'яті в сучасному французькому романі (1970-ті — 2000 рр.): Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.04 / Ю.Ю. Павленко ; Київ. нац. лінгв. ун-т. — К., 2006. — 20 с. — укр.; *Середа В.В.* Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні: Автореф. дис. ... канд. соціол. наук: 22.00.04 / В.В. Середа ; Ін-т соціол. НАН України. — К., 2006. — 20 с. — укр.; *Жуковська Г.М.* Проблема історичної пам'яті у творчості Ліни Костенко: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.01 / Г.М. Жуковська ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2001. — 19 с. — укр.; *Гайдай О.Ю.* Радянська спадщина в політиці пам'яті та свідомості населення України 1991–2014 рр. (на матеріалах Вінницької, Житомирської, Черкаської та Полтавської областей): Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О.Ю. Гайдай ; Київ, Ін-т історії України НАН України. — К., 2016.

³⁹ *Нагорна Л.П.* Історична пам'ять: теорії, дискурси, рефлексії. — К., ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. — 328 с.

⁴⁰ *Культура історичної пам'яті: європейський та історичний досвід / за заг. ред. Ю. Шаповала.* — Київ, ІПІЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2013.

⁴¹ Наиболее масштабный междисциплинарный проект последних лет, объединивший исследователей Украины, Швейцарии, Австрии, Германии — GCE Region, Nation, and Beyond: An Interdisciplinary and Transcultural Reconceptualization of Ukraine См.: <http://www.lvivcenter.org/en/researchprojects/stgallenproject/>

⁴² *Національна та історична пам'ять: словник ключових термінів / кер. авт. кол. А.М. Киридон К.: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013.*

⁴³ *Студії пам'яті в Україні. (Історіографічний дискурс. Бібліографічний покажчик) / передмова, вступ. ст., заг. ред. А. Киридон; [упор. покажчика: Киридон А., Волянук О., Огієнко В.]. — К.: ДП НВЦ «Пріоритети», 2013.*

«Национальная и историческая память», в 2011–2014 гг. вышло десять (!) выпусков сборника.

Впрочем, как уже упоминалось, нынешнее состояние исследований памяти в Украине напоминает ситуацию в этой же сфере в западной гуманитаристике и общественных науках конца 1990-х. Наиболее компетентная в этой области украинская исследовательница Алла Киридон, среди основных проблем исследований назвала малочисленность (и добавим — спорадичность) исследований, отсутствие междисциплинарных связей и дискуссий и в то же время — некритическое использование терминологии одних дисциплин в других, зависимость от переводной литературы (добавим — в особенности работ теоретико-методологического характера⁴⁴), избыток эмпиризма, недостаток аналитичности⁴⁵.

Автор деликатно не упомянула еще одной серьезной проблемы, из-за которой ей лично пришлось поменять место работы. Исследования памяти в Украине пребывают под серьезным давлением политической конъюнктуры, это сказывается как на содержании работ, так и на институциональном развитии. Реорганизация Украинского института национальной памяти летом 2014 г. и «обратное перепрофилирование» его в орган исполнительной власти (подробнее см. Раздел II, Гл.1) практически маргинализировали академическую составляющую деятельности этой институции. Некоторые работы посвященные исторической памяти, претендующие на аналитический статус, своим содержанием и тоном нередко напоминают партийную публицистику. Нынешняя общественно-политическая ситуация связанная с войной на востоке страны, аннексией Крыма Россией и необходимостью противостояния в информационно-психологической войне только усиливает эту тенденцию и сужает пространство взвешенного академического дискурса: стоит обратить внимание на то обстоятельство, что формулировка темы двух из трех упомянутых выше научных конференций — «память как поле борьбы»...

---

⁴⁴ В публикациях на тему памяти сложился своего рода шаблон: автор перечисляет когорту имен западных исследователей, после чего текст обильно снабжается ссылками или на русский перевод работ этих исследований, или на работы российских коллег. Не менее распространенной является практика лишь ритуального упоминания «больших» имен.

⁴⁵ *Киридон А.* Студії пам'яті в Україні: основні тенденції становлення, Україна-Європа-Світ. Міжнародний збірник наукових праць. Серія: Історія, міжнародні відносини, 2014, вип. 14, с. 271.

*Иван Курилла
д.и.н., проф., член совета
Вольного исторического общества*

Вызовы общества и ответы историков: российский вариант¹

Сама тема статьи сформулирована с некоторым вызовом. Это, прежде всего, моя точка зрения на проблему, которую я обозначил как «что такое — быть историком в современной России?». Это не статья по истории, это скорее статья об историках как профессионалах, и об историках как о части общества, об их роли в современном российском обществе, и о том, с какими вызовами мы, историки, сегодня сталкиваемся.

Что такое «история»?

Существует два традиционных взгляда на то, чем занимаются историки, на их роль в обществе. Согласно первому, историк — мудрый беспристрастный «Нестор-летописец», ученый в башне из слоновой кости, человек, который «без гнева и пристрастия» занимается описанием прошлого (тут надо уточнить, что летописцы описывали как раз не столько прошлое, сколько собственную современность, или совсем недавнее для них прошлое).

Второй, тоже уже традиционный взгляд на историка, — это появившееся в XIX веке представление о том, что историк — идеолог создания нации, идеолог «нациестроительства». Историк — это проводник «политики идентичности», тот, кто помогает нации осознать себя, раскопать свои корни, показать сообществу людей то, что их объединяет, и, таким образом, помочь создать, укрепить нацию. Оба эти представления продолжают существовать в обществе, да и многие историки примеряют их на себя, и даже пытаются соответствовать тому или иному подходу.

Тем не менее, современный взгляд (тот взгляд, который я считаю современным), на то, что собой представляют занятия историей, труд историка, что такое историк в современном обществе, — совсем другой. История сегодня — это постоянно продолжающийся, постоянно возобновляемый диалог современности с прошлым. Современный взгляд на

---

¹ Статья основана на тексте лекции, прочитанной автором в рамках публичных лекций «Полит.ру» 17 апреля 2014 года в Москве.

историю таков: история представляет собой диалог, и в этом диалоге вопросы задает современность. То есть современное общество, разные его части — как общество в целом, так и отдельные группы общества — формулирует проблемы (разного рода проблемы — поэтому и история бывает разная: политическая, социальная, культурная, экономическая), задает вопросы, и эти вопросы адресует прошлому. Ответы на эти вопросы, которые задает настоящее, историки пытаются найти в прошлом. Иногда историки этого не осознают, не рефлексиируют этот момент, но проблематика исторического исследования так или иначе задается современностью, той повесткой дня, в которой живет современное общество.

Речь не обязательно идет о политической повестке дня (хотя и о ней тоже); это могут быть культурные споры, этические, моральные, эстетические вызовы. Но историк занимается тем, что ему интересно, а то, что интересно историку, как правило, важно и для его современников. И он ищет ответы на свои вопросы, удовлетворяет свой интерес, изучая разные эпохи прошлого, историю собственной страны, других стран, и этот постоянный диалог позволяет современности развиваться, то есть это важная часть культуры современного общества, позволяющая двигаться вперед. Этот диалог — одна из форм общественного сознания, в которых общество себя определяет, — определяет свое отличие от прошлого, способы продвижения вперед. Диалог поддерживает постоянное напряжение в культуре, и в этот диалог вовлечены не только историки, в нем участвуем все мы, постоянно сравнивая себя с прошлым. Каждый поворот общественного развития сравнивается с какими-то моментами в прошлом нашей страны и других стран.

Историки — это профессионалы такого диалога, ведь вопросы к прошлому задают все, но существуют правила и ограничения, в которых хорошо разбираются именно профессиональные историки. Собственно, в понимании этих ограничений и состоит обучение историка. То, что изучение истории требует специальной квалификации, не всегда очевидно. Очень многим кажется, что задать вопрос прошлому очень легко, что сравнить можно все что угодно со всем что угодно, и это будет неким историческим вопрошанием. Однако один из профессиональных навыков историка — это понимание ограничений на подобные сравнения. Другие навыки включают методы поиска ответа на вопрос, — поиск источников, определение того, какие источники могут нам помочь, а какие не могут, где эти источники искать, как с ними работать. Эти навыки — результат длинной профессиональной подготовки историков. И результаты их работы проверяемы и общественно значимы. Таким образом, историки выполняют очень важную общественную функцию диалога современности с прошлым.

Именно поэтому, кстати, некоторые люди упрекают историков, что те все время переписывают прошлое, подразумевая, что это плохо. Это не плохо, а историки действительно переписывают прошлое, просто потому, что развивается современность, просто потому, что у каждого нового поколения появляются новые вопросы. История, написанная нашими учителями, не стала неправильной, просто она нам стала менее интересной, потому что вопросы, ответы на которые искали учителя, — люди, жившие тридцать, сорок, сто лет назад, — эти вопросы нам уже не так интересны, у нас уже возникли новые, собственные вопросы к прошлому. Хотя прошлое «само по себе» не изменилось, и мы обращаемся зачастую к тем же источникам, что и наши предшественники, — иногда, конечно, находим и новые, но часто к тем же самым известным источникам мы обращаем новые вопросы. Эти новые вопросы к тому же самому прошлому и делают возможным и неизбежным то, что называют «переписыванием истории». В этом смысле история все время развивается и все время помогает понять что-то новое о прошлом и настоящем нашего общества.

Поскольку в этом диалоге одной из сторон является современность, а в современности присутствуют разного рода интересы (политические, экономические, культурные, — разного рода групповые), то история сталкивается постоянно с давлением, с вызовами, с которыми историкам приходится иметь дело. Вот как раз об этих вызовах и пойдет дальше речь.

Историки перед вызовами «политики идентичности»

Первый тип вызовов, которые на виду у всех, — внешние по отношению к исторической науке. Государство пытается рассматривать историков как пропагандистов. В той самой парадигме историков XIX века, с точки зрения государства, историки должны помочь создать нацию. Историки этим занимались во времена Германии Бисмарка. Историки этим занимаются во многих странах и сегодня. В принципе, часть историков в России в подобной программе тоже участвует.

Это задача создания и сплочения нации путем поиска героического прошлого, общего страдания и создания пантеона героев и списка предателей, плохих людей собственной истории, и такой работой историки продолжают заниматься. Это, как правило, нужно государству: оно всегда заинтересовано в сплочении нации, и этим занимаются в той или иной форме очень многие государства. Это шире, чем проблематика внутри-российская, тенденция эта касается не только нашей страны. Государству хочется рассматривать историков как строителей нации. Некоторые ис-

торики готовы с этим мириться, некоторые готовы в эту программу включаться, но очень многие не готовы, очень многие не хотят жить в парадигме XIX века, говоря: «Мы сейчас в XXI веке живем, и по-другому смотрим на историческую науку». И тогда возникают любопытные диалоги.

Можно проследить эти диалоги по выступлениям (поскольку нынешние руководители России любят поговорить на исторические темы), можно вспомнить, как Д.А. Медведев, будучи президентом, говорил: «учёные-историки» могут «сесть где-то в тиши кабинета, в библиотеке и посмотреть, вот есть одна записка, вот есть вторая записка, вот есть исторический документ из МИДа. ... учёные пусть пишут, что хотят, но учебники, общедоступные средства массовой информации всё-таки по таким событиям должны придерживаться общепринятой точки зрения»². То есть пусть историки занимаются, чем хотят в своих кабинетах, но учить они должны, как мы хотим; наука — это ваше внутреннее дело, но не рассказывайте об этом публике. В общем, это было достаточно откровенно сказано. Примерно такие же слова повторяет и Владимир Владимирович Путин, и очень многие люди «второго эшелона» власти: депутаты, министры, которые на эти темы любят высказываться. Не только государство, не только центральные федеральные органы власти пытаются использовать историков как пропагандистов. Политики вообще всех мастей и, собственно, и оппозиционные политики тоже, хотели бы рассматривать историков как идеологов, потому что историки помогают сформировать политическую идентичность, а идентичность может быть не только общегосударственная, общенациональная (то чего хочет государство), но и, например, какая-нибудь региональная.

У политиков регионального уровня в национальных республиках России, политиков, которые пытаются представлять какие-то большие группы населения, есть такой запрос к историкам: «Давайте напишем такую историю, которая сможет обосновать нашу идентичность, нашей небольшой, региональной группы», и тогда та же самая программа, которая применима к нации, начинает осуществляться применительно к этой группе, мы создаем пантеон героев, страданий, побед применительно к одной национальной республике, к одной группе населения.

В России в меньшей степени это связано с социальными группами. Если посмотреть на Америку (я американист по своей основной тематике), то в Соединенных Штатах очень много «групповых» историй: история женщин, история афроамериканцев, история испаноамериканцев,

---

² Встреча с пенсионерами и ветеранами. 17 ноября 2011 года // Президент России. <http://kremlin.ru/news/13555> (дата доступа 23 марта 2016).

история всех меньшинств, которые есть в стране, написаны и активно преподаются в университетах. Так вот, создание идентичности — это то, чем тоже занимаются историки, и это то, что пользуется спросом, прежде всего, среди политиков, потому что политикам эта групповая идентичность важна, они на нее опираются и на основании нее выстраивают свои политические программы.

В связи с этим возникают и первые конфликты — между разными уровнями идентичности. Мы можем наблюдать это и в России: в регионах страны есть разные памятники, которые не всегда «падают» в нарратив общероссийской истории. Наверное, многие слышали, что в Чечне поставили памятник в селении Дади-Юрт героическим женщинам, которые во время Кавказской войны в 1819-м году героически убили русских солдат, — пожертвовав собой, бросились в реку вместе с ними. Это, конечно, героизм, но он не очень вписывается в общенациональный нарратив. В Ростовской области на частном подворье стоит большой памятник атаману Краснову. С точки зрения части казачества, атаман Краснов — это героическая фигура, руководитель квазигосударства Все-великого войска Донского, существовавшего на Дону в 1918-м году, и для некоторых казаков это позитивная фигура, к которой можно обращаться. А в 2008-м году Донское казачье войско даже объявило: давайте реабилитируем Краснова. На это, кстати, очень резко отреагировала Москва; по рассказам ростовских ученых, как раз в это время в Ростов прилетел лично Путин, который встречался с казаками где-то за закрытыми дверями, и казаки объявили, что они отзывают идею о реабилитации Краснова; зато там были тут же организованы празднества в честь атамана Платова, тоже героя казачества, но совершенно из другой эпохи. Атаман Краснов не вписывается в национальный нарратив, прежде всего, не из-за своей роли в 1918 году, а из-за того что во время Второй мировой войны он сотрудничал с нацистами, и был повешен в 1947-м году как коллаборационист и предатель. Поэтому реабилитация Краснова не вписывается в «государственное» представление о Великой Отечественной войне. Это тоже пример конфликта между региональными представлениями о героях и общероссийскими. Много таких моментов и в Татарстане: там, например, не раз предпринимались попытки поставить памятник защитникам Казани от войск Ивана Грозного. Такие противоречия с центральным нарративом отечественной истории существуют везде, причем не только в национальных регионах. Например, в Рязани установлен памятник князю Олегу. Это местный рязанский герой, но мало кто помнит, кто такой князь Олег. В наших учебниках он был предателем, который вступил в союз с монголами против московского князя. Однако в Рязани, как мы видим, этого князя почитают, и это местный нарратив, который противоречит общенациональному.

Собственно об этом противоречии и говорили в тот момент, когда руководство страны озвучило идею единого учебника истории. В качестве обоснования такой необходимости было именно это несовпадение региональной и общероссийской истории предъявлено. Правда, я не очень понимаю, как общенациональный учебник может помочь справиться с этой ситуацией. Надо либо тогда прекратить изучение и преподавание региональной истории, создание региональных памятников, либо писать в едином центре согласованные учебники для всех регионов страны, а такую задачу, по-моему, пока никто не ставил. Представляете задачу создать для всех регионов согласованный с центром учебник? Это слишком большой проект, и увязать все противоречия всё равно не получится; в результате придется либо подавлять какую-то местную идентичность, и говорить «нет, ваши герои на самом деле предатели», что не всегда будет срабатывать, либо закрывать на них глаза и делать вид, что этих противоречий не существует.

Эта же проблема с политическим подходом к истории выходит и на международный уровень, и несколько лет в конце прошлого десятилетия, то есть, где-то 2007–2009 годах, обострились проблемы исторических трактовок в отношениях между Россией и бывшими республиками Советского Союза, бывшими странами социалистического лагеря. Был период, когда тогдашний президент России Д.А. Медведев с тогдашним президентом Украины Ющенко переписывались «на повышенных тонах» по поводу того как правильно понимать общую историю. Тогда даже газовая проблема ушла на второй план, и Севастополь с Крымом, — всё это было не так важно, как то, как мы историю понимаем. Тогда на Украине были приняты официальные решения признать Голодомор геноцидом украинского народа, тогда же звания Героев Украины были присвоены Бандере и Шухевичу, то есть появился целый ряд героев нового украинского нарратива, который привел к непониманию со стороны российских политиков, и они начали переписку с украинскими. И с той, и с другой стороны историки принимали участие в построении нового нарратива, но до конфликта это дело доводили политики. Это еще один пример политического давления на историков.

Коммерциализация прошлого

Кроме политиков, на историков давят и другие силы. Вторая большая группа людей, которая хочет от историков чего-то своего, это бизнесмены от истории (в широком смысле, потому что среди них тоже есть политики, но я отделяю эту группу по целям, с которыми они используют историю). Это люди, которые, например, хотят зарабатывать на туризме, которые хотели бы, чтобы историки красиво оформили туристическую

привлекательность своего родного города. Или не своего родного, а того города, на котором бизнесмен хочет сделать деньги. Этот поиск денег, которые придут вслед за красиво поданным прошлым, необязательно связан с туризмом. Местные руководители хотят приукрасить или каким-то образом «правильно подать» историю, чтобы получить федеральную целевую программу на ремонт, украшение своего города к юбилейным датам, или к важным датам в общероссийской истории. Несколько лет назад была такая история с 1000-летием Казани. Региональные руководители придумывают центры патриотического воспитания в городах-героях, чтобы привлечь федеральное финансирование под «славное прошлое». Словом, такие политики и бизнесмены требуют от историков обоснования денежного потока, обоснования того, что в этот регион, в эту территорию надо кому-то вкладывать деньги.

Здесь тоже возникают конфликты. В этой области особенно много всякой псевдоистории, потому что для бизнесмена обычно неважно, было ли на самом деле какое-то событие, имеет ли эта территория или город реальное историческое значение; важно подать его красиво, поэтому здесь мифологией, мифотворчеством «на заказ» занимаются не только историки. Как раз профессиональные историки стараются созданием мифов не заниматься, но есть такие квазиисторики-специалисты по пиару, которые занимаются мифотворчеством и пытаются эту псевдоисторию «раскрутить», сделать ее туристически привлекательной (как в Костроме несколько лет назад «нашли» могилу Ивана Сусанина и водят туда туристов). Это сомнительно с точки зрения профессионалов, но не вызывает совершенно никакого сомнения у бизнесменов.

Мемориальные законы

Таким образом, политики и бизнесмены, — это две основные группы, стремящиеся добиться от историков чего-то своего. Но кроме попыток политиков и бизнесменов заставить историков задавать нужные вопросы или получать «ответы», которых прошлое не дает, существует и другой тип давления на историков, — попытки что-то запретить. Речь идет о так называемых мемориальных законах. Мемориальные законы существуют в некоторых европейских странах: в Германии, несколько — во Франции. Это законы, которые запрещают определенную трактовку определенных эпизодов в отечественной, как правило, истории. Во Франции законы запрещают сомневаться в Холокосте, запрещают сомневаться в зверствах колониальной французской администрации в колониях, там существует целый ряд таких мемориальных законов. Законы в остальных странах, как правило, запрещают сомнения в Холокосте, в газовых камерах, то есть в истреблении евреев во время Второй мировой войны. Они существуют не

во всех странах, — в Германии, в Австрии, еще есть несколько стран, в которых эти законы приняты, и есть довольно много стран, где такая возможность обсуждалась, но не была осуществлена, где политики решили, что такого рода законы нарушают свободу слова, свободу информации. Я как историк тоже придерживаюсь мнения, что мемориальные законы — это неправильный путь работы с историей, но так или иначе, эти законы есть.

В России в мае 2014 года вступил в силу собственный мемориальный закон, который сильно бьет по возможностям исторического исследования.

Законопроект был впервые внесен в Государственную Думу в начале мая 2009 года, накануне Дня Победы, — главного праздника России, который также является и днем памяти всех погибших в войне против нацизма. Среди авторов законопроекта были Ирина Яровая и Владимир Мединский (последний сегодня является министром культуры и одним из идеологов «исторической политики» России). Неделий позже тогдашний российский президент Дмитрий Медведев создал президентскую комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. В результате необходимость в законе отпала, и влиятельные депутаты, такие как Олег Морозов, Павел Крашенинников и Владимир Плигин отозвали свои подписи. Сама идея государственного вмешательства в область исторических интерпретаций была, казалось, отброшена в результате протестов зимы 2011–2012 гг.; комиссия была распущена президентским указом в феврале 2012 года.

После того, как сами протесты стали историей, вновь избранная Дума вернулась к законопроекту. В июле 2013 года почти сорок депутатов добавили свои подписи к списку его авторов. Еще полгода ничего не происходило, но в феврале 2014 года сорок пять депутатов вынесли на рассмотрение новую редакцию законопроекта. Он был одобрен в апреле и подписан Путиным в начале мая. Новый закон добавил в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 354.1, делающую уголовно наказуемым «Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны».

Закон также признаетотягчающим обстоятельством «искусственное создание доказательств обвинения» (что бы это ни значило) и считает преступлением «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично».

В соответствии с законом, реабилитация нацизма наказывается штрафом до 300 000 рублей или тремя годами тюрьмы. Если преступление совершено «лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации», то наказание может вырасти до пяти лет тюрьмы или штрафом до 500 000 рублей, а также быть дополнено «лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет». Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и осквернение символов воинской славы России могут быть наказаны штрафом в размере до 300 000 рублей либо исправительными работами на срок до одного года.

Одним из аргументов, используемых авторами закона, является то, что Германия, Австрия, Франция и другие европейские государства имеют «мемориальные законы». Эти законы, однако, продвигались левыми политическими силами, и их целью было сохранение памяти угнетенных групп и памяти о преступлениях собственного государства. Российский вариант (как и мемориальные законы в Польше и некоторых других Центрально- и Восточно-Европейских странах) поддержаны про-государственными правыми политиками, которые стремятся создать и защитить героический национальный нарратив и законом запретить любое сомнение в исторической правоте собственного государства.

Организация независимых российских историков, Вольное историческое общество, выступила с протестом против принятия такого закона, указав на недостатки самой идеи подобного законодательства, а также выбора слов в его тексте³. В частности, историки указали, что запрет на «искусственное создание» доказательств может быть опасным для историков, стремящихся провести объективное исследование истории Второй мировой войны. Таким же образом, термин «заведомо ложные сведения» напоминает язык советского уголовного кодекса, который запрещал распространение «заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй», и использовал его для наказания диссидентов. Более того, любое наказание за «ложную информацию», приложенное к истории предполагает наличие некоей окончательной исторической правды. Путь установления исторического канона, — одобренной государством версии истории, — напоминает о создании Сталиным печально знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)». Критики также отметили, что закон защищает «факты, установленные приговором Меж-

---

³ Обращение членов Вольного исторического общества к Президенту, Совету Федерации, Госдуме РФ. — http://polit.ru/article/2014/04/28/vio_280414/ (дата доступа 18 марта 2016).

дународного военного трибунала», а не его определения военных преступлений и преступлений против человечности. Это означает, что любые действия, осуществленные во время войны, но не признанные Нюрнбергским трибуналом военными преступлениями не могут быть названы преступлениями, даже если будут существовать веские доказательства в пользу этого. Более того, если такие действия будут приписаны Красной Армии, это может привести к уголовному наказанию историка. Понятно, что такой подход уничтожает свободу исследования истории Второй мировой войны и прекращает исторический диалог с этим периодом российской истории.

Наконец, новый закон опасен даже для доминирующего русского исторического нарратива. Великая Отечественная война является главной точкой национальной памяти; она играет социализирующую роль и объединяет россиян. Законодательный запрет на обращение к этой истории превращает центральную часть исторического нарратива России в слепое пятно, разрушая таким образом все здание. Если никто не будет задавать новых вопросов о войне, — если в публичном пространстве война останется только в форме отвердевших сакральных текстов и неприкосновенных мемориалов, — она перестанет быть частью актуального прошлого и утратит свое значение.

Я не буду дальше на этом останавливаться, но на мой взгляд этот закон есть попытка запретить задавать вопросы. Если мы вернемся к метафоре истории как диалога, где есть вопросы, и есть ответы, то это попытка давить на историю с помощью запрета задавать вопросы, с одной стороны, когда некоторая проблематика прошлого вообще выводится из исторического вопрошания, а, с другой стороны, это попытка запретить искать ответы, если понимать «искусственное создание доказательств» как запрет копаться в «опасных» источниках.

Депрофессионализация исторического сообщества

Выше описанные вызовы «извне» были первым типом вызовов, с которыми сталкиваются профессиональные историки. Второй тип возникает внутри сообщества историков, внутри исторической профессии, и здесь самой главной проблемой является снижение планки профессионализма.

У этого процесса есть разные причины. Прежде всего, снижение профессионализма — проблема всего общества. Специалисты отмечают и общий кризис науки и образования в России в последние десятилетия; историки не живут в башне из слоновой кости. К специфически «цеховым» причинам относят, например, то, что исторический цех в 1990-е годы был сильно разбавлен бывшими историками КПСС. Есть множество

бывших историков партии, которые успешно переквалифицировались и сейчас пишут хорошие работы, но, наверное, не ко всем это можно отнести. В советское время историков партии, преподавателей истории КПСС было просто количественно больше, чем всех остальных историков вместе взятых (за исключением школьных учителей). И эта часть, наверное, повлияла на возникновение этического кризиса внутри исторической профессии. В период повального «остепенения» чиновников история недавнего прошлого стала одной из популярных областей сомнительных диссертаций.

И здесь уже можно заметить, что сегодня у нас плохо работает профессиональная историческая экспертиза. Профессиональное сообщество поддерживается тем, что историки читают друг друга, пишут отзывы, отличают хорошую работу от плохой, хорошие и настоящие профессиональные тексты от поделок, могут определить работу, которая была бизнес заказом и не выдерживает профессиональных требований. Такая экспертиза может разграничивать профессиональную работу и непрофессиональную. Так вот, напряжение на этом «фронте» было очень мало, стала теряться граница между теми историками, которые работают профессионально и теми, кто так не работает, теми, кто готов идти на поводу у политиков или у бизнесменов, или даже просто недостаточно качественно выполнять свою работу. К сожалению, таких историков стало довольно много.

Наиболее ярким выражением этой ситуации за последние пару лет был скандал с диссертациями. Первые разоблачения махины фальшивой науки начались именно с исторического диссертационного совета, в котором оказались были фальсифицированы публикации для диссертаций. В результате два с небольшим года назад в Московском педагогическом государственном университете был распущен этот диссертационный совет по истории. С тех пор выяснилось, что эта проблема существует не только у историков, она достаточно широко расползлась. Но это проявление того же самого кризиса профессии: нет рамок, нет институтов, которые были бы готовы поддерживать профессиональные стандарты.

Кроме того, мы видим «сдачу позиций» историками. В разговорах с коллегами можно услышать примерно такое рассуждение: «Мы же знаем, кто есть кто, мы знаем, кто профессиональный историк, а кто политик или толстосум, которому диссертацию написали, или он ее купил, мы это все понимаем внутри исторического цеха, так вообще о чем разговор, и зачем это выносить на публику?». Но проблема-то как раз в том, что профессиональное сообщество, при всем своем знании, никаких решений по отношению к тем, про кого оно «знает», принять не может. Для

внешнего наблюдателя любой человек со степенью кандидата или доктора исторических наук — это историк, и тот «гамбургский счет», которым историки могут гордиться внутри собственного круга общения, мало кому известен за пределами исторического сообщества. И зачастую образ исторической науки вовне проецируют как раз люди, которые историками изнутри исторического сообщества не кажутся и таковыми не являются. Доктором исторических наук, например, является министр культуры В. Мединский. Я думаю, что никто из профессиональных историков его историком не считает. Но он — доктор исторических наук и формально он тоже может выступать, от него мы слышали фразу: «я как историк говорю». Он — не историк, но, тем не менее, доктор исторических наук. (Это тоже проблема, кстати, — как он стал доктором. Там ведь заседал диссовет, то есть была «профессиональная экспертиза», которая готова оказалась «пойти навстречу» и согласиться с присвоением ученой степени).

Работы, которые публикуются историками сегодня, тоже читаются не всеми. У нас до сих пор нет журнала научных рецензий, которые, в большинстве стран являются базовыми журналами для дисциплины. Если вы откроете какой-нибудь «*Journal of American History*», «*American Historical Review*», то это журналы, в каждом номере которых публикуется несколько десятков рецензий и четыре-пять статей. Любой исторический журнал, выпускающийся в России — это, наверное, десять-двенадцать, а то и двадцать статей и одна-две рецензии в конце. У нас нет сплошного рецензирования всего того, — книг, сборников, документальных публикаций, — что выходит из печати. А рецензирование — это очень важно. Необходимо, чтобы то, что пишут историки, читали коллеги и оценивали для себя, для авторов и для остального цеха, потому что монографию по специальной теме будут читать либо близкие коллеги, либо никто, а вот рецензию на эту монографию уже может прочитать гораздо более широкий круг историков. И это заставляет сообщество жить, заставляет сообщество работать. Вот эта вторая проблема очень серьезная — внутренний вызов, разрушающий, размывающий сообщество историков изнутри.

Псевдоистория

И есть, наконец, третий тип вызовов; он расположен на границе между профессиональным сообществом и обществом в целом. В обществе за последние годы как-то особенно заметно стало распространение совершенно диких представлений об общественном развитии, об обществе, об истории, о том, как она «устроена». Здесь много всего, и я не буду даже останавливаться на «теориях» Фоменко. Но распростра-

нилось огромное количество теорий заговора. Если вы поговорите с людьми об истории, то вам расскажут, что то ли Ротшильд, то ли кто-то еще спланировал развитие человечества, и все, что сейчас происходит, и что происходило сто лет назад, — всё это управлялось тайными обществами. Всё это — стройные теории, у них большое количество адептов, это очень распространенное представление о том, как развивалась история. История — как один большой заговор.

Многие, собственно, в связи с этой распространенностью теорий заговоров, фоменковщины, другого типа псевдонауки отказывают истории в научности. Если поговорить со средним типичным представителем даже научно-технической или естественнонаучной интеллигенции, можно услышать, что история не наука вообще, и с отсылкой к той истории, которую тиражирует либо агитпроп, либо школьные учебники истории.

К сожалению, большинство существующих школьных учебников не закладывают понимания того, что такое историческая наука в современном представлении. Они, как правило, транслируют какой-то исторический нарратив, исторический рассказ; в лучшем случае, в начале учебника есть глава, рассказывающая о том, как историки ходят в архивы или ведут раскопки. Всё остальное — это нарратив, и школьник, который после окончания школы больше не сталкивался с историей или сталкивался с еще более коротким нарративом (где-нибудь на первом курсе вуза), как правило, не получает представления о том, что такое история как наука и что такое история как прошлое, каковы современные взгляды на наше взаимодействие с прошлым. И поэтому среди этих людей очень много людей, уверенных в том, что история — не наука, потому что история — это разные рассказы, которые можно рассказать так или эдак.

Собственно, из такого взгляда на историю как нарратив Фоменко и вырос. Он этот нарратив оспорил, сопоставил, увидел неточности и отменил всю историю. Однако представление о том, что в истории можно найти единственно верный нарратив, создавать единственно верную правильную окончательную версию историю, — это тоже ненаучный взгляд на историю. Хотя именно этого очень многие от историков ожидают, — часто можно услышать обращенные к историкам вопросы: ну а как же было на самом деле, какова же правда? Вот смотрите, один историк пишет об этом событии так, другой — по-другому, значит, кто-то из них ошибается? Или можно прийти к компромиссу, и понять, как было «на самом деле»?

На самом же деле, есть такие проблемы в истории, в понимании которых можно найти компромисс, но есть и такие, в которых компромисс найти нельзя, потому что это история разными голосами рассказанная, это история, связанная с идентичностью той или иной соци-

альной группы. История авторитарного государства и история, например, жертв какого-нибудь «великого поворота» никогда к компромиссному варианту не придут. Через интересы государства можно объяснить, почему принимались те или другие решения, и это будет логично. А можно рассказать историю тех, кто от этих решений погиб, потерял состояние, жизни, здоровье, и это будет тоже правильная история, это тоже будет правда о прошлом. И то, и другое — правда. Эти правды можно изложить в разных главах одного и того же учебника, но, на самом деле, взглядов на историю гораздо больше, чем два. Я сейчас привел пример государства и угнетенной части населения, но можно говорить о разных регионах (то, о чем я уже упоминал), то есть, останется вопрос, как можно примирить историю разных регионов в большой многонациональной стране, если писать, например, историю этнических групп. Здесь при попытке создать некий единый непротиворечивый нарратив мы всегда будем наткаться на тупик. Такой единый рассказ об истории мы не создадим, но ожидание такого нарратива в обществе существует.

Из этих ожиданий растет, наверное, и недавняя попытка популярного писателя Б. Акунина стать «новым Карамзиным». Это ожидание проявилось и в недавних спорах о создании единого учебника. В конце концов, говорят нам, «историки, договоритесь между собой, расскажите, как было на самом деле, и будет у нас единый учебник, в котором будет изложена вся окончательная правда». А историки не могут, потому что в «живой» истории всегда идет диалог сразу по многим направлениям, «полилог». Так вот, если мы сделали из этого многоголосия единый текст, то это означает, что мы его сознательно обрубали. Мы можем, конечно, оставить один единственный монолог, но мы потеряем все то, что звучало, мы потеряем все остальные вопросы, которые задавались другими участниками этого разговора, мы потеряем ответы, и будет у нас один ответ на один и тот же вопрос. Этот вопрос, может быть, вообще неинтересен части слушателей, но мы только этот вопрос и услышим. Именно поэтому единого нарратива получить невозможно.

Это, на самом деле, бывает не очень просто понять. Для историка, который уже прочитал большое количество монографий за свою студенческую и профессиональную жизнь, и что-то уже сам написал, это само собой разумеется. Но когда он вступает в разговор с людьми, которые не имеют представления об истории, ему бывает трудно объяснить, что у истории нет окончательного и правильного ответа. У истории не будет ответа, потому что история — это не рассказ о чем-то окончательном, а это всегда диалог, всегда новое вопрошание, новые вопросы, и новые ответы.

«Лоскутное одеяло» и «гражданское общество историков»

Что же из этого следует? Может ли историк оставаться безучастным ко всем этим видам давления на него со стороны политиков, бизнесменов, к проблемам, возникающим внутри профессии, может ли он удалиться в эту свою башню из слоновой кости и там писать? В принципе, конечно может. И значительная часть историков, в самом деле, такую позицию занимает, многие, особенно те, кто не занимается историей России XX века, а занимается, например, историей Византии, думают при этом или говорят открыто, что они пишут если не для вечности, то для науки, которая существует «сама по себе».

Мне все же представляется, что историки не пишут для вечности, и не в этом предназначение исторической науки. Исходя из представления, что история — это диалог современности с прошлым, историк, который «пишет для вечности» может столкнуться с тем, что его вопросы, актуальные сегодня, интересные ему самому, не будут интересны людям через двадцать-сорок лет, не будут интересны потому, что устареют сами по себе. Бывают, конечно, исключения. Работы М. Бахтина, например, его вопросы оказались актуальными в совершенно другой культуре спустя десятки лет после того, как он их написал. Но не всем так может повезти. История есть часть современного диалога с прошлым, и историку писать в стол — очень опасное и непродуктивное занятие. А если он пишет не в стол, то он сталкивается с теми самыми вызовами. Византинист включает телевизор, и с удивлением видит там передачу, например, Тихона Шевкунова, документальный фильм «Византийский урок», в котором история Византии рассказывается совершенно с лобовыми современными аллюзиями. Это рассказ о современности с помощью рассказа о Византии, о том, как пала Византия, потому что она доверилась Западу.

Это политические агитки, которые постоянно атакуют историков с разных направлений. Они оказываются гораздо глубже, чем история XX века, они захватывают историю Византии и могут неожиданно захватить и древнюю историю через, например, археологию, амфоры, которые можно в нужный момент достать со дна моря. Все это, так или иначе, царапает глаз историку. Он, конечно, может выключить телевизор, отвернуться и сделать вид, что этого не было, но на самом деле, это вызов истории как науке и профессии, на который надо реагировать.

Историки пытаются сопротивляться политизации истории, они пытаются спорить с использованием исторических аргументов для достижения политических целей, будь это на уровне отдельного региона или в международных отношениях. Когда, однако, историки это пытаются сказать, то такая критика с их стороны начинает восприниматься сторонними наблюдателями как политизация «в обратную сторону». То есть эти

историки тут же получают обвинение в том, что они политизируют что-то, что они идут в политику. Нет, мы не идем в политику. Мы только хотим сказать, что не надо политизировать историю, не надо использовать исторические аргументы, — но эта позиция сама воспринимается как вовлечение в политический спор, и тут вырисовывается тупик.

У современных историков, особенно у тех, кто пытается работать с запросами современности (кто рефлексировать на тему запросов современности), возникает проблема с этим множеством нарративов, множеством рассказов о прошлом, рассказами, которые произведены разными социальными группами, разными регионами, разными этническими группами, и разными государствами.

Что делать, если есть история Киевской Руси, написанная в России, и история Киевской Руси, написанная в Киеве. Как их состыковать? Они очень уж сейчас разные. И какая-то часть историков начинает работать над тем, чтобы пытаться найти компромисс. В Институте всеобщей истории РАН на протяжении многих лет работают разные комиссии, — историков России и Германии, России и Украины, историков России и разных стран Балтии, историков России и Польши. Эти комиссии пытаются создать некое общее полотно, но компромиссного не выходит. Как правило, получается, что одну часть написали наши историки, другую написали «их» историки, и, в лучшем случае, они просто не касаются друг друга, оставшись каждый со своим мнением.

Перед историками встает совершенно нестандартная, необычная задача, которая перед ними не вставала или они ее не осознавали, еще лет двадцать-сорок назад. Это задача — работать на этих швах между разными нарративами. Есть один исторический рассказ, есть другой рассказ о прошлом, которые друг другу противоречат и которые нельзя свести в единое целое, и между которыми не может быть компромисса, что делать?

Я уже применял такую метафору, такой образ: «лоскутное одеяло»⁴. Современная история в широком смысле, современное представление об истории в целом представляет не некий единый поток, а вот такое сшитое из разных лоскутов одеяло. Или не сшитое толком, — там дырки между ними зияют. Разные лоскуты, разного цвета и из разного материала. И задача сшивания этих кусков, — сшивание кусков, написанных в России и в Украине или сшивание кусков, написанных в Татарстане и в Москве по поводу присоединения или штурма Казани, или Северного Кавказа и

---

⁴ Курилла И. Лоскутное одеяло истории или историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля // *Ab Imperio*. — 2013. — № 2. — С. 298–326.

Центральной России, — это самая сложная проблема, которая стоит перед исторической наукой в целом.

Понятно, что не все историки будут этим заниматься, но я бы сказал, что это еще один вызов. Я думаю, что если компромисса между этими разными кусками истории быть не может, значит, нам надо думать, как мы можем жить одновременно с разными интерпретациями. В каком-то смысле это похоже на шизофрению, мы будем жить понимая, что существуют разные рассказы, противоречащие друг другу интерпретации одного и того же прошлого, но это, в общем, состояние современной культуры. Мы уже живем во многих областях культуры, предполагая возможность разного объяснения. Вся современная история именно так, извините за это слово, шизофренична, в том смысле, что мы имеем разные трактовки одних и тех же событий, или разные вопросы, обращенные к прошлому, и к одному и тому же прошлому, и поэтому получаем разные ответы про это одно и то же прошлое.

Есть «исторические политики», есть «исторические бизнесмены». Мы знаем, что общество обычно описывают как состоящее из трех секторов. Есть сектор политики, есть сектор бизнеса и есть некоммерческий сектор, или сектор гражданского общества. Если попробовать перенести это на историю, то есть ли «историческое гражданское общество»? Мне как раз представляется, что профессиональные историки составляют, по сути, по своему положению в обществе этот самый «третий сектор», гражданское общество внутри исторического поля.

В каком смысле это историческое гражданское общество? Когда историки не работают по прямому заказу политиков, по прямому запросу политических групп или по прямому запросу бизнеса, когда они выполняют свою роль, занимаясь тем, что им интересно, в этот-то момент они отвечают на вопросы, наиболее волнующие общество в целом. Здесь грань довольно тонка. Конечно, каждый историк, так или иначе, является носителем какой-то идентичности сам по себе, она ему близка. И, задавая вопросы, которые ему интересны, он все равно в той или иной форме выступает от какой-то группы, представляет групповую идентичность. Чем лучше он это понимает про себя, чем лучше он рефлексивирует над своим положением, тем он профессиональнее.

Но если историк или историки в целом как сообщество (историки могут быть разными, они могут быть носителями разных идеологий, разных идентичностей, но исторический цех в целом объединяет историков с совершенно разной идентичностью) работает, задавая прошлому вопросы, которые важны обществу в целом. И среди них есть те вопросы, которые не нужны политикам, и те вопросы, которые не нужны бизнесменам. Потому что это чаще всего то, что называется, «сложные вопросы

истории», как это было в историко-культурном стандарте, в том числе это трагические вопросы, это вопросы, в которых государство либо просто ошибалось, либо прямо оказывалось преступным.

Это те вопросы, ответы на которые могут показаться неудобными большим группам в сегодняшнем обществе (применительно к Европе, это вопросы геноцида, этнических чисток), эти очень неудобные вопросы не нужны, как правило, государству. Эти вопросы не нужны современным политикам, если только это не политики — представители тех групп, которые подвергались этим чисткам, или геноциду, и они строят на этой памяти свою политику идентичности. Как правило, они не нужны, но эти вопросы очень нужны обществу в целом, так как общество должно знать, что такие проблемы существуют. Общество должно знать, какое прошлое у него было. Потому что если эти вопросы о трагических событиях в собственном прошлом не будут заданы, то мы можем по этой дороге пройти второй раз, не заметив, где на нее свернули.

И в этом смысле историки как третья часть общества, не представляющая бизнес или политику, а именно историки-профессионалы работают в целом для общества, в интересах общества в целом. Именно из этого мы исходили, когда создавали Вольное историческое общество. Это попытка структурировать часть исторического сообщества, тех, кому это на самом деле важно и интересно. Структурировать для того чтобы ответить на вызовы и на внешнее давление, и попытаться решить проблемы внутреннего снижения планки, внутренней экспертизы, ответить на вызовы в виде снижения уровня исторических представлений общества в целом, то есть это все задачи, которые надо решать, и профессиональное сообщество может и должно этим заниматься.

Я думаю, для того чтобы это решение было эффективным, необходимы структуры внутри профессионального сообщества, способные поддержать институт репутации, научный «гамбургский счет»; эти структуры начали создаваться и я надеюсь, что они будут развиваться и дальше.

Ivan Kurilla

Society's Challenges and Historians' Responses: Russia's Case

The author of the article analyses the challenges that contemporary society put before the professional historians. Starting with the two most common images of history-writing — that of an “unbiased and objective scholar describing the Past as it really was” and historians as nation-builders”, — he criticizes both approaches as obsolete. The author considers history a dialogue between the contemporary society

---

and the Past, and sees three groups of the challenges for that dialogue in Russia. First group consists of political and business pressure both in the international affairs (producing “memory wars” between the states) and in domestic politics (creating a drive to write “national history” which is confrontational to the excluded parts of the population and to the neighbors); the second group of challenges is constituted by the lack of an institute of professional authority that have led to the deterioration of professional standards, problems with dissertations and professional evaluation; and the third one, represented by the spread of different but not-scientific ideas about history, from conspiracy-theories to the: new chronology” to the ungrounded search for the ancient ancestry of the contemporary peoples. The reaffirmation of the historians’ professional standards is suggested as one of the ways to responses the challenges.

Dr. Andrei Cusco
Department of World History, Faculty of History and Geography,
“Jon Creanga” State Pedagogical University (Moldova)
Alexandr Voronovici
Ph.D Candidate in History,
Central European University (Hungary)

The “Politics of Memory” and “Historical Policy” in Post-Soviet Moldova and Transnistria: Competing Narratives and Uses of an Uncertain Past

The connection between history, politics and “collective memory” in Eastern Europe is particularly complex, multi-layered and fragmented. This state of affairs led, among other things, to the active involvement of professional historians in various nation-building projects and, more broadly, in the politicization of the past. The latter tendency serves as a legitimizing strategy for the intellectual and political elites within the post-Soviet space. The case of the Republic of Moldova confirms this general assessment, but is further complicated by the endless debates concerning the national identity of the country’s majority ethnic group. There is no consensus within Moldovan society on the issue of defining the essence, boundaries, or basic values of the nation as an “imagined community”. After the disintegration of the USSR, followed by the proclamation of independence in August 1991, the majority of Moldovan historians uncritically accepted a simplified version of the Romanian national historiography, which replaced the discredited “Soviet model” while preserving a number of the Soviet-style essentialist and outdated methodological tenets¹. At the same time, most of the post-Soviet political elite aimed at strengthening the newly acquired Moldovan “statehood”. This also presupposed the pursuit of a special kind of “politics of memory”, which distanced itself both from the Romanian national narrative and (although to a lesser extent) from the Soviet past.

To put it differently, an antagonism between two mutually exclusive variants of local nationalism — and of associated memorial practices — emerged in the Moldovan case. The advocates of “pan-Romanian nationalism”, who claim that the Moldovans are a part of the “greater Romanian nation,” had

---

¹ For a more detailed discussion of the subject, see Victor Taki, Andrei Cusco. «Kto my? Istoriograficheskii vybor: Rumynskaia natsiia ili moldavskaia gosudarstvennost'», *Ab Imperio*, 2003, no. 1 (2003): 485–495.

a staunchly negative view of the Soviet period, dismissing it as an era of foreign domination and “occupation.” They accordingly idealized the epoch of Bessarabia’s inclusion into “Greater Romania” (1918–1940). The supporters of the opposite ideological current — “Moldovanism” — were in many ways creatively recycling the Soviet-era conceptual legacy, attempting to use certain categories of ethnic nationalism as well. They strove to prove the existence of an uninterrupted tradition of Moldovan statehood, finding its purported roots in the Middle Ages and emphasizing the (mythical) continuity between the medieval Moldavian Principality and the contemporary political entities which emerged on the territory of Bessarabia. A sort of fine balance between these two visions of Moldovan identity prevailed for much of the post-1991 period: the “Romanianists” dominated the academic circles and the university milieu, while the moderate “Moldovanists” enjoyed the support of the government, but ultimately failed to significantly undermine the strong positions of their adversaries in the educational system. Thus, the “politics of memory” in the Moldovan context was often reducible to symbolic competition and conflict between two antagonistic projects of local national identity. Within the framework of this “zero-sum game”, the 20th century was the most contested period, while the interpretation of the events of 1917–1918, the years of Romanian administration, World War II, the Holocaust on the territory of Bessarabia and the Soviet legacy represented as many objects of heated and ideologically charged debates and of political manipulation. The Moldovan historians were far from adopting the position of “neutral observers” or non-involved scholars. On the contrary, they became direct participants of these “memory wars”. The dilemma of professional ethics versus political bias was at best secondary for the protagonists, and quite often this question was not posed at all. The professional historians assumed the mantle of militant intellectuals and openly promoted a certain version of the “politics of memory”. At the same time, any significant initiatives in this sphere coming from “below” (e.g., from civil society) were conspicuously lacking.

The relevance of the public “memory discourse” can be examined at least from two points of view. On the one hand, the “politics of memory” in post-Soviet Moldova is linked to the fundamental significance of the nation — and, consequently, of “national memory” — for the competing identity projects of the Moldovan intellectual and political elites. This observation is just as valid in the case of the “Romanianists” as in that of their ideological foes — the “Moldovanists”. Collective memory is, in this case, clearly subordinate to the national narrative, which employs and manipulates certain key elements of the latter for the purpose of self-legitimization and in order to discern certain features purportedly defining the “national character” of the given community. In this form, collective memory only has an indirect and mediated influence on

historical representations. The “memory of the nation” becomes tangible through symbols or ritual memorial ceremonies, but is generally not complicated by the personal (sometimes “uncomfortable”) reminiscences of the direct participants or witnesses. In this case, collective memory functions as a device for symbolic stylization, the consolidation of social ties and the creation of a unified national historical “tradition”. Such mechanisms are still functional, at the level of everyday life, even at present, although they are less effective than in the past.

On the other hand, “collective memory” is not a given, nor an unchanging phenomenon, but an evolving social construct, which always depends on the concrete circumstances of a society’s political culture and on the (subjective) temporal factor. The “politics of memory” is especially important for those societies, which are still struggling with their own difficult past and were not able to overcome it either through the strategy of *reconciliation* or through the *mourning* for the victims of repressions, genocide etc².

The “politics of memory” in Central and Eastern Europe (including in the Moldovan case) is in many ways different from the familiar Western European models of ‘overcoming’ or ‘dealing with’ the past (*Vergangenheitsbewältigung*). Even in those cases when the official “politics of memory” presupposed a complete break with the Communist past and a radical “de-Communization” of the public sphere, including on the level of state legislation (e.g., in the former GDR or the Czech Republic), these measures, as a rule, amounted neither to an effective and lasting “national reconciliation” nor to a decrease of nostalgia throughout those societies. The attempts to explain such outcomes by using the notion of “transition” (or even by building a discipline of ‘transitology’), by invoking the peculiarities of political culture or by emphasizing the continuity of the former *nomenklatura* in government are only partially justified³. According to Tony Judt, the complexity and multiple layers of the ‘memory of Communism’ in Eastern Europe are perfectly comparable to the ‘memory of Nazism’ in the West. This disparity leads to the emergence of an ‘asymmetry of memory’ between the two parts of the continent⁴. The process of „overcoming the past” in the Republic of Moldova was, until quite

---

² Jay Winter and Emmanuel Sivan, eds. *War and Remembrance in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), p. 32.

³ Carmen Gonzalez-Enriquez. “De-Communization and Political Justice in Central and Eastern Europe”, in: Alexandra Barahona de Brito, Carmen Gonzalez-Enriquez, and Paloma Aguilar, eds. *The Politics of Memory: Transitional Justice in Democratizing Societies* (Oxford: Oxford University Press, 2001), pp. 218–247.

⁴ Tony Judt. “From the House of the Dead: An Essay on Modern European Memory”, in: Tony Judt, *Postwar: A History of Europe since 1945* (New York: The Penguin Press, 2005), pp. 803–831.

recently, in an embryonic stage. This was due not only to the particular local context, but also to the overall structure of „collective memory” in Eastern Europe, which is constantly confronted by the dilemma of simultaneously dealing with the “problematic” or traumatic memory of Communism and Nazism (and / or the Holocaust). In this sense, the reflections of the American historian Charles S. Maier on the profound difference between the ‘hot’ memory of Nazism and the ‘cold’ memory of Communism are revealing⁵. The first part of this dichotomy has a deeper psychological nature and impact, provoking a much more vivid and heated emotional response in the process of ‘remembering,’ while the Communist past is generally perceived in less dramatic terms, not least because of the relative “normalization” of the Soviet regime after Stalin’s death. The author highlights this psychological difference by invoking the concept of *shame*, which presumably has deeper roots in the case of Nazism. Thus, the “memory wars” raging recently in the Ukraine and (although to a lesser extent) in the Republic of Moldova have far wider implications for the societies involved and cannot be reduced to academic debates. They are directly related to the problem of national identity and to the state policies pursued in this field. The connection between the political agendas and projects of the post-Soviet elites, the manipulation of history for political purposes and the existence of certain elements of “historical policy” is clearly discernible in the Moldovan context.

“Symbolic Competition” and the Uses of History in Moldovan Political Discourse (1991–2009)

In the first years following the dissolution of the USSR, coherent attempts were made in newly independent Moldova to radically revise the attitude toward the Soviet past and to rethink the country’s history through the prism of the “national paradigm”. The sphere of official symbols and the public space were mostly “nationalized” relatively quickly and without significant resistance. These tendencies were expressed in several concrete forms, including: 1) the removal of most Soviet-era monuments or their transfer to special depositories, out of the public eye (this was applied, first of all, to the statues of V.I. Lenin and of other Soviet leaders). However, this process did not uniformly affect all Moldova’s regions (e.g., the Soviet monuments were preserved in the Gagauz autonomous region in the south of the country). At the same time, some monuments associated to the Soviet past were left standing even in the republic’s capital (e.g., the monument of the ‘Komsomol heroes’ or

---

⁵ Charles S. Maier, “Hot Memory... Cold Memory: On the Political Half-Life of Fascist and Communist Memory,” *Transit- Virtuelles Forum*, no. 22, 2002.

the statues commemorating the ‘revolutionary fighters’ Sergei Lazo and Grigorii Kotovskii); 2) the “de-communization” of the public space, which found its expression in the massive renaming of streets and institutions and in the gradual displacement of the Soviet “places of memory” from the broader public sphere. In contrast to the Ukrainian case, the symbolic “nationalization” of space did not result in a wave of protests and public discontent, partly because the new nomenclature, heavily borrowed from the Romanian national “canon”, simply did not resonate with a large part of Moldova’s population. This was especially true of the national minorities, who perceived the new names as ‘foreign’ and were unable to decipher their symbolic ‘weight of meaning’. A concrete example concerns the elements of the purported continuity of the Romanian ethnicity on Moldova’s current territory symbolized by the use of ancient Roman names and notions referring to the time of Dacia’s conquest by the Romans while renaming streets, schools, public institutions etc. The same applied to the “symbolic rehabilitation” of little-known militants of the Moldovan national movement from the late 19th and early 20th century. The majority of the population perceived these innovations either neutrally or with outright indifference; 3) the radical revision of educational programs and curricula, particularly in the field of the humanities and social sciences.

However, at the level of political practice and debate the situation was far from unambiguous. The Declaration of Independence, passed by the Moldovan Parliament on August 27, 1991, referred to the “liquidation of the political and legal consequences” of the Soviet-German “conspiracy” of August 23, 1939⁶ and to the “illegal state of occupation” of the Republic of Moldova by the Soviet Union, starting from 1940/44 (the parallels with the context of the Baltic countries are obvious)⁷. However, these radical tendencies did not lead to any corresponding sweeping political decisions. Moldova’s “transition” can be best described in terms of a gradual movement towards a compromise between the moderate elements of the “Old Regime” and the moderates within the nationalist “opposition”. In the circumstances of the growing tensions in the second half of 1991, fueled both by the increasingly radical nationalism of the “Popular Front” and by the Moscow-supported separatist movements in Transnistria and the Gagauz districts, the moderate wing of the former Soviet *nomenklatura* regrouped to form the Agrarian Democratic Party of Moldova (PDAM), registered in November 1991. On the one hand, the political leadership of the PDAM squarely rejected the “pan-Romanian” nation-building

---

⁶ Here the Declaration implies the provisions of the secret Soviet-German protocol dividing the spheres of influence in Eastern Europe, annexed to the “Molotov-Ribbentrop” pact signed on August 23, 1939.

⁷ Declaration of Independence of the Republic of Moldova. Available at: www.europa.md

project and supported the consolidation of “Moldovan statehood”. On the other hand, they advocated a strategy of “public amnesia” and a lenient attitude regarding the Soviet legacy and the Communist past. Thus, after an initial surge throughout 1991 and 1992, the fledgling elements of “historical policy” and strategies for “overcoming the past” were quickly shelved. The factors influencing this outcome included the consequences of the Transnistrian conflict, the fragmentation of the nationalist political parties and the growing apathy of the electorate with regard to an active “politics of memory”.

Another important event occurring in this period (with long-term political impact) was the rebirth of a recreated “Party of Communists”, on a platform of Communist “re-foundation”. As a sign of a general ‘swing to the left’ of the political spectrum, a constituent conference of the Party of Communists of the Republic of Moldova (PCRM) was convened in late 1993. The new party was led by Vladimir Voronin, a former Minister of the Interior under the last Soviet-era government. The PCRM proclaimed itself the legal and ideological successor of the CPSU and the CPM. The appearance of a political organization, whose initial aims included “the restoration of the USSR,” although without immediate impact on the political scene, pointed to an important change in the position of the state authorities toward the Soviet past. Throughout the rest of the 1990s, the symbolic competition in the public sphere and on the political arena was basically expressed in the endless debates on the subject of the Moldovans’ “true” national identity. The “national question” became a political watershed and an indicator of political preferences in the local context, displacing other criteria of ideological difference. This became totally clear during the 1994 parliamentary electoral campaign, when a full-fledged “Moldovan national project” was formulated at the level of the governing political elites. It was explicitly directed against “pan-Romanianism”, which dominated the symbolic and cultural sphere during the first post-independence years. In contrast to the previous Soviet version of “Moldovanism”, the new Moldovan nationalism represented a peculiar reaction to the Romanian national interpretation of Moldova’s history and of the nature of the post-1991 Moldovan state. A defining moment in the development of “New Moldovanism” was marked by the so-called “national congress” “Our Home — the Republic of Moldova”, organized on February 5, 1994, under the patronage of the authorities. The Moldovan president at the time, Mircea Snegur, who earlier refrained from directly supporting the most radical “Moldovanist” tendencies, rapidly increasing during the previous year⁸, made a speech to the participants of the Congress. In this speech, he strongly

---

⁸ The most well-known example in this sense was undoubtedly the brochure authored by one of the most outspoken “ideologues” of the Moldovanist current: *Petre P. Moldovan* [Vasile Stati]. *Moldovenii în istorie* (Chisinau, 1993).

condemned the pan-Romanian national project as a “treason” of Moldova’s national interest. He also directly accused most Moldovan writers and historians of harboring unwarranted doubts concerning the “legitimacy and historical foundations of our right to be an independent state [and] to be called the Moldovan people”⁹. Snegur did not stop at the claim of the existence of a separate Moldovan nation as a potential foundation for building the post-Soviet state. He also advanced the controversial thesis about certain peculiarities of the “Moldovan language”, which was meant to emphasize the anti-Romanian thrust of his political agenda. In this speech the president also reminded his audience of “the historical continuity of the Moldovan nation”, which invoked the short-lived period of Bessarabia’s notional “independence” in late 1917 and early 1918, before its unification with Romania. Thus, a purported basis for the legitimacy of the new state was created *ex nihilo*, but the earlier Soviet version of “Moldavian statehood”, intimately linked to the creation of the MASSR in 1924, was clearly rejected. Aside from the charged rhetoric and the open manipulation of historical references for political purposes, this moment signified “the initial stage of the Moldovan state’s official ideology”¹⁰. The core of this ideology remained essentially stable during the second half of the 1990s and acquired a more radical bent during the PCRM’s stint in government (2001–2009).

In order to better grasp the policy of the Moldovan state in the symbolic sphere, a closer look at the crucial period of the mid-1990s is necessary. Following the 1994 elections, when the nationalist forces suffered a heavy defeat, many of the earlier decisions directed at the gradual “Romanianization” of the state symbols were reversed or revised. Thus, the new Moldovan constitution, adopted in July 1994, decreed that the designation for the official language of the republic was to be “Moldovan” (whereas in the Declaration of Independence the national language was called “Romanian”). The same year, the Moldovan parliament replaced the country’s national anthem. Instead of the Romanian anthem *Deșteaptă-te, române!* [Awaken, Romanian!], which had been common for Romania and Moldova since 1991, Parliament opted for a more “neutral” text — *Limba noastră* [Our Language], a poem written by the early — 20th-century Bessarabian poet A. Mateevici. Still, it would be wrong to conclude that a wholesale and complete revision of the “politics of the past” initiated during the early 1990s took place. There were no attempts at a total rehabilitation of the Soviet past. One could more plausibly talk about a number of efforts to elaborate a viable core of a “Moldovan national mythology”. The latter should have contributed to the consolidation of Moldovan “statehood”, a

---

⁹ Charles King. *Moldovenii: România, Rusia și politica culturală* (Chisinau: ARC, 2002), p. 160

¹⁰ Charles King. *Moldovenii*, p. 160.

loose concept mostly understood in negative terms, as a rejection of the Romanian national project. The main problem besetting the Moldovan political elites was the acute lack of legitimacy that the newly established polity had to face. Without abandoning the nationalist rhetoric in principle, the “Moldovanist” ideology was based on the supposed existence of an unchanging and stable “Moldovan ethnic essence” on the territory situated between the Dniester and Prut rivers (or, in a modified version, between the Dniester and the Carpathians) at least starting from the Middle Ages (if not from times immemorial)¹¹. The “Moldovanist” vision of the origins and development of the Moldovan national community shares with its counterpart — Romanian nationalism — espoused by the majority of Moldovan intellectuals, the same ethnocentric and primordialist features and presuppositions. Thus, only the presumable “vector” of historical development is different for the two sides, while the essential ingredients of their nationalist world-view are quite similar. Here is only one among many examples of this kind of nation-centered logic. Moldova’s second president and a prominent representative of the former Soviet nomenklatura, P. Lucinschi, declared in 1999: “The Republic of Moldova, proclaimed as a sovereign and independent state on August 27, 1991, is at the same time the homeland of a people with traditions dating back thousands of years, with deep roots in history. An unassailable proof of this is [the celebration] of the 640th anniversary from the day of the creation of the Moldavian State”¹². However, this type of ideological constructs had a rather limited impact on the Moldovan society at large. Especially after 2001, the attitude toward the Soviet past became an increasingly relevant and ‘burning’ topic of the political debates and a central factor in the polarization of antagonistic social and ideological positions¹³. The previously disparate and fragmented elements of “historical policy” acquire a systematic and coherent character in this period.

Similarly to the situation prevailing in the late 1990s, the “national question” became a priority of the version of “historical policy” initiated and promoted by the PCRM after it came to power in April 2001. The PCRM gradually distanced itself from its initial negative attitude toward the inde-

---

¹¹ *Gheorghe Cojocaru*. „Simboluri și mituri: Mitul politic pătaș la guvernare”, *Arena Politică*, cited in: Iulian Frunțașu, *O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812–2002)* (Chisinau: Cartier, 2002), p. 375.

¹² *Iu. Frunțașu*. *O istorie etnopolitică a Basarabiei (1812–2002)*, p. 375. Lucinschi is a historian by training.

¹³ An interesting (and interdisciplinary) approach to the dilemmas and challenges of Moldovan post-Soviet state- and nation-building can be found in the following book: *Monica Heintz* (ed.) *Stat slab, cetățenie incertă: Studii despre Republica Moldova*. (Bucharest: Curtea Veche, 2007).

pendent Moldovan state as a temporary and transitory phenomenon. Somewhat ironically, it became the main proponent of the idea of “Moldovan statehood”. To achieve their goals, the Communists actively used the works of the consecrated ideologues of the “Moldovanist” current — Vasile Stati and Victor Stepaniuc (the latter was an important member of the PCRM leadership until 2009)¹⁴. The ideological platform of “Moldovanism” was officially sanctioned and endorsed in the so-called “Conception of the Nationality Policy of the Republic of Moldova” (*Concepția politicii naționale a Republicii Moldova*), approved by Parliament on December 19, 2003. The importance of this document consists not only in that it asserts a relatively coherent (if simplistic) vision of nation-building in post-Soviet Moldova, but also in its formulation of a concrete strategy for the direct interference of the state authorities into the struggle against the “adversaries of Moldovan statehood”. The state attempted to monopolize and control the debate on the national identity of Moldova’s Romanian-speaking population and to impose strict limits on the discussion of this issue in the public sphere. The language and rhetoric of the document owed much to the vocabulary and principles of the Soviet “nationalities policy”, though it also took into account the post-Soviet context and the reality on the ground in Moldova. Certain passages of the text strangely combine the nation-building pathos typical for 19th century “national activists” with phraseology reminiscent of Soviet rhetorical devices. Here is a concrete example of this combination:

The Republic of Moldova represents the political and legal continuation of the centuries-old process of the Moldovan people’s uninterrupted statehood... The Conception proceeds from the historically developed truth confirmed by the general literary thesaurus: the Moldovan and Romanian peoples use a common literary form, “based on the living source of the folk speech of Moldova”, — a reality which gives to the Moldovan national language a distinctive specific peculiarity, a certain charm, widely known and valued. Having a common origin and a common basic lexical fund, both the Moldovan national language and the Romanian national language preserve their linguonym / glottonym as an identification feature of each nation: the Moldovan and Romanian [one]¹⁵.

Moreover, the Moldovan authorities ingeniously attempted to combine the most unlikely elements. Thus, the references to the foundational character of

---

¹⁴ *Vasile Stati*. *Istoriia Moldovy* (Chisinau: IPF “Tsentral’naia tipografiia”, 2002); *Viktor Stepaniuc*. *Gosudarstvennost’ moldavskogo naroda: istoricheskie, politicheskie i pravovye aspekty* (Chisinau: IPF “Tsentral’naia tipografiia”, 2006).

¹⁵ Conception of the Nationality Policy of the Republic of Moldova (Law Nr. 546-XV of 19 December 2003). Available at: <http://interethnismoldova.wordpress.com/law-conception/> (accessed on March 18, 2016).

the 1917–18 events for the creation of a purported Moldovan tradition of statehood merged with the basic symbolically charged moments pertaining to the development of the “Soviet Moldavian statehood”. Thus, one can read the following assertions in this official document-cum-manifesto:

The main principles of the Conception are based upon the centuries-old past of the Moldovan people and on its uninterrupted statehood within the historical and ethnic space of its national becoming [the terminology used here in fact directly refers to the vocabulary of the Declaration of Independence — *A.C.*]. Emerging in 1359 and surviving for centuries as an independent country, [despite] being territorially split and [finding itself] under foreign domination for a long period of time, Moldova restored its statehood through the constitutive act of 2 December 1917, when the Sfatul Tarii (Assembly of the Land), “relying on the historical past of the Moldovan people”, proclaimed in Chisinau the creation of the Moldovan Democratic Republic. The legitimate right of the Moldovan people to statehood was confirmed also by creation of the Autonomous Moldovan Republic on the left bank of Dniester River on 12 October 1924. The statehood of Moldova within its new borders was decisively confirmed by the political and legal acts adopted in August 1940 and August 1991, and strengthened subsequently its legality in 1994, when the Constitution of the Republic of Moldova was adopted¹⁶.

The Soviet period is thus surreptitiously included into the national narrative along with the 1917 and 1991 events, which directly undermined and contested the Soviet version of “Moldovan statehood”. From the ideological point of view, Moldovan statehood thus appears as a rather paradoxical phenomenon, based on mutually exclusive principles of political legitimacy. However, the elements of “historical policy” proper are to be found in a different sphere. The document contains a set of explicit recommendations suggesting the adoption of concrete measures directed against the forces and individuals which presumably aim at “undermining Moldovan statehood”. The conception recommended, among other things, to “neutralize, according to the current legislation on human rights and constitutional requirements, the unceasing attempts to promote de-Moldovanization, to deny the existence of the Moldovan nation and Moldovan statehood, to discredit the history of Moldova, to ignore the ethnonym “Moldovans” and the glottonym “Moldovan language”¹⁷. In another context, the authors of the Conception proposed to create the necessary conditions in order to ensure the promotion “by the State

---

¹⁶ Conception of the Nationality Policy of the Republic of Moldova (Law Nr. 546-XV of 19 December 2003). Available at: <http://interethnicmoldova.wordpress.com/law-conception/> (accessed on March 19, 2016).

¹⁷ Ibid.

of a personnel policy based on the criteria of professionalism and **devotion to the fatherland**¹⁸, while at the same time proclaiming their adherence to the principle of non-discrimination based on ethnic, religious and / or social criteria. Such measures primarily targeted the potentially “undesirable elements” from the academic milieu and the educational system. The interpretation of this kind of initiatives as instances of “historical policy” is not in any way linked to the internal logic of the symbolic competition between the “Moldovanists” and the “Romanianists” in the public sphere. It is the *official* character of these documents and projects and their open endorsement by the state which allows them to be categorized as examples of “historical policy”. The discriminatory nature of such measures uncovers the direction and aims of the PCRМ’s “politics of memory”, combining an ambiguous attitude toward the Soviet past with the use of a number of Soviet-inspired ideological devices and political practices.

Another interesting attempt of some circles within the PCRМ to formulate a vision of the history of Moldova came not in a legislative, but rather in an artistic form. In 2004 a movie — *Unknown Stefan* — was released. It was dedicated to Stefan cel Mare (Stephen the Great), a 15th century Prince of the Moldavian principality, allegedly the most successful ruler in Moldovan history. Interestingly, he is celebrated in Moldova both by the “Moldovanists” and the “Romanianists”, but in a different light. While sympathetic to the “Moldovanists” interpretation and periodically rejecting some of the “Romanianist” claims, the movie attempts to present a different image of the personality of Stefan cel Mare, putting his actions and his aspirations in a larger international context. It pays much less attention to Stefan's role in the consolidation of the Moldovan state and the protection of the interests of the “Moldovan people”, than a usual “Moldovanist” narrative would. Rather, the movie focuses on the Moldovan ruler's aspirations to become a regional political leader and defender of the Orthodox faith, to protect his principality and, more importantly, the whole region from the Ottoman offensive and even to liberate Constantinople. In that respect, the movie departs from and goes beyond the traditional “Moldovanist” and Soviet interpretations, presenting Moldovan history as a topic of larger regional and international significance. In addition, the *Unknown Stefan* departs from a strictly ethnicist Moldovan-dominated narrative and claims that Moldova was historically a territory of interaction, a crossroads and a meeting point of different cultural groups and civilizations. The movie features a number of professional historians from

---

¹⁸ Conception of the Nationality Policy of the Republic of Moldova (Law Nr. 546-XV of 19 December 2003). Available at: <http://interethnicmoldova.wordpress.com/law-conception/> (accessed on March 19, 2016).

different countries, a famous journalist, sympathetic to the PCRM and, most importantly, the leader of the PCRM and the Moldovan president at the time, Vladimir Voronin. Voronin does not say a word and appears only in several shots, including as a visitor to Mount Athos, where Stefan cel Mare supported and financed Orthodox monasteries. Nevertheless, the participation of the head of state and party leader in the movie gives it a major political significance. In a way, due to his appearance in the film, Voronin emerges as a successor of Stefan, as the heir of the Moldovan statehood and as an ambitious regional leader with large-scale aspirations. The act of succession is also represented symbolically in the movie. One of the few things, which the PCRM leader does in the movie, is presenting a gift of the copy of Stefan's military banner to the Zograf monastery. This banner was originally given to the monastery by Stefan himself, but was later lost. It is not entirely clear, whether Vladimir Voronin viewed himself as the successor to Stefan and, by extension, perceived himself as a similarly ambitious Moldovan leader, as the movie implicitly suggests. Likely, it was rather an attempt of some of his close associates and of certain circles in the PCRM, who were also possibly dissatisfied with the limits of the traditional "Moldovanist" framework, to present a different and more ambitious view of Moldovan history. By means of historical references and on the basis of the rather unusual representation of Stefan cel Mare, the authors of the movie could attempt to convince the viewers, and maybe even Voronin himself, of the possibilities and potential of a specific and ambitious role of the Moldovan state in the region.

The educational sphere represented the main space for the deployment of "historical policy" in post-Soviet Moldova. After 1991, the majority of the Moldovan "intelligentsia", who shifted to a "pro-Romanian" position, held a starkly negative view of "Moldovanism" as a whole and persistently resisted the penetration of its advocates into the academic and university milieu. The first intimations of an open conflict between the state authorities and the academic circles emerged immediately following the events of February 1994 (i.e., the convocation of the Congress "Our House — the Republic of Moldova"). On February 24, 1994, a group of prominent Moldovan historians published an open letter to President M. Snegur. In this letter they accused the president, among other things, of pursuing an agenda amounting to the "falsification of history" and of interference into the scholarly activity of the professional historians. Casting themselves as open supporters of the "Romanian" historical model, they directly blamed the authorities for promoting a policy of "primitive Moldovanism", which presupposed a return to the discredited Soviet scheme of "historical development". It is important to emphasize that both sides in the debate eagerly used the accusation of "falsification of history", which also had a rich tradition in the Soviet

historiography. After the 1994 elections, which fundamentally changed the political picture by marginalizing the “pro-Romanian” nationalist parties, the debate on the inculcation of “Moldovan national identity” through the educational system was immediately reignited. A special government commission with the task of elaborating a comprehensive reform of history teaching was created. The core idea of this project was to replace the previously taught subject of *History of the Romanians* (introduced in the curricula in 1991) by the *History of Moldova*. The historians supporting the “Romanian” orientation immediately accused the government of “revanchist” and obscurantist tendencies, coupled with attempts to restore the Soviet historical paradigm. However, in March 1995 the Ministry of Education issued a decision introducing the school subject of *History of Moldova* instead of the *History of the Romanians*. This attempt by the PDAM government to radically revise the educational policy was met by a fierce resistance from the Popular Front, which successfully organized a series of mass strikes of schoolteachers and students. The authorities were forced to retreat and make significant concessions. They declared the imposition of a “moratorium” on the discussion of the sensitive subjects linked to the Moldovans’ national identity, the official designation of the state language and the school history curricula. The subject of *History of the Romanians* was reinstated, while its content remained essentially within the framework of the Romanian national model (with a more detailed study of Bessarabian specificity and local developments).

A new stage in the conflict between the “Romanianist” and “Moldovanist” visions of national history was reached in 1998, when a controversial didactic aid (in fact, a textbook) on *The History of the Republic of Moldova from Ancient Times to the Present* was published. This work was authored by a group of researchers, most of whom had earlier held privileged positions and had been part of the mainstream of “Soviet Moldavian historians”, but were marginalized in the profession after the change of the historical paradigm in the early 1990s. These historians upheld a narrow vision of Moldovan history, limiting it exclusively to the boundaries of Moldova’s current territory. This was partly due to the “Moldovanist” preferences of the authors and partly to their aspirations to restore their lost positions within the local academic circles. Their work was focused on the medieval Moldavian Principality (which they interpreted as the “forerunner” of the present Moldovan state) and further reduced its scope to the Prut-Dniester basin and Transnistria when discussing the modern and contemporary history of the area. This group of historians thus attempted to elaborate a coherent narrative of historical events within this territory, emphasizing the purported differences of Moldova’s history from the broader Romanian context. In fact, this was an obvious case of retrospective historical analysis, based on the “transfer” of the current configuration of state

borders to other historical epochs. The clichés and stereotypes of Soviet historiography figured prominently in this interpretation. One should note that the didactic aid was recommended by the Ministry of Education for school use, but was strongly rejected or boycotted by the historians of “Romanianist” persuasion and failed to effectively penetrate the school system.

The gap between the ideological tenets of the “pro-Romanian” current of Moldovan intellectuals and the political power became virtually unbridgeable after 2001, when the PCRM government forcefully attempted to undermine the influence of the “pro-Romanian” tendency on the educational system. Another “swing to the left” of the Moldovan electorate in the late 1990s and the ensuing landslide victory of the Communists in the 2001 parliamentary elections again strengthened the positions of the “Moldovanist” camp. However, a new attempt of the government to introduce in the curricula a course on the *History of Moldova*, in 2002, led to the virtual reenactment of the 1995 scenario. If anything, the protests developed on an even larger scale. After their 2001 electoral victory, the new Communist authorities immediately initiated an all-out offensive on the “educational front”. The declaration of PCRM’s leader (and Moldova’s president from April 2001) Vladimir Voronin that the first decade of Moldova’s independence was a period of “a planned destruction of the future [of Moldovan statehood]” served as a signal for the implementation of new strategies aimed at changing the balance between “Romanianist” and “Moldovanist” elements in the scholarly and educational sphere. The official policy provoked stormy protests from the part of the majority of Moldovan historians. These protests were mainly voiced by the National Association of Historians, which had an NGO status, but in fact included a major part of history university professors and schoolteachers. On July 1, 2001, a “Congress of Historians of the Republic of Moldova” was convened. The Congress adopted a series of resolutions and memoranda basically confirming the historians’ full support for the “Romanian” version of national history and condemning the authorities for the pressures exerted upon the scientific institutions and universities in order to achieve the suspension of the *History of Romanians* course¹⁹. On February 1, 2002, the Association of Historians addressed a memorandum to the highest state dignitaries. This memorandum expressed serious concern about the “current situation in the Republic of Moldova in the sphere of constitutional liberties”²⁰. The signatories of the memorandum also put forward several demands, including: “the respect and

---

¹⁹ In 2003, several booklets and brochures containing detailed reports on the Congress’s proceedings and “resolutions” referring to every historical period were published.

²⁰ Memoriu al Asociației Istoricilor din Republica Moldova, in *În apărarea istoriei și demnității naționale* [In Defence of History and National Dignity], Chisinau, 2003, p. 39.

promotion of scholarly truth in the questions concerning the national language, literature and history; an immediate end of the cultural genocide against the native population; the cessation of the campaign of fomenting “Romanophobia” and discrediting the Romanian language and the history of the Romanians; the organization of a series of “round tables” involving specialists in the above-mentioned fields; the suspension of the work on new school curricula and textbooks for the Romanian language, literature and history; the exclusion of the governing party’s ideology from the economic, political, social and cultural life [of the country]”²¹. This memorandum represents one of the most typical and interesting examples of the full-fledged “Romanianist” discourse and reveals the “sore points” of the unending debates in the public sphere, within Moldovan society and in the field of “historical policy”.

After another round of mass demonstrations and protest movements in early 2002, provoked by a series of government initiatives, the PCRM changed its strategy and attempted to implement a new concept of historical education at the school level. This concept presupposed the merging of the courses of national and world history into an ‘integrated’ subject and the elaboration of new textbooks of “integrated history”. According to the new strategy for the study and teaching of history, approved in 2003, new textbooks for the primary and secondary cycles (4th–12th grades) were prepared for publication. They essentially replaced the previous “Romanian” historical paradigm with similarly biased “Moldovanist” tenets. However, one should emphasize that the textbooks written in this period vastly differed from one another both in terms of quality and in the degree of politicization. Despite the repeated declarations of the Moldovan government regarding its respect for European educational principles and standards, the attempts at reforming the teaching of history became an instrument of “historical policy” in the hands of the state authorities, who tried to eliminate the deeply politicized “Romanianist” vision of history by simply replacing it with the no less biased and tendentious “Moldovanist” model. The textbooks that did not fit the scheme imposed from above were rejected by a special commission of experts created under the aegis of the government. The former president V. Voronin became personally involved in the debate and openly supported the authors who displayed a clear “Moldovanist” agenda in their work. For example, the 11th — grade textbook was found wanting by the commission, while its authors were accused of promoting “anti-Moldovan” ideas²². However, the tone and argument of the

²¹ Memoriu al Asociației Istoricilor din Republica Moldova, in *În apărarea istoriei și demnității naționale* [In Defence of History and National Dignity], (Chisinau, 2003), p. 41.

²² Letter of the Deputy Prime Minister Victor Stepaniuc to President V. Voronin, dated April 28, 2009, in: *Alina Țurcanu*. Din poșta secretă a comuniștilor: Stepaniuc și Voronin, combătând românismul. (Chisinau: Timpul, 2010).

textbook proved to be rather balanced (with a slight “Romanianist” bias), and the textbook was finally published, even though major difficulties had to be overcome.

In the letter of the Deputy Prime Minister Victor Stepaniuc addressed to President V. Voronin, which was written in the context of the acute political tensions and crisis threatening the Communist government in late April 2009, a comprehensive program for combating the “anti-state elements” in the Academy of Sciences and the establishments of higher education was outlined. The content of this document reveals, on the one hand, the inefficiency and incoherence of the PCRМ’s strategy in the sphere of “historical policy” and, on the other hand, the seriousness of the authorities’ intentions to radically change the situation in this field. The letter’s author emphasized, among other things:

“Today, the majority among the teaching staff in the historical departments of our Moldovan universities — 70% — represent active adherents of the History of the Romanians. The same situation still prevails within the Institute of History, State and Law of the Academy of Sciences. As a result of the reorganization of this institute, [the pro-Romanian] aggressiveness of the historians from the Academy somewhat decreased, but they continue to write anti-statist and anti-Moldovan dissertations and works. I constantly drew the attention of the President of the Academy of Sciences, Gh. Duca, to this fact. Taking into account this situation, I am absolutely convinced, that the state must create an educational institution in order to train specialists in the social sciences and humanities, namely in: history, Moldovan philology and literature, political science, international relations. Thus, the strict selection of cadres supporting our statehood for these very important departments in the field of educating and cultivating the [future] citizens of the Republic of Moldova could be coordinated and controlled by a serious government commission. The specialized departments from other universities could also be gradually reorganized. I am convinced, that such a decision would be radical, but less scandalous. In order to fight the anti-state ideology of Romanianism, which has penetrated, during the last 20 years, [our] culture, science, education, it is particularly important to strengthen the statist intellectual forces, which can conduct the ideological fight in a civilized manner, with competence and with a militant spirit and energy”²³.

In early 2009 the debates concerning the existence of a Moldovan “historical tradition” were refueled in connection with another attempt to celebrate the ancient “Moldovan statehood”: the 650th anniversary from the

---

²³ Letter of the Deputy Prime Minister Victor Stepaniuc to to President V. Voronin, dated April 28, 2009, in: Alina Țurcanu. *Din poșta secretă a comuniștilor: Stepaniuc și Voronin, combătând românismul*. (Chisinau: Timpul, 2010).

establishment of the medieval Moldavian Principality, considered by the “Moldovanists” as the historical predecessor of the contemporary Republic of Moldova. The manipulation of historical discourse by politicians and certain militant historians alike is not surprising in this context. They were not deterred by the far-fetched character of such historical parallels and claims. However, soon enough the escalating tensions of the current political struggle pushed “historical policy” to the periphery of the public sphere.

Despite the considerable efforts of the PCRM government, the “Romanianist” paradigm remains dominant in most educational institutions, museums etc. The clearest and most revealing example is the version of the “politics of memory” displayed, in a synthetic and “concentrated” form, in the National Museum of History in Chisinau. The concept of the museum was radically revised in the early 1990s in order to correspond to the “nationalization” of historical discourse. The current version of the permanent exhibition was approved in 1997 and has not undergone significant alterations since then, even under the PCRM government. It is hardly surprising that the most radically reevaluated segments, in comparison with the Soviet era, were: the period of Bessarabia’s inclusion into the Russian Empire (1812–1917), the epoch of Romanian administration (1918–1940) and the subsequent integration of the Moldavian SSR within the Soviet Union. In the hall reserved for Bessarabia’s modern history (“the period of tsarist occupation”), the public is offered an unequivocally “national” interpretation of the Russian policy in the region. A special emphasis is placed upon “Bessarabia’s national specificity [in the general Romanian context] and the policy of national oppression pursued by the Russian Empire” in the area. The general evaluation of the entire 1812–1917 period leaves no doubt about the exhibition’s message: “The impact of the policy of Russification and forcible isolation of Bessarabia [from Romania] during a whole century was deleterious in all the spheres of life, including in the educational, ecclesiastical and administrative fields”. This desolate image of decline and calamities is contrasted with the 22-year period of Romanian administration, which is viewed as a “Golden Age” in the canonical version of the Romanian national narrative. The interwar period is described as a “new era” in the history of Bessarabia, marked by “important social-economic transformations and a large-scale flourishing of culture and education” in the framework of Greater Romania. The symbolic antagonism between the two epochs appears more than obvious. The subsequent description of World War II and Stalinist repressions is conceived along the lines of national victimization. For example, almost nothing is mentioned about the Holocaust on the territory of Bessarabia, while the national component of the repressions and deportations is especially emphasized. It is also revealing that the exhibition abruptly ends with the late Stalinist period. The next decades of the Soviet

regime in Moldova are either totally ignored or barely reflected in the museum's collections. The basic elements of the "Romanian" interpretation of history figure prominently in the museum and are meant to construct a certain type of narrative and public perception of the region's tragic history under the domination of the Russian Empire and the USSR.

The "politics of memory" regarding the recent past — in other words, the attitude toward the Soviet legacy — was an important part of the PCRM's ideological baggage during its time in power (2001–2009). The symbolism, rituals and rhetoric of the Moldovan Communists continued to effectively employ the Soviet legacy as a foundation for legitimizing their own political identity. If the solemn commemoration of the Soviet founding moments and memorial dates (e.g., November 7th) or Lenin's glorification had the character of 'intra-party' rituals, other elements of the "politics of memory" promoted by the PCRM directly touched on the public sphere. Thus, a central motive for the symbolic space that the PCRM leadership strove to (re)construct was linked to the 'Great Patriotic War'. The war memorial complexes were perceived as especially significant "places of memory", and the war itself was to become a stimulus for "national reconciliation". On the other hand, the memory of the war was cultivated much more intensively than the memorial practices dedicated to the victims of the Communist regime. This emphasized the "asymmetry" and one-sidedness of the PCRM-supported version of the politics of memory. On the whole, such a policy hardly contributed to the closing of the 'memorial rupture' between various groups in Moldovan society, which continued to cultivate starkly opposed visions of the recent past²⁴. The symbolism of the 'Great Patriotic War' remains a key element of the image of the Soviet past shared by the PCRM and a major part of its electorate. The classification of the June 1940 and August 1944 events as a "liberation from the yoke of the Romanian invaders" or, alternately, as "Soviet occupation" are still the subject of heated emotional outbursts and current political debates. An interesting parallelism can be observed in the mutual "rejection of the other's past" operating within the antagonistic groups in Moldovan society. Although several attempts to reach a compromise on this issue were successful (e.g., the granting of equal legal rights to the veterans of the Soviet and Romanian armies, projects for common war memorials etc.), the perception of the war and the evaluation of its consequences for the local population still represents a sphere of controversy and a source of conflict in Moldovan society.

---

²⁴ A more detailed analysis of these questions is provided by: *Ludmila Cojocari*. „Public Symbols, Collective Memory, and Nation-Building Process in the Post-Soviet Borderland. The Case of Victory Day in the Republic of Moldova”, in *Andrey Makarychev*, (ed.), *EU — (Russia: Discourses, Memories, and Spaces of Inter-Subjective (Dis) Connections)* (in print).

Another source of potential conflict is the “problem of the Holocaust” in Bessarabia. This subject was manipulated both by the state authorities and by their ideological opponents. During the first post-independence decade the local historians all but ignored the topic of the Holocaust on the territory of Bessarabia and Transnistria. This was due, first, to the previous Soviet historical tradition, viewing the tragedy of the Jews in the framework of the “victims among the peaceful population” image and, second, to the ethnocentrism of the national paradigm, which only recognized and deplored the victimization of its own ethnic group. During the 1990s, an additional factor was the impact of the Romanian historiography, which tended at the time to idealize (or at least ‘rehabilitate’) the Antonescu regime.

This situation witnessed a fundamental change after the PCRM came to power in 2001. First, the Communists, in contrast to the previous governments, began to display a significant interest in the topic of the Holocaust. This was due, on the one hand, to the focus of its policies on the protection of the ethnic minorities’ interests and, on the other, to the peculiarities of the PCRM’s “politics of memory” concerning World War II. Second, the policy in this sphere was directly influenced by the PCRM’s sudden change of rhetoric and its shift to an ostensibly “pro-Western” foreign policy position in the second half of 2003. The Moldovan authorities started paying more and more attention to the “memorialization” of the Holocaust and of other tragic episodes in the history of Bessarabian Jewry. For example, in April 2003 memorial ceremonies dedicated to the commemoration of 100 years from the Chisinau 1903 pogrom were organized at the official level and attended by the country’s leadership. Another important symbolic step, initiated by President V. Voronin, was the transfer of archival materials connected to the Holocaust on the territory of Bessarabia from the depositories of the Moldovan Intelligence and Security Service (SIS) to the Holocaust Memorial Museum in Washington, D.C. (in December 2003). Third, the changes in the position of the Romanian state authorities and historians towards toward the Holocaust on Romanian-controlled territories had long-term consequences for the Moldovan context as well. The results of the work conducted by the Commission on the Study of the Holocaust in Romania (the “Elie Wiesel Commission”) also had its impact. The official recognition of the responsibility of the Romanian state for the crimes committed against the Jewish community by the Antonescu regime on its wartime territory (including Bessarabia) played an especially significant role in this respect.

At the same time, the majority among Moldovan historians refused to accept the new perspective on the Holocaust, mostly because this topic was obviously “uncomfortable” for the national narrative. As Vladimir Solonari, one of the first Moldovan authors dealing with this subject, astutely remarked,

the experience of the Holocaust did not fit either the nationalist or the Communist historical “canon”. However, for “Romanianist” historians the subject of the Holocaust was even more unpalatable, since they often based their judgments and conclusions on radical and marginal elements within the Romanian academic or even pseudo-scholarly circles. From another angle, the PCRМ ideologists fully exploited this “vulnerability” of their political opponents and skillfully used the issue of the Holocaust in order to discredit their adversaries. One of the most active militants on this “ideological front” is the historian Sergiu Nazaria, at various times closely associated with the PCRМ. The problem of the Holocaust in Bessarabia thus became an object of the “memory wars” between the “Romanianists” and “Moldovanists”. The politicization of the historical discourse and the historians’ involvement into these antagonistic nation-building projects seriously undermines the scholarly investigations in this field. Any research results become, almost inevitably, targets of political controversy or ideological manipulation²⁵.

Thus, between 1994 and 2009 a peculiar “duality of power” prevailed within the cultural and symbolic sphere of post-Soviet Moldova. In this sense, we fully endorse the conclusions of the German researcher Stefan Ihrig, the author of a recent monograph on the politics of identity, historiography and school textbooks in post-independence Moldova: “The 1994–2006 period can be described as a time, when the “Romanianists” dominated the cultural institutions, although governmental power was practically concentrated in the hands of the “Moldovanists”. During this period the “Moldovanist” side repeatedly attempted to impose its ideological and political positions, but these attempts were met by a strong and, apparently, insurmountable resistance from the Romanian-oriented elites. Although the political power of the Romanianists, starting from 1994, was steadily declining, they nevertheless continued to further oppose and resist the policy of the government through the mobilization of the masses around the issue of national identity. They also continued to spread their own vision of the nation through the educational system”²⁶.

---

²⁵ A detailed and balanced analysis of the “uses” and political manipulation of the Holocaust in post-Soviet Moldova can be found in: *Diana Dumitru*. “The Use and Abuse of the Holocaust: Historiography and Politics in Moldova,” (*Holocaust and Genocide Studies*), Vol. 22, no. 1 (Spring 2008): 49–73.

²⁶ *Stefan Ihrig*. *Wer sind die Moldawier? Rumänismus versus Moldowanismus in Historiographie und Schulbüchern der Republik Moldova, 1991–2006*. (Ibidem-Verlag: Stuttgart, 2008), pp. 63–64.

The “Ghimpu Commission” or the “Historical Policy” of Anti-Communism

A completely new stage in the development of “historical policy” in Moldova was inaugurated after the early parliamentary elections of July 2009, when the PCRM lost its majority and a four-party center-right coalition came to power. Following the PCRM’s defeat, the former opposition political parties created a broad parliamentary coalition — the “Alliance for European Integration” — which controlled 53 out of the 101 parliamentary seats. The leader of the nationalist Liberal Party (LP), Mihai Ghimpu, was elected parliamentary chairman. His party was the second largest coalition partner (with 15 seats). Vlad Filat, the head of the largest party in the coalition — the Liberal Democrats (PLDM) (with 18 seats) — became Prime Minister, while Marian Lupu, the chairman of the third member of the coalition — the Democratic Party (PD) — was to become the new President of the Republic. After Voronin’s resignation in September, Ghimpu assumed the interim presidency, according to the constitution, while keeping his earlier position of Chairman of Parliament. It was assumed that this situation would be temporary and limited to a transitional period. However, following several attempts to elect a president in November and December 2009, the coalition failed to secure the necessary 61 votes for its presidential candidate. A political stalemate ensued, allowing Ghimpu to continue as acting President for almost a year and a half.

Moldova was very slow to move towards confronting its Communist past since proclaiming its independence 20 years ago. Although some initial legal redress for the victims of Soviet-era “repressions” was undertaken during the early 1990s, when the interest for reclaiming the “suppressed” memory of the Communist regime was high on the public agenda, no political action followed. Politicians were either avoiding “sensitive issues” due to their association with the former regime or citing low public interest to justify their reluctance to effectively engage with the Communist past. The political stalemate was matched by a clear lack of interest and apathy of the public. Demand for open access to the files of the secret police was almost non-existent, aside from the occasional private initiatives and low-intensity lobbying promoted by victims’ groups or professional associations (notably, the National Association of Historians). After the changes in the political balance of power, major shifts in the sphere of the “politics of memory” occurred. Some of the coalition partners (especially the right-wing nationalist Liberal Party, PL, led by Mihai Ghimpu and Chisinau Mayor Dorin Chirtoacă) were long-time advocates of an active and decisive “politics of memory”, including a complete symbolic break with the Communist legacy. However, the political landscape remained very

fragmented. The coalition had a fragile parliamentary majority, which was divided over its attitude towards the former regime and the extent to which any “transitional justice” initiatives were at all desirable, given the tense political situation in Moldova. The centrist Democratic Party (PD), led by former parliamentary chairman Marian Lupu, who only left PCRM in June 2009, was particularly reluctant to support any initiatives in this regard, insisting on a policy of “national reconciliation” through “amnesia”. Given the lack of political consensus, but with the open support of a part of the governing coalition, a group of Moldovan historians launched the initiative to create a “Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime in Moldova”. The authors of this idea were inspired by the relative success of similar endeavors in other East European countries (e.g., Romania and the Baltic States) and suggested to apply this experience in the Moldovan context. This initiative was supported by the PL leader and Moldova’s acting president, Mihai Ghimpu, who agreed to place the new institution under the aegis of the Presidency (a clear analogy to the Romanian case). He also (rightly) anticipated that this project would not be endorsed if submitted to Parliament. The obvious interest of the Liberal Party leader in “historical policy” can also be explained by the fact, that his status as Acting President inevitably undermined his political legitimacy. However, counting on the support of only 15 members of parliament, Ghimpu’s party had a limited influence on effective government policy. As a result, a peculiar “division of labor” emerged within the coalition: M. Ghimpu began to actively promote radical initiatives in the sphere of the “politics of memory” and foreign policy (mostly on the rhetorical level), while the center-right Liberal-Democratic Party (PLDM), headed by Prime Minister Vlad Filat, and particularly the Democratic Party, assumed a more pragmatic stance within the governing alliance. In other words, Ghimpu aimed at using his limited “administrative resources” in the field of “historical policy,” thus responding to the expectations of the nationalist-minded electorate who had supported the Liberal Party and attempting to formulate his independent, often openly anti-Russian, foreign policy agenda.

In this respect, the comparison between the policies pursued by Mihai Ghimpu and the former Ukrainian President Viktor Iushchenko is revealing. Although Ghimpu possessed a much weaker political legitimacy than Iushchenko (at least initially), having less space for effective political action, similar tendencies can be identified in the two cases. Both politicians concentrated their efforts in the sphere of the “politics of memory” and stood on a platform of radical anti-Communism. In Moldova the creation of the commission was, on the whole, supported by the largest party of the coalition — the Liberal Democrats. At the same time, the DP had a prudent, even skeptical,

position with regard to this project. The PCRM, now in opposition, strongly criticized both the aims and the essence of the prospective Commission, viewing this idea as a tool of its ideological foes in the future political struggle.

The Commission for the Study and Evaluation of the Totalitarian Communist Regime in the Republic of Moldova was established by a special decree of the interim President of the Republic, Mihai Ghimpu, on 14 January 2010. Its mandate was initially limited to a six-month period, expiring on 1 July 2010. In its preamble, the decree referred to the founding acts of Moldovan statehood — the Declaration of Sovereignty, adopted on 23 June 1990, and the Declaration of Independence of 27 August 1991, — which “signified for the Republic of Moldova not only the removal of the Communist totalitarian regime, but also a chance for the construction of a democratic society.” The document strongly emphasized the need to establish “the truth concerning the totalitarian Communist regime” and to inform the public “objectively and multilaterally” about its essence. It appealed to two potential precedents in international law: Resolution 1096 (1996) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe on measures to dismantle the heritage of the former Communist totalitarian systems and Resolution 1481 (2006) on the need for international condemnation of the crimes of totalitarian Communist regimes. No details were provided on the chronological framework and the concrete aspects of the former regime’s “activities” to be investigated. This vagueness later resulted in controversies over the Commission’s mandate, mission and recommendations. The institution was conceived as a “truth commission,” but its relationship to the state authorities was loosely defined: the decree stated only that “the ministries and the other central and local administrative authorities will provide the Commission will all necessary assistance”.

The Commission’s mandate, as defined in the decree issued on 14 January 2010, was limited to ‘truth revelation.’ The new institution had the following goals: “to study the documents and materials concerning the activity of the main institutions involved in the establishment and perpetuation of the Communist totalitarian regime” while assessing its atrocities and human rights abuses; “to inform the public, periodically, on its activity” and results; to draft “a study, a collection of documents, and an analytical report regarding the historical and political-legal evaluation of the Communist totalitarian regime”; to submit “recommendations” to the President of the Republic until 1 June 2010. A general provision also allowed the creation of subcommittees (‘working groups’) within the institution. The Commission was supposed to formulate policy proposals that would eventually lead to political and legal consequences, but was not granted any effective instruments to promote their enforcement.

The Commission included thirty members, being one of the largest institutions of its kind in the region. Of its overall membership, two-thirds were

academic historians; the other ten members were divided between three lawyers / legal scholars, two political scientists, a linguist, a sociologist, a philosopher, an economist and a prominent writer (the only person without an academic background). The leadership of the Commission consisted exclusively of historians. It was headed by Gheorghe Cojocaru, an expert in 20th-century history, who was close to the Liberal Party leadership by his political views and orientation. One should emphasize the uncertain institutional status of the Commission. This uncertainty was enhanced by the absence of a permanent headquarters and by the lack of state funding. While the latter feature increased the Commission's potential autonomy vis-à-vis the authorities, it also deprived it of an effective organizational framework. The work format of the Commission was based on monthly general ('plenary') sessions and on smaller working meetings, held in subcommittees twice a month.

Most of the Commission's members were not directly affiliated with political parties, but shared a broad political agenda and consensus on the necessity of a radical break with the Communist past. This often led to (partially justified) accusations that "anti-Communism" was the main driving force behind the whole project. The Commission's members were frequently accused of serving the interests of the governing 'liberal' parties or of pursuing a 'slander campaign' against the Communist opposition under the guise of academic objectivity. The Commission was vulnerable to criticism on two main grounds. First, its critics invoked a lack of transparency in the members' selection and appointment. Second, no representatives of the political opposition or of ethnic minorities were included in the Commission, which undermined the institution's claim of representing a broad segment of 'civil society' and lent some substance to allegations of its role as a 'political instrument'. Another debatable point was the exclusively 'national' composition of the institution: no international experts were invited to participate in its proceedings. Although the involvement of such experts in an advisory capacity was considered, it was rejected due to considerations of lack of time and political expediency. Some critics pointed to the biased and "narrow" nature of its historical perspective on Communism.

The public interest for the Commission ebbed and flowed according to the political situation and the immediate concerns of the local actors. The Commission's leadership (entitled to represent the institution in its dealings with the authorities and the public) launched a vigorous press and PR campaign, which reached its apex during the late winter and spring of 2010. This resulted in a series of regular press conferences, interviews, round tables and TV shows which increased the Commission's visibility and impact in the local media. The first press conference of the Commission on 18 January was immediately followed by a strongly worded reply from the Communist leader,

Vladimir Voronin, who called the whole project a “stupidity” and a “heresy”, viewing the intention of condemning the Communist regime as a “slap on the face of those who fought against Fascism”. This was followed by a concerted attack in the PCRM-affiliated press against a number of the Commission’s members (mostly senior historians, including the chairman, Gheorghe Cojocaru). They were accused of having actively collaborated with the former regime and of lacking any credibility as “moral judges” or neutral investigators of the Communist past. Finally, the PCRM attacks culminated with Voronin’s demand (in May 2010) to abolish the Commission, as a first step towards future political negotiations with the authorities for solving the political crisis. Throughout, the Communists insisted that the real aim of the Commission was to “eliminate the PCRM from the political arena”. This suspicion stemmed from the initial confusion regarding the period to be covered by the final report. Although initially the Commission’s members insisted that the sphere of their interests would be limited to the 1917–1991 period, they later declared that the post-Soviet period will also be subjected to analysis from the point of view of the “legacy of the Communist regime”. The results of this analysis were to be reflected in the Commission’s final report.

Another attack came from a ‘fringe’ party representing a part of the Russian-speaking population (the “Ravnopravie” movement). The leaders of this organization formed an alliance with several historians close to the PCRM and launched the initiative of creating an ‘alternative’ Commission. This body would have to investigate the activities of both the Communist and Antonescu regimes in Moldova, positing itself as a reaction to the official Commission and including representatives of the ethnic minorities and (unnamed) international experts. Though nothing came of this, it is symptomatic for the initial mobilization of the public sphere. Also, certain publications of the “Ghimpu Commission’s” ideological opponents (for example, of the historian and political scientist S. Nazaria) illustrate the rather intensive debates concerning the “correct” version of “historical policy” and of the depth of the antagonisms persisting within Moldovan society.

Finally, the Commission was also criticized ‘from the right.’ The most outspoken position belonged to the leader of the right-wing nationalist National Liberal Party (PNL), Vitalia Pavlicenco, who supports the total ban of Communist symbols from the public space. The PNL accused the Commission, in a series of articles, of harboring a “dissident faction” mostly consisting of ‘Western-educated’ young researchers. This purported ‘faction’ was accused of undermining the “national” and anti-Communist message of the project and of operating as a kind of “fifth column” subservient to (unidentified) “cosmopolitan interests” and corrupted by Western “revisionist” historical trends. This reflected, to an extent, the existence of internal debates and disagreements

within the Commission, but also the unfulfilled expectations of a certain radically inclined part of the public related to the outcomes of the institution's activity. These expectations concerned a series of decisive measures, including: 1) the immediate ban of all Communist-related symbols, including the elimination of the PCRM from the political scene as a legal successor of the Soviet regime; 2) a restrictive and sweeping "Lustration Law"; 3) the complete opening of the former KGB archives and of other archival holdings belonging to Soviet institutions, with the subsequent disclosure of the persons having collaborated with the KGB and their legal prosecution; 4) the discussion of the issue of "material compensation for the damages caused by the Soviet occupation" (by analogy with the similar debates taking place in the Baltic countries).

However, the direct political consequences of the Commission's work proved to be minimal and were generally not followed by concrete actions. This outcome was to be anticipated, given the unfavorable political conjuncture and the growing discord and controversy among the Moldovan political elite. Given the limited duration of the Commission's mandate and its scarce resources, its main achievements were related to the gradual broadening of the access to previously unavailable archival files (including those of the secret police). Its members benefitted from some government assistance (e.g., through the special committee on de-classifying official documents), and they were granted access to previously restricted departmental archives (e.g., the Archive of the Ministry for Internal Affairs, the Archive of the Prosecutor General's Office and the former NKVD / KGB Archive, now hosted by the Information and Security Service, SIS). The access to the relevant documentary collections of the specialized historical archives was significantly improved (although problems persisted). A second dimension of the Commission's activity concerned the organization of public events for the dissemination of its findings. Several symposia and scholarly conferences were organized (with the participation of international experts). The intermediary results of the Commission's research were made public on this occasion. Possibilities of institutional consolidation were also discussed with foreign colleagues. Starting from late spring of 2010, the political climate in Moldova became less congenial for the Commission's activity, while the political pressures increased. This became obvious once the deadline for the submission of the "analytical report" and the related policy recommendations approached. The initial vagueness of the Commission's tasks (conflating the academic and policy dimensions, while depriving it of any effective legal tools and financial resources) led to serious limitations placed upon its effectiveness. These weaknesses were aggravated by the short period of its operation (barely four months).

In the closing stages of the preparation of the final report, serious internal disagreements emerged among its members. A group of younger academics with a 'Western' educational background advocated a more 'neutral' and scholarly-oriented report, without obvious value judgments and focusing on the concrete cases of the Soviet regime's human rights abuses. A more militant faction, supported by the majority of the Commission's members and its chairman, Gheorghe Cojocaru, insisted on a radical anti-Communist message and on wide-ranging and comprehensive policy proposals. This controversy resulted in the postponement of the publication of the full report and the drafting of a short (sixteen-page) "analytical report" summarizing the main "crimes, horrors, atrocities, abuses, and injustices" of the Communist regime and advancing several recommendations for the state authorities. This text amounted to a barely veiled accusatory act against the Soviet past. The Commission also elaborated several "policy recommendations" that are an excellent illustration of its version of "historical policy". These included the following points: 1) the condemnation of the 'Communist totalitarian' regime in Moldova for crimes against humanity, followed by a 'moral condemnation' of their perpetrators; 2) the ban on the use of the term 'Communist' for political parties and institutions, as well as the elimination of all Communist and Nazi symbols from the public sphere; 3) the urgent drafting and adoption of the Lustration Law; 4) the complete legal, moral and material rehabilitation of the regime's victims and their descendants; 5) the creation of memorial complexes and museums for the commemoration of the regime's atrocities; 6) the introduction of special 'days of mourning' commemorating the regime's victims and the traumatic pages of the country's history under Soviet rule (deportations etc.); 7) the creation of a special group of experts for the evaluation of the material damage caused by the former regime; 8) the transformation of the former Party Archive into the Archive of the Communist Totalitarian Regime in Moldova, with the transfer of all relevant funds from the departmental archives to the new depository; 9) the creation of an Institute for the Study of Totalitarianism and the elaboration of a school textbook and courses on the history of Communism; 10) the organization of special debates on the 'inhuman essence of the totalitarian (Communist and Nazi) regimes' in the mass media etc.

This report was submitted to the acting President in late May 2010. It is deeply biased and bears the imprint of politically motivated urgency. Moreover, according to credible sources, the report was personally edited and approved by the President. This fact completely undermined both the political autonomy and the academic status of the Commission.

Despite the wide-ranging and radical nature of the proposals, no effective political action to implement them followed. By the early summer of 2010 the

differences within the governing coalition regarding the best course of a state-sponsored “historical policy” reached their culmination. The PD openly expressed its dissatisfaction with the Commission’s recommendations, stating that the latter would lead to “splits in society and growing political tension” and rejecting some of them as unfeasible. This concerned, first of all, the projected Lustration Law and the potential ban of the Communist-inspired symbols in the public sphere. The Commission’s report was to be discussed in a special Parliament meeting in late June or early July of 2010. However, no consensus on a common position of the governing coalition could be reached. As a result of the stalemate, the two scheduled special parliamentary sessions were cancelled, and the vote on the Commission’s report was postponed ‘indefinitely.’ The Democratic Party proposed to renew the discussion and examination of this document after the next round of parliamentary elections, scheduled for November 28, 2010. The uncertain political situation and the unpredictable outcome of the November 2010 elections discouraged the political actors from addressing the issue of “transitional justice”.

The same factors contributed to the ultimate failure of the Liberal Party’s and Mihai Ghimpu’s ambitious plans for the elaboration of a full-fledged “historical policy”, founded on a radically anti-Communist platform. At the same time, Ghimpu did not abandon his intentions to actively use the “politics of memory” as a tool in the internal political struggle. In accord with one of the Commission’s recommendations, on June 24, 2010, he issued a presidential decree proclaiming June 28 as “the day of [the commemoration of] Soviet occupation” and including this date in the “pantheon of national memory”²⁷. This decision not only provoked a painful and angry reaction from the part of the Russian officials and of certain Moldovan political forces (the PCRM, in particular), but was negatively perceived even by the other parties of the governing alliance. Mihai Ghimpu himself admitted that this decision was his personal political initiative and did not receive the support and endorsement of the other members of the coalition. As a result of the PCRM’s official inquiry filed with the Constitutional Court, the decree was declared unconstitutional and abolished. The only concrete consequence of this decree was represented by the “memorial stone” dedicated to the victims of the repressions of the Communist regime and the “Soviet occupation”. This monument was erected on Chisinau’s main square. Thus, the Liberal Party’s attempts to “outmaneuver” its political opponents on the field of “historical policy” were far from successful²⁸.

---

²⁷ On June 28, 1940, the Soviet troops entered Bessarabia according to the provisions of the ultimatum presented by the USSR to the Romanian government two days earlier.

²⁸ The results of the early parliamentary elections organized on November 28, 2010, showed that Ghimpu’s activity in the sphere of “historical policy” did not bring him any

However, the use and abuse of history for political purposes did not fade away or even decrease. Moldovan politicians (and most of the practicing historians) continue to perceive the historical discourse as a field for ‘symbolic competition’. A vivid example of this tendency is another decree signed by acting President M. Ghimpu on December 21, 2010. This decree was issued after the November parliamentary elections, in circumstances of continuing political instability and crisis. According to the decree, a group of “historians” and “prominent scholarly figures” were awarded state decorations “as a sign of the high recognition of their special service in the propaganda of historical truth and national values”. The historians were also decorated for their “significant contribution to the development of the links between the academic and university communities and their fruitful didactic-methodical and scholarly activity”²⁹. The majority of the decorated historians are active supporters and advocates of the Romanian national version of Bessarabia’s history and served as members of the Commission for the Study and Evaluation of the Communist Totalitarian Regime³⁰. Thus, M. Ghimpu attempted to consolidate his role as the main promoter and initiator of a radical vision of “historical policy”. However, according to a number of political commentators and even to some of the Liberal Party’s partners in the governing coalition, such a course is self-defeating and has no realistic long-term prospects in the current Moldovan context. Obviously, the proceedings of the Commission can be evaluated from different points of view. The existence of several factions within this body not only undermined its viability and impact, but also pointed to the inherently subjective and biased nature of any analysis related to the “politics of history” in the Moldovan context. Still, we argue that a balanced approach to the past, incorporating the self-reflective elements of subjectivity inherent in the case of every historian, is not only possible, but necessary in the volatile atmosphere of the post-Soviet Moldovan society.

Although the Decree of 14 January 2010 is still valid (meaning that the Commission’s period of activity has not officially expired), in fact it suspended its activity as a coherent institution in the late summer of 2010. The initial interest in its work, displayed by the media and a part of Moldovan society has

---

political dividends. On the contrary, his party lost around 5% of its previous share of the vote and now has only 12 seats in the current Parliament (compared to 15 in the previous legislature).

²⁹ “Gimpu nagradil bessarabskih istorikov-rumynounionistov za 'propagandu istoricheskoi pravdy’”. Available at: <http://regnum.ru/news/fd-abroad/moldova/1359038.html#ixzz18pczK7YL> (accessed on March 18, 2016).

³⁰ See the relevant details in: “Gimpu nagradil bessarabskih istorikov-rumynounionistov za 'propagandu istoricheskoi pravdy’”. Available at: <http://regnum.ru/news/fd-abroad/moldova/1359038.html#ixzz18pczK7YL> (accessed on March 19, 2016).

all but faded. The effectiveness of the Commission's work was limited by several factors, including: the vagueness of its mandate; the short time span of its operation; the lack of effective legal tools (subpoena powers) and the absence of a corresponding legal framework; the limited political support for its work and the tendency of certain political forces to make it instrumental for their own purposes; the under-representation of the civil society and of certain social groups (victims' associations) and ethnic minorities within the Commission; the contradiction between the scholarly and political components of its activity. However, it achieved several important breakthroughs in the Moldovan context, notably through the opening of previously inaccessible archival (including secret police) files and the growing public awareness of the nature and consequences of the former regime. Despite all this, the social impact of the Commission's activity was, on the whole, rather low. It was rather in the political sphere, where some of its recommendations were eventually put into practice.

The “Historical Policy” after Ghimpu's Commission

After the early parliamentary elections led to the removal of Mihai Ghimpu from the position of acting president, the anti-communist campaign lost its impetus. Ghimpu's loss of the major political position was one of the causes of this trend. The other was the fact that the parliamentary elections were over and the stimulus for the symbolic blow to the Party of Communists was not as strong. In addition, the Liberal Party's allies, the Democratic Party and the Liberal-Democratic Party, did not necessarily agree with Ghimpu on the necessity of the outward anti-communist campaign in the sphere of “memory politics”. Some of them also considered that Ghimpu's policies did not decrease the support for the Party of Communists, but on the contrary mobilized their following and pushed away those, who did not see the Soviet period exclusively in negative light.

Nevertheless, Ghimpu's commission opened up the possibility of the implementation of the anti-Communist “historical policy” at any convenient moment. The ruling Alliance could use it to exert pressure on the PCRM or to divert attention of the Moldovan public from the socio-economic problems. The issue of the Soviet past resurfaced in the summer of 2012. It was not the Liberal Party, but their partners in the Alliance, the Liberal-Democratic Party, which formulated the parliamentary initiative. It is possible that the PLDM attempted to attract a part of the electorate of the Liberal Party when coming up with such a proposal. In general, the suggested legislative changes boiled down to the ban on the use of the communist symbols and the propagation of the totalitarian ideologies in the Moldovan political life. Interestingly, in the informative note, which accompanied the initiative, its authors advocated the

necessity of “the condemnation of the illegal acts of the totalitarian regimes: Nazism, Stalinism, Bolshevism (Communism), which committed crimes against humanity via genocide, deportations, organized famine, forced collectivization, political repressions etc”³¹. The Parliament adopted the law on 12 July 2012. The adopted version banned explicitly only the communist symbols, while Nazism did not get a clear mention: “ban the use by the political parties of the symbols of the Communist totalitarian regime (hammer and sickle) and any items carrying these symbols), as well as the propagation of totalitarian ideologies”³². This law had a direct effect on the Party of Communist, which not only bore the name of the targeted regime, but also had the hammer and sickle as its electoral symbol. The PCRM not surprisingly protested against the decision, invoking, among others, the historical images of the banning of Communist parties in Nazi Germany.

More importantly, the PCRM challenged the law in the Constitutional Court, claiming that it violated the Constitution of the Republic of Moldova and the constitutional rights to free expression and free association. The Court reached a decision on the case on 4 June 2013. The ruling was that the law did not correspond to the constitutional norms³³. It is likely that the recommendations of the Venice Commission and OSCE influenced the decision. Nevertheless, out of 4 judges, who participated in the session of the Court, one only partially agreed with the decision, while the Chairman of the Court, Alexandru Tanase, had a “separate, dissident opinion”³⁴. Explaining its motivations, the Court claimed that the law had a legitimate goal, but the norms did not fulfill the requirements of clarity and predictability. Another revealing example of the Chairman’s bias is related to a circular sent to the History Departments of the main Moldovan universities. In the circular, Alexandru Tanase requested the professional opinion of the historians on a number of issues related to the history of the Soviet regime in Moldova and the international experience of dealing with the Soviet past. At the same time, the majority of the questions were formulated in a certain manner, which presupposed a negative assessment of the Soviet period in Moldova and a definition of the Soviet regime as totalitarian. Thus, the circular letter asked for the definition of the main characteristic features of both totalitarian and communist regimes, apparently implicitly searching for proof of the correspondence of the Soviet regime to the totalitarian model. Other questions

---

³¹ Available at http://particip.gov.md/public/documente/131/anexe/ro_1083_NOTA-INFORMATIVA-simboluri-comuniste-05-09-2013.pdf (accessed on March 20, 2016).

³² Available at <http://lex.justice.md/md/344744/> (accessed on March 21, 2016).

³³ Available at <http://lex.justice.md/md/349032/> (accessed on March 21, 2016).

³⁴ Available at <http://www.tanase.md/opinia-separata-privind-interzicerea-simbolurilor-comuniste/> (accessed on March 21, 2016).

focused almost exclusively on the negative dimensions of the Communist regime, such as deportations, violations of human rights, “genocide”, “crimes against humanity”, collectivization etc. The wording of the questions suggests that the Chairman of the Constitutional Court attempted to collect the required answers in order to back his “dissenting opinion” with the image and weight of the professional expertise of the historians. It is another interesting example of an attempt by a high-ranking representative of the state institutions to mobilize professional historians for a specific political cause.

It should be mentioned that in their struggle with Communist past and symbols the leaders of the Alliance for European Integration actively invoked the 2009 decision of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, which “equated the Nazi and Stalinist regimes”. Thus, the ruling coalition justified and legitimized its controversial anti-Communist decisions by the references to the European tendencies and discourse.

The Alliance for European Integration was not the only player on the field of “memory politics” in these years. Besides some minor actors, the Party of Communists had also actively used the repertoire of the “memory politics” in its political activity. In many respects it was also a defensive strategy against the anti-Communist historical policy of some of the leaders of the ruling coalition. Still, some of the moves had not only defensive roots. For instance, in these years the PCRM started to invoke the heritage of the Bessarabian Communist underground in interwar Romania much more actively. Yet, the most visible and grandiose campaigns of the Party of Communists took place on the Victory Day, 9th of May. Several years in a row the PCRM led huge marches from several locations in Chisinau to the Memorial Complex “Eternity”, the main site for the commemoration of the Second World War in the Moldovan capital. The marches attracted tens of thousands. For the PCRM the marches helped achieve several goals. They were an efficient way to mobilize their electorate. The marches also blended the celebration of the Victory Day, a popular symbol in Moldovan society, with the idea of the opposition to the regime. During these several years the Party of Communists embodied both ideas. For the Party, which was losing its media resources (most notably, after the closure of the pro-Communist TV channel, NIT), such a visible public appearance was of great importance. Partly in order to counteract the popularity of the Victory Day, the leaders of the pro-European coalition introduced and propagated Europe Day, which is celebrated in the EU countries on the 8th of May. The scale of celebration, even if state-led, was less significant.

The necessity to engage in explicit anti-Communist “historical policy” faded away after the Parliamentary elections of 2014. As a result of these elections, a new declaratively pro-European minority government was elected

with the tacit support and votes of the remnants of the Party of Communists, which went through a turmoil before the elections and lost some of its most visible and active leaders. The unofficial participation of the Party of Communists in the government made anti-Communist and even anti-Soviet “memory politics” very unlikely. In addition, the most vocal anti-Soviet and anti-Communist political forces were left out of the government. The tendency to move away from the anti-Communist “historical policy” quickly found its embodiment in the decision of the Parliament on 7 May 2015 to repeal the law on the ban of the communist symbols. To this end, Parliament elaborated a project of the law, which would rehabilitate anyone, who was found guilty of breaking the law from 2012.

The political forces, which are not participating in the government, are also implementing elements of “memory politics”. Thus, the new leaders of the leftist opposition, like the Party of Socialists or the Renato Usatyi project are trying to claim the symbolic space, freed by the crumbling Communists. They too are pushing for the “Moldovanist” agenda (the Socialists are more explicit), combining it with a pro-Russian orientation and the ensuing “historical policy”, such as, for instance, the celebration of the Victory Day. Yet, they are hardly convenient targets within the anti-Communist “historical policy”. At the same time, the supporters of the radical “Romanianism”, who lost their “voice” in the government (mainly the Liberal Party), revive with new energy the ideals of the Union with Romania, as a resolution of the country's problems. Thus, the “memory politics” has not disappeared from the Moldovan political scene after the elections of 2014. In a divided society with numerous social-economic problems the “memory politics” will possibly even intensify. Both internal and external conditions favor an active “memory politics” promoted by various political and cultural actors. Yet, it will take slightly different directions and forms.

The “Memory Politics” in a Separatist Republic: The Case of the PMR

One region of the Republic of Moldova experienced a different dynamics of the “politics of memory”, although some of the issues were quite similar. The rise of the national movement in Moldova, the gradual dissolution of the Soviet Union and increasingly vocal pro-Romanian slogans in Chisinau alarmed a significant part of the Moldovan population. Yet such attitudes were much stronger on the left bank of the Dniester³⁵. Different factors contributed

---

³⁵ In the text we use different synonyms for geographical and political entities. 'Left-bank, "separatist, "unrecognized, "Tiraspol' in different contexts refers to the region, authorities, and/or administrative units in Transnistria. 'Right-bank, "Chisinau, "Bessarabian' mostly refers to the region between Prut and Dniester and its authorities.

to this outcome. Unlike right-bank Bessarabia, Transnistria has never been part of the Romanian state, with the exception of several years of military control during the Second World War. The ethnolinguistic composition of Transnistria was different. Each of the three major groups — Moldovans, Russians and Ukrainians — constitute roughly one third of the population of the region, Moldovans being the largest just by several per cent. At the same time, the Romanian-speaking population was the clear majority in right-bank Moldova. The social dimension of the ethnolinguistic composition also displayed certain differences. On the right-bank there were numerous Romanian-speaking urban elites, while on the left-bank urban elites were almost exclusively Russian-speaking. As a result, the left bank of the Moldovan SSR was more sensitive to the symbolic national proclamations in Chisinau. In addition, the Transnistrian elite was traditionally dominant in Soviet Moldova, for Moscow often considered them more reliable than the members of the Bessarabian elite. The gradual political drift of Soviet Moldova away from the Soviet Union threatened the dominant political and economic positions of the left-bank leaders. Therefore, they tried to exploit the grievances of the population in order to preserve their positions of power at least in the eastern regions of Moldova. While the political conflicts and debates were often framed in ethnolinguistic, symbolic, and historic terms, by both sides one can frequently find behind the vivid rhetoric a struggle between at least several elite groups for political power and control of economic and administrative resources. Finally, certain circles in Moscow supported pro-Soviet groups in Moldova, in particular on its left-bank, and saw them as leverage to continue to exert influence on the initially sovereign and later independent republic.

The combination of these and other factors led to the gradual escalation of the conflict between the two banks of the Dniester which culminated in the proclamation of the Transnistrian Moldovan Soviet Socialist Republic in September 1990³⁶, which was renamed the Transnistrian Moldovan Republic in November 1991 and then in the War of Transnistria in 1992, which claimed more than 1,000 casualties. The hostilities ended with the intervention of the Russian 14th Army, which had been stationed mostly in Transnistria since Soviet times and assumed the role of 'peacekeepers' on the Dniester after the War. The War reconfirmed the status of Transnistria as a region legally unrecognized, but de facto uncontrolled by Chisinau authorities. In this position the Transnistrian Moldovan Republic has already existed for more

---

³⁶ It should be noted that just like on the right-bank, where the approval for the national movement was hardly unanimous and the movement itself was not homogenous, support for the emerging separatist republic and anti-Romanian sentiments were also not omnipresent on the left-bank.

than 20 years and benefited from the strong support of the Russian Federation, some remnants of Soviet industry³⁷, and a semi-shadow economy with porous borders.

As the original title the Transnistrian Moldovan Soviet Socialist Republic suggests, the main justification for the establishment and existence of the separatist³⁸ republic was initially the preservation of its affiliation with the Soviet Union in a context when the leaders of the right-bank Moldova increasingly adopted anti-Soviet positions. Soviet symbols still play an important role in Transnistrian politics. One can encounter hammer and sickle images on official insignia and Lenin's monuments throughout the region. The flag of the PMR is basically the Moldovan SSR's one with a different coat of arms. Nevertheless, with the crumbling and eventually collapsing Soviet Union it became clear that the references to the Soviet system, which quickly became the Soviet past, were not enough to justify the existence and legitimacy of the separatist republic and its administration. Unlike the Moldovan SSR, as a whole, the PMR's leadership also could not rely on the right for self-determination which was reserved only for constituent Soviet republics in the Soviet system. Therefore, local actors gradually developed additional rationales for the existence of the separatist republic. The shift of focus was also reflected in the change of the name of the republic from the Transnistrian Moldovan Soviet Socialist Republic to the Transnistrian Moldovan Republic. Historical references also played a significant role in the developing ideology of the left-bank republic.

On March 12, 1991, the Supreme Soviet of the PMR, the highest legislative body of the unrecognized republic, adopted a decree On the Priority Tasks of the Preservation of Distinctiveness of the Moldovan People, Its Language and Culture. The decision, which was mostly a response to the pro-Romanian pronouncements to the West of the Dniester, called, among other

---

³⁷ While the left-bank regions accounted for only 15% of the population and 12% of the territory of the Moldovan SSR, they nevertheless accounted for 40% of the GDP of the South-Western Soviet republic and for 90% of its electrical production. Most of the Moldovan industry was situated in the Transnistrian region. For more on this, see Charles King, *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2000), p. 182–184.

³⁸ In Moldovan discourse and in general in the post-Soviet space, the term 'separatist' acquired negative connotations and often has a pejorative meaning. In this paper we do not use this word in any negative sense. The term 'separatist' here is meant to describe the situation in which a group of actors declare secessionist goals and attempt to unilaterally establish institutions which are autonomous or independent from the central authorities. In fact, in that sense the national movement in the late Moldovan SSR can be also called separatist in relation to central authorities in Moscow, similarly to Transnistrian actions in relation to republican governing bodies in Chisinau.

things, for the organization of a specialized research laboratory *History of Transnistria* which would undertake the task of studying the history of the left-bank region. Basically, the members of the laboratory were entrusted with the mission to elaborate an official view on the history of the separatist region. The close contact between the leading Transnistrian historians and institutions of power can also be observed in the major local historical publications, which often contain introductions or even full-fledged contributions by PMR's political leaders. Nevertheless, in our opinion, it would be a misinterpretation to consider the research and publications of Transnistrian historians a blunt imposition or a political order of the ruling regime. Rather, it was a case of convergence of the interests of politicians and historians. The laboratory was formed out of a number of historians from both banks of the Dniester who opposed the Romanianizing trend in the historic, cultural and linguistic spheres. Some of the members of the laboratory had been participating in the *Interdvizhenie/Edinstvo*, a local branch of the political movement which stood in opposition to the upsurge of nationalism in Soviet Republics and advocated the preservation of the Soviet Union in a modified form. Therefore, the anti-Romanian, first pro-Soviet, and later pro-Russian character of the Transnistrian regime suited these scholars well and corresponded to their own stance. In addition, as the founder and longstanding chair of the laboratory, N. Babilunga, admitted, the history of Transnistria was a rather vague topic, as it was never really comprehensively studied per se as a separate subject³⁹. Of course, this did not mean that Transnistrian scholars had a carte blanche in their publications, as the same historian claims⁴⁰. Some of the basic principles of the emerging master narrative of Transnistrian history were set by the PMR's governing bodies, among others by the same decree which established the laboratory for the research of history of Transnistria. Yet, as suggested earlier, Transnistrian scholars did not have many disagreements with politicians on the basic principles. At the same time, in the research of specific issues they indeed had a certain degree of freedom.

Transnistrian scholars elaborated several key elements which were at the heart of almost any historical reference or writing in Transnistria, including several key publications of the established research laboratory, which introduced and developed a narrative of the history of Transnistria elaborated for a

---

³⁹ *Nikolai Babilunga*. "Pridnestrovska'a Moldavska'a Respublika: priznanna'a istoriografi'a nepriznannogo gosudarstva", in Matsuzato Kimitaka (ed.), *Istoriograficheskii dialog vokrug nepriznannyh gosudarstv: Pridnestrov'e, Nagorny Karabakh, Armeni'a, Iuzhna'a Osseti'a i Gruzii'a*. 21st COE "Making a Discipline of Slavic Eurasian Studies" Occasional Papers, no. 18 (Sapporo: SRC, 2007), p. 16. http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/1_babilunga.pdf (accessed on September 7, 2014).

⁴⁰ *Ibid*, p. 16.

general audience, such as the monumental *History of the PMR*⁴¹, *the Phenomenon of Transnistria*⁴² and *The Statehood of Transnistria: History and the Present*⁴³. Stefan Troebst singled out the following principles: “self-sufficiency”⁴⁴, “statehood”, “multiethnicity”, “Slavic-Russian orientation”, and “Moldovanism”⁴⁵. Basically, all these features are also core elements of the regional Transnistrian identity, promoted in official discourse. One should probably also add anti-Romanianism as one of major principles for history-writing and political discourse in the unrecognized republic.

Throughout the years of the existence of the unrecognized republic, these principles remained largely unchanged and persistent. The pro-Russian orientation, for instance, can be most vividly represented through the figure of the main historical hero of the PMR, that is, the famous Russian Imperial general Alexander Suvorov. The Ottoman Empire ceded the southern part of present-day territory of the PMR to the Romanov Empire in 1792, as the result of the Russo-Turkish War of 1787–1792. One of the military leaders of the Russian campaign was Suvorov. Thus, in the Transnistrian historical and public discourse Suvorov is celebrated as the person, who brought and 'discovered' Transnistria to Russia, as well as the founder of the PMR's capital, Tiraspol. Suvorov is ubiquitous in Transnistrian symbolic politics. His face is on the PMR's currency. In the center of Tiraspol one will find Suvorov's monument. It should be mentioned, though, that Suvorov's cult had its origins in the Soviet times. The monument in Tiraspol, for instance, was erected in 1979. In the PMR, though, it acquired particular scale and magnitude.

“Moldovanism”, though, as an element of the Transnistrian identity and historical discourse, had a more ambiguous history in the PMR. Originally, it was one of the core elements. In the context of the pro-Romanian slogans of a part of the national movement in the Moldovan SSR, which the Transnistrian leaders drew attention to and used to boost their political support, “Moldovanism” was a source of political legitimacy for Transnistrian elites. As the decree *On the Priority Tasks* suggested, Transnistrian leaders presented

⁴¹ Istorii'a Pridnestrovskoi Moldavskoi Respubliki. 2 vols. (Tiraspol: RIO PGU, 2001).

⁴² Fenomen Pridnestrov'ia (Tiraspol: RIO PGU, 2003).

⁴³ Gosudarstvennost' Pridnestrov'ia: istori'a i sovremennost' (Tiraspol: Poligrafist, 2007).

⁴⁴ Troebst's translation of the word samobytnost' as “self-sufficiency” is probably not the most apt. Samobytnost' rather suggests local distinctiveness, local specificity/uniqueness.

⁴⁵ *Stefan Troebst*. “We are Transnistrians! Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley”, *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 451. Moldovenism here, though, does not in any sense imply the necessity for Transnistria to participate in any common Moldovan project. For Transnistrian leaders Moldovenism is of interest as a convenient alternative to Romanianism, which from their point of view is imposed from above and from outside on the Republic of Moldova.

themselves as the advocates and defenders of everything Moldovan, in contrast to and in defense against the Romanianizing tendencies in Chisinau. To maximize the potential of this strategy the Romanian 'threat' had to be exaggerated even beyond its real effect. Also adopting some of the symbols of the Moldovan SSR, Transnistrian leaders could claim to be the successor of the Moldovan state, in contrast to the right-bank Moldova, which in their discourse was guided by Chisinau politicians increasingly towards Romania. Of course, this claim could be only symbolical, since the Republic of Moldova eventually became the legal successor of the Moldovan SSR. Yet, even such a symbolical reference was crucial for a regime, which had to establish and demonstrate its legitimacy. In addition, "Moldovanism" in its predominantly Soviet form meshed well with other core elements of the Transnistrian political and historic discourse, such as "Soviet-Russian-Slavic orientation" or "multiethnicity".

As such, "Moldovanism" occupied a significant place in the Transnistrian discourse and became an important element of the official historical narrative, which the laboratory *History of Transnistria* elaborated in its monumental *History of the PMR*. This happened even despite the fact that Moldovans were the largest group in the PMR only by a slight margin, and in spite of the dominant position of the Russian language. Yet, as the situation progressed, "Moldovanism" increasingly lost its political potential in the eyes of some parts of the Transnistrian elites. Despite strong pro-Romanian and even Unionist pronouncements at the end of the 80s and in the early 90s, the Republic of Moldova established itself as an independent country and, as mentioned earlier, by the mid-90s the ruling elites mostly opted for some version of "Moldovanism". When in 2001 the Communists, with their strong advocacy of "Moldovanism" and anti-Romanianism, came to power in Chisinau, it became even harder for Transnistrian elites to play the card of the Romanian "threat" from the right-bank of the Dniester. Coupled with the strong attempts of the PCRM's government to "re-integrate" the PMR, some of the representatives of the Transnistrian elites, interested in the preservation of the separateness of the Transnistrian republic, questioned also the necessity of "Moldovanism", as a key element of the Transnistrian ideology. For instance, one of the leading Transnistrian political scientists, Ilya Galinskii claimed that "Moldovanism" was another national ideology, just like Romanianism. At the same time, the ideals of the PMR were "multiethnicity" and the "pro-Russian orientation"⁴⁶.

Similar attitudes found their embodiment in the historical debates as well. They came out on display in a somewhat scandalous debate on the issue of the

---

⁴⁶ Available at <http://www.regnum.ru/news/polit/1608280.html> (accessed on March 20, 2016).

first Transnistrian historical statehood. For an unrecognized republic, finding historical precedents of its statehood was crucial. Conveniently, in 1924 the Soviet authorities created the Moldovan ASSR on the left-bank of the Dniester, as a part of the Ukrainian SSR. Soviet officials envisaged the key role of the Moldovan ASSR in the possible re-conquest of Bessarabia. The territory of the Moldovan ASSR roughly corresponded to the territory of the PMR. According to the recollections of the first and, until 2011, only president of the PMR, Igor Smirnov, Transnistrian leaders already in the autumn of 1989 “started to look for theoretical foundations for the attempts to defend our rights. We recalled that Transnistria had its statehood during the period of existence of the Moldovan ASSR as part of the Ukrainian SSR. We proceeded to burrow in the archives, historical and legal literature”⁴⁷.

Hence, in the Transnistrian political and historical discourse the Moldovan ASSR became the first and, initially, the only precedent for the statehood of the PMR. The *History of the PMR* solidified its position as the “first statehood” of Transnistria. Nevertheless, historians, who wrote the volume, had their reservations towards the Moldovan ASSR. According to them, it was established arbitrarily, “from above” without the consultation with the population. More importantly, according to a Transnistrian historian, after the establishment of the Moldovan ASSR its territory (and by extension the territory of the future PMR) started to be associated with the Bessarabian problem. Apparently, the author saw here the roots of future problems: “In 1924 an event took place, which laid the foundation for today’s problems. Then the process of change ... of the state belonging of the Transnistrian lands started”⁴⁸. Within the Transnistrian historical narrative, this means the acquisition of an unwanted political affiliation with the Moldovan state by a territory which the Transnistrian historians perceive as a historically multiethnic Slavic land. By extension, it implies the lack of a genuine political agency of the left-bank republic on its own, without right-bank Moldova. Nevertheless, in spite of these reservations, the Moldovan ASSR is celebrated in Transnistria as the “first statehood” on this territory.

Still, there was an attempt to ‘dethrone’ the Moldovan ASSR as the “first statehood in Transnistria”. In 2004, at the conference devoted to the 80th anniversary of the establishment of the Moldovan ASSR, A. Volkova proposed to contemplate the possibility that the Moldovan ASSR was not the “first experience” of statehood in Transnistria. Volkova is one of the most politically engaged historians in the PMR, who in the first half of the 1990s was the vice-Chairman of the Transnistrian Supreme Soviet and from 1996 the state advisor

---

⁴⁷ I.N. Smirnov. *Zhit' na nashei zemle* (Moscow: Sovetskii Pisatel', 2001), p. 28.

⁴⁸ Fenomen Pridnestrov'ia, p. 52.

of the PMR president I. Smirnov, until the latter's retirement after the loss of ordinary elections in 2011. As a “forgotten” contender for the title of the “first statehood”, the Transnistrian historian proposed the short-lived Bessarabian SSR, which the Bolsheviks proclaimed in 1919, when the fortune on the south-western front of the Civil War turned in their favour and, for a short period, the Red Army solidified its positions on the Dniester. The Bolsheviks envisaged further advancing to the West, “liberating” Bessarabia which was “illegally occupied” by Romania, and under ideal circumstances — the unification of forces with the Red Hungary of Bela Kun. The Bolsheviks failed to even enter Bessarabia, despite several military incursions and insurrections organized by local communist cells, and were soon themselves kicked out of Transnistria by their opponents. Thus, the Bessarabian SSR de facto had no real jurisdiction over Bessarabia itself. Yet for Volkova this did not matter much. For her it was crucial that during its short history the leadership of the Bessarabian SSR, which mostly printed leaflets rather than doing any administrative work, was stationed in the “temporary capital”, Tiraspol, and included several regions of Transnistria. The Transnistrian historian found these facts sufficient to suggest that the Bessarabian SSR was in reality the first republic in Transnistria and the PMR's statehood was five years older, starting in 1919, not in 1924. Such a statement on the 80th anniversary of the “first republic” and just several years after the monumental *History of the PMR* and he programmatic *Phenomenon of Transnistria* solidified, despite all its flaws, the Moldovan ASSR's status in the historical narrative, was undoubtedly a provocation and inspired much controversy. It not only questioned the official narrative of Transnistrian history. It openly challenged its authors, most notably N. Babilunga and his laboratory *History of Transnistria*, which virtually held a monopoly over the interpretation of the region's history. The further course of events suggests that the disagreement did not have a merely scholarly basis.

A year later, Volkova managed to establish a Chair of History of the PMR and an affiliated research laboratory *History of the PMR* at the Transnistrian State University⁴⁹, even though the institution already included the Chair of Universal History and Babilunga's own Chair of National (Otechestvennaia) History⁵⁰, with the laboratory *History of Transnistria*. The main aim of the new Chair was to teach and research the history of the PMR proper, that is, from the late 1980s onwards. Yet, it soon became clear that this was only a pretext, to justify the establishment of the new division. Although it focused mostly on the post-Soviet years, the spheres of interest of the new Chair and its research

---

⁴⁹ Available at <http://strategiya-pmr.ru/wp-content/uploads/files/d/buklet-20-let-iigp-pgu-im-t-g-shevchenko.pdf> (accessed on September 7, 2014).

⁵⁰ The Chair focused on teaching of the history of the PMR, Russia and Ukraine.

laboratory extended well into the Soviet, and even pre-Soviet, period. Thus, the small separatist republic (and even the same University) had two Chairs and laboratories, which de facto dealt with the same issues, duplicating each other's work, competing for similar research projects. Volkova had much success in this competition, apparently benefiting from her political experience, multiple personal connections and, of course, from her position as the President's advisor.

Babilunga and his associates had no intention to concede the position of the leading authority on the region's history to this ambitious contender. Together with his main specialist on the interwar period, Bomeshko, he responded with several critical articles, which mostly focused on Volkova's attempt to transfer the title of the "first statehood in Transnistria" to the Bessarabian SSR. These papers, as well as some of Volkova's publications, suggest that the conflict not only has personal and institutional dimensions, but also ideological origins based on different visions of the region's history. Unsurprisingly, Babilunga considers Volkova's interpretation of the Bessarabian SSR a profanation⁵¹. According to him, the short-lived republic had no jurisdiction over any territory, let alone the left-bank regions. At the same time the "temporary capital" in Tiraspol was in reality located in a railway coach⁵², which probably turned out to be handy, when the Soviet Bessarabian government had to escape the advancing opponents of the Bolsheviks. Due to these facts, Babilunga concluded that the Bessarabian SSR cannot be considered a case of early statehood in any way. He then found a way to attack the establishment of Volkova's new Chair at the University and its first activities, in particular the publication of the historical atlas of the PMR and a history textbook by a group of authors headed by Volkova. According to Babilunga, the authors not only restated their mistaken views on the Bessarabian SSR, but also presented an unsuccessful approach to the region's history, which "is limited only to the contemporary boundaries of the PMR, without any connections to the processes, which took place in those countries, which Transnistria was part of in different periods"⁵³.

To be fair, Volkova's atlas⁵⁴ does not repeat the claim that the Bessarabian SSR was the first experience of statehood in Transnistria. It does, however, fail

---

⁵¹ Later Babilunga would even call Volkova and her associates 'dilettanti in history,' Babilunga, "Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika: priznannaja istoriografija nepriznannogo gosudarstva", p. 34.

⁵² N.V. Babilunga, B.G. Bomeshko. "Bessarabskaja SSR: k Istorii Nesosto'avshegos'a Proekta," <http://www.pmr21.info/article.php?art=40> (accessed on September 7, 2014).

⁵³ Babilunga, "Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika: priznannaja istoriografija nepriznannogo gosudarstva", p. 34.

⁵⁴ Atlas. Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika. Istorija (Tiraspol: 2007).

to mention the mantra that the Moldovan ASSR was. The Atlas' very narrow focus is indeed of interest though. Almost all the included maps zoom to the Transnistrian region, as if no other territories were of any significant relevance to its history. Moreover, on almost every map of any period there is a dotted line, which indicates the contemporary boundaries of the PMR.

This is an alternative interpretation of Transnistrian history. Babilunga and his laboratory developed a historical narrative, which is centered on the region, but often incorporates and contextualizes it within larger entities, primarily that of the Slavic/Russian/Soviet and also Moldovan space. In many respects this is a creative interpretation and adaptation of the Soviet historical narratives in the Soviet national republics⁵⁵. Volkova proposes a strictly state-centered version of the national historical narrative with retroactively projects contemporary boundaries on past epochs, which is also in fact more in line with other cases of the official national histories. The antiquity of statehood is important within this type of stories. Therefore, even five years made a difference in Volkova's campaign for the Bessarabian SSR. The choice in the titles of the research laboratories is also indicative of the different focuses: on the one hand, Babilunga's ' geographical and vague "Pridnestrov'e" with no strict borders and, on the other, Volkova's "PMR" with clear-cut political borders that define the limits of the inquiry. Importantly, with her narrow geographical focus Volkova strips the Transnistrian region of too many historical connections with right-bank Moldova. The suggested choice in favor of the Bessarabian SSR is also convenient in that sense, since it removes the unwanted association with Moldova and "Moldovanism". From this point of view, Volkova's approach fit well with the views of those intellectual and political groups, who advocated the abandonment of "Moldovanism".

The struggle between these two schemes of interpretation of the region's history persists until nowadays in the duality of institutions, that is, in the existence of two research laboratories and departments, dealing with overlapping issues. The status quo is still in place. Volkova's alternative fits well with the needs of the regime, which seeks to create an independent, separate statehood. At the same time, Babilunga's narrative suits the weak polity, which also relies much on outside help and identifies with a larger political and cultural space. The case of the unrecognized Transnistrian republic is situated somewhere in-between these two options. Much depends on the evolution of the internal and international political situation.

---

⁵⁵ For the discussion on the similarities between the Istor'i'a PMR and the Soviet historical narrative, see Vladimir Solonari, "Creating a 'People': A Case-Study in Post-Soviet History Writing", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 4 (Spring 2003): 411–438.

Conclusion

To summarize, five main stages can be identified in the dynamics of the “politics of memory” and “historical policy” in post-Soviet Moldova:

1) 1990/91–1993 — the “nationalization” of the public sphere, official symbolism and the educational system, defined by the dominance of the Romanian national narrative and by a number of attempts at a complete “symbolic break” with the Soviet past;

2) 1994–2000 — the strengthening of the elements of “Moldovan nationalism” and a movement toward a partial compromise in the field of the “politics of memory” through “amnesia” and the rhetoric of national harmony;

3) 2001–2009 — the PCRM’s attempts to formulate a full-fledged “national ideology” of Moldovan statehood, featuring a radical (ethno-centric) version of “Moldovanism”, a partial symbolic rehabilitation of the Soviet past and a strategy for fighting the “undesirable elements”, which targeted the supporters of “pan-Romanianism”;

4) 2009–2010 — a tendency toward a radical revision of the “politics of memory” in the direction of state-sponsored anti-Communism and the first steps toward the institutional consolidation of the model of ‘transitional justice’ (the creation of the “Ghimpu Commission”).

5) 2010–2015 — a reduction in the intensity of the explicitly anti-Communist “historical policy” and an incoherent “memory politics”, mostly being subordinated to immediate political expediency. This also featured the reversal of some anti-Communist decisions, along with the implicit inclusion of the PCRM in the government.

Despite the crucial role of the initial stage in the “nationalization” of the public sphere, one can hardly talk about a coordinated and state-articulated “historical policy” before the year 2001. The polarization of Moldovan society — and the ensuing ambiguity and contradictory character of the “politics of memory” — reached a particular intensity after the Party of Communists of the Republic of Moldova came to power. In this sense, both the PCRM’s policy and the “anti-Communism” displayed by a part of the present Moldovan authorities perfectly fit the general tendency of the politicization of historical discourse apparent in many other East European countries. However, the two opposing discourses are structurally linked in complex ways and cannot be neatly separated into perfectly valid analytical categories. Many individual historians (or politicians, for that matter) do not necessarily fit into the two strictly defined ‘camps’ of “Romanianists” and “Moldovanists”. There is in fact a growing opposition (especially within a part of the intellectual milieu) to the politicized readings of the past promoted by both stripes of ‘memory entrepreneurs’. The hope of eluding the mechanism of ‘historical policy’ has not vanished and is gaining momentum as the two antagonistic projects for

building a 'hard' collective identity of the Moldovan population are being contested. The specificity of the Moldovan (not fully crystallized) version of "historical policy" points to the complex interaction between issues of identity, "collective memory" and lack of the post-Soviet state's legitimacy in the Moldovan case.

Similarly to right-bank Moldova, the PMR's case demonstrates a clear-cut example of the politicization of the historical discourse. Due to their contested legitimacy, for Transnistrian elites it was even more crucial to find additional, historical arguments in favor of their cause. The development of the historical policy in the PMR does not only follow the internal political developments, but also reflects the political evolution in the region, most importantly in right-bank Moldova and the Russian Federation. Therefore, for instance, the idea of the rejection of "Moldovanism" in the PMR gained momentum in the years, when the "Moldovanist" PCRM was in power in Chisinau. It had also favored the emergence and solidification of a narrower, PMR-centered view of the history of the region. Yet, the duality of the two approaches to the history of the Transnistrian republic persists. It is a reflection of the contradictory elements of Transnistrian politics and political discourse, consisting of a peculiar mix of (Soviet) Moldovan symbols and historical justifications, explicit anti-Chisinau rhetoric and an avowedly pro-Russian orientation.

Андрей Кушко, Александр Воронович

**Политика памяти и историческая политика
в постсоветской Молдове и Транснистрии: конкурирующие
нарративы и использование неопределенного прошлого**

В статье прослеживается эволюция политики памяти и исторической политики в постсоветской Молдове. Авторы описывают, как конфликт между «румынистами» и «молдовенистами» развивался в независимой Молдове и как на него оказывали влияние внутренние и внешние факторы. В целом, в статье выделены 5 стадий развития «политики памяти» и «исторической политики» в Молдове. В последней части статьи приведено краткое описание «политики памяти» в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике. Авторы анализируют особенности эволюции «политики памяти» в условиях сепаратистской республики с оспариваемой легитимностью.

Андрій Любарець
аспірант Інституту історії України НАНУ,
відділ новітньої історії та політики

Історичний дискурс української національно-демократичної опозиції (1990–1991 рр.)

Серед історичних праць, що досліджують українську історію 1990–1991 рр. переважають роботи, що характеризують загальний політичний і культурний контекст періоду. Відносно добре вивченою також є діяльність Руху¹ та інших опозиційних партій і неформальних об'єднань², що представляли українську національно-демократичну опозицію. Лише об'єктом дослідження є питання політики пам'яті в УРСР у 1990–1991 рр. та історичної риторики націонал-демократів. Серед публікацій такої тематики можна виділити дві праці — Володимира Кравченка³ та Георгія Касьянова⁴.

У праці історика професора Володимира Кравченка політичний проект незалежної України, що почав реалізовуватись з 1991 року, та формувався у досліджуваній нами період, описується як об'єднання комуністів-реформаторів із українськими націонал-демократами навколо ідеї української нації як етнолінгвістичної спільноти із тисячолітньою історією та традицією боротьби за державну незалежність. У ньому робився основний наголос на історичній схемі Грушевського та на козацькій міфології. При цьому виникли значні труднощі із відкиданням і негативним маркуванням радянського історичного спадку, що передбачав проект⁵. Професор Георгій Касьянов у своїй праці досліджує питання супроводження політичної суверенізації України культурною суверенізацією. Історик розглядає протистояння новоутвореної національної владної еліти, яка піднімала питання ревізії української історичної пам'яті та чинної комуністичної владної еліти, яка, йдучи на поступки національним

---

¹ *Гарань О.* Убити дракона. З історії Руху та нових партій України. — К., 1993. — 200 с.

² *Даниленко В.* Смольницька М. Шлях до незалежності: громадські рухи й суспільні настрої в УРСР після другої половини 1980-х рр. // Український історичний журнал. — 2011. — № 4. — С. 4–22.

³ *Кравченко В.* Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества. // *Ab imperio*. — 2004. — № 2. — С. 329–367.

⁴ *Касьянов Г.* Украина-1990: «бои за историю» // *НЛО*. — 2007. — № 83.

⁵ *Кравченко В.* Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab imperio*. — 2004. — № 2. — С. 329–367.

силам, намагалася втримати історію у рамках ідеології Радянського Союзу. Ключовими історичними питаннями, довкола яких розгорталась «битва», були висвітлення замовчуваних раніше історичних сюжетів (Голодомор, діяльність УНР), реабілітація репресованих радянським режимом політичних і культурних діячів (Микола Скрипник, Микола Хвильовий), зміна оцінки затаврованих радянською ідеологією історичних фігур (Михайло Грушевський, Степан Бандера, ОУН, УПА)⁶.

Проте, в українській історіографії досі не було зроблено спроб комплексного аналізу політики пам'яті та історичної риторики української національно-демократичної опозиції.

1990–1991 рр. — час утвердження державності в Україні. Для цього періоду було характерне посилення національних рухів і становлення української національно-демократичної опозиції. Хронологічні рамки дослідження охоплюють період від початку активної та організованої політичної діяльності української опозиції до проголошення незалежності України. Осінь 1989 року пов'язана із періодом організації української опозиції. Так 8–10 вересня проходить перший установчий з'їзд Руху, а 18 листопада 1989 року — утворюється Демократичний блок України. 1990 рік Олексій Гарань називає періодом «наступу» української опозиції та її радикалізації⁷. Верхня межа хронологічних рамок пов'язана із проголошенням незалежності України, що була підтверджена на всеукраїнському референдумі 1 грудня 1991 року. Заради зручності дослідження, хронологічні рамки у ньому були зведені до календарних меж 1990 і 1991 років.

Під «національно-демократичною опозицією» у нашому дослідженні ми розуміємо політичні партії, культурні та громадські організації, що ставили собі за мету боротьбу за досягнення суверенітету або незалежності України та проводили культурну політику сприяння «українському національному відродженню», що полягала у культивуванні національної мови, історії та культури та творенні образу монолітної української нації.

Останні роки існування Радянського Союзу та перші роки незалежності України були часом утвердження нового українського історичного нарративу, що прийшов на зміну радянському. Саме з 1990 року історія стає важливою темою у політичній боротьбі в Україні. У той час національно-демократичною опозицією формувався певний канон апеляцій до історії в політиці, новий історичний дискурс. Цей дискурс функціонує і в сучасній Україні. Він має вплив не лише на державну політику пам'яті та історичну пам'ять українців, але також і на академічну історіографію.

⁶ Касьянов Г. Украина-1990: «бои за историю» // НЛО. — 2007. — № 83.

⁷ Гарань О. Убити дракона. — С. 10.

У зв'язку із цим, аналіз історичного дискурсу українського національно-демократичного табору (який включає в себе характеристику основних ідей цього дискурсу, особливостей історичної риторики, заходів політики пам'яті, комеморативних практик) сприятиме кращому розумінню багатьох особливостей як української політики, так і національної історіографії. Метою нашого дослідження є аналіз притаманних рис і складових (історичних сюжетів) дискурсу української національно-демократичної опозиції 1990–1991 рр.

Провідну роль серед національно-демократичної опозиції відіграв «Народний Рух України», який утворився з ініціативи Спілки письменників України 1989 року за аналогією із відповідними організаціями Прибалтики. Головою Руху було обрано Івана Драча. Станом на жовтень 1990 року (період найбільшого росту його популярності) чисельність руху складала 630 тисяч членів⁸. НРУ не був ідеологічно однорідною організацією. До його складу входили як члени КПРС, так і представники організацій, що ґрунтувались на антирадянських засадах.

У листопаді 1989 року Рух разом із екологічною асоціацією «Зелений світ», історико-культурним товариством «Меморіал», Українською Гельсинською Спілкою та Товариством української мови імені Т. Шевченка утворили Демократичний блок. Іншими організаціями та партіями, які можна зарахувати до національно-демократичної опозиції були, зокрема, «Спадщина», Демократична партія України, Партія Зелених України, Українська Студентська Спілка, Спілка Української Молоді, Організація Українських Націоналістів. Після виборів до Верховної Ради УРСР у травні 1990 року представники національно-демократичних сил, що змогли пройти у парламент об'єдналися у коаліцію «Народна Рада», до якої входило 126 депутатів (загальна кількість депутатів Верховної Ради — 450).

Важливим є те, що політичні програми української опозиції передбачали не лише зміну державних еліт у країні, але також політичну та культурну трансформацію держави (побудову її на національних та демократичних принципах) або навіть побудову нової держави. Через це необхідним завданням було винайдення певної моделі «вжиткового минулого» й інтеграція навколо нього, а також заперечення радянського історичного нарративу. За оцінкою англійського політолога Еріка Меєра, поширення історичної риторики та апеляцій до історії у публічній і політичній сфері є невід'ємною складовою при утворенні нового пост-

---

⁸ Політична історія України. XX століття. У 6 т. — К., 2003. — Т. 6. — С. 460.

авторитарного демократичного устрою (за що виступали націонал-демократи)⁹.

Аналізуючи риторику та політичну діяльність опозиційних сил, можна виокремити такі найбільш важливі та вживані теми як політика, історія та культура. Меншою мірою також підіймалися питання економіки, релігії та екології. Популярність культурних та історичних тем можна пояснити серед іншого тим, що основу опозиції складала українська творча інтелігенція, для якої ці питання були близькі в силу їх професійної діяльності.

Історія України стала важливою темою у риториці політиків та інтелігенції УРСР після ініційованої Михайлом Горбачовим кампанії з ліквідації «білих плям» історії 1987 року. За методологією Алейди Ассман, 1987–1991 роки можна визначити як час інтенсивного «активного пригадування» у національній культурній пам'яті¹⁰. 1990 рік можна назвати періодом значної активізації апеляцій до історії у політичній сфері та часом формування історичного канону в новому українському політичному дискурсі. Це пов'язано з тим, що саме із цього часу українські опозиційні рухи, що підіймали питання ревізії та вивчення української історії виходять на політичну арену. У другій половині 1980-х років вони функціонували лише на рівні неформальних об'єднань і рухів, а з 1990 року вже стають організованою політичною опозицією¹¹.

Значення апеляцій до історії для опозиційних сил вичерпно передають слова голови Руху письменника Івана Драча під час виступу на Других всеукраїнських зборах Руху: «*Історичний корінь має утримувати крону нашого державного будівництва*»¹². У статуті НРУ 1990 року одним із завдань організації визначалося «*сприяти духовному відродженню української нації на основі... формування історичної пам'яті*»¹³.

⁹ Meyer E. Memory and politics // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook / edited by Astrid Erll, Ansgar Nunning. — Berlin. 2008. — P. 174.

¹⁰ Assmann A. Canon and Archive // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. — P. 97–106.

¹¹ Даниленко В. Смольницька М. Шлях до незалежності // Український історичний журнал. — 2011. — № 4. — С. 4–22.

¹² Драч І. Політична ситуація на Україні і завдання Руху // Вісник Руху. — 1990. — № 7 (листопад). — С. 8.

¹³ Із Статуту Народного Руху України про сутність НРУ, головну мету його діяльності та завдання // Провісники свободи, державності і демократії: Документи і матеріали. До 20-ї річниці створення Народного Руху України / НАН України, Інститут історії України, Центральний державний архів громадських об'єднань України; В.С. Лозицький (упорядн.). — К., Інститут історії України НАН України, 2009. — С. 169–171.

Таким чином, для національно-демократичного табору було притаманним сприйняття особливого значення історії як для культурної політики, так і для державного будівництва загалом. Більше того, історія ставала одним із ключових знарядь у політичній боротьбі.

Через культурну та політичну діяльність української опозиції комуністична партія почала втрачати монополію на трактування минулого. Наслідком цього стали «бої за історію» (за визначанням Георгія Касьянова), які також можна назвати боротьбою дискурсів, що велися на рівні політичної риторики, мас-медіа, історіографії та комеморативних практик. У них представники влади одночасно намагалися утримати історію в рамках радянської ідеології та перейняти і приватизувати деякі елементи опозиційного історичного дискурсу¹⁴. Прикладом цього є зокрема прийняття Політбюро ЦК Компартії України «Республіканської програми розвитку історичних досліджень» 21 липня 1990 року. Пропонована нею нова схема української історії була, по суті, симбіозом радянської історичної схеми із «класичним» українським національним історичним наративом початку ХХ ст., що говорило про усвідомлення необхідності ревізії радянського історичного наративу¹⁵.

Німецький соціолог Андреас Лангеноль двома важливими завданнями побудови поставторитарного демократичного устрою називав забезпечення інституційного переходу від авторитаризму та «культурне укорінення» нових інституцій¹⁶. Засобами реалізації цих завдань у політиці пам'яті в Україні стали критика радянського ладу та історична і культурна легітимізація української незалежності відповідно.

Критика радянського ладу була центральним завданням для національно-демократичних сил, першої легальної та організованої опозиції УРСР, що прагнула ревізії або ліквідації існуючого в країні ладу. Тому центральним сюжетом їхньої політики пам'яті стало негативне маркування радянського минулого. При цьому, радянське минуле зображувалося у вигляді певного «антисвіту», що має виключно негативні риси. Показовим є фрагмент із виступу Івана Драча на Другому всеукраїнському з'їзді Руху:

«Колесо історії забуксувало в крові мільйонів трупів саме тут, на одній шостій планеті; саме тому, що нова імперіалістична реакція,

¹⁴ Касьянов Г. Украина-1990: «бои за историю» // НЛЮ. — 2007. — № 83.

¹⁵ Програма розвитку історичних досліджень в УРСР // Історія та історіографія в Європі. — 2004. — № 3.

¹⁶ Langenohl A. Transitions from Authoritarianism: Democratization and the Role of Memory // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. — P. 163.

замаскувавшись під соціалізм, воскресила все найчорніше, найнищівше і найдикіше..., що так тяжко додалося людством упродовж своєї страдницької історії, і кинула в нещадну, безперервну, перманентну війну з власним народом»¹⁷.

У цій формі критики радянське подане як уособлення всього негативного та страшного, що може спіткати людство. Показовими також є слова з ухвали Других Великих Зборів НРУ: *«Пошук виходу з історичного болота, куди завела народи правляча Комуністична партія — справа всіх чесних людей, не тільки творців і учасників Руху»*¹⁸. Вони демонструють притаманну націонал-демократам ідею відторгнення та іншування радянського антисвіту, що подається як першочергове завдання українського народу. Таким чином все радянське усвідомлювалося тим відмінним, навколо якого мала постати нова українська ідентичність. На нашу думку, саме міф «радянського антисвіту» можна назвати основоположним міфом історичного нарративу, представленого націонал-демократами.

Окрім того, абсолютизувалися втрати, завдані Україні та українцям радянським минулим. Показовими тут є слова письменника Віктора Терена: *«Будьмо відвертими: навіть за Батиєвих часів Україні не загрожувала така небезпека, як зараз. Ми зникаємо з планети фізично, досить згадати Чорнобиль. Щезаємо духовно — в Донецьку, на півдні України немає українських шкіл»*¹⁹.

Окрім застосування насильства, радянський лад, як представлялося, мав ще одну важливу зброю — брехню. Наслідком цього є поширення культу правди, яка здатна зруйнувати репресивний радянський режим. І саме сьогодні є часом, коли це стало можливим. Характерними для цього уявлення є слова зі звернення до читачів головного редактора газети «За вільну Україну» Василя Базіва під заголовком «Встане правда!»: *«Встала на історичному видноколі Правда... Правда мовлена в голос і привселюдно стала тою зброєю світла, перед якою не міг встояти жоден тоталітарний бастион і якою виконувалася перемога істинно народної влади»*²⁰.

---

¹⁷ Драч І. Політична ситуація на Україні і завдання Руху // Вісник Руху. — 1990. — № 7. — С. 8–9.

¹⁸ Ухвала Других Великих Зборів НРУ про необхідність змін у політичній системі УРСР, усунення монополії КППС на владу і побудову суверенної демократичної Української Держави // Провісники свободи, державності і демократії — С. 178–180.

¹⁹ Терен В. Мій народ прокинувся // Літературна Україна. — 1990. — № 7 (15 лютого). — С. 3.

²⁰ Базів В. Встане правда! // За вільну Україну! — 1990. — № 1 (1 липня). — С. 1.

Із мотивом утвердження правди пов'язана ще одна характерна риса опозиційного дискурсу — мотив «відродження пам'яті». Згідно із цим уявленням, радянський режим фальсифікує історію та бреше про минуле, але «народна пам'ять, як і сам народ, — незнищенна»²¹, і саме вона містить істинне знання про минуле. Ілюстрацією культу пробудження пам'яті є слова голови Правління українського фонду культури Бориса Олійника: «настає урочий час — і стирає з очей полуду ляку, скидає із свідомості дрантя безмовної покори, пробуджує Пам'ять. Тоді народ бачить далеко: і в минувшину, і в грядуще — все знає, і все розуміє»²².

Саме історії випадає роль «будительки» пам'яті. Із «відновленням історичної пам'яті» пов'язувались історичні дослідження сюжетів або фігур, відсутніх в радянській історіографії. Близька до націонал-демократів газета «Літературна Україна» називає історичні праці «творами здатними позбавити народ комплексу «безбатченківства», піднести його культуру, його національну гідність»²³. Вірою у «пригніченість пам'яті» українського народу представники опозиції пояснювали обмеженість зацікавленості людей питаннями «національного відродження», та, відповідно, своєї підтримки²⁴.

Важливе значення для дискурсу також мала кампанія з ліквідації «білих плям» історії 1987 року. Вона заклала основу історичної риторики та політики пам'яті як національної опозиції, так і багатьох діячів комуністичної партії. Ініціювавши кампанію публічного вивчення замовчуваних раніше сторінок історії Радянського Союзу як складову політики гласності, Михайло Горбачов сподівався здобути підтримку національної інтелігенції та зняти моральну відповідальність з нинішньої радянської влади за частину історії Радянського Союзу, що сприймалась найбільш негативно. При цьому, оприлюднення непривабливих сторінок історії Радянського Союзу мало обмежуватись засудженням злочинів сталінізму. Проте кампанія призвела до неочікуваних для влади наслідків, а саме до поширення антирадянських настроїв серед української інтелігенції. Окрім того, заохочення до вивчення певних сторінок історії України призвело до інтересу до інших періодів її історії, серед яких також були знайдені свої травматичні та замовчувані сюжети (письменник Борис Олійник

²¹ Маняк В. Голодомор. Чому і як? // Літературна Україна. — 1990. — № 35 (30 серпня). — С. 2.

²² Олійник Б. На олтар нашої пам'яті // Літературна Україна. — 1990. — № 1 (4 січня). — С. 3.

²³ Анонс. Історія Русів // Літературна Україна. — 1990. — № 24 (14 червня). — С. 1.

²⁴ Конєв С. Рух і народовладдя // Вісник Руху. — 1990. — № 7. — С. 16.

називав їх «чорними плямами»²⁵). Зокрема це репресії проти дисидентів у хрущовську та брежнєвську епоху, а також війна більшовицької Росії проти Української Народної Республіки 1917–1921 рр. та ліквідація української незалежності того періоду.

Інтерпретація ідей цієї кампанії заклала основу політики пам'яті та історичної риторики опозиції. Викриття прихованих травматичних сторінок у радянській історії та перетворення їх на нові елементи українського історичного канону «переконувало» українську інтелігенцію в апріорній репресивності природи радянського ладу та стимулювало антирадянські настрої серед неї. Окрім того, ці ідеї формували своєрідну риторичну «чорних плям» української історії — «сув'язі» її трагічних сторінок, що створювали уявлення про віктимну природу української історії. Такий підхід перетворював практично всю історію України на своєрідний мартиролог, переконуючи у тому, що *«На жаль, наша доля була більш лихою ніж щасливою»* (вислів письменника Олесь Гончара).²⁶ Показовими є й інші слова Олесь Гончара, промовлені на засіданні Верховної Ради: *«Геноциди, голодомори, терори — здавалося, ми вже давно мали б загинути, зникнути як нація, і, може, саме провидіння рятувало і врятувало нас!»*²⁷.

Також підіймалося питання відповідальності за злочини минулого, яке, втім, як правило, існувало на рівні ідеї моральному осуду винуватців репресій. Так група діячів Руху, написавши заяву про потребу відокремлення Комуністичної партії України від російського центру проголосила, що:

*«КПРС як панівна сила нашого суспільства повинна нести відповідальність за голод 1932–1933 років у республіці, за знищення української інтелігенції, за депортації та репресії, за політику русифікації, за економічний занепад та екологічну трагедію України [очевидно, тут мається на увазі Чорнобиль — прим. авт.]»*²⁸.

У даному випадку мова йде про моральну відповідальність, про яку також говорив В'ячеслав Чорновіл на засіданні Верховної Ради у червні 1990 року: *«На лаву підсудних, бодай символічну, треба посадити саму*

---

²⁵ Олійник Б. Працюю як підказує мені совість // Літературна Україна. — 1990. — № 11 (15 березня). — С. 2.

²⁶ Жива сув'язь поколінь // Літературна Україна. — 1990. — № 4 (25 січня). — С. 1.

²⁷ Гончар О. Слава Україні. Незалежній, соборній! // Літературна Україна. — 1991. — № 50 (12 грудня). — С. 1.

²⁸ До членів Руху та всіх громадян України. // Літературна Україна. — 1990. — № 10 (8 березня). — С. 1.

існуючу систему імперіалізму і тоталітаризму»²⁹. Загалом, вищеопи-
саною символічною лавою підсудних заяви про відповідальність за зло-
чини минулого, як правило, і обмежувалися.

Легітимація української незалежності за допомогою апеляцій до історії була другим ключовим мотивом історичного дискурсу національно-демократичної опозиції. Програмні документи опозиційних партій і організацій з 1990 року визначали українську незалежність як основну мету їх політичної діяльності. Характерними для розуміння природи цієї легітимації є слова зі звернення НРУ до українського народу напередодні референдуму про підтвердження Акту проголошення незалежності України:

«Громадяни України! Перш, ніж візьмете бюлетень в руки, перш ніж проголосуйте за волю чи кабалу, згадайте воїнів Київської Русі, запорізьких козаків, стрільців Української Народної Республіки, солдатів Вітчизняної, борців національно-визвольного руху — героїв, що склали голови за самостійність Вітчизни. Спом'яніть мільйони жертв сталінських штучних голодоморів 1932–33 та 1947 рр., десятки мільйонів страчених та замордованих синів та дочок України. Не побачимо ми їх на референдумі. Життям проголосували стражденники за незалежність Батьківщини. Усі вони дивляться нам у вічі, воляють: “Україні волю!”. Невже зрадимо їх?»³⁰.

Ці слова демонструють сприйняття української незалежності телеологічною метою української історії. Трагічні сторінки українського минулого пов'язувалися із боротьбою за незалежність, і, таким чином, легітимізували її вимогу. Також підкреслювалася тяглість і неперервність боротьби за неї, що, по суті, призводило до ототожнення української історії з боротьбою за незалежність. Походження таких уявлень можна пов'язати з концептом боротьби за незалежність класичної української національної історіографії початку ХХ ст. та з радянською історичною телеологією.

Здобуття Україною незалежності трактувалось як остаточний розрив із «радянським антисвітом». Голова проводу Організації Українських Націоналістів Слава Стецько напередодні референдуму щодо проголошення незалежності України так пояснювала потребу голосувати «за»:

---

²⁹ Якимович Я. Вибори Голови і Марія з полином... // За вільну Україну! — 1990. — №1 (1 липня). — С. 3.

³⁰ Звернення НРУ до українського народу у зв'язку з референдумом про підтвердження Акту проголошення незалежності України // Провісники свободи, державності і демократії. — С. 203–204.

«Голосуючи за самостійну Україну ви скажете «Ні» новому Союзові — новій імперії, яка в минулому принесла Україні лише диктатуру, терор, геноцид...»³¹.

Можливо найбільш вичерпно передає основні ідеї опозиційної політики пам'яті цитата зі статті про західноукраїнські репресії 1941 року газети «За вільну Україну» 4 липня 1990 року: *«Перед пам'яттю тих мільйонів знищених і закатованих мусимо стати на рівні ноги, простягнути один одному руки і з Богом у серці йти до своєї суверенності, щоб більше ніколи не повторилося те, що було»³².*

Вартим уваги також є аналіз головних «місць пам'яті» (історичних образів, що мають значення для формування національної ідентичності та національного історичного канону) історичного дискурсу націонал-демократів. Всі історичні теми до яких у той період зверталась як національно-демократична опозиція, так і радянська влада можна умовно поділити на дві групи — ті, що функціонували на публічному рівні у Радянському Союзі до 1987 року та ті, що з'явилися лише після початку впровадження політики з ліквідації «білих плям» історії. Для зручності аналізу їх буде умовно названо «старими» та «новими».

Є декілька причин, що зумовлюють потребу саме такої класифікації історичних мотивів. По-перше, «нові» історичні сюжети були відсутні у класичному українському історичному наративі кінця XIX — початку XX ст., який був основою для «нового» українського історичного наративу, що формувався у той час. Через це вони мали бути «винайдені» як складові нового історичного наративу та перенесені в «канон» української культурної пам'яті. По-друге, всі «нові» історичні сюжети були хронологічно пов'язані із XX ст., і тому, більшою або меншою мірою, були присутні на рівні комунікативної колективної пам'яті (яка, за оцінкою Яна Ассмана, зазвичай не виходить за межі 80–100 років³³), а у деяких людей також і на рівні «живої» автобіографічної пам'яті. Через це такі сюжети, на відміну від «старих», що містились лише на рівні культурної пам'яті, мали помітно вагомніше значення для колективної пам'яті. А тому були важливішими для політики пам'яті української опозиції.

Кількість апеляцій до «старих» сюжетів у політиці пам'яті була меншою. Вони частіше були об'єктом культурної політики — своєрідними ідентифікаційними знаками навколо яких мала відбуватись мобілізація населення, ніж об'єктом прямих політичних апеляцій націонал-

³¹ Стецько С. Проголосуймо — «за» // Літературна Україна. — 1991. — № 45 (7 листопада). — С. 3.

³² Бєсяда І. Геноцид // За вільну Україну! — 1990. — № 3–4 (4 липня). — С. 7.

³³ Assman J. Communicative and Cultural Memory // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook. — P. 109–117.

демократів. Якщо щодо «нових» тем українського історичного нарративу доречно говорити про їх «винайдення» національно-демократичною опозицією, то завдання політики пам'яті при апеляції до «старих» тем можна охарактеризувати як «привласнення» та переосмислення, або ж просто «перехоплення ініціативи» у вшануванні пам'яті.

Найвпливовішим серед «нових» «місць пам'яті» можна назвати голод 1933 року як найпридатніший сюжет для дискредитації радянської влади. Політика пам'яті щодо Голодомору мала найбільш широкий набір комеморативних заходів, серед них зокрема зйомка художнього фільму³⁴, організація міжнародного наукового симпозіуму³⁵, початок спорудження місця вшанування пам'яті³⁶, видання книги спогадів, численні мітинги, панахиди та вечори пам'яті. У цей період українські опозиціонери також розпочинають діяльність, направлену на міжнародне визнання голоду актом геноциду. Рішення ухвали міжнародного симпозіуму «Голодомор-33» містило звернення до ООН, Паризької наради глав урядів і держав по підготовці загальноєвропейської наради безпеки «з вимогою провести всебічне розслідування геноциду проти українського народу і розглянути цей злочин у міжнародному суді в Гаазі»³⁷. Таким чином, політика пам'яті щодо Голодомору була чи не єдиним випадком, коли відповідальність за злочини минулого намагалися перенести у юридичну площину зі сфери моральної відповідальності.

Голодомор був найвпливовішою «чорною плямою» в історичному дискурсі української національно-демократичної опозиції. Про першочергове значення цієї події з-поміж інших «чорних плям» української історії говорить, зокрема, назва заходу, проведеного «Меморіалом», СПУ та Рухом — «Всеукраїнського тижню Пам'яті жертв Голодомору та сталінських репресій» у травні 1990 року³⁸. Як бачимо, саме Голодомор виносився на перший план серед усіх репресій сталінського періоду. А вшанування пам'яті його жертв ставало приводом для «пригадування» іншого українського трагічного історичного досвіду періоду сталінізму.

---

³⁴ Маняк В. Фільм Голод-33 у роботі // Літературна Україна. — 1990. — № 12 (21 березня). — С. 6.

³⁵ Маняк В. Голодомор. Чому і як? // Літературна Україна. — 1990. — № 35 (30 серпня). — С. 2.

³⁶ Татаренко В. Виросте курган скорботи. // Літературна Україна. — 1990. — № 33 (16 серпня). — С. 2.

³⁷ Ухвала міжнародного симпозіуму «Голодомор-33» // Літературна Україна — 1990. — № 41 (11 жовтня). — С. 4.

³⁸ Татаренко В. Щоб не повторилося // Літературна Україна. — 1990. — № 19 (10 травня). — С. 2.

Характерною для дискурсу також була ідея спорудження меморіалу жертвам Голодомору, що обговорювалась на сторінках української опозиційної преси. У січні 1990 року «Літературна Україна» обговорює ідею письменника Олексія Коломійця щодо спорудження символічного козацького кургану як специфічної форми комеморації за загиблими під час Голодомору³⁹. Характерним є продемонстроване у такий спосіб бажання пов'язати між собою різні історичні мотиви, та наголосити, таким чином, на тяглоті українських історичних традицій.

Про виняткове значення Голодомору для політики пам'яті у той період говорить зокрема те, що напередодні референдуму щодо незалежності України на першому республіканському каналі було показано нещодавно відзнятий фільм «Голод-33», що навряд було випадковістю⁴⁰.

Значну впливовість також мали історичні апеляції до періоду національно-визвольних змагань 1917–1921 рр. (зокрема до історичного спадку Української Народної Республіки, постаті Михайла Грушевського, універсалів Центральної Ради, акту Злуки та деяких інших історичних сюжетів того періоду) як до останнього досвіду української державності, скасованої радянським ладом. Політика пам'яті щодо цих історичних сюжетів легітимізувала українську незалежність і стверджувала ідею тяглоті української державності.

Із політикою пам'яті щодо національно-визвольних змагань було пов'язане комеморативне дійство, яке називають найбільш впливовою та масштабною акцією національно-демократичної опозиції цього періоду — утворення «живого ланцюга» між Києвом і Львовом («ланцюг єднання») під час святкування річниці об'єднання УНР і ЗУНР 1990 року⁴¹. Окрім «ланцюга», у цей день на території України відбулось близько 45 мітингів (найбільші з них у Києві та Львові)⁴². Вшанування річниці злуки мало виразний політичний зміст, що полягав перш за все у пропагуванні здобуття незалежності України, а також в утвердженні ідеї тяглоті українських державних традицій і в консолідації населення країни навколо опозиційних гасел. Так святкова листівка секретаріату Руху містила заклик *«виборюймо її (України — прим. авт.) волю, її незалежність*

---

³⁹ Коломієць О. На олтар нашої пам'яті // Літературна Україна — 1990 — № 1 (4 січня) — С. 3

⁴⁰ Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії — С. 32

⁴¹ Касьянов Г. Украина-1990: «бои за историю» // НЛЮ. — 2007. — № 83.

⁴² Інформація Міністерства внутрішніх справ УРСР ЦК Компартії України про організацію НРУ “живого ланцюжка” // Провісники свободи, державності і демократії: Документи і матеріали. — С. 162–164.

політичну і економічну»⁴³. На львівському мітингу були транспаранти із гаслами «От ланцюга до самостійності» та «Соборна Україна»⁴⁴.

Інший період активізації політики пам'яті щодо національно-визвольних змагань був пов'язаний із проголошенням незалежності України. У першому номері «Літературної України» після прийняття Акту проголошення незалежності України на першій сторінці газети були з різних боків опубліковані текст 4 Універсалу та Акту проголошення незалежності України⁴⁵. Показовими також є слова Івана Драча з промови на зібранні СПУ, який припускав, що замість прийняття Акту незалежності України «можна було б просто потвердити акт 22 січня 1918 року Української Народної Республіки»⁴⁶. Із наведених прикладів ми бачимо, що проголошення незалежності України постає у дискурсі логічним завершенням історичного процесу, який здійснювали українські державні діячі часу національно-визвольних змагань.

«Новими» сюжетами опозиційної політики пам'яті були також історичні образи Організації Українських Націоналістів і Української Повстанської Армії та мотиви, пов'язані із націоналістичним підпіллям часів Другої світової війни. Історичний міф ОУН і УПА у 1990–1991 роках був переважно регіональним. Якщо політика пам'яті щодо цього питання більшої частини націонал-демократів переважно зупинялась на формальній реабілітації цих організацій, то у Західній Україні (регіоні де вони вели свою діяльність) ОУН і УПА стають надважливими «місцями пам'яті» того періоду. У містах Західної України (Дрогобичі, Івано-Франківську, Тернополі) встановлюються пам'ятники та пам'ятні знаки на честь учасників ОУН і УПА та їх лідерів⁴⁷, проходять різноманітні комеморативні акції (мітинги, святкування), пов'язані із ними⁴⁸.

Серед подій недавнього минулого важливе значення для опозиційного дискурсу мала Чорнобильська катастрофа 1986 року. Саме вона підняла актуальність екологічних проблем в українському суспільстві того часу.

⁴³ Гарань О. Убити дракона. — С. 81.

⁴⁴ Інформація Міністерства внутрішніх справ УРСР ЦК Компартії України про організацію НРУ “живого ланцюжка” // Провісники свободи, державності і демократії: Документи і матеріали. — С. 162–164.

⁴⁵ З днем народження, незалежна Україно! // Літературна Україна — 1991. — № 35 (29 серпня). — С. 1.

⁴⁶ Попрацювати на незалежність // Літературна Україна — 1991. — № 42 (17 жовтня). — С. 7.

⁴⁷ Попрацювати на незалежність // Літературна Україна. — 1991. — № 42 (17 жовтня). — С. 7.

⁴⁸ Повернення Тараса Чупринки // За вільну Україну! — 1990. — № 14 (18 липня). — С. 3; Гулик І. Львів: 30 червня 1941-го... 30 червня 1990-го // За вільну Україну! — 1990. — № 3. — 4 (4 липня). — С. 1.

У другій половині 1980-х років виникають численні неформальні організації та ініціативні групи, що займаються збереженням екології та захистом навколишнього середовища. У 1990–1991 роки Чорнобиль функціонує в опозиційному дискурсі як «місце пам'яті», стає культурним і політичним символом — символом деструктивності та небезпечності радянського ладу, й активно вживається у політиці пам'яті демократичної опозиції. Прикладом цього є зокрема слова з програми Партії Зелених України 1990 року: *«Чорнобиль — ядерний, хімічний, духовний, політичний триває. Ми повинні його зупинити!»*⁴⁹.

Більшість «нових» «місць пам'яті» були орієнтовані на спростовування певних засадничих принципів радянської історіографії (міфу Великої Вітчизняної війни, концепту встановлення радянського ладу в Україні). Суттєво різнилося ставлення владних політиків до опозиційної політики пам'яті щодо різних історичних сюжетів. Воно залежало від їх «небезпеки» для радянської ідеології та від вжитковості опозиційного дискурсу цього історичного сюжету для влади. У випадку опозиційної політики пам'яті щодо національно-визвольних змагань, владні політики займали гнучку політику засудження окремих аспектів цього історичного сюжету, та частково переймали національно-демократичну риторіку. Політику пам'яті щодо ОУН і УПА комуністична партія категорично не приймала та проводила політику втримання «демонізованого» образу цих організацій. У випадку вшанування пам'яті жертв Голодомору комуністи переймали опозиційний дискурс.

Із проведеного дослідження «нових» історичних сюжетів можна зробити висновок, що у кожному із розглянутих «місць пам'яті» можна відслідкувати два ключових завдання для політики пам'яті національно-демократичної опозиції — компрометація радянського режиму та легітимація української незалежності.

Опозиція репрезентувала «старі» історичні сюжети за схемою запозиченою з українського історичного наративу ХІХ — початку ХХ ст. із накладанням нових, актуальних для сьогодення, політичних акцентів. Не можна говорити про кардинально нові міфи в опозиційній політиці пам'яті, пов'язані зі «старими» історичними сюжетами. Завданням національно-демократичного табору скоріше було пристосування «старих» історичних сюжетів до опозиційного історичного дискурсу. Через це відсутніми були відкриті «бої за історію» із представниками радянської влади навколо «старих» історичних сюжетів. Культурний і символічний характер апеляцій до «старих» історичних сюжетів був однією із важ-

---

⁴⁹ Гарань О. Убити дракона. — С. 128.

ливих відмінностей від політики пам'яті «нових» сюжетів, апеляції до яких мали більш безпосередній політичний характер.

Серед «старих» історичних сюжетів найбільше значення мали апеляції до козацького міфу та до постаті Тараса Шевченка як українського культурного символу.

Головною ідеєю політики пам'яті козацького міфу стала легітимація української державності. Хоча більшою мірою мова йшла про культурну символічну легітимацію, ніж про політичну. Її ілюстрацією є зокрема слова із промови Івана Драча: *«Народ, який бодай раз в своїй історії скуштував своєї державності, невідлеглисті вже ніколи не забуде смак волі й буде знову й знову прагнути до неї. Ось що є для нас Запорізька Січ»*⁵⁰. Апеляції до традицій козацької самостійності мають давню історію в українській історіографії та політичній думці. За оцінкою американського історика Ендрю Вілсона, козацький міф відіграє для української історіографії роль міфу «золотого віку» та «міфу про фундацію» (заснування першого національного державного утворення)⁵¹.

Важливим у звертаннях до козацької тематики також було уявлення про демократичний устрій козацтва. Воно доводило, що демократичність — риса притаманна українцям, і, таким чином, легітимізувало політичний устрій, пропонуваній опозицією. Так «Відозва до нащадків», зачитана 4 серпня 1990 року, називала Запорізьку Січ *«першою у світі республікою демократичних законів і рівних людських прав»*⁵².

Із козацьким міфом пов'язана акція, яку можна назвати наймасовішою та найвпливовішою акцією національно-демократичної опозиції після «живого ланцюга» — Дні козацької слави, що відбулись 3–5 серпня 1990 року у Дніпропетровській і Запорізькій області. Кількість учасників акції оцінюють у сотнях тисяч людей⁵³.

Популярними у даний період також стають козацькі громадські організації. Станом на 1990 рік в УРСР діяло 63 козацьких осередки із 3 тисячами учасників. У жовтні 1990 роки вони збирають I Велику Раду Українського Козацтва та проголошують відродження Українського Козацтва. НРУ та інші національно-демократичні сили підтримували ко-

---

⁵⁰ Козак С. І помоляться на волі невольничі діти! // Літературна Україна. — 1990. — № 33 (16 серпня). — С. 2.

⁵¹ Wilson A. National history and national identity in Ukraine and Belarus // Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. — Cambridge university press, 1998. — P. 25–48.

⁵² Відозва до нащадків // Літературна Україна. — 1990. — № 34 (23 серпня). — С. 1.

⁵³ Дні козацької слави // Літературна Україна. — 1990. — № 31 (2 серпня). — С. 1; Касьянов Г. Украина-1990: «бои за историю» // НЛЮ. — 2007. — № 83.

зацький рух. У жовтні 1991 року Велика Рада «Українського Козацтва» обрала В'ячеслава Чорновола гетьманом «Українського козацтва»⁵⁴.

Із активізацією політики «національного відродження» більш поширеними також стають і апеляції до фігури Тараса Шевченка, що був на той час символом української літератури, культури та нації загалом. Роман Лубківський 7 березня 1991 року небезпідставно писав про те, що іменем Тараса Григоровича Шевченка «сьогодні ідентифікується Україна, українство, українськість»⁵⁵. У той час активно будуються нові пам'ятники Тарасу Шевченку⁵⁶. Представники опозиції часто пов'язували його творчість із поняттям «народної пам'яті» та використовували її для легітимації української державності⁵⁷. Зокрема, його цитатою починалось звернення Руху до народу у зв'язку з референдумом⁵⁸. А Юрій Щербак писав про те, що «в основу Декларації про державний суверенітет лягли вірші Т.Г. Шевченка... твори Тараса Шевченка лишилися найголовнішою підривною літературою проти імперії»⁵⁹.

Необхідним для політики пам'яті опозиції було переосмислення міфу Великої Вітчизняної війни — найвпливовішого радянського історичного міфу, навколо якого будувалась радянська ідентичність. Ключовим мотивом політики пам'яті Другої Світової війни було заміщення тріумфального образу і переможного дискурсу війни на трагічні віктимні тони. Важливого значення також набувало оприлюднення інформації про пакт Молотова-Ріббентропа. На II з'їзді Народних депутатів СРСР представник Руху Дмитро Павличко планував виступити з промовою «Пакт Молотова-Ріббентропа і возз'єднання України 1939 року». Доповідь не була ухвалена, проте вийшла друком у газеті «Літературна Україна». У ній політик заявляв, що «секретні протоколи до договору про ненапад... мають бути засуджені як аморальні й незаконні документи» та говорив про те, що «таємна змова Сталіна з гітлерівською Німеччиною —

---

⁵⁴ Задунайський В. Українське Козацьке Відродження та Народний Рух України (кінець 80-х — початок 90-х рр. XX ст.) // Всеукраїнська експертна мережа / Режим доступу: http://www.experts.in.ua/baza/analytic/index.php?ELEMENT_ID=44626

⁵⁵ Лубківський Р. Як правда і свобода — вічний Тарас // Літературна Україна. — 1991. — № 10 (7 березня). — С. 1.

⁵⁶ Шевченківські дні // Літературна Україна. — 1990. — № 10 (8 березня). — С. 1. Пам'ятник Шевченку // За вільну Україну. — 1990. — № 14 (18 липня). — С. 2. Тарас Шевченко у Кодні // Літературна Україна. — 1990. — № 49 (6 грудня). — С. 1.

⁵⁷ Доля Кобзаря // Літературна Україна. — 1990. — № 21 (24 травня). — С. 1.

⁵⁸ Звернення НРУ до українського народу у зв'язку з референдумом про підтвердження Акту проголошення незалежності України // Провісники свободи, державності і демократії: Документи і матеріали. — С. 203.

⁵⁹ Щербак Ю. Самостійна суверенна // Літературна Україна. — 1990. — № 32 (9 серпня). — С. 2.

наслідок ганебної імперської політики, яка не поважала суверенітети сусідніх держав»⁶⁰.

Опозиційна політика пам'яті щодо Другої світової війни мала особливу актуальність і власну відмінну специфіку в Західній Україні. Це було пов'язано з пам'яттю про радянські репресії 1939 року на цих територіях та з популярністю історичних образів ОУН і УПА. Західноукраїнські опозиціонери намагалися репрезентувати історичний досвід періоду Другої світової як одну із чисельних «чорних плям», трагічних репресивних сторінок радянської історії.

У квітні 1990 року депутати Львівської обласної ради, яку очолював В'ячеслав Чорновіл виступили з заявою, що засуджувала факт подвійної окупації України військами РСФСР у 1919 році та військами СРСР у 1939 році. У зв'язку з цим депутати вимагали визнати незаконним перебування України у складі СРСР. Із цього ми бачимо, що апеляції до західноукраїнського історичного досвіду 1939 року давали підставу не тільки для компрометації Радянського Союзу, але також і для проголошення незаконності входження України до Радянського Союзу⁶¹.

Не можна говорити про якусь послідовну політику пам'яті щодо Російської імперії серед української опозиції. Стратегія репрезентацій Російської імперії в опозиційному історичному дискурсі була дуже близькою до моделі репрезентацій Радянського Союзу. Ставлення до Російської імперії формувалося під впливом сприйняття Радянського Союзу. У цій державі націонал-демократи часто бачили корені радянської системи. Таким чином «радянський антисвіт» укорінювався у минулому, а українська мартирологія хронологічно виходила за межі Радянського Союзу.

Українська опозиція не могла також обійти увагою історичний образ Київської Русі. Проте апеляції до киеворуської історії не були дуже популярними серед неї. У риториці націонал-демократів мало місце оскарження традиційної ідеї приналежності спадку Київської Русі насамперед Росії. Видається, що саме з монополізацією історичного спадку Київської Русі радянським історичним нарративом можна пов'язати невелику популярність апеляцій до цього історичного сюжету серед української опозиції.

Постать Володимира Леніна була найбільш амбівалентним історичним образом дискурсу. «Доля» фігури Леніна у політиці пам'яті націонал-демократів найкраще демонструє швидкість розриву із комуністичними моделями пам'яті у розглянутий нами період. У липні 1990 року його

---

⁶⁰ Павличко Д. Пакт Молотова–Ріббентропа і воз'єднання України 1939 року // Літературна Україна. — 1990. — № 1 (4 січня). — С. 2.

⁶¹ Касьянов Г. Украина 1991–2007. Очерки новейшей истории. — С. 18–19.

працями доводять легітимність суверенності України⁶² та ведеться полеміка із «російськими шовіністами»⁶³. А вже через рік, після проголошення незалежності України, постать Леніна як «місце пам'яті» відкидається та негативно маркується. У вересні 1991 року у центрі Києва демонтується пам'ятник Леніну, що можна вважати точкою остаточного розриву з цією постаттю як ідентифікаційним знаком для національно-демократичних сил⁶⁴.

Ще одна характерна риса політики пам'яті щодо «старих» історичних сюжетів — перенесення схеми, винайденої національно-демократичною опозицією для інтерпретації історії ХХ ст. на давніші часи. Через це у дискурсі з'являються такі ідеї як боротьба за незалежність України у киеворуський період⁶⁵ або перенесення рис Радянського Союзу на Російську імперію.

Можна зробити висновок, що опозиційна політика пам'яті цього періоду більшою мірою була орієнтована на іншування, ніж на отожднення у формуванні нової української ідентичності. Більше уваги приділялось критиці та ідеї відторгнення радянського ладу, ніж пошуку певних спільних ідентифікаційних знаків. З цієї ж причини можна говорити про те, що опозиційна політика пам'яті більшою мірою сприяла виникненню мобілізаційної, ніж рефлексивної форми ідентичності.

Як ми знаємо, українській національно-демократичній опозиції так і не вдалося здобути підтримку більшої частини населення та прийти до влади. У зв'язку з цим, можна говорити, що іншування радянського не стало ефективною основою для політичної консолідації навколо опозиції в Україні на початку 1990-х років. Через низку політичних і культурних факторів даний дискурс практично не «еволюціонував» у незалежній Україні. Наслідком цього є впливовість окремих його аспектів у сучасних українських політиці та історіографії.

---

⁶² Див. наприклад: Засади єдності. Ленін і Україна // Літературна Україна. — 1990. — № 16 (19 квітня). — С. 1.

⁶³ Мокренко А. За інструкцією Катерини // Літературна Україна. — 1990. — № 5 (1 лютого). — С. 4.

⁶⁴ Скрипник А. Прощаємося із Іллічем // Літературна Україна. — 1991. — № 38 (19 вересня). — С. 6.

⁶⁵ Попрацювати на незалежність // Літературна Україна. — 1991. — № 42 (17 жовтня). — С. 3.

Andrii Liubarets

Historical Discourse of the Ukrainian National-Democratic Opposition (1990–1991)

The aim of presented research is to characterize main features and basic components (historical subjects) of new Ukrainian historical discourse, formed in 1990–1991 by Ukrainian national-democratic opposition. Analysis was made by dint of characteristics of its basic ideas, specifics of the opposition representatives` historical rhetoric, measures of memory politics, commemorative practices and places.

Алексей Миллер
д.и.н., проф., Европейский Университет (Санкт-Петербург),
Центрально-Европейский университет (Будапешт)

Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов¹

В этой статье мы будем использовать понятие «политика памяти» для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории. «Историческая политика» является частным случаем политики памяти. Для нее характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов.

Особая, и достаточно сложная задача при анализе политики памяти это выявление агентов, в ней участвующих, и их классификация. Это, прежде всего, касается негосударственных агентов, в том числе экспертных сообществ. До недавнего времени в России почти не было таких институтов или неформальных групп, для которых политика памяти была бы приоритетным направлением. Мы исключаем из нашего анализа академические и университетские структуры, занимающиеся профессиональным изучением и преподаванием истории, однако, люди, работающие в этих структурах, попадают в сферу наших интересов в том случае, если они участвуют в общественных инициативах, связанных с политикой памяти, или сотрудничают с неакадемическими организациями, занимающимися этой проблематикой.

Общественный интерес к прошлому был наиболее интенсивен в СССР в период перестройки, отчасти потому, что через обсуждение истории артикулировались политические позиции, которые еще не могли быть заявлены вполне открыто. Идиоматический язык перестройки — «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т. д. — в большой степени был заимствован из репертуара историков². Обсуждение

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ № 13-0300553а. Первые варианты этого текста были опубликованы в журнале «Полития» в № 4 за 2013, и в № 4 за 2014 г. См. URL: [http://politeia.ru/content/pdf/Politeia_Miller-2013-4\(71\).pdf](http://politeia.ru/content/pdf/Politeia_Miller-2013-4(71).pdf); [http://politeia.ru/content/pdf/Miller_Politeia-2014-4\(75\).pdf](http://politeia.ru/content/pdf/Miller_Politeia-2014-4(75).pdf) (дата доступа 21 марта 2016).

² См.: *Atnashev T. Transformation of the Political Speech under Perestroika. Free Agency, Responsibility and Historical Necessity in the Emerging Intellectual Debates (1985–1991). PhD Dissertation. Florence: EUI, 2010.*

«белых пятен», связанных с преступлениями коммунистического режима, и, прежде всего, сталинизма, даже публичное произнесение прежде запретных применительно к СССР слов «империя» и «тоталитаризм» — все это имело очевидное политическое значение. В 1990-е годы, на фоне болезненных трансформаций, общественный интерес к истории заметно уменьшился. После 1993 г., когда неудача процесса над КПСС стала очевидной, властные структуры на длительный период перестают сколько-нибудь активно действовать в сфере политики памяти.

Пожалуй, единственной структурой, которая вполне соответствовала в 1990-е годы понятию экспертного сообщества, сделавшего участие в политике памяти приоритетной задачей, была основанная в 1991 г. Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 г. АИРО-XXI)³. Ассоциация активно работала с зарубежными, прежде всего немецкими, спонсорами, имела представительный международный научный совет. Помимо публикаций сугубо профессиональных монографий, посвященных различным аспектам истории XX в., АИРО уделяла много внимания анализу перемен, происходивших в сфере исторического описания в России и постсоветских странах. В 1998 г. АИРО совместно с Московским Бюро Фонда Фридриха Науманна начала проект по изучению «национальных историй» постсоветского пространства⁴. Этот проект вполне соответствовал фокусу общественного внимания того времени, когда происходила национализация истории в постсоветских странах. В начале 2000-х АИРО объявила о работе над проектом «Реформа образования: итоги и уроки», однако он не получил развития. Деятельность АИРО в этот период сыграла важную роль в развитии профессиональных контактов российских историков с их зарубежными коллегами и формировании общественной повестки дня в профессиональной среде, однако за пределами профессиональных кругов влияние Ассоциации было довольно ограниченным. Ассоциация слабо рекламировала свою продукцию и мало выступала в СМИ.

Намного более заметна в публичном пространстве была деятельность «Мемориала». Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» имеет более широкий круг интересов, чем политика памяти — его правозащитная деятельность нередко выходит на первый план. Однако трудно переоценить роль «Мемориала» в политике памяти, и, прежде всего, памяти о политических

³ Ассоциация исследователей российского общества. URL: <http://www.airo-xxi.ru/> (дата доступа 20 марта 2016).

⁴ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. — М., «АИРО-XX», 1999.

репрессиях сталинского периода. «Мемориал» имеет разветвленную сеть организаций — в российский «Мемориала» входит более 60 организаций в более чем 40 регионах России, международный «Мемориал» помимо России имеет организации в 6 других странах. По инициативе «Мемориала», в том числе его местных организаций, в 1990-е годы открыты сотни памятников и памятных досок, посвященных жертвам политического террора. С 1999 г. организация проводит ежегодные всероссийские конкурсы исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». «Мемориал» активно использует Интернет, создавая на своем сайте специальные страницы по главным направлениям своей деятельности в этой сфере: о местах захоронений, об истории «Большого террора», системе ГУЛАГа, принудительных депортациях, истории органов госбезопасности, формированию базы данных о жертвах репрессий. Специальные страницы посвящены репрессиям против поляков, российских немцев, социалистического сопротивления и репрессиям за веру, а также инакомыслию и диссидентскому движению после-сталинского периода. В этом перечне бросается в глаза отсутствие коллективизации и репрессий 1920-х годов. Это не случайно — фокус именно на сталинские репрессии отражает генеалогию многих основателей общества, происходящих из семей советских деятелей, подвергшихся репрессиям в 1930-е годы. В 2012 г. председатель «Мемориала» А.Б. Рогинский рассказал, как уже в начале 1990-х годов получил в результате исследований документов госбезопасности точные цифры по числу арестованных, начиная с 1921 г., и не публиковал их многие годы, потому что они были существенно меньше тех, о которых привыкли говорить в кругу шестидесятников⁵.

В целом можно сказать, что АИРО и Мемориал демонстрировали два разных подхода к влиянию на общественную повестку дня. Если «Мемориал» в существенной мере стремился ее формировать, не позволяя вытолкнуть на периферию общественного внимания тему репрессий и добавляя новые сюжеты в ее обсуждение⁶, АИРО скорее реагировал на общественный интерес к теме национализации истории, и переводил ее обсуждение в более профессиональное и спокойное русло.

---

⁵ Круглый стол об ответственности историка в мае 2012 г. в Днепрпетровске. Полная стенограмма (<http://www.polit.ua/lectures/2012/08/14/dnepr1.html>). Выступление Рогинского. URL: <http://www.memo.ru/d/124360.html> (дата доступа 15 марта 2016).

⁶ Такими новыми темами стали, например, репрессии против советских граждан (поляков, немцев) по этническому признаку.

2000-е годы

Активизация исторической политики в странах Восточной Европы в начале XXI в., главной мишенью которой на международной арене была Россия, вызвала растущую обеспокоенность в Москве, где власти стали разрабатывать различные способы реакции на этот вызов. В 2003 г., начались разговоры о том, что России надо бы создать свой Институт национальной памяти, по образцу подобных учреждений в соседних странах⁷. В целом в первой половине 2000-х годов власть начинает активно заниматься политикой памяти, и доминирует в формировании повестки дня в этом вопросе. От властей исходят почти все инициативы в этой сфере, в том числе инициативы создания организаций, похожих на экспертные сообщества.

В период 2006–2009 гг. власти начинают еще более интенсивно действовать в сфере политики памяти. Их линия в это период вполне соответствует понятию «историческая политика», будучи партийной и конфронтационной как на внешнеполитическом, так и на внутривнутриполитическом направлении. В 2006 г. была создана группа под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова, которой было поручено написание нового учебника истории России XX в. Планировалось, что он должен был стать если не единственным, то доминирующим учебником в школе. С высокой степенью вероятности можно предположить, что заказ исходил из администрации президента. В 2007 г. в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России. Вскоре появился учебник «История России. 1945–2007», а также методическое пособие по периоду 1900–1945 гг.⁸

/

Важная роль А. Филиппова в подготовке учебника свидетельствует о том, что власти задействовали близкие им экспертные структуры в реализации программы. Филиппов на тот момент являлся заместителем директора Национальной лаборатории внешней политики, созданной в 2002 г. На ее сайте сказано, что это «некоммерческая организация, специализирующаяся на экспертизе и разработке стратегий в области внешней политики, содействующая органам государственной власти в

⁷ Швед В. Институт исторической памяти. URL: http://www.hrono.ru/statii/2008/shwed_pam.html (lfnf ljcnegf 18 vfhnf 2016)/

⁸ Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945–2006 гг: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007; История России. 1945–2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. Второе издание: История России. 1945–2008. М.: Просвещение, 2008; Данилов А.А. История России. 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.

подготовке и осуществлении внешнеполитических решений»⁹. Слабая активность этой структуры в течение 10 лет ее существования позволяет говорить о сугубо служебном характере. Это, скорее, квази-экспертное сообщество, которое «реанимируется» под конкретные проекты.

Многие тезисы учебника (по 1939 г., Катюни, голоду 1932–1933 гг.) были прямо связаны с исторической политикой соседних стран и были сформулированы в агрессивно-пропагандистском духе, характерном для этой разновидности политики памяти. Однако учебник решал и внутривнутриполитические задачи. Методологической основой своего подхода авторы провозглашали отказ от концепции тоталитаризма как ненаучного инструмента холодной войны и анализ советского периода с точки зрения теории модернизации. В реальности стержнем концепции была задача нормализации сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации в условиях «осажденной крепости» и обоснования ведущей роли современного авторитарного лидера для решения сходных задач на современном этапе¹⁰.

В продолжение этой линии в мае 2009 г. президент Дмитрий Медведев издал указ о создании при Президенте Российской Федерации «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»¹¹. Глядя из сегодняшнего дня, очевидно, что создание комиссии было крайним выражением той версии исторической политики, которая набирала силу в России с 2003 г. Комиссия включала всего двух профессиональных историков (директора Института российской истории и Института всеобщей истории РАН) и заведомо не могла сыграть роль экспертного совета по вопросам политики памяти. И появление учебника, и создание комиссии вызвали волну негативных комментариев со стороны общественности, в том числе профессиональных историков. В этом контексте весьма показательна стратегия защитников этих проектов. Павел Данилин (в тот момент сотрудник Фонда эффективной политики и член политсовета «Молодой гвардии Единой России», а с 2010 г. — сотрудник администрации президента) обвинял академических историков в нежелании «бороться с фальсификациями» и противопоставлял этому эффективность деятельности любими-

---

⁹ Национальная лаборатория внешней политики. URL: <http://www.nlvp.ru/laboratory> (дата доступа 15 марта 2016).

¹⁰ Подробнее см. Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? // Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI в. М., НЛЮ, 2011, с. 328–367.

¹¹ Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». URL: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.htm/> (дата доступа 11 марта 2016).

телей и энтузиастов¹². Под успешными энтузиастами он имел в виду, в частности, созданный в 2008 г. фонд «Историческая память», директором которого стал А.Р. Дюков¹³.

Деятельность Фонда действительно весьма эффективна с точки зрения задач исторической политики. Фонд к настоящему моменту осуществил большое число публикаций, посвященных неприглядным страницам истории Молдовы, Украины и прибалтийских республик в период 1930–1940-х годов, прежде всего истории коллаборационизма с нацистами и участия националистов этих групп в Холокосте. Они должны служить ответом на историческую политику этих стран. С учетом необычайно высокой публикаторской активности (около 50 книг за 5 лет), можно с высокой степенью вероятности реконструировать механизм деятельности этой организации. Фонд получает подборки архивных материалов по заданным темам и изготавливает на основании этих материалов публикации, оформленные в риторическом плане в соответствии с духом «войн памяти» или исторической политики.

Вместо создания Института национальной памяти по украинскому образцу в России было выбрано технологически более эффективное решение использовать для реализации исторической политики ряд формально независимых общественных организаций, которым можно выдавать соответствующее задание и снабжать их теми архивными материалами, которые удобны заказчику. По сути дела, это была модификация хорошо известной технологии «слива» через прессу, когда «сливаемая» информация не обязательно является неправдой, но непременно является предметом манипуляции.

Противники такой исторической политики вырабатывали свои формы организованного влияния на общественное мнение. В строгом смысле слова им не удалось создать формализованных экспертных сообществ и/или НПО. Внимание было сосредоточено на организации площадок для встреч экспертов и трансляции их мнения. Основную роль сыграли Интернет-сайты. Пионером такой активности стал портал Полит.ру., организовавший целый ряд дискуссий, посвященных проблемам политики памяти¹⁴. Портал создал специальный раздел, посвященный поли-

¹² Данилин П. Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса. URL: <http://russ.ru/pole/Kak-reakirovat-na-komissiyu-po-bor-be-s-falsifikaciyami> (дата доступа 11 марта 2016).

¹³ Историческая память. Фонд содействия актуальным историческим исследованиям. URL: <http://www.historyfoundation.ru> (дата доступа 10 марта 2016).

¹⁴ Часть стенограмм была опубликована на сайте: <http://www.polit.ru/article/2005/12/22/krugliystol/>; <http://www.polit.ru/article/2008/04/24/istpamat/> (дата доступа 12 марта 2016).

тике памяти, который постоянно пополняется новыми материалами¹⁵. Помимо собственно дискуссий, связанный с Полит-ру клуб «Билингва» организовал в 2008 и 2009 гг. публичные лекции об исторической политике, ее акторах, идейных основаниях, механизмах и опасностях, сопровождавшиеся оживленным обсуждением¹⁶. В этих лекциях само понятие «историческая политика» было введено в российскую публичную дискуссию, и за ним был зафиксирован тот негативный смысл, которым оно изначально обладало в немецком дискурсе о политике памяти, где понятие «Geschichtspolitik» было изобретено в 1980-е годы¹⁷.

В конце 2009 г. издаваемый центром Карнеги в Москве журнал «Pro et contra» посвятил специальный номер анализу исторической политики в России и других странах¹⁸. Впоследствии журнал возвращался к этой проблематике, а Центр Карнеги осуществил ряд исследовательских проектов, посвященных исторической политике. В 2011 г. был опубликован подготовленный при содействии Центра том об исторической политике в России, Восточной Европе и других странах¹⁹. Интерпретации, представленные в Полит.ру и «Pro et contra», послужили основой для статьи об «исторической политике» в российской Википедии и стали важными опорными точками в публичной дискуссии по проблемам политики памяти²⁰.

Историческая политика 2006–2009 гг. встречала сопротивление и в структурах, созданных самой властью. Здесь, прежде всего, следует отметить российско-польскую группу по трудным вопросам под руководством бывшего министра иностранных дел Польши А. Ротфельда и ректора МГИМО академика А.В. Торкунова, которая добилась существенной разрядки напряженности в этой сфере между Варшавой и Москвой²¹. В июле 2008 г. Торкунов выступил в «Независимой газете» именно в качестве сопредседателя этой группы со статьей «О парадоксах и

---

¹⁵ Полит.ру. URL: http://www.polit.ru/topic/memory_politics/ (дата доступа 12 марта 2016).

¹⁶ Историческая политика. URL: <http://polit.ru/article/2008/05/07/miller/>;
<http://polit.ru/article/2009/11/05/istpolit/> (дата доступа 10 марта 2016).

¹⁷ См. Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии // Миллер А., Липман М. (ред.) Историческая политика... — С. 33–62.

¹⁸ Историческая политика // Pro et Contra, № 3-4, 2009.

¹⁹ Миллер А. Липман М. (ред.) Историческая политика в XXI в. М., НЛЮ, 2011.

²⁰ Историческая политика. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%F2%EE%F0%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0 (дата доступа 10 марта 2016).

²¹ О работе Группы и ее результатах см.: Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010.

опасностях “исторической политики”», в которой легко просматривалась оппозиция той линии, воплощением которой был учебник Данилова—Филиппова. Горкунов написал о периоде перестройки как о том времени, когда о «преступлениях режима» говорились верные вещи, и заявил: «В нашей дискуссии с переписывателями истории и перестановщиками памятников мы зачастую используем излишне спрямленные, примитивные аргументы, которые внутри страны воспринимаются массовым сознанием в качестве ложных идейных ориентиров. Это не тот случай, когда врага нужно бить его оружием! Ответ должен быть асимметричным, как банально это ни прозвучит. Именно поэтому стремление к абсолютному, не допускающему интерпретаций собственной истории, единомыслию может стать камешком в фундамент новой тоталитарной идеологии. Даже если это единомыслие и его намеренную прямолинейность мы будем создавать из благих побуждений — “дать отпор клеветникам и очернителям”»²².

В целом можно сказать, что к концу 2009 г. инициативы властей в области политики памяти (учебник и комиссия по борьбе с фальсификациями) оказались полностью дискредитированы, прежде всего, усилиями СМИ. Роль экспертов состояла в формулировании тех ключевых аргументов критики, которая затем тиражировалась средствами массовой информации. В то же время сами власти постепенно отказались от примитивно-агрессивной версии политики памяти, что во многом было связано с нормализацией отношений с некоторыми соседями, прежде всего с Польшей и Украиной.

Следует также отметить, что и во второй половине 2000-х ориентация власти на реабилитацию сталинизма была лишь одним из, если так можно выразиться, идеологических экспериментов, пусть и наиболее зримых. Ровно в то время, когда Данилов и Филиппов по заданию администрации президента работали над своим учебником, та же самая администрация финансировала работу над откровенно антикоммунистическим учебником, которой на первом этапе патронировал А.И. Солженицын. Учебник не получился, и плодом этого проекта стала пользовавшаяся большой известностью коллективная монография под редакцией А. Зубова²³.

Политика памяти в 2010–2012 гг.

Период 2010–2012 следует выделить по ряду причин. Во-первых, начиная с 2010 г. становится вполне очевидным спад активности на

²² Горкунов А. О парадоксах и опасностях «исторической политики». URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-07-18/7_istpolitika.html (дата доступа 15 марта 2016).

²³ Зубов А.Б. (ред.) «История России. XX век». — М., АСТ, 2009.

фронтах тех «войн о прошлом», которые Россия вела с Польшей, Украиной, Молдовой и прибалтийскими республиками в 2004–2009 гг. На первый план в политике памяти вышла внутри-российская проблематика. Во-вторых, в 2010–2012 гг. мы могли наблюдать некоторую неопределенность в ключевых политических вопросах. В 2010–2011 гг. было не вполне ясно, кто будет представлять власть на президентских выборах 2012 г. Тогдашний президент Д. Медведев искал способы «набрать очки» в том числе и в политике памяти, заняв четкую позицию против «нормализации» сталинизма и более или менее откровенных попыток оправдать преступления коммунистического режима²⁴. Начиная с осени 2011 г. резко возрастает протестная активность, и вопрос о том, как власть будет реагировать на новые обстоятельства, некоторое время оставался открытым.

В этот период можно заметить возобновление интереса к политике памяти в некоторых экспертных сообществах, которые в предыдущий период почти перестали заниматься этими вопросами. Так, АИРО начал выпускать серию «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ» и опубликовал целый ряд книг, посвященных этой проблематике²⁵. «Мемориал» в 2009 г. запустил новый портал «Уроки истории», в котором специальный раздел был посвящен мониторинговому проекту Международного Мемориала, который осуществлялся с января 2010 по октябрь 2012 г.²⁶ В этом разделе публиковались как данные мониторинга, так и критически ориентированные аналитические обзоры, посвященные исторической политике властей.

Возникали и совершенно новые структуры, для которых политика памяти становилась центральной темой. Так, в 2011 г. Г.О. Павловский, после прекращения сотрудничества с Кремлем и закрытия своего Центра эффективной политики, создал центр и Интернет-сайт, посвященный своему учителю М. Гефтеру²⁷. Темы истории, политики памяти, исторической политики, десталинизации заявлены редакцией как ключевые.

---

²⁴ Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне. URL: <http://www.nmby.cu/news/xlibris/2732.html> (дата доступа 15 марта 2016).

²⁵ Национальные истории на постсоветском пространстве — II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009; «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. — М.: АИРО-XXI, 2011; *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. — М.: АИРО-XXI, 2011.

²⁶ URL: <http://www.urokiistorii.ru/historypolitics/analytics> (дата доступа 20 ноября 2015).

²⁷ Михаил Гефтер: история и политика. URL: <http://gefter.ru> (дата доступа 16 марта 2016).

Важную роль в формировании общественной повестки дня в сфере политики памяти в этот период стали играть экспертные группы, создаваемые Советом по Внешней и Оборонной Политике или его дочерними структурами. В роли инициатора и/или координатора многих инициатив выступал президент СВОП С.А. Караганов. В начале 2011 г. группа членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, во главе с Михаилом Федотовым и Сергеем Карагановым, в сотрудничестве с обществом «Мемориал» разработала «Предложения об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”». В феврале 2011 г. этот документ был представлен президенту Медведеву на заседании Совета в Екатеринбурге.²⁸ Наряду с предложениями об увековечении памяти жертв репрессий и другими формами коммеморации (памятники, музеи, исследовательские центры, государственные памятные даты), проект предусматривал также конкурс на разработку нового учебника истории, государственную поддержку академических исследований этой проблематики. Проект предлагал также важные политические и правовые шаги — юридическую оценку преступлений коммунистического режима, их политическое осуждение. С точки зрения нашей темы важно, что в рамках этой инициативы экспертные ресурсы «Мемориала» были вовлечены в деятельность Постоянной комиссии по исторической памяти Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Довольно неуклюже написанная преамбула и ряд неряшливо сформулированных практических предложений сделали проект удобной мишенью критики для его заведомых противников, в которой ведущую роль играло Информационное агентство «Регнум», создавшее специальную тему по политике памяти на своем сайте²⁹. Когда проект подвергся агрессивной и скоординированной критике, с его поддержкой выступили представители РПЦ. Впоследствии представители РПЦ, прежде всего, люди, связанные с деятельностью созданного в 2002 г. Бутовского мемориала³⁰, вошли в состав постоянной комиссии и приняли участие в разработке программы увековечения памяти жертв репрессий, которая, казалось, уже была принята правительством в 2013 г.

²⁸ Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10194> (дата доступа 10 марта 2016).

²⁹ URL: <http://www.regnum.ru/dossier/1747.html> (дата доступа 16 марта 2016).

³⁰ Бутово — место памяти и покаяния. URL: <http://butovo37.ru/> (дата доступа 16 марта 2016).

Одна из ключевых особенностей деятельности СВОП — стремление создавать коалиции поверх идеологических барьеров, что позволяет объединять в рабочих группах, создаваемых для обсуждения политики памяти и выработки рекомендаций представителей церкви, «Мемориала» и академического сообщества, прежде не сотрудничавших между собой. Под эгидой СВОП и при финансовой поддержке М.Прохорова был создан в 2013 г. специальный Интернет-сайт «Историческая память — XX век», который задуман, прежде всего, как навигатор в сфере Интернет ресурсов, посвященных памяти о репрессиях советского периода³¹.

В этот период стратегия нормализации сталинизма окончательно проиграла в общественном мнении. Постепенно расширялось представление о жертвах репрессий — тема репрессий против духовенства, крестьянства становится полноценной частью этой картины наряду с репрессиями 1937–1938 гг. Идея необходимости увековечения памяти жертв политических репрессий на государственном уровне была постепенно принята властями. Экспертные сообщества сыграли в этом значительную роль. Для дискурса о репрессиях по-прежнему характерна фокусировка на жертвах, но не на тех, кто был к этим репрессиям причастен. Тема ответственности, в отличие от бывших республик СССР, не выносится вовне, но и не обсуждается сколько-нибудь интенсивно.

Важная тема в политике памяти этого периода — обсуждение опыта 1990-х годов, и, особенно, роли и ответственности «молодых реформаторов». В 2012 г. Фонд Е.Т. Гайдара и созданный в 2009 г., но до тех пор практически не активный Фонд «Уроки девяностых» объявили конкурс библиотекарей, задачи которого формулировались как «формирование интереса к российскому историческому процессу конца XX столетия в среде российских подростков и в широких слоях нашего общества; продвижение книг Е. Гайдара и его единомышленников в школы России (к учителям истории и обществоведения)»³². Другая общественная организация, ставящая задачей формирование памяти о пост-советском периоде, это близкий к властям «Фонд современной истории» под руководством С.М. Шахрая, с 2009 г. издающий серию монографий «История современной России»³³.

---

³¹ Историческая память: XX век. URL: <http://istpamyat.ru/> (дата доступа 10 марта 2016).

³² Положение о конкурсе библиотекарей «Время Гайдара» в 2012–2013. URL: <http://gud.exdat.com/docs/index-691774.html> (дата доступа 10 марта 2016).

³³ Российское историческое общество. URL: rushiistory.org (дата доступа 16 марта 2016).

2013 год — идея единого учебника истории возвращается

В 2013 г. власть в очередной раз продемонстрировала, что именно она определяет повестку дня в вопросах политики памяти. Еще в 2010–2012 гг. власти, вероятно на основании анализа опыта предыдущих лет, когда они в значительной мере проиграли борьбу за общественное мнение в этой сфере, стали последовательно создавать контролируемые общественные структуры, которые можно охарактеризовать как квази-экспертные сообщества. Их задача состояла в опосредовании и легитимации «голоса власти» в вопросах политики памяти через профессиональные сообщества историков и учителей истории.

Еще в 2010 г. по инициативе зам. министра образования И.И. Калины была создана Ассоциация школьных учителей истории и обществознания, которую возглавили академик А.О. Чубарьян и ректор РГГУ Е.И. Пивовар. В мае 2012 г. было создано Российское историческое общество под председательством председателя Государственной Думы С.Е. Нарышкина, с С. Шахраем как председателем правления³⁴, а в декабре 2012 указом Президента Путина было создано Российское военно-историческое общество, председателем которого стал министр культуры В.Р. Мединский. Значимость этих шагов стала ясна уже в 2013 г.

В феврале 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям Путин высказался о необходимости разработки единого учебника истории. С этого момента именно вопрос единого учебника оказался в центре общественной дискуссии о политике памяти. РИО на своем общем собрании, проходившем 27 февраля 2013 г. в Мироваренной палате Московского Кремля, одобрило идею создания единого учебника. Дальнейшие организационные шаги теперь осуществлялись не только через министерство образования и науки, параллельно занятое подготовкой к «реформе» РАН, но и под эгидой РИО. Содержательная часть, то есть разработка «стандарта» и перечня «трудных вопросов» осуществлялась учеными РАН, в основном на базе института Российской истории.

Были и другие желающие тут же предложить свою версию такого учебника, не скрывавшие, что рассматривают эту задачу как, прежде всего, политическую. Проект учебника, в основу которого был положен цивилизационный подход, а точнее — идея противостояния России Западу, предложил Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Степана Сулакшина). Этот центр Сулакшина фактически является подразделением Центра проблемного анализа и государственного проектирования, который патронируется главой ОАО РЖД, председателем

³⁴ Российское историческое общество. URL: <http://rushistory.org> (дата доступа 16 марта 2016)ю\.

Попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Фонда «Центр национальной славы» Владимиром Якуниным³⁵. Появление этого проекта в первый момент вызвало легкую панику, поскольку по степени одиозности этот опус далеко превосходил учебник Данилова-Филиппова. Вполне возможно, что Центр Сулакшина еще будет участвовать со своим проектом в конкурсе на новый учебник.

Общественные дискуссии были теперь сфокусированы на вопросе о том, нужен ли единый учебник, а затем, после публикации «Стандарта», на его обсуждении. Наибольшую активность на этом этапе проявил сайт Полит.ру, публиковавший много экспертных материалов в специальной рубрике для обсуждения этой новой инициативы президента³⁶. Особо следует отметить организованные совместно с Комитетом гражданских инициатив А.Л. Кудрина два круглых стола экспертов по обсуждению стандарта³⁷. Вскоре первоначальный, вполне безумный план о подготовке учебника к концу 2013 г., озвученный министром Ливановым весной 2013 г., был скорректирован. Речь теперь шла не о единственном учебнике, но о едином стандарте, и о проведении конкурса учебников, написанных в соответствии с этим стандартом, с тем, чтобы эти учебники поступили в школы в 2015 г. Круглый стол в сентябре 2013 был посвящен обсуждению первого варианта стандарта, который подвергли резкой критике. Особо стоит отметить, что в этом круглом столе участвовали представители того авторского коллектива, который готовил текст стандарта. То есть происходил диалог, в котором стороны допускали, что все участники дебатов движимы благими намерениями. Новая версия «Стандарта», появившаяся в октябре 2013 г., учитывала целый ряд рекомендаций, высказанных в рамках круглого стола, а также в других документах, подготовленных, в частности, под патронажем СВОП³⁸.

Сегодня еще нельзя уверенно сказать, как будет организован конкурс на новые учебники и чем закончится эта история. Но очевидно, что власть сделала определенные выводы из предыдущей попытки ввести учебник Данилова-Филиппова как де-факто единственный. Она создала (квази) экспертные центры, которые опосредовали ее политику и, отчасти,

---

³⁵ Школьный учебник истории и государственная политика. URL: <http://rusrand.ru/library/monographs/shkolnyj-uchebnik-istorii-i-gosudarstvennaja-politika> (дата доступа 20 марта 2016).

³⁶ Полит.ру. URL: http://polit.ru/rubric/history_human/ (дата доступа 21 марта 2016).

³⁷ Образ истории: запрос власти и интересы общества. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/06/21/history/>; Преподавание истории: от принципов к реализации <http://polit.ru/article/2013/09/18/> (дата доступа 13 марта 2016).

³⁸ Окончательный вариант см. <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (дата доступа 11 марта 2016).

выступали как площадки для учета экспертного и общественного мнения. Власть также корректировала свою стратегию с учетом общественного мнения и критики экспертов. Пока удалось избежать той жесткой конфронтации с экспертным сообществом, которой сопровождалось внедрение в школы учебника Данилова-Филиппова и деятельность комиссии по борьбе с фальсификациями.

Вся операция по подготовке единого учебника или, после корректировки, единого стандарта, при внимательном рассмотрении выглядит как полит-технологическая операция, где реальная главная задача открыто не декларируется. Стоит обратить внимание на то, где Путин впервые озвучил тему единого учебника. Представляется, что Совет по национальным отношениям был выбран для такого заявления совсем не случайно. Реальная политическая проблема заключается не в плюрализме современных федеральных учебников, которые в принципиальных вопросах не сильно отличаются друг от друга³⁹. Проблема в тех учебниках, которые используются в различных регионах, прежде всего, в национальных автономиях, в рамках региональной составляющей образования. Многие из этих учебников не просто фокусируются на особой региональной/этнической идентичности, но трактуют ее как национальную, противопоставляя ее российской идентичности. Это реальная политическая проблема — но именно она, равно как и пути ее решения, до сих пор не стали предметом публичной дискуссии, в том числе экспертных сообществ.

Заключение

Характерная черта российской жизни вообще это слабость институтов, в том числе НПО. Это вполне проявляется в сфере политики памяти. Профессиональные сообщества историков и учителей истории не создали за весь посткоммунистический период сколько-нибудь сильных независимых объединений, которые могли бы выступать как влиятельные экспертные сообщества. Власть, разумеется, всегда использовала экспертов в осуществлении политики памяти, но как исполнителей, которые лишь на стадии выполнения заказа могли, при желании, партизанскими методами и в ограниченном объеме корректировать задание. Структуры, возникшие в последние годы под эгидой и по инициативе власти, такие как Ассоциация учителей истории и обществоведения, РИО и РВИО, не оппонировали власти, а опосредуют ее голос. (Важно подчеркнуть, что роль оппонента в данном случае понимается как роль оппонента на защите

---

³⁹ См. *Кацва Л.* Советский Союз в школьных учебниках истории XXI века // Миллер А.И. (ред). *Прошлый век. Альманах.* Москва, ИНИОН РАН, 2013.

диссертации, то есть как роль конструктивного критика, а не политической оппозиции.) Впрочем, даже сам факт осознания властью необходимости такого опосредования — важен, и свидетельствует об усвоении властными структурами некоторых базовых принципов политики памяти, которые игнорировались еще во второй половине 2000-х годов.

В этих условиях важную роль стали играть Интернет-сайты, способные организовать экспертные обсуждения вопросов политики памяти и транслировать их результаты. Такие Интернет-ресурсы стремятся привлекать экспертов к более систематическому сотрудничеству. Влияние этих сайтов на общественную повестку дня очень сильно зависит от их популярности, поэтому на общем фоне, безусловно, выделяется Полит.ру, один из старейших политико-информационных сайтов Рунета. На сегодня справедливо будет сказать, что более эффективным в смысле воздействия на общественное мнение оказывается путь «от Интернета к эксперту», когда команда, делающая постоянно обновляемый сайт, привлекает экспертов, чем путь от «эксперта к Интернету», когда экспертные группы создают свой сайт, который мало посещается. Единственным исключением из этого правила можно считать Интернет-ресурсы «Мемориала».

В любом случае можно констатировать, что за последние 3–4 года число более или менее организованных экспертных групп и политических акторов, занимающихся проблематикой политики памяти в России, резко возросло. В основном за счет того, что группы с более общими задачами, такие как СВОП или КГИ, стали участвовать и в общественной дискуссии на эту тему, и транслировать мнение экспертов во властные структуры через собственные неформальные каналы.

С точки зрения содержания общественной и политической повестки дня в сфере политики памяти также произошли существенные изменения. Тема отношения к сталинскому времени теряет роль главного предмета споров и борьбы. Это вовсе не значит, что общество вполне прояснило для себя вопросы, связанные с этим трагическим опытом. Однако власти оставили бессмысленные с точки зрения собственных политических интересов попытки «нормализации» сталинизма.

На первый план выходит проблема единства исторического мифа на пространстве России, поскольку во многих автономных республиках политика памяти находится в кричащем противоречии с задачей формирования общероссийской идентичности. Эта тема политики памяти может стать в ближайшее время полем серьезной политической борьбы.

Post scriptum. Политика памяти в России в 2014 г.: год разрушенных надежд

Напечатанный выше текст был написан ранней осенью 2013 года. На тот момент мне представлялось, что по целому ряду вопросов, связанных с политикой памяти, профессиональные историки и общественные организации, занимающиеся данной проблематикой, вне зависимости от их политических убеждений, могут взаимодействовать с властью в режиме диалога и даже сотрудничества.

Это касалось, в частности, центральной темы политики памяти последних лет, а именно учебников истории. Инициировав в 2013 г. очередной раунд пересмотра подхода к преподаванию истории в школе, власти действовали через официальное Российское историческое общество. При всем том организаторы обсуждения «единого историко-культурного стандарта» старались подчеркнуть открытость этого процесса и действительно учли существенную часть критических замечаний. А главное, было заявлено, что вместо планировавшегося изначально единого учебника будет объявлен конкурс на подготовку учебников на основе нового стандарта.

Состоявшийся 23 ноября 2013 г. в рамках общероссийского Гражданского форума круглый стол о проблемах исторической памяти и преподавания истории был в значительной мере посвящен тому, каким образом следует участвовать в конкурсе на новые учебники, чтобы составить конкуренцию проектам, которые будут готовиться по заказу власти под эгидой Российского исторического общества. Были даже намечены возможные авторы конкурсных проектов, обсуждался вопрос о том, как добиться включения независимых представителей исторического цеха в комиссию, которая будет подводить итоги конкурса. Разумеется, высказывалось и мнение, что участие в конкурсе и вообще взаимодействие с властью в данной сфере не имеет смысла, однако подобная позиция не была в тот момент доминирующей. Не испытывая особых иллюзий насчет готовности власти к сотрудничеству, большинство, тем не менее, считало, что раз окно возможностей для такого взаимодействия властью оставлено, то им нужно воспользоваться и хотя бы проверить, что будет дальше.

Власть, со своей стороны, продолжала посылать «приглашающие» сигналы. Так, еще в январе 2014 г., встречаясь с разработчиками стандарта, Владимир Путин заявил, что работа по формированию новой линейки учебников «должна строиться максимально открыто. Здесь не должно быть какого бы то ни было монополизма»⁴⁰.

⁴⁰ Встреча с авторами концепции нового учебника истории. URL: <http://www.kremlin.ru/news/20071> (дата доступа 21 марта 2016).

Другая сфера, где взаимодействие власти и общества выглядело весьма перспективным, — это увековечивание памяти жертв политических репрессий. В течение нескольких лет под патронажем Совета по правам человека при президенте РФ и Совета по внешней и оборонной политике велась подготовка соответствующей программы. В ходе этой работы плодотворно сотрудничали представители и властных структур, и либеральной части политического истеблишмента, и «Мемориала», и РПЦ, то есть взаимодействие шло поверх традиционных разделительных линий в нашем обществе. В результате была подготовлена весьма обширная программа, которая прошла целый ряд согласований в различных ведомствах и, казалось, вот-вот будет официально принята. В июле 2013 г. в РИА «Новости» даже состоялась презентация проекта федеральной программы «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий». В ней участвовал советник министра культуры Александр Протасевич, имевший немалый опыт работы в этой сфере в качестве министра культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, известного своим музеем «Пермь-36». Ему предстояло курировать эту программу от министерства⁴¹.

В январе 2014 г. в Фейсбуке возникла группа «Историки России — проблемы самоорганизации», в которой довольно энергично обсуждались способы организации профессионального сообщества, что свидетельствовало, в частности, о том, что в глазах многих историков созданное под эгидой власти Российское историческое общество этой задачи не решило. Вместе с тем, когда в рамках дискуссии я высказал предположение, что одной из целей данной работы должно стать образование ассоциации, которая дала бы историкам корпоративный голос при обсуждении важных проблем политики памяти, отличный от голоса контролируемого властью РИО, эта позиция не нашла поддержки большинства. Многие полагали, что следует сосредоточиться на сугубо цеховых вопросах экспертизы, борьбы с плагиатом и т. д.

В это же время, независимо от группы в Фейсбуке, шла работа по созданию Вольного исторического общества. Все ее участники поддерживали идею учреждения организации, активно участвующей в обсуждении проблем преподавания истории и политики памяти. Здесь разделение проходило скорее между меньшинством, которое понимало задачи ВИО как во многом сходные с задачами «Мемориала» и ожидало, что Вольное историческое общество будет высказывать свою позицию по текущим политическим вопросам, и большинством, считавшим, что ВИО

---

⁴¹ «Историческая память — основа национальной идентичности». URL: <http://slon.ru/calendar/event/958165/> (дата доступа 18 марта 2016).

должно быть более сдержанным и нейтральным в своих публичных выступлениях⁴².

Эти организационные инициативы, безусловно, уходили корнями в тот недолгий период 2013 г., когда перспективы относительно открытого и конструктивного диалога по вопросам политики памяти выглядели обнадеживающими. К осени 2014 г., когда готовилась эта статья, от осторожных надежд осени 2013 г. не осталось и следа. Ниже я попытаюсь проанализировать те события и обстоятельства, которые привели нас к ситуации, когда зарождавшиеся площадки и формы диалога и сотрудничества в сфере исторического сознания были разрушены, и политика памяти оказалась в самом глубоком кризисе за всю историю постсоветской России.

* * *

Ключевым фактором, обусловившим изменения в России в 2014 г., был кризис вокруг Украины, постепенно переросший в кризис отношений РФ с США и ЕС. Его хронологию стоит напомнить, потому что она имеет прямое касательство к рассматриваемым событиям. 21 ноября 2013 г. правительство Николая Азарова объявило о приостановке подготовки к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Протесты против этого решения продолжались на Майдане до конца ноября, постепенно теряя в численности. 30 ноября конфликт получил новое дыхание в результате силового разгона нескольких сотен протестующих, оставшихся к тому времени на Майдане. Радикальность протеста возросла, начались захваты общественных зданий в Киеве. После принятия 16 января пакета законов об ужесточении ответственности за несанкционированные публичные акции противостояние стало приобретать силовой характер. 22 января появились сообщения о первых погибших. 18–20 февраля произошла резкая эскалация насилия, от снайперского огня в Киеве погибло более 70 человек. 21 февраля под патронажем министров иностранных дел Франции, Германии и Польши и в присутствии представителя президента России Владимира Лукина между президентом Виктором Януковичем и оппозицией было заключено соглашение о прекращении насилия и реформатировании власти. Однако оно не продержалось и дня. 22 февраля Янукович бежал из Киева. В конце февраля начались события в Крыму, приведшие к референдуму 16 марта и последующему вхождению Крыма в состав России. Таким образом,

---

⁴² В России создано Вольное историческое общество. URL: <http://polit.ru/news/2014/02/28/vio/> (дата доступа 18 марта 2016).

именно в конце февраля — первой половине марта Россия и Запад вступили в фазу открытой конфронтации на Украине.

Дата крымского референдума передвигалась дважды в течение недели, менялись и формулировки выносимых на него вопросов. Это свидетельствует о том, что действия Кремля в тот момент во многом являлись импровизацией и ситуация воспринималась им как в высокой степени рискованная. Резкое ужесточение контроля над публичной сферой было представлено как ответ на необходимость консолидации перед лицом внешнего вызова. Слова о «пятой колонне» в, казалось бы, триумфальной речи Путина перед Федеральным Собранием о принятии Крыма в состав РФ⁴³ стали вехой в развитии общественной атмосферы современной России. Образ «пятой колонны» превращал инакомыслие в акт национального предательства. Вскоре оказалось, что большой сегмент общества видит в данной установке не временную предосторожность в кризисной ситуации, а новый курс и готов наполнить его соответствующим содержанием. Эти изменения в полной мере проявились в сфере политики памяти.

В конце января 2014 г. произошел скандал, связанный с опросом телеканала «Дождь», приуроченным к 70-летию освобождения Ленинграда от блокады. Вопрос «Надо ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» провисел на сайте канала примерно три часа, после чего был снят главным редактором. Вместе с тем «Дело “Дождя”» вряд ли стоит толковать как переломный момент в исторической политике властей. Скорее, неудачно сформулированный вопрос⁴⁴ был использован как долгожданный повод для вытеснения канала из кабельных сетей. Показательно, что журнал «Дилетант», который и проводил опрос в рамках программы «Дилетанты на Дожде», никак не пострадал⁴⁵.

Переломными стали весенние месяцы 2014 г., когда власти последовательно совершили ряд шагов, кардинально изменивших ситуацию с политикой памяти в России. 4 марта стало известно об увольнении из МГИМО(У) профессора Андрея Зубова, который 1 марта опубликовал в «Ведомостях» статью «Это уже было», где утверждал, что аннексия

---

⁴³ Обращение Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата доступа 21 марта 2016).

⁴⁴ В адекватной формулировке он должен был бы звучать так: «Считаете ли Вы, что сдача Ленинграда немцам могла предотвратить массовую гибель горожан от голода?»

⁴⁵ Впрочем, А. Венедиктов считает, что изначальной мишенью был именно журнал «Дилетант», но ему удалось доказать собственную непричастность, и потому журнал не тронули.

Крыма мало чем отличается от аннексии Австрии в 1938 г.⁴⁶ Впоследствии данное решение несколько раз откладывалось по разным юридическим причинам, но летом 2014 г. контракт МГИМО(У) с Зубовым не был продлен. В этой истории особенно важны два обстоятельства. Во-первых, отдавая отчет в скандальности ситуации, руководство МГИМО(У) всячески старалось избежать демонстративного увольнения, но репутационные издержки уже не принимались в расчет. По замыслу инициаторов увольнения, оно должно было стать акцией устрашения, демонстрацией того, что цена оппозиционного высказывания резко повышается. Во-вторых, в средствах массовой информации появилась масса выступлений в поддержку увольнения Зубова, где говорилось о том, что человек, работающий в государственном вузе, не должен выступать против политики своей страны и т.д. За прошедшее с тех пор время мы могли убедиться, что запущенный тогда механизм лишь отлаживался и набирал силу. Свидетельство тому — беспрецедентная (в постсоветской России) по своим масштабам травля Андрея Макаревича, в которой «общественная инициатива» играет важнейшую роль.

Очевидно, что в случае с Зубовым каралась именно оппозиционность высказывания, а не легковесность тех или иных суждений по поводу исторических событий. Отвечавший Зубову в «Известиях» Андраник Мигранян вполне безнаказанно написал в своей статье совершенно чудовищные с точки зрения любого грамотного историка вещи, утверждая, в частности, что если бы Гитлер остановился в 1938 г., он вошел бы в историю как великий немецкий политик⁴⁷. Между тем в послужном списке Гитлера к 1938 г. уже были и «Майн Кампф», и Нюрнбергские законы.

В начале апреля 2014 г. вышел в свет доклад Центра политической информации «О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях»⁴⁸, дававший образец дискурсивной стратегии, а также набор понятий и терминов, которыми теперь считалось возможным пользоваться в исторической политике. По стилистике этот текст был близок к «разоблачительным» текстам конца 1940-х — начала 1950-х годов. История представлялась в нем как поле битвы и идеологических

⁴⁶ Зубов А. Это уже было // Ведомости. 2014, 1.03. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23467291/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo> (дата доступа 18 марта 2016).

⁴⁷ Мигранян А. Наши Передоновы // Известия. 2014, 3.04. URL: <http://izvestia.ru/news/568603> (дата доступа 19 марта 2016).

⁴⁸ О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. — М., 2014. URL: http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9440__istorii_03-2014.pdf (дата доступа 18 марта 2016).

диверсий, главным образом со стороны Запада. Приведу цитату, отчетливо демонстрирующую и стилистику, и понятийный аппарат авторов:

«Результаты анализа учебной литературы, используемой в процессе преподавания отечественной истории, позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенные интерпретации исторических событий подспудно убеждают учащихся в закономерном распаде нашей страны в будущем, что якобы позволит “угнетаемым народам” обрести независимость. Таким образом, история как учебная дисциплина утратила воспитательную функцию. Отказ от научных положений об объективном характере развития российского государства-цивилизации, искусственное разделение многонационального народа России на славян-“угнетателей” и “порабощенные” ими народы, а также изъятие позитивных примеров из общего исторического наследия с одновременной героизацией сомнительных личностей не позволяют обеспечить воспроизводство традиционных для российского общества ценностей»⁴⁹. Доклад призывал к солидарной деятельности «органов государственной власти и патриотически ориентированной научной общественности» по консолидации нации.

Очевидно, что в рамках такой трактовки пространства для диалога с оппонентами уже нет, как нет и проблемы критического осмысления тех трагедий, которые произошли с Россией в XX в. Зато утверждаются «традиционные ценности» и самодостаточность «государства-цивилизации». Все четче обозначается новый виток исторической политики государства — с фокусом на «цивилизационной самодостаточности», на сугубо положительных героях и страницах истории, с пониманием воспитательной функции истории в духе бенкендорфовой формулы: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить человеческое воображение»⁵⁰.

Позднее, уже в августе 2014 г., с созвучным по пафосу заявлением выступил патриарх РПЦ Кирилл, выразивший надежду на то, что «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить “синдром исторического мазохизма”, который воспитывали в школах в 90-е годы»⁵¹. Это заявление вполне адекватно отражает подход Кирилла к проблеме памяти, который радикально отличается от подхода его предшественника, Алексия II. Алексей считал беды, обрушившиеся на Россию в прошлом столетии, карой за цареубийство и полагал, что грех

⁴⁹ О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. — С. 3.

⁵⁰ Цит. по: *Жихарев М.И.* 1989. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 1830-х годов: Люди и идеи. — М., 1989, с. 105.

⁵¹ Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм». URL: <http://itar-tass.com/obschestvo/1410442> (дата доступа 21 марта 2016).

этот еще не отмолен, то есть что русский опыт XX в. должен остаться предметом осмысления и покаяния. Кирилл же убежден, что Россия свой грех уже искупила⁵². Отсюда и рассуждения о «синдроме исторического мазохизма».

Но вернемся в весну 2014 г. Инициативы по подготовке законов, регулирующих высказывания о прошлом, неоднократно выдвигались «Единой Россией», начиная с 2009 г., со времен печально известной Комиссии по противодействию попыткам фальсификациям истории при Президенте РФ, но «застревали» на разных стадиях законодательного процесса. Именно весной 2014 г. им был открыт «зеленый коридор». Закон, предложенный депутаткой от «Единой России» Ириной Яровой и вводящий в УК новую статью 354.1 (реабилитация нацизма), 4 апреля был принят в первом чтении, 23 апреля — сразу во втором и третьем чтениях, 29 апреля одобрен Светом Федерации и 5 мая, ровно через месяц после начала процедуры, подписан президентом. В частности, новая статья предусматривает уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», то есть использует ту самую формулировку, на основании которой в советскую эпоху отправляли в лагеря инакомыслящих.

В это же время под угрозой оказался знаменитый музей «Пермь-36», организованный в одном из таких лагерей и активно работавший многие годы. Переговоры создателей музея и администрации Пермского края о принципах общественно-государственного партнерства продвигались достаточно успешно, пока весной 2014 г. администрацией не были приняты решения, парализовавшие работу музея. И в этом случае, как и в истории с увольнением Зубова, вполне очевидно, что импульс, заставивший поменять курс, исходил от высших эшелонов власти⁵³.

Наконец, в мае 2014 г. министр культуры Владимир Мединский пришел к заключению, что принятие программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий нецелесообразно, о чем официально объявил в июне⁵⁴. Характерна реакция на это заявление Сергея Пархоменко, одного из организаторов общественной инициативы «Последний адрес»: «И на самом деле, это очень правильное развитие

⁵² Суслов М.Д. Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви // Прошлый век. — М., ИНИОН, 2013.

⁵³ Подробнее см. Заявление Координационного совета Гражданского форума ЕС-Россия о сохранении музея «Пермь-36». URL: <http://www.president-sovet.ru/news/6819/> (дата доступа 11 марта 2016).

⁵⁴ Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа могут признать формальностью, ведущей к неоправданным бюджетным тратам. URL: <http://www.newsru.com/russia/27jun2014/gulag.html> (дата доступа 18 марта 2016).

событий: нечего нам рассчитывать на эту прачечную и на все это лживое и подлое государство — со всеми его программами, со всеми его лицемерными президентскими намерениями, со всеми его надменными министерскими решениями, со всеми его тухлыми обещаниями и с вечным его трусливым кидаловом. Самим нужно это дело делать. Своими силами: потому что силы только у нас и есть. Вот поэтому никто и ничто не заменит такие замыслы и проекты, как Последний адрес. И эту идею нам обязательно нужно развивать дальше»⁵⁵. Проект «Последний адрес», в соответствии с которым на домах, откуда в сталинские времена уводили арестованных, должны быть установлены мемориальные доски, — инициатива действительно очень полезная и благородная⁵⁶. Но согласиться с Пархоменко в том, что нынешнее развитие событий правильно, затруднительно. Именно в рамках подготовки федеральной программы шел непростой процесс налаживания сотрудничества и взаимопонимания между представителями разных политических и общественных сил, включая государственные структуры и РПЦ. Можно только сожалеть, что весной 2014 г. все эти усилия закончились саботажем федеральной программы и деятельности «Перми-36» со стороны администрации, рассуждениями патриарха об «историческом мазохизме» и стоическими заверениями «непримиримого либерала» Пархоменко, что «так даже лучше». Возникшие вновь в конце 2014 г. разговоры о том, что памятник жертвам репрессий в Москве все-таки будет поставлен, уже часть традиционной истории государственного манипулирования политикой памяти, но не часть диалога власти и различных общественных сил.

За весенние месяцы 2014 г. власти нарушили несколько соблюдавшихся прежде табу: начались увольнения с работы за высказывания, был легитимирован дискурс о «пятой колонне» и национал-предателях и принят закон, криминализирующий высказывания о прошлом. Шанс на развитие взаимоуважительного диалога о политике памяти, обозначившийся в 2013 г., был потерян. В конце мая в духе, сходным с реакцией Пархоменко, группа историков выступила с призывом к коллегам бойкотировать конкурс на написание школьных учебников истории⁵⁷. Большинство учредителей Вольного исторического общества, которому было предложено поддержать это обращение, с ним не согласилось. Сейчас ВИО обсуждает возможность разработки альтернативного учебника и его публикации в интернете. Другими словами, вместо мас-

---

⁵⁵ URL: <https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10204005487726969> (дата доступа 21 марта 2016).

⁵⁶ URL: <https://www.facebook.com/poslednyadres> (дата доступа 21 марта 2016).

⁵⁷ Обращение к историкам — авторам школьных учебников // Полит.ру, 2014, 22.05. URL: <http://polit.ru/article/2014/05/22/history/> (дата доступа 21 марта 2016).

штабной, вовлекающей разные сегменты общества федеральной программы мы остались с «Последним адресом», а вместо открытого конкурса на учебники — с перспективой получить «единый» учебник о цивилизационной самодостаточности России и альтернативные учебники в Сети.

В сфере международных отношений мы снова вступаем в период конфронтационной исторической политики, казалось бы, оставшейся в прошлом после 2010 г.⁵⁸

Впрочем, это еще не все плохие новости. В марте 2014 г. в «Мемориале» проходил семинар под названием «Власть и общество в борьбе за прошлое России: независимые историки и современная историческая политика власти». Постановка проблемы, к сожалению, не соответствует реальности. Общество в большинстве своем находится в этом споре на стороне власти. И такая ситуация не есть нечто уникально российское. Первым возможности антилиберальной мобилизации гражданского общества в сфере политики памяти продемонстрировал венгерский премьер-министр Виктор Орбан. Значительная часть населения Венгрии поддерживает Орбана и возглавляемую им партию «Фидеш», причем поддерживает именно как гражданское общество, с массовой низовой инициативой. Существенную роль в активности проорбановского гражданского общества играет политика памяти. По всей Венгрии как местные инициативы возникли «музеи Трианона». Апелляция к теме Трианона, несправедливому разделению венгров по решению европейских политиков после Первой мировой войны, стала важной составляющей венгерской политики памяти, удачно резонируя с напряженными отношениями орбановской Венгрии с истеблишментом ЕС. Другой значимый мотив этой политики — реабилитация Миклоша Хорти как сильного лидера, павшего жертвой Гитлера. Показательно, что эти черты венгерской политики памяти ни разу не подвергались критике со стороны официальных российских политиков, уделяющих так много внимания политике реабилитации нацизма в Прибалтике и на Украине.

Весьма вероятно, что в исторической перспективе 2014 г. станет восприниматься как начало достаточно длительного процесса мобилизации гражданского общества на антилиберальной, агрессивно националистической платформе.

---

⁵⁸ Миллер А. Введение: Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Миллер А., Липман М. (ред.). Историческая политика в XXI веке. — М., НЛЮ, 2012.

Alexei Miller

**Politics of Memory in Russia.
The Role of Non-Governmental 'Agents'**

The article reviews the role of non-state agencies in memory politics in Russia. It shows how starting with 2009 the state has created a number of loyal agencies, which mediate the message of Kremlin in history politics. It also looks at memory politics initiatives which bring together representatives of various institutions and segments of society.

Раса Ченайтене
доктор гуманитарных наук,
ст. науч. сотрудник Института истории Литвы,
проф. Вильнюсского университета

Город как миф: литовская столица в свете культуры воспоминания

Введение. *Genius loci Vilnensis*

«В Европе мало городов, которые были бы так мифологизированы, как Вильнюс. Имею в виду перенятые из прошлого рассказы, которые необязательно должны соответствовать фактам. История этого города настолько необычна, что она сама напрашивается быть перенесенной в пространство сказки, что уж не раз и делали; и повествования эти различались, в зависимости от того, кто их рассказывал: литовцы, поляки, евреи или белоруссы»¹ — писал нобелевский лауреат Чеслав Милош, годы детства и юности которого прошли тут.

Действительно, прошлое Вильнюса до сих пор не поддается объективному анализу и безпристрастному изложению². Все посвященные городу тексты и устные рассказы (может, лишь за исключением советской версии истории города, пронизанной каноническим «деревянным» новоязом³), независимо от того, кто являлся их автором — вдохновленный поэт, профессиональный историк или ежедневно работающий с туристами гид, навеяны каким-то особым духом. Как писал другой творец мифологии этого города, межвоенный фотограф Ян Булхак: *«настоящий Вильнюс для снобов остается замкнутым и немым. Надо ли раскрываться перед варварами, охотящимися за сувенирами, которые ничего не смыслят в настоящих ценностях? Город откроется отнюдь не каж-*

---

¹ *Milosz Cz.*, Vilnius. Pokalbiai apie atminties ateitį. Gespräche über die Zukunft der Erinnerung. Rozmowy o przyszłości pomieci. Vilnius, Baltos lankos, 2001, p. 79.

² Автор статьи искренне благодарна археологу Гедиминасу Вайткавичусу, историкам Валдасу Селенису, Дарюсу Сталюнасу, Живиле Микайлене и слависту Павелу Михайловичу Лавринецу за консультации и помощь при написании данного текста.

³ В 1968 г. вышла в свет книга И. Юргиниса, В. Меркиса и А. Таутавичюса История города Вильнюса от древнейших времен до Октябрьской революции, а в 1972 г., под редакцией главного идеолога литовских советских историков, директора Института Истории Литвы Ю. Жюгжды, — История города Вильнюса от Октябрьской революции до сегодняшнего дня.

дому, потому что он тихим голосом говорит о простых и великих вещах. Не кричит, как базарный торговец, не хвастается своими богатствами — он только желает, чтобы добродушно настроенные путешественники все узнали сами. И в этом он прав⁴».

Образ Вильнюса как таинственного источника вдохновения многочисленных поэтов, мыслителей, мистиков и пророков разных времен, национальностей и конфессий наводит на мысль об особености его *genius loci*. Этот с античных времен известный феномен в разных культурах изначально определялся как невидимое духовное существо — хранитель места⁵, а в новое время стал ассоциироваться с *особой атмосферой* местности, тяга к которой отныне успешно используется и туристической индустрией. Различные этносы традиционно называют этот город по-своему: *Vilna* — находим в источниках, написанных на латыни и некоторых других языках, *Vilnius* — на литовском, *Вильня* — на белорусском, *Vilne* — на идиш, так ненавистное литовцам *Wilno* — на польском и так далее⁶. Наверное, именно ощущение гения места Вильнюса, как это ни парадоксально, имело немаловажное значение и для создания разного рода концепций об особой миссии этого небольшого провинциального города в пространстве цивилизации, (гео)политики, религии и культуры, начиная (в хронологическом порядке появления) с «Северного Иерусалима»⁷, через «Северные Афины»⁸, до «столицы

⁴ *Bulhak J.*, Vilniaus peizažas. Fotografo kelionės [Вильнюсский пейзаж. Путешествия фотографа]. Vilnius, Vaga, 2006, p. 21–22.

⁵ *Левинтов А.Е.* Гений места, совесть места, проклятые места. Лабиринт, 2013, № 3, с. 88–96.

⁶ *Gousset C.*, Wilno, Vilnй, Vilnius, capitale de Lituanie. A l'Est, la mйmoire retrouvйe, (sous la dir. de A. Brossat, S. Combe, J.-Y. Potel, J.-Ch. Szurek). Paris, La Dйcouverte, 1990, p. 489–520.

⁷ Идея Вильнюса как Северного Иерусалима, или, точнее, Литовского Иерусалима (*Yerushalaim d'Lita*) радилась в среде местной иудейской общины в XVIII в, когда, при жизни ее духовного лидера Вильнюсского гаона Елиаху, город стал важным духовным центром мишнагдов. Но и католической части горожан Иерусалим еще во в второй половине XVII в. сделался осязаемым понятием — так назвали деревню (ныне — район города), в окрестностях которой создавались Вильнюсские Калварии — Крестовая дорога, в скором времени ставшая одним из основных мест регионального паломничества. Таким образом эта местность как на символическом, так и на физическом уровне стала инкарнацией Святой Земли. Кстати, и исторически присущее самому городу конфессиональное разнообразие можно считать своеобразной аллюзией на Иерусалим, что отразилось и в сакральном ландшафте города. Проживавшие тут этнические и религиозные общины создавали собственные духовные центры и пространства, которые иногда разделялись видимыми барьерами, а иногда частично перекрывались, выделяя места и объекты, важные и почитаемые несколькими общинами. Самый известный из них, хотя отнюдь не единственный — Острая брама и чудотворный

Божьего милосердия»⁹ и кончая новейшей концепцией «второго Киева»¹⁰. Многовековой традиции мифологизации города способствовало не только поэтическое слово, но и обманчивая правда старого (как и нового, продолжающего традицию романтического, созерцательного взгляда на

образ Матери Божьей Остробрамской, почитаемый как католиками, так и православными, и униатами.

⁸ Хотя идея Вильнюса как «Новых Афин польской культуры» мимоходом упоминается в путеводителе В. Гизберта-Студницкого от 1921 г., основателем этой концепции является племянник Чеслава Милоша Оскарас Милашюс (Oscar Vladislas de Lubicz-Milosz, 1877–1939) — поэт, мистик, дипломат, сознательно выбравший литовскую идентичность и, долгие годы живя в Париже, всячески помогавший молодому литовскому государству, став его представителем во Франции. На пороге Второй мировой войны он пророчествовал, что Европа стоит на грани катастрофы и что после долгих невзгод литовский народ воспрянет и совершит ту моральную роль для Европы, что в древние времена исполнили Афины, и что именно в Вильнюсе прорастут ростки новых надежд для европейской цивилизации. В визию поэта Литва в чистом виде хранила те (пра)европейские ценности и идеалы, которые Запад к этому времени уже почти потерял, как (потенциальный) последний оплот европейской цивилизации. Об этой визию Милашюса вновь вспомнили во время национального возрождения 90-ых. Тем временем три активиста литовского Саюдиса Арвидас Юзайтис, Саулюс Стома и Саулюс Шалтенис провозгласили «Манифест Северных Афин» и создали культурный журнал под этим же названием, который существует по сей день.

⁹ «Столицей Божьего Милосердия» Вильнюс стал благодаря другому мистiku — польской монашке святой Фаустине Ковальской (1905–1938), которая провела в городе лишь три года — с 1933 по 1936, но именно этот короткий период стал существенным для ее духовного становления и создания культа Божьего Милосердия. Опираясь на свои мистические видения Христа, при поддержке духовного отца, местного ксенза Михала Сопочко, она инициировала написание красками Образа Христа Милосердного, которого нарисовал местный художник Евгениуш Казимировский. В последствии этот Образ и культ стали почитаемыми католиками всего мира (сам Образ ныне хранится в костеле Божьего Милосердия в старом городе Вильнюса). См. подробнее: http://en.wikipedia.org/wiki/Faustina_Kowalska#Vilnius:_meeting_Father_Sopo.C4.87ko

¹⁰ Вильнюс как потенциальный «второй Киев» появляется в концепции социолога Зенонаса Норкуса, доказавшего имперскую природу и характер Великого княжества литовского в своем объемном труде «Непровозгласившаяся империя: Великое княжество литовское в свете сравнительной исторической социологии империй» и других статьях. По его интерпретации, в XIV в. великий князь Гедиминас претендовал на наследие всей Киевской Руси. Если бы его потомкам удалось остановить или значительно ослабить становление Московского государства как «третьего Рима», Вильнюс стал бы «вторым Киевом» и его наследие не было бы поделено между тремя восточнославянскими этносами, на которые после неудачи имперского проекта ВКЛ в последствии распадутся русины. Поэтому Вильнюс стал не центром воссоздания русинского единения Киевской эпохи, а предопределил их раздробление на отдельные нации белоруссов и украинцев. Кстати, для Киева Вильнюс еще раз сыграл особую роль уже в современную эпоху, став претекстом и толчком «Революции достоинства» (как известно, именно на Вильнюсском саммите Восточного партнерства в 2013 г. Президент Украины Виктор Янукович отказался подписать Соглашение об ассоциации с ЕС, с чего начался Майдан).

виды города) снимка, от трудов фотографов XIX — первой половины XX в.в. Юзефа Чеховича и того же И. Булхака до творчества наших современников: Юзаса Валушайтиса, Арунаса Балтэнаса и многих других вильнюсских фотографов.

Лаймонас Бриедис, написавший книгу *Vilnius — city of strangers* (2008 г.), в которой город показан глазами посещавших его иностранных путешественников¹¹, одним из первых обратил внимание на особую притягательность города: то, что, будучи провинциальным, он в течение истории умудрился стать центральным местом для многих наций, на периферии которых оказался — литовцев, поляков, евреев, белоруссов и даже русских¹². Но, на мой взгляд, говоря о сегодняшнем дне, главный парадокс восприятия Вильнюса кроется в том, что большинство его нынешних жителей литовцев¹³ искренне уверены, что знают о нем все, хотя в действительности прошлое столицы для них по сей день остается туманным и непостижимым, а некоторые эпизоды его истории вообще мало изучены или, скорее всего, осознанно умалчиваются. Весьма характерным можно считать хотя бы тот факт, что последний синтетический сборник истории города вышел в свет еще в советское время.

Но эту историографическую брешь все активнее стала заполнять литература разных жанров и качества, начиная с первого, нашумевшего, литовского постмодернистского романа Ричардаса Гавелиса «*Вильнюсский покер*» (1989 г.) или фундаментального студийного альбома Владаса Дрэмы «*Исчезнувший Вильнюс*» (1991 г.), собравшего внушительное

---

¹¹ *Vilnius — city of strangers* изначально был написан на английском языке уроженцем города, защитившимся и работающим в Торонто Лаймонасом Бриедисом. На литовский язык книга переводилась под названием «*Вильнюс — свой и чужой*» (2011 г.) и, насколько мне известно, перевод ее сопровождался немалым скандалом, когда возмущенная авторской интерпретацией истории города, уходящей за рамки привычного узкоориентированного литовского национализма, переводчица посреди дела бросила свою работу...

¹² *Briedis L.*, „Vilniaus istorijos tiesiog bijoma“ [Истории Вильнюса просто бояться] (интервью с Л. Бриедисом в новостном портале Bernardinai.lt от 9-ого января 2012 г.). <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2012-01-04-laimonas-briedis-vilniaus-istorijos-tiesiog-bijoma/74445>

¹³ Город был демографически и культурно литуанизирован лишь в советское время. В конце XIX — начале XX вв. он был одним из региональных центров западных окраин Российской империи, имевшим примерно 150 тысяч жителей. По данным переписи населения жителей Российской империи от 1897 г. в Вильнюсе проживало около 40% евреев, 30,9% поляков, 20% русских, 4,2% белорусов и лишь 2,1% литовцев. После Холокоста и репатриации польского населения в основном в Польшу вновь приобретенные западные территории, статистика жителей города кардинально поменялась. Начиная с переписи 1954 г. доля литовской общины постоянно возрастала (с 34 (1954), до 57,5 (2001) и, наконец достигла 63,2 (2012)).

количество иконографии потерянных архитектурных памятников, популярных путеводителей по городу, автором которых был поэт, профессор Иельского университета Томас Венцлова¹⁴, до новейшего случая — на подростковую аудиторию рассчитанного приключенческого романа-комикса-путеводителя по городу Мой Вильнюс, мой (2015 г.), написанного известным профессором права Юйстинасом Жилинскасом. Надо заметить, что интерес к прошлому города в популярной культуре в последнее время даже превращается в своеобразное культовое явление. Например, бешеного коммерческого успеха и всеобщей народной любви удостоились как исторический роман-трилогия Кристины Сабаляускайте «*Silva rerum*», по местам действия которой даже начали проводить экскурсии, так и романы в жанре *steampunk* Андриуса Тапинаса¹⁵, в которых известные места города стали сценой для действия альтернативной истории начала XX века.

Чем можно объяснить сегодняшней «бум» интереса к истории Вильнюса, чаще всего оформленной в жанр исторического романа с интригующим сюжетом довольно высокого художественного качества, тем более, что профессиональные историки либо опаздывают с предложением чего-то соответствующего¹⁶, либо их находки и новые интерпретации все еще остаются разбросанными по узкопрофессионально ориентированным и, естественно, малочитаемым статьям? Думается, ответ тут надо, прежде всего, искать в смене поколений. Для родившихся и выросших в городе нескольких поколений литовцев «инородные» периоды его истории и их физическое наследие уже больше не кажутся чем-то угрожающим их идентичности или посягающим на святое право владеть этим городом, как чувствовали после войны перебравшиеся сюда их деды и родители. Но постепенно меняющаяся ментальность горожан отнюдь не значит, что облако мифологизации Вильнюса стало растворяться, скорее наоборот — вышеупомянутая «новая волна» интереса к Вильнюсу в художественной литературе лишь способствуют укреплению и продолжению этой традиции.

В чем кроется причина устойчивости и силы мифологического мышления¹⁷ по отношению к этому городу? В данной статье я попытаюсь

---

¹⁴ Посвященные городу книги поэта появились на разных языках, см., например, Вильнюс, город в Европе. Санкт-Петербург, Издательство Ивана Лимбаха, 2012.

¹⁵ Первая часть — *Час волка* — была опубликована в 2013 г. и получила титул лучшей книги года, вторая — *День чумы*, вышла в свет в 2015 г., и тоже претендовала на это почетное звание.

¹⁶ В Институте Истории Литвы проводится исследовательская программа с целью написать новый синтез истории Вильнюса.

¹⁷ Как известно, всеобщие разделяемые образы прошлого, как и мифологизированные интерпретации истории нации являются одними из важнейших символических ресурсов

отследить основные мифологические сюжеты повествования о городе, обращая особое внимание на то, каким образом они отражались и отражаются на культуре и политике памяти прошлого, проводимой в литовской столице разными политическими режимами, начиная со времени его основания до сегодняшнего дня. Теоретической основой моего исследования является довольно свободная интерпретация классификаций мифов нациестроения, предложенных Р. Жирарде, Ф. Фуреди, а также Дж. Хоскингом и Дж. Шофлиным и др. авторами¹⁸ в соотношении с теориями визуальной семиотики и культурной памяти, о чем уже приходилось писать ранее¹⁹. Моими основными источниками будут как знаки культурной памяти, запечатленные в пространстве города (расположение городских структур, памятники, мемориальные доски, урбанонимика и пр.), так и литературные образы (путеводители по городу и др.). Предполагаю, что хотя разные социальные агенты, предпринимающие активные шаги для создания и укрепления собственной версии городского повествования и идеологически насыщенного его публичного пространства, могут, прежде всего, иметь совершенно прагматические и краткосрочные мотивы и цели, но и они вынуждены будут поддаться всепронизывающей логике городского мифотворчества.

Городские мифы: попытка деконструкции

Миф о начале

Как известно, визуальный облик города содержит в себе то, что сейчас принято называть идентичностью места (*place identity*)²⁰, т.е. многообразной и многозначной системой символов и знаков, за коди-

---

национализма. См. подробнее: *McCrone D.*, *The Sociology of Nationalism*. London and New York: Routledge, 1998, p. 44.

¹⁸ *Girardet R.*, *Mythes et mythologies politiques*. Paris, Editions du Seuil, 1986; *Myths and nationhood* (ed. by G. Hosking, G. Schopflin), London, Routledge, 1997; *Furedi F.*, *Mythical Past, Elusive Future: History and Society in an Anxious Age*. Pluto Press, 1991.

¹⁹ *Ченайтене Р.*, Місто як ідеологічний текст: теоретичні й інтерпретаційні аспекти. Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. — Випуск 15. Спеціальне видання: Проблеми історичної урбаністики / За редакції Володимира Кравченка та Гелінади Грінченко. — Харків: ТОВ «НТМТ», 2011, с. 11–30; *Čepaitienė R.*, *Memory politics in a multiethnic city: the case of Vilnius*. *Plural. History, Culture, Society*. Year book of the History Department, "Ion Creangă" Pedagogical State University Chișinău, 2013, vol. 1, no. 1-2, p.p. 164–179; *Nikžentaitis A.*, *Čepaitienė R.*, *Über die Brüchigkeit homogener Erinnerungskultur: Der Fall Litauen. Denkmäler demokratischer Umbrüche nach 1945* (Hg. Hans-Joachim Veen / Wolkhard Knigge). Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2014, s. 115–130.

²⁰ *Gospodini A.*, *European cities and place-identity*. Discussion Paper Series, 2002, nr. 8, p. 19–36.

ровавшей в своем материальном и духовном облике изменения мировоззрения создавшего и создающего его общества. В урбанистической структуре старой части Вильнюса исследователи давно заметили некоторые морфологические особенности, позволяющие идентифицировать в ней закодированную систему, основой которой является сакральная топография, своими корнями уходящая к временам появления легенды об основании города.

Каждый ребенок знает эту историю: уставший после охоты на таура в окрестностях долины Швентарагис (там, где река Вильня впадает в Вилию/Нерис²¹), великий князь Гедиминас (около 1275–1341) засыпает и видит сон: на горе громко воет железный волк. Сон этот на князя производит сильное впечатление и он просит верховного жреца растолковать видение. Языческий священник Лиздейка считает сон несомненно пророческим и объясняет его как весть о том, что тут надо обосновать город, который позднее прославится на весь мир как громкий вой волка²². Как известно, князь послушался жреца и повелел начать строительство Верхнего замка на горе, а под ней основал город.

В Вильнюсе было три замка: самый древний — Кривой (не сохранился), Верхний и Нижний. Комплекс Вильнюсских замков после раздела в 1795 г. Речи Посполитой Пруссией, Австрией и Российской империей был частично разрушен. Уничтоженные его части воссоздавались в основном в советское (Арсенал, приспособленный под Музей прикладного искусства) и особенно в постсоветское время (Дворец государей Нижнего замка, тоже ставший музеем, и некоторые другие здания). Кстати, с недавнего времени планируется и полное воссоздание Верхнего замка. Наверное, для этого, да и в целях укрепления самого кургана, Замковая гора (гора Гедиминаса) уже была оголена, вырублены все деревья

---

²¹ Очевидно название городу дала небольшая река Вильня, ныне ласково называемая литовцами Вильнеле (от лит. *vilnia*, *vilnis* — волна). Источники, написанные на латыни или других европейских языках, как и старые карты, чаще всего употребляют это название города, которое по сей день сохранили и белоруссы. Сами же литовцы уже в XVI в. начали использовать мужскую форму названия — *Вильнюс*. Кстати, в старонемецких источниках иногда город называется *Wilda*, наверное, с аллюзией на его существование на грани цивилизованного мира с «дикарями». Другая проходящая через город и более крупная река в славянских землях, откуда берет начало, носит название Вилия (Вилья), а у балтов называлась Нерис. Такое «двойное» название реки, по мнению археолога Викинтаса Вайткявичуса, — довольно редкое явление. Vaitkevičius Vykintas, *Vilija-Neris: vardo istorijos vingiai* [Вилия-Нерис: извилины истории имени]. *Lituanistica*, 2005, nr. 6, pp. 10–16.

²² Тут надо обратить внимание на напрямую непередаваемые лингвистические коннотации — *прославиться* (лит. *išgarsėti*) происходит от слов *garsas* (звук, громкий голос) и *garsus* (громкий, известный).

(фото 1). Справедливости ради надо заметить, что идея полного воссоздания замкового комплекса, как и начатое в 2000 году «воссоздание исторического образа» Дворца государей, вызывает довольно противоречивые мнения как в среде специалистов, так и у общественности Вильнюса.

*Фото 1. Вид Верхнего замка с другой стороны реки Нерис
(автор фото Р. Чепайтене)*

В рассказе о воюющем Железном волке есть несколько интересных моментов. Хотя существующие археологические раскопки указывают на то, что поселения на территории города в действительности намного древнее 1323 года, когда в письмах князя Гедиминаса, адресованных европейским правителям и городам, впервые было упомянуто имя столицы его государства — Вильня, князю заслужено можно отдать звание основателя города. Археологическая датировка уже давно подтвердила строительство Верхнего замка в эпоху его правления (1316–1341 гг.). Более того, новейшее исследование проводимых в городе многочисленных раскопок — книга руководителя отдела городских исследований при Институте Истории Литвы Гедиминаса Вайткявичуса «Основание Вильнюса» (2010 г.) о формировании центральной части городской структуры убедительно доказывает присутствие сознательной и целенаправленной политической воли. Именно князь Гедиминас перенес из Тракая столицу сюда и придал уже существующему поселению столичный статус, создав

необходимые для этого институты²³. Специалисты предполагают, что акт «творения столицы» князем, не только как центра политической, но и религиозной жизни, был обусловлен потребностью переноса и воссоздания в долине Швентарагис (где раньше хоронили великих литовских князей, ныне — Кафедральная площадь) уничтоженных крестоносцами в других местах основных языческих святилищ. Даже после крещения Литвы в 1387 г. долина сохранит свою сакральную функцию. Тут был построен католический Кафердальный храм (впоследствии несколько раз реконструированный, а нынешний вид — облачение здания в стиле классицизма — создан самым известным литовским архитектором Лаури-насом Гуцевичусом в 1753–1798 г.).

Следы древнейшего — языческого — периода города сегодня видны не только в каменной структуре предполагаемого святилища, сохранившегося в подвалах Кафедрального храма²⁴, но и в расположенном рядом с Кафедрой и Замоквой горой лесу (не могу вспомнить другой европейской столицы, в самом сердце которой, там, где сконцентрированы основные объекты политической и духовной власти, была бы пуша).

Хотя сам Гедиминас (не тот, что князь, а тот, что археолог) скептически относится к попытке деконструкции мифа о Железном волке²⁵, еще раньше предложенной известным религиоведом Гинтарасом Бересневичусом, узревшим в этом повествовании универсальные архетипические следы древних религиозных практик, согласно которым перед принятием кардинально важного решения герой удаляется в особое место и обращается к священной сфере, и через сон или мистическое прозрение получает нужный ему ответ²⁶, можно сказать, что мифологическая и археологическая интерпретации момента и причины основания столицы скорее существенно дополняют, нежели противоречат друг другу.

Очевидно, миф об основании города, территориальная и культурная принадлежность которого в течение истории так часто оспаривалась, по сей день сохраняет немаловажное политическое значение. Он подтверждает именно литовское происхождение Вильнюса, несмотря на то, что уже в эпоху Гедиминаса тут проживали общины, принадлежащие к разным этническим и конфессиональным группам, что ярко отразилось в его урбанистической структуре и топонимике, которые сохранились до

²³ *Vaitkevičius G.*, Vilniaus įkūrimas [Образование Вильнюса]. Vilnius, LNM, 2010.

²⁴ *Kitkauskas N.*, Vilniaus pilys. Statyba ir architektūra [Вильнюсские замки. Строительство и архитектура]. Vilnius, Mokslas, 1989, p. 91–114.

²⁵ Об этом он упоминал как в самой книге, так и при разговоре с автором этих строк.

²⁶ *Beresnevičius G.*, Gediminas ir Lizdeika. Miestelėnai. Tauros almanachas, 1991, p. 85–92.

сих пор и разделяют старый город на языческую, католическую и православную части (*civitas Ruthenica*). Наверно, не случайно памятник князю Гедиминасу и Железному волку (скульпторы Витаутас Кашуба и Миндаугас Шнипас, воздвигнут в 1996 г. на Кафедральной площади) появился в городе одним из первых после развала СССР и воссоздания независимого литовского государства (фото 2, 3). Хотя в советский период по случаю празднования 650-ого юбилея города в 1973 г. городские власти собирались построить памятник князю, но, предположительно из-за идеологических соображений, от этой мысли вынужденны были отказаться²⁷, довольствуясь лишь открытием на этом месте мемориального камня с высеченными датами юбилея.

*Фото 2. Кафедральный собор (слева), памятник князю Гедиминасу (по середине) и воссозданный Дворец Государей (справа)
(автор фото Р. Чепайтене)*

---

²⁷ Главный проспект столицы получил его имя лишь в 1939 г., возвратив город Литве, и после распада СССР. В советское время Кафедральная площадь носила имя Гедиминаса, а проспект, проложенный в царский период, изначально носил имя Георгиевского проспекта, в польский период был наименован улицей Адама Мицкевича, а в советское время назывался проспектом имени Сталина, позднее, — Ленина.

Если поискать тотем города (его гений в древнем понимании), то Железный волк, несомненно, становится первым претендентом на эту роль, конкурируя лишь со святым Кристофором — христианским патроном города. Вообще, мотив волка, по мнению русского мифолога Владимира Топорова, тесно связан с Вильнюсом и его окрестностями. Немало гидронимов и топонимов восточной части Литвы носят это название²⁸. Интересно также, что в русских летописях один из предков Гедиминаса упоминается под именем Волк, так что это мог бы быть и тотем его княжеского рода. Сегодня именем Железного волка названа одна из главных столичных транспортных артерий, механизированная пешеходная бригада, клуб регби, Вильнюсская хоккейная школа, военные футбольный и баскетбольный клубы и пр. Волк встречает приезжающих на Вильнюсском железнодорожном вокзале и на автобусной станции.

Фото 3. Железный волк на памятнике князю Гедиминасу (автор Р. Ченайтене)

Мифы об освобождении и единении

Поскольку эти два мифа о Вильнюсе перекликаются, проанализируем их вместе. После передела Речи Посполитой и отхода к Российской империи большей части ВКЛ, впоследствии превращенной в Северо-западный край, политико-административный статус и социально-экономическая роль Вильнюса (особенно после подавления восстания 1832 г., когда был закрыт Вильнюсский университет) резко уменьшились. Началось сознательное и планомерное изменение публичного пространства города, атрибуты прежнего государственного и столичного статуса которого должны были быть стерты (как Дворец Государей, руины которого были снесены в 1801 г.) или хотя бы скрыты. Царские идеологи, пытаясь доказать историческое право России на эти территории, искали «русские начала» местной культуры. Для попечителя Виленского учеб-

²⁸ *Toporov V., Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai* [Исследования в области балтийской мифологии и ритуала]. Vilnius: Aidai, 2000.

ного округа (1864–1868) И.П. Корнилова Литва — «древне-православная русско-литовская земля», поскольку Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское трактовалось как Литовская Русь, западнорусское государство²⁹. Из формулы «русской Вильны» вытекало понимание Вильнюса как столицы литовско-русской державы и древнего центра православия, «православно-русской Вильной». В романе Н.В. Кукольника «Альф и Альдона» показано, как один из героев участвует в легендарном основании Вильнюса. Киевлянин и православный, он возводит для себя «хоромы», а «по соседству для отца Герантия церковь с домом». Таким образом, присутствие русского православного начала в городе относится аж к эпохе его возникновения. По роману, во времена Ольгерда (Альгирдаса) в городе насчитывается свыше дюжины православных церквей; они доминируют в панораме³⁰. Характерен ход аргументации этого, как и других российских литераторов: здания церквей свидетельствуют об «исконности» в Вильнюсе православия, отождествляемого с «русскими началами» и русским населением. Например, в конце 1863 г., после разгрома второго восстания Вильнюс посетил церковный писатель А.Н. Муравьев, младший брат тогдашнего генерал-губернатора. Результатом этого посещения города стала книга Н. Муравьева «Русская Вильна», где «красноречиво описаны все памятники древнего православия в этом городе»³¹. Таким образом, «соответствующая доктрине о «русско-литовском» государстве историографическая схема рисовала первоначальное благодатное состояние расцвета православия и доминирования «русского элемента», сменившегося засильем католицизма и господством поляков. Свою задачу администрация в Северо-западном крае видела в том, чтобы найти аргументы в пользу такой схемы и

---

²⁹ Корнилов И.П., Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. Сборник статей (Посмертное издание), С.-Петербург: Тип. А.П. Лопухина, 1902, с. 431, 441. Инерция таких представлений сохранялась и в межвоенное двадцатилетие, о чем свидетельствует, например, название книги И.И. Лаппо Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом (Прага, 1924). В 1867 г. же вышла книга В.С. Ратча Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Из ее вводной части «Северо-Западная Россия до падения Речи Посполитой» следует, что «русские обычаи, русский язык, русские законы» привили «полудикому дотоле племени стихии русской жизни», православие распространялось мирно, «без всяких насилий», и не случайно новая столица Литвы поднялась «под русским влиянием и при распространении Православия, на рубеже русского племени».

³⁰ Н. Кукольник, Альф и Альдона. Исторический роман в четырех томах, Санкт-Петербург: Тип. И. Глазунова и К^о, 1842, т. I.

³¹ [А.Н. Муравьев], Русская Вильна. Приложение к «Путешествию по Св. местам Русским», Санкт-Петербург: Тип. Второго Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1864, с. 3, 24.

восстановить историческую справедливость, т. е. вернуть стране и ее столице утраченный было русский характер», — пишет исследователь русской культуры в Литве, славист Павел Лавринец³². Проводниками этих идей для широкой публики часто становились путеводители по городу³³.

Как известно, обрусение³⁴ как самого края, так и его административного центра³⁵, стало особенно интенсивным после подавления восстания 1863 г. На стыке XIX–XX вв. в центре Вильнюса появилось несколько памятников, отражающих политическую и военную мощь империи и лояльность местных чиновников. В 1898 г. на площади Дворцовой (ныне пл. С. Даукантаса) рядом с дворцом Генерал-губернатуры (ныне — Дворец Президента Литовской Республики) был построен монумент генерал-губернатору края графу М. Муравьеву, который жестоко подавил восстание и этим заслужил в народе титул Вешателя (скульптор Матвей Чижов)³⁶, а в 1904 г. на Кафедральной площади был открыт памятник императрице Екатерине II (скульптор Марк Антокольский). Выбранные для воздвижения этих памятников места и их ориентация на восток, предположительно, не были случайными. Таким образом город-

---

³² Лавринец П.М., «Русская Вильна». <http://zapadrus.su/zaprus/strbel/12-q-q.html>

³³ Наверное, самый известный из них — путеводитель Виноградова: А.А. Виноградов. Путеводитель по городу Вильнь и его окрестностям. В 2 хь частяхъ, Вильна, типографя Штаба Виленскаго военнаго Округа, 1904. Подробнее см. Лавринец П.М., Русские путеводители по Вильнюсу XIX–XX вв.: принципы композиции и отбора объектов. Путеводитель как семиотический объект (*Humaniora: Litterae Russicae*), Tartu, 2009, с. 219–239; Лавринец П.М., Выбор объектов в путеводителях по Вильнюсу XIX–XX вв. *Kalbotyra, Slavistica Vilnensis*, 2009, no. 54, с. 259–265.

³⁴ Современные исследователи считают, что традиционная концепция русификации как попытки Российской империи ассимилировать нерусские этносы должна быть подвергнута переосмыслению. Вместо этого они предлагают концепт руссификации, т.е. стремления к доминированию на местах русской культуры, языка и институций, поскольку царская национальная политика была намного больше нюансирована и часто играла на противоречиях и взаимной конкуренции местных национализмов. О разных историографических позициях в данном вопросе см: *Staliūnas D., Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus After 1863. Amsterdam — New York, Rodopi, 2007.*

³⁵ Более подробно об этих процессах писал Дарюс Сталюнас: *Staliūnas D., An Awkward City: Vilnius as a Regional centre in Russian nationality policy (ca 1860–1914). Russia and Eastern Europe: applied “imperiology”* (ed. by A. Nowak), Warszawa: Instytut Historii PAN, 2006, p. 222–243.

³⁶ *Weeks Th.R., Monuments and Memory: Immortalizing Count M.N. Muraviev in Vilna, 1898. Nationalities papers, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 551–564.*

ские власти попытались придать им черты ритуальной композиции³⁷. Они, как и часовня, построенная в память о погибших во время подавления восстания русских воинах рядом с проложенным в то время Георгиевским проспектом, стали первыми публичными монументами в городе и служили знаком победы царизма над Речью Посполитой и свидетельством превосходства русской культуры, что символизировал бюст Пушкина, установленный к юбилею поэта у подножья Замковой горы в 1900 г. Кстати, связь поэта с Вильнюсом была не такой уж косвенной — существует предание, что в церкви св. Параскевы Пятницы по указанию царя Петра I был крещен его прадед Ганнибал (об этом событии сегодня напоминает памятник, открытый по инициативе местной русской общины на территории церкви), там же венчался и его сын Георгий Александрович, который последние годы жизни провел в родовом имении жены в Маркучай под Вильнюсом. Туда, между прочим, бюст поэта был перенесен в постсоветское время и находится по сей день (фото 4).

*Фото 4. Бюст А. Пушкина в парке именной усадьбы, в предместье Маркучей
(автор фото Р. Чепайтене)*

³⁷ *Novickas A., Skulptūriniai monumentai Vilniaus miesto aikštėse XIX a. ir XX a. sandūroje [Скульптурные монументы на площадях города Вильнюса на стыке XIX–XX в.в.]. Urbanistika ir architektūra, 2000, t. XXIV, nr. 1, p. 14–16.*

С царских времен сохранился любопытный рассказ, свидетельствующий об изобретательности горожан в осуществлении символической коммуникации с властями — однажды ночью постамент памятника Муравьеву был намазан волчьим жиром, и собравшиеся стаи бездомных собак лаяли на него... Этот монумент, как и памятник Екатерине, был снесен во время Первой мировой войны (сохранилась фото, на которой изображено, как памятник Вешателю поднимается при помощи брошенной ему на шею петли...).

Столица Великого княжества литовского, по сути, всегда была многокультурным и многоконфессиональным городом³⁸. Но в конце XIX в. местные националисты восприняли эту его особенность не как общее богатство, а скорее как проблему, требующую быстрого решения. Для претендовавших на политическое наследие Речи Посполитой народов во время Первой мировой войны и распада империй появился реальный шанс попытаться решить этот вопрос в свою пользу. За краткий период 1915–1920 г. город несколько раз переходил из рук в руки: им завладели то немцы, то создавшие тут своеобразную реинкарнацию ВКЛ — Литбел³⁹ — большевики, то литовцы, то поляки...

Созданный в Вильнюсе Совет Литвы 16-ого февраля 1918 г. подписал Акт о воссоздании⁴⁰ независимой Литовской Республики со столицей в Вильнюсе (фото 5). Несмотря на то, что скоро под руководством генерала Л. Желиговского (как и маршал Ю. Пилсудский, уроженца земель бывшего ВКЛ) город займут польские войска, а только что созданное литовское правительство будет вынуждено переселиться в Каунас, ставший временной столицей Литвы, литовцы никогда не откажутся от претензий на свою историческую столицу. Именно эти претензии позволяли связать национальную идентичность и государственную традицию с временами

---

³⁸ *Bumblauskas A.*, *The Heritage of the Grand Duchy of Lithuania: Perspectives of Historical Consciousness. The Peoples of the Grand Duchy of Lithuania* (ed. by G. Potašenko). Vilnius, Aidai, 2002, p. 7–44.

³⁹ Литбел — Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика — созданное большевиками государство, просуществовавшее с февраля по август 1919 г. в Белоруссии и на части территории Литвы, занятых Красной армией, со столицей в Вильнюсе. Его руководителями были Казимеж Циховский и Винцас Мицквичюс-Капсукас.

⁴⁰ В среде литовских историков по сей день идут споры по поводу числа литовских республик (две или три?) и юридической и политической приемственности межвоенной Литовской республики от ВКЛ. Большинство поддерживают мнение, что между этими двумя гособразованиями мало чего общего и что межвоенная Литва была таким же новым государством, как в то же время созданные Латвия и Эстония. Кстати, в межвоенной (возвращенной после 1990 г.) национальной символике отражены оба периода: средневековый герб Витис (Погоня) и межвоенный республиканский триколор.

героического «золотого века» средневековья — «эпохой князей». С Польшей дипломатические отношения так и не будут начаты⁴¹, а карту межвоенной Литовской Республики всегда будут рисовать вместе с оккупированными территориями⁴². В стране массовым станет участие в «Обществе по освобождению Вильнюса», о нем будут слагаться песни, потерянная столица изображаться на памятниках независимости и пр.⁴³

Фото 5. Здание на улице Пилее 26, где 16 февраля 1918 был подписан Акт о Независимости Литвы, ныне — Дом Сигнатаров (автор фото Р. Чепайтене)

Тем временем Вильнюс, как и Гродно и Львов, стал частью так называемых *Kresy Wschodnie* — присоединенных к Польше восточных территорий бывшего ВКЛ (тому же Пилсудскому, род которого берет

⁴¹ Они будут начаты лишь в 1938 г., после предъявленного Польшей ультиматума.

⁴² Подробнее о корнях и развитии польско-литовского конфликта и отношении обоих государств друг к другу см. довольно объективное исследование польского историка Кшиштофа Буховского: *Buchowski K., Litwomani i polonizatorzy. Mity, wzajemne postrzeganie i stereotypy w stosunkach polsko-litewskich w pierwszej połowie XX wieku.* Białystok 2006.

⁴³ *Mačiulis D., Vilniaus vaizdinys Vilnių vaduojančioje Lietuvoje* [Образ Вильнюса в Вильнюс освобождающей Литве]. *Acta litteraria comparativa*, 2009, vol. 4, p. 80–97.

начало в западной части Литвы, в местности Пилсудай, а сам он родился в местечке Залавас под Вильнюсом, принадлежит изречение, что Польша скорее похожа на бублик — самое хорошее у нее находится по краям, а в середине — пусто...). По отношению к «кресам», после короткого периода некоторых колебаний между отстаиваемой Пилсудским федеративной концепцией, учитывающей местные особенности «литвинской» идентичности и представляемой Романом Дмовским унитарной, этнолингвистической моделью польского национализма⁴⁴, победила последняя. За межвоенный период польское государство сделало немало, чтобы ассимилировать нацменьшинства, иногда прибегая к открытому ущемлению их гражданских прав.

В символическом ландшафте Вильнюса, тогда шестого по величине города Польши, центра воеводства, были начаты изменения, ориентированные на интеграцию его в пространство великого польского национального нарратива. Но характерно, что попытки заполнить публичные места города новыми памятниками и другими идеологически насыщенными знаками не увенчались большим успехом⁴⁵. Например, так и не удалось воплотить в жизнь проект памятника поэту Адаму Мицкевичу, хотя конкурс на его реализацию проводился в Литве не раз, но на главном проспекте города, в его честь переименованом, сумели поставить лишь временный памятник⁴⁶. Самым известным и значимым для польской культуры событием межвоенного Вильнюса можно считать создание в 1935 г. мемориала сердца Пилсудского и могилы его матери рядом с знаменитым Вильнюсским кладбищем Рóссы, где покоятся и большинство членов семьи маршала. Мемориал по сей день является обязательной точкой паломничества польских туристов (фото 6).

Можно заключить, что в межвоенной культуре воспоминания города преобладали попытки увековечивания памяти личностей местного, «литвинского» происхождения (Мицкевич, Пилсудский, композитор С. Монишко и пр.⁴⁷), которые, однако, были вполне интегрированы в общенациональный мастер-нарратив Польши.

---

⁴⁴ О восточной политике польского правительства тогдашних лет см. *Nowak A., Reborn Poland or reconstructed empire? Questions on the course and results of Polish eastern policy (1918–1921). Lithuanian historical studies, 2008, no. 13, p. 127–150.*

⁴⁵ *Ilgievich H., Lenkų visuomenės pastangos įamžinti Vilniuje iškilių asmenybių atminimą XIX a. pabaigoje — XX a. pradžioje [Старания польской общественности увековечить память известных личностей в Вильнюсе в конце XIX-ого — начале XX в.в.]. Kultūrologija, 2010, t. 18, p. 242–257.*

⁴⁶ *Vilniaus paminklai. Kaitos istorija. Vilnius Monuments. A Story of Change (sud. E. Mikalajūnė, R. Antanavičiūtė), Vilnius, 2012.*

⁴⁷ Его бюст, открытый в 1922 г. и сегодня находящийся в скверике костела св. Катерины, является самым старым сохранившимся публичным памятником города.

*Фото 6. Мемориал польских воинов и могила сердца Маршала на кладбище
Россы (автор фото Р. Чепайтене)*

Идеологическая подоплека доказательства «польскости» Вильнюса нашла выражение в тогдашних путеводителях по городу. Среди них особенной популярностью отличился в 1921 г. переизданный («в первый год освобождения Вильнюса») путеводитель «виленского архивариуса» Вацлава Гизберта-Студницкого, предназначенный для повышения интереса к этому городу — резиденции Ягелонов — в Польше и за рубежом. В нем город представляется как польские «Новые Афины»⁴⁸. Как и другие межвоенные авторы, подчеркивавшие польские (или русинские) корни города, он утверждает, что самые светлые времена городской жизни — «золотой век» королей Сигизмундов в XVI — начале XVII в.в. Более того, Вильнюс так дорог сердцу каждого поляка, потому что тут «народ много страдал за Польшу»⁴⁹. Тем временем в Литве, хотя и не было издано отдельного путеводителя по исторической столице (тогда литовцам физически недоступной), но в посвященных путешественникам справочниках она не раз упоминается не только с использованием под

---

⁴⁸ *Przewodnik W. Studnickiego. Prof J. Kłos: Rozwój architektury Wilna, wydanie drugie. Wilno, 1921.*

⁴⁹ Там же, с. 8.

риторики обиды и возмущения, но и с неугасаемой надеждой на возвращение столицы⁵⁰.

После поражения и передела Польши между СССР и нацистской Германией, 10-ого октября 1939 г. СССР возвратил Литве Вильнюс и Вильнюсский край⁵¹. Но вновь приобретенная столица в скором времени станет своеобразным «Троянским конем», при помощи которого Советский Союз введет на территорию Литвы свои войска. В народе эти события были выражены в виде известного слогана «*Vilnius mūsų, o mes rusų*» («Вильнюс — наш, а мы стали принадлежать русским»). А через год, 15-ого июня 1940 г., последует и первая советская оккупация, продлившаяся до 22-ого июня 1941 г., когда республику захватили нацистские войска.

13-ого июля 1944 г. советские войска опять заняли город, после чего возобновилась начатая во время первой советской оккупации советизация публичного пространства Вильнюса и других литовских городов на сталинский манер, похожая на ранее проводимую в столицах союзных республик⁵². Советской визуальной пропаганде была присуща стратегия идеологической синхронизации⁵³, которая, вопреки локальным культурным различиям, везде внедряла единый идеологический нарратив коммунизма. При этом использовались такие сюжеты как Ленин, Сталин, Октябрьская революция, Победа над фашизмом, руководящая роль КП и пр.⁵⁴ Поэтому в советское время в публичном пространстве города, особенно репрезентативном, стремились создавать моноперспективные, одномерные, ценностно единые «узлы символов», которые передавали бы

---

⁵⁰ Например, в путеводителе Осмотрите Литву, который написал известный журналист и путешественник Матас Шальчюс, есть слова: «нету силы, способной вырвать из литовских земель Вильнюс. Острая брама, могилы князя Витаутаса и Басанавичюса, каждое старинное здание, созданное лучшими сыновьями Литвы, делает и всегда будет делать Вильнюс сердцем Литвы, вечным литовским городом» (р. 37).

⁵¹ Проблема, почему Сталин в этом вопросе оказался более благосклонным Литве, а не Белоруси, пока мало исследована, за исключением некоторых историографических попыток, см., подробнее: *Weeks Th.R.*, A Multiethnic city in Trasition: Vilnius's Stormy Decade, 1939–1949. *Eurasian Geography and Economics* 47(2), 2006 March–April, pp. 153–175. Вообще 1939 стал для Литвы роковым, см. подробнее *Liekis Š.*, 1939. Year that changed everithing in Lithuania's History. Amsterdam-New York, Rodopi, 2010.

⁵² Сравнительный анализ их архитектурных и урбанистических изменений см. *Čepaitienė R.* In the shadow of Moscow: the stalinist reconstruction of the capitals of the soviet republics. *Journal of Architecture and Urbanism*, 2015, vol. 39, nr. 1, pp. 3–16.

⁵³ *Милерюс Н.*, Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. P.S. ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс, ЕГУ, 2008, с. 37–62.

⁵⁴ Подробнее см. *Gill G.*, Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge University Press, 2011.

несложные, ясные, однозначные сообщения, получаемые с помощью различных хорошо продуманных визуальных, эстетических, технических, дискурсивных и других средств. Для этого чаще всего использовался комплекс объектов и топонимов — визуальный акцент (памятник), названия улиц, функция зданий властных структур, опоясывающих площадь и т.д. Такая стратегия *коммуникативной гомогенизации* характерна не только советскому, но и всем режимам, стремящимся создать единый и подробный «большой идеологический нарратив».

После войны драматически изменился демографический состав жителей Вильнюса: одна из крупнейших в городе — еврейская община — была почти полностью уничтожена во время Холокоста, а немалую долю поляков советская власть вынудила репатриировать⁵⁵. Следы культурной жизни этих сообществ сознательно уничтожались или затушевывались. Из-за плохих жилищных условий литовцы изначально тоже перебирались в любимую столицу с неохотой, поэтому пустующие рабочие места начали занимать иммигранты из России, Украины, Белоруси. Но со временем положение менялось, и доля литовского населения постепенно начала расти, тем самым укрепляя и литовскую идентичность города⁵⁶. В этом особую роль сыграл Вильнюсский университет, на литуанизацию которого благосклонно смотрело и партийное руководство республики, что со временем способствовало образованию солидного слоя литовской интеллигенции и культуры⁵⁷. Также существенно поменялся и визуальный облик города. Вильнюс, в старой части которого преобладали атрибуты сакрального ландшафта разных религий, подвергся даже двум волнам десакрализации. 1948 год стал апогеем «первой волны» принудительной атеизации — было закрыто большинство молитвенных домов различных конфессий, также уничтожались публичные знаки религиозного характера, например, один из символов города — Три креста и пр., а во время хрущевской борьбы за атеизацию в начале 1960-тых были

---

⁵⁵ *Stravinskienė V.*, Lenkų demografiniai pokyčiai Lietuvoje 1947–1959 metais [Демографические изменения поляков в Литве в 1947–1959 г.г.]. *Lituanistica*, 2006, t. 66, nr. 2, p. 20–33. Согласно исследованиям автора были две волны (вынужденной) репатриации польского населения из ЛитССР в Польшу — в 1944–1947 г. и в 1956–1959 г. Всего эмигрировало свыше 200 тысяч поляков, включая немалую долю интеллигенции и молодежи. Репатриация позволила ослабить польский национализм в регионе и, соответственно, укрепить позиции литовцев в Вильнюсе.

⁵⁶ *Davoliūtė V.*, *The Making and Breaking of Soviet Lithuania: Memory and Modernity in the Wake of War*. London and New York: Routledge, 2013.

⁵⁷ Подробнее о роли Вильнюсского университета в литуанизации города см.: *Snyder T.*, *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus in 1569–1999*. Yale university press, 2003, p. 93–95.

уничтожены Вильнюсские кальварии (Крестный путь) и много статуй нерелигиозного характера.

Говоря о формах соотношения мифа о единении с советским мастер-нарративом, о нем больше всего можно судить по попыткам ставить акцент на тех событиях и личностях, которые могли (хоть и иллюзорно) связать город с «центральными фигурами» советской идеологии. Личность Ленина тут, например, была привлечена не только в качестве обычного штампа советской визуальной пропаганды, но и как якобы имевшая прямую связь с Вильнюсом. На здании железнодорожной станции в 1955 г. была открыта мемориальная доска, напоминающая о его (скорее всего мнимой) встрече с местными марксистами в 1895 г. Также подчеркивалось его персональное знакомство с лидером местного коммунистического движения, одним из руководителей Литбела В. Мицкевичюсом-Капсукасом: памятник „В. Ленин и Капсукас в Поронине“ был воздвигнут в 1979 г., рядом с новыми корпусами Вильнюсского университета, носившего тогда имя этого литовского коммуниста⁵⁸, что демонстрировало органическую связь попыток создания советской власти в Литве в 1918–1919 гг. с «центральными фигурами и событиями» в Петрограде. Символ режима — копия памятника Ленина, — скульптора Н. Томского⁵⁹ — в 1953 г. также появилась на площади Ленина (Лукишкес), которая стала главным идеологически насыщенным публичным пространством республики, предназначенным стать идеологическим противовесом Кафедральной площади. Там проводились все официальные мероприятия, парады и празднества⁶⁰.

---

⁵⁸ В 1944 г., Вильнюсский университет, в межвоенный период называемый Университетом Стефана Батория, был назван в честь Винцаса Мицкевичюса-Капсукаса. Возвратил свое историческое имя в 1990 г. Имя Капсукаса также носил город, которому после 90-ых вернули историческое название Мариямполь.

⁵⁹ Тем временем памятник И. Сталину стоял на Вокзальной площади и был снесен в 1961 г. в следствие кампании десталинизации. Подробнее об особенностях культа Сталина в Литве писала Регина Лаукайтите: *Laukaitytė R., Stalino asmens kulto adaptacija ir demontavimas Lietuvos SSR (1944–1961 m.)* [Адаптирование и демонтаж культа личности Сталина в Литовской ССР (1944–1961 г.)], *Stalininis režimas Lietuvoje 1944–1953 m.* [Сталинский режим в Литве в 1944–1953 г.г.], Vilnius, LII, 2014, p. 153–178.

⁶⁰ Памятник демонтирован в 1991 г., но сталинская планировка площади до сих пор остается неизменной. Несмотря на то, что весь период независимости продолжают активные дискуссии по поводу надобности и художественной формы нового идеологического знака и соответствующей новой функции площади Лукишкес, для чего проводился и не один архитектурно-художественный конкурс, с мертвой точки дело так и не сдвинулось. Думается, главная причина этому — не столько нехватка политической воли, сколько неоднозначное отношение общественности к национальному нарративу, сложившемуся за период независимости. Имею в виду предложение поставить тут памятник Неизвестному (антисоветскому) партизану, которое выдвинул проф. В. Ландс-

Такой, менее натянутой, «связью с Центром» стала и персона Феликса Дзержинского, действительно в юности жившего в Вильнюсе: тут революционеру посвящен музей в доме, принадлежавшем его бабушке, также памятник и даже две меморальные доски.

Как и в других случаях «на местах» создаваемой советской версии национальной истории союзных республик, в Литве тоже были востребованы исторические прецеденты и доказательства якобы органической и натуральной склонности литовского народа к идеям социализма. Таким прецедентом прежде всего стал эпизод социалистической республики Литбела, которая в действительности просуществовала очень короткий срок — несколько месяцев 1919 г., но этого хватило, чтобы этот факт послужил основой для тезиса о «**восстановлении советской власти**» в Литве в 1940 г., т.е. явной попытке скрыть факт оккупации. Важно отметить, что на основе этого мифа, как и на широко тиражируемых пропагандой сюжетах о якобы жестоком преследовании литовских коммунистов-подпольщиков межвоенным авторитарным режимом, в глазах местного населения свою легитимацию будет строить и литовская советская номенклатура. Ее представители не хотели в народе быть воспринятыми лишь в качестве ставленников оккупационных сил, послушно исполняющих приказы своих хозяев взамен на небольшие привилегии и ограниченную власть⁶¹). Хотя практики увековечивания памяти представителей «национальной социалистической традиции», включая и литовских коммунистов, проживавших в довоенном СССР и погибших во время сталинских репрессий, как, например, командарм Иеронимас Убуревичюс или комкор Витаутас Путна, расстрелянные в 1937 году по делу маршала М. Тухачевского), стали наиболее заметны в эпоху Л. Брежнева⁶²,

---

бергис, которое было неоднозначно встречено обществом, помня о невылеченных травмах страшных послевоенных лет. О неоднозначном отношении литовского общества к советскому периоду см. Ченайтене Р., Восприятие советской эпохи в современной Литве. Прошлый век 1: Сб. науч. тр. (ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др.), Москва, РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. Науки, 2013, с. 241–276.

⁶¹ Характерно, что в постсоветское время в попытках новой легитимации бывших представителей советской номенклатуры ставится акцент на якобы тогда бывшей самостоятельной роли литовских коммунистов, исполнявших скорее функцию «буфера» между внешней чужой силой и местным населением, нежели бывшими «марионетками Центра» — коллаборантами. Эту мысль наиболее четко в заголовке своих мемуаров сформулировал бывший первый секретарь компартии Литвы Альгирдас Бразаускас, в 1993 г. избранный первым президентом Независимой Литвы — «И тогда работали ради Литвы»... (Brazauskas A., Ir tuomet dirbome Lietuvai: faktai, atsiminimai, komentarai. Vilnius, 2007).

⁶² За период 1944–1990 г.г. в Вильнюсе было воздвигнуто около 20 мемориальных памятников, бюстов или скульптурных групп, посвященных лицам и событиям, напрямую или символически связанным с советским режимом и «великим идеологическим

когда не только столица, но и любой городок не обходился без выдвижения собственного «местного героя» коммуниста или комсомольца. Идеологическое обоснование для «изобретения этой традиции» складывалось именно в сталинский период (в этом отношении внимания сегодня заслуживает и мемориальный комплекс могил литовских номенклатурщиков на кладбище Антоколис — недооцененный визуальный источник для исследования их иерархии в системе клановых связей (фото 7)).

Фото 7. Часть мемориала высшей литовской советской номенклатуры и первого секретаря ЛКП А. Снечкуса (справа) на кладбище Антополис (автор фото Р. Чепайтене)

нарративом коммунизма» (памятники и меморальные доски В. Ленину, Ф. Дзержинскому), представителям «местной социалистической традиции» (В. Мицкявичюсу-Капсукасу и другим создателям Литбела), первой советской оккупации (особенно литовским писателям, которые из Москвы в 1940 г. привезли «сталинское солнце» П. Цвирке, С. Нерис, Л. Гире) и «освобождению Литвы и ее столицы от фашистских захватчиков» (генералу И. Черняховскому, другим советским полководцам и солдатам Красной армии). Но, в основном, идеологический ландшафт города складывался скорее в хрущевское-брежневское время и, в отличие от Киева, и особенно, Минска, остался довольно скромным и фрагментарным. См. сравнительный анализ этих городов: *Ластовский А., Балочкайте Р., Казакевич А., Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы.* http://www.geschichtswerkstatt-europa.org/media/projekte/total%20report_rus.pdf (дата доступа 21 марта 2016).

В послевоенной политике памяти Вильнюса, прежде всего служившей целям легитимации центральных и местных властей, немаловажное значение придавалось также утверждению «мифа об освобождении» — увековечению памяти погибших в боях за город воинов советской армии, что увенчал монумент генералу Ивану Черняховскому, воздвигнутый на одной из центральных площадей в 1952 г. (скульптор Н. Томский), а также одна из скульптурных групп Зеленого моста (фото 8) и в 1982 г. реконструированный мемориал советским воинам на кладбище Антоколис (фото 9). Хотя авторы исследования, посвященного сравнительному анализу сюжета о Великой Отечественной войне в идеологическом ландшафте Киева, Минска и Вильнюса, заметили, что в последнем случае он наименее выражен⁶³.

Фото 8.

Зеленый мост, скульптурная композиция «На страже мира», 1952, скульптор Б. Пундзюс (автор фото Р. Чепайтене)

Фото 9.

Мемориал Советским воинам-освободителям на кладбище Антополис (автор фото С. Кулявичус)

После распада Советского Союза Вильнюс, как и другие столицы государств постсоветского пространства, был призван стать политическим центром вновь обретенного суверенитета, как и символом утвержде-

⁶³ Ластовский А., Балочкайте Р., Казакевич А. Память о Второй мировой войне в городском ландшафте Восточной Европы.

ния национальной идентичности. Но, как показывает исторический опыт, несмотря на яркие тенденции национализма, проявившегося в Центрально-Восточной Европе сразу после распада соцлагеря, ни один город все-таки не может быть до конца «присвоен» одной нацией, особенно крупные города, имевшие значение для развития всего региона и постоянно заселенные представителями разных этносов. Так что любому крупному городу приходится балансировать на грани национализма и космополитизма, особенно при увеличении потоков приезжего туризма⁶⁴.

На Вильнюс сегодня тоже можно смотреть с разных перспектив — с этнографической точки зрения, как на центр конкретного региона (Дзукии, Вильнюсского края), находящегося в границах литовского государства⁶⁵, так и исторической, как на политический центр древнего государства ВКЛ, намного перешагнувшего территориальные границы современной Литовской Республики, делая акцент на многокультурное измерение хранящегося в нем наследия. А после получения независимости и особенно вступления Литвы в 2004 г. в ЕС и в НАТО можно говорить о Вильнюсе и в континентальной перспективе — как о своеобразном, но и о довольно типичном городе Центрально-Восточной Европы. Наконец, после 1994 г., когда исторический центр Вильнюса был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, проявляется его ценность как города не только регионального, но и мирового значения. Все эти уровни часто бывают переплетены, так что некоторые из них могут диссонировать между собой, затрудняя однозначное и дискурсивно единое восприятие этого города как столицы национального государства и вызывать конкуренцию за владение его публичным пространством. За последний период такая конкуренция ярче всего проявила себя в двух случаях — при уже ставшем традиционным шествии ультраправой молодежи по проспекту Гедиминаса во время празднования Дня независимости 11-ого марта и при попытках провести гейпарады. Оба случая каждый год вызывают горячие общественные споры о «традиционных ценностях», «границах гражданских свобод», «угрозах со стороны неофашистов», или, наоборот, «агрессивных сексменьшинств» и являются, наверное, неизбежным отражением дискурса и практик евроинтеграции и, соответственно, глобализации.

Тем временем публичное пространство города наполняется новыми символами. Концентрация знаков национального литовского исторического нарратива сегодня особенно очевидна в самом сердце столицы — на

---

⁶⁴ *Ashworth G.J., Tunbridge J.E., The Tourist-Historic City. Chichester, John Wiley and Sons, 1990, p. 29–30.*

⁶⁵ Этот вопрос до конца не ясен.

территории Верхнего и Нижнего замков. Для этого используется не только археологическое, архитектурное наследие, охраняемое *in situ* или в Национальном музее истории, но и заново созданные элементы: восстанавливаемый Дворец Государей Нижнего замка, памятники «основателю города» князю Гедиминасу и создателю литовского государства королю Миндаугасу⁶⁶, в 2003 г., построенный по случаю вступления Литвы в ЕС мост имени короля Миндаугаса⁶⁷ и пр. Немало места отведено и сюжету «борьбы и страданий» литовского народа, от Музея геноцида (непутать с Музеем Холокоста!), до «Парка тишины», основанного на территории комплекса дворцовой усадьбы Тускуленай в память жертвам сталинских репрессий.

Таким образом, в новом облике города прослеживаются и начатые еще в советское время, черты заочной конкуренции его *литуанизации* (что особенно видно в центральной части столицы, на оси проспекта Гедиминаса, где четыре основные площади рассказывают историю литовского народа от его истоков в языческие времена до возвращения независимости в 1990 г., (фото 10)), с *мультикультурализмом* — местами наследия и памяти других народов — разбросанных по всему городу взаимно не связанных памятников и мемориальных досок представителям разных этнических групп. Тут можно упомянуть памятники еврейскому «Доктору Айболиту» — Ц. Шабладу, известному французскому писателю, Р. Гари, детство которого прошло тут и легло в основу его знаменитого романа «Обещание на рассвете», украинскому поэту Т. Шевченко, который тоже несколько лет юности провел в этом городе и т.д. Но, несмотря на активное участие в процессах увековечивания памяти местных этнических сообществ, немало вильнюсских скверов и площадей, откуда были удалены атрибуты советской идеологии, до сих пор остаются пустыми, а иногда и заброшенными.

---

⁶⁶ Связь единственного литовского короля (около 1200–1263) с Вильнюсом до сих пор достоверно не доказана. В источниках упоминается город Ворута, в котором он принял крещение и в 1253 г. короновался, но лишь часть исследователей идентифицируют это место с нынешней столицей.

⁶⁷ Поскольку великий князь Миндаугас крестился и короновался по католическому обряду, его фигура была актуализирована в контексте евроинтеграции, т.е. как первого «западноориентированого» правителя литовского государства.

Фото 10. Памятник местному еврейскому врачу Ценаху Шабладу на улице Месиню 2007 г., скульптор Р. Квинтас (автор фото Р. Чепайтене)

Новая политическая репрезентация столицы могла бы опереться не только на демократический полилог разных «групп интересов», но и на историческое и символическое наследие, которое начали реставрировать еще в советский период (проект комплексной реконструкции старого города — первой в СССР — был одобрен еще в 1956–1958 г., его реализация позволила выявить западноевропейские — готические и барочные — корни местной городской цивилизации, что тогда имело и немаловажное политическое значение. Тем временем советский пласт облика города диссонировал не только с утверждаемой «национальной» версией его прошлого, но и со стремлением Литвы «вернуться в Европу», поскорее интегрироваться в международные структуры безопасности и сотрудничества, поэтому наиболее яркие его знаки начали стирать еще во время распада СССР, тем самым пытаясь подчеркнуть католические и европейские черты города. Сегодня уже пришлось бы внимательно поискать сохранившиеся атрибуты советской визуальной пропаганды. Без сомнения, символом сталинизма можно считать соцреалистические статуи Зеленого моста, которые по сей день вызывают радикально противоположные реакции общественности, от защиты их как уникального

объекта искусства и культурной ценности, до призывов снести и переправить их в парк Грутас. На мой взгляд, эта, особенно обострившаяся после украинского «ленинопада» проблема, уже была решенной. Молодой скульптор Канутас Вильджюнас в 2009 г. повесил под мостом скульптуру «Цепь». Этот художественный объект, в обход предложениям снести статуи или придать им другой облик, например, закрыть в клетки или заменить другими, «более подходящими» скульптурами, стал осуществлением *стратегии дополнения*. Таким образом мост превратился в трехмерное дидактическое средство, рассказывающее детям и молодежи об официальной, оптимистической, фасадной и другой, гулаговской, рабской сторонах советского режима. Несмотря на это, в середине 2015 согласно решению городских властей статуи были снесены.

Вообще, исследователи склонны считать Вильнюс успешным примером постсоветской трансформации на пути к евроинтеграции⁶⁸. И хотя ему тоже присуще скопление знаков и атрибутов “глобального города” (новая высотная офисная архитектура, крупные супермаркеты, формы современного искусства в публичных пространствах и пр.), в отличие от “глобального города”, образ которого при своем развитии выбрали Москва, Баку или Астана, в Вильнюсе визуально преобладает измерение старого города.

Мифы о «золотом веке» и «толерантности»

Именно старый город или скорее его романтический образ, активно используемый индустрией туризма, формы и степень его мифологизации позволяют говорить и о наличии мифа о «золотом веке». Какие исторические периоды литовской истории можно считать этим «золотым веком», по сей день не совсем понятно. Если межвоенный период, то тогда Вильнюс тут ни при чем, приходится обратиться взгляд на тогдашнюю временную столицу Каунас⁶⁹, который в советское время славился как самый националистически и антирусско настроенный город Литвы. Но проблема уже выше упомянутой «двойственности» традиции литовской государственности и потребность связать средневековую историю с современностью, тем самым окончательно утвердив «литовскость» Вильнюса, не дают покоя новым идеологам. Поэтому начатое в начале

---

⁶⁸ Титаренко Л.Г., Городское развитие на постсоветском пространстве: теоретические модели и реальность. Постсоветские столицы: Минск, Вильнюс, Баку. Минск, Издательский центр БГУ, 2009, с. 29.

⁶⁹ Межвоенная архитектура Каунаса была недавно оценена на международном уровне и удостоилась почетного знака Европейского наследия.

2000-ых воссоздание Дворца Государей в Нижнем замке⁷⁰ можно без сомнения считать самым важным культурным проектом по выявлению памяти ВКЛ за весь период современного независимого литовского государства.

До 1987 года, когда были начаты комплексные археологические раскопки территории в самом центре Вильнюса, рядом с Кафедральным собором, где когда-то находился Дворец Государей, составляющий неотъемлемую часть ансамбля Вильнюсского Верхнего и Нижнего замков, по письменным источникам было известно, что строительство здания из четырех корпусов было начато в 1520 году, по приказу Польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда Старого и предназначалось для резиденции великого князя. При правлении его сына и последнего представителя литовской династии Ягелонов Сигизмунда Августа Дворец пережил период расцвета и являлся центром высокой культуры Ренессанса. В стиле барокко Дворец перестраивался в начале XVII века, во времена правления шведской династии Ваза. В середине того же века, во время войны с Москвой, Дворец подвергся опустошению, и государи после этого в него больше не возвращались. Руины Дворца в самом центре Вильнюса простояли до 1801 года когда по приказу царского правительства его надземная часть была разобрана на кирпичи и продана, а само место сравнено с землей.

Из-за сильной символической нагрузки аутентичные останки Дворца никогда не были местом лишь нейтрального научного интереса. Этот объект можно с уверенностью считать “местом памяти” Великого Княжества Литовского *par excellence*. Таким образом, его исследование и сохранение всегда было скорее политической, идеологической, нежели только наследиеведческой проблемой. В 2000 г. было принято политическое решение — победила идея «воссоздания облика Дворца». В этом выборе надо отметить сильную личную инициативу первого Президента независимой Литвы Альгирдаса Бразаускаса, без прямого вмешательства которого лишь специалисты, наверное, по сей день бы спорили о возможных вариантах решения этого “Гордиевого узла” литовской охраны наследия. Решая вопрос о методике воссоздания Дворца, архитекторы-реставраторы выбрали термин “воссоздание образа Дворца Государей”, как более научно нейтральный, точный и соответствующий желанию части общества видеть “памятник потерянному памятнику”. Интересно, что будущее здание в политической риторике воспринималось и как

---

⁷⁰ Подрбнее об этом случае см. Чепайтене Р., Воспоминание о величии: образ Великого Княжества Литовского в исторической памяти современной Литвы. Украинський історичний збірник, 2013. Випуск 16, с. 366–392.

памятник Литве, в 2009 году праздновавшей свое Тысячелетие. Кстати, в 2009 г. Вильнюс, вместе с австрийским городом Линцом, поделил честь на год стать Европейской столицей культуры. Поэтому планировалось закончить стройку Дворца до начала этих мероприятий. Но из-за экономического кризиса 2008 года воссоздание Дворца до празднований Тысячелетия Литвы закончить не удалось. В итоге во Дворце создали традиционный элитарный музей искусств, показывающий эпоху процветания литовской культуры — XVI в. По этому поводу на западных аукционах за внушительные суммы была скуплена антикварная мебель и произведения искусства эпохи Ренессанса. Работы внутри здания продолжаются по сей день, хотя часть помещений уже доступны для посетителей, в них устроена музейная экспозиция, проводятся конференции, спектакли, концерты камерной музыки и пр. Но только время покажет, станет ли воссозданное здание Дворца Государей своеобразным полигоном укрепления исторической культуры, предлагающей более широкий взгляд на многокультурное наследие Великого Княжества Литовского.

С этим акцентом интерпретации экспозиции Дворца можно связать и другой довольно распространенный в постсоветское время миф об особенной межэтнической и межконфессиональной толерантности ВКЛ, доказательством которой является уникальная в своем роде конфигурация урбанистического ландшафта Вильнюса. Хотя еще в политике памяти советского периода, опираясь на небезызвестную парадигму «дружбы народов», выявлялись некоторые «прогрессивные» аспекты многокультурного наследия города, сегодня эта тема вновь всплыла уже в контексте необходимости решения проблем «гармоничного сосуществования обществ многокультурной Европы»⁷¹.

Миф о прогрессе

Можно заметить, что основным средством создания идеологического текста городского пространства в новое время, в общем, является модернизация — *миф о прогрессе*, проявляющийся в виде всего «нового» и «продвинутого», что эквивалентно заграничным достижениям в архитектуре и дизайне и указывает на богатство и экономические возможности конкретной страны. Поскольку советская идеология была по сути своей «прогрессивной», т.е. ориентировалась на преодоление социоэкономической отсталости страны и обещание создать хорошие условия жизни для советских граждан, то риторика и практика демонстрации этого прогресса в советский период преобладали. Вильнюс тут не был исключе-

---

⁷¹ *Graham B., Ashworth G.J., Tunbridge J.E., A Geography of Heritage. Power, Culture and Economy. London, Arnold, 2000, p. 113.*

нием из правил, а в некоторых случаях даже становился передовым примером для других городов. Так случилось с созданием в 60-ых первого нового жилищного микрорайона грода — Жирмунай, скопированного со скандинавского лекала и принесшего его проектировщикам престижнейшую госпремию СССР (впервые за проект массового жилого строительства). За этим успехом литовских урбанистов и архитекторов последовало еще более крупное признание — в 1974 г. был сдан в эксплуатацию микрорайон Лаздинай, который не только удостоился Ленинской премии, но и стал образцовым для проектировщиков всего СССР. Очевидно, этими и другими достижениями в преобразовании города советская власть не только пыталась осуществить идеологические догмы, но и доказать свою начавшую трещать по швам в брежневский период легитимность в глазах местного населения.

Сегодня мы живем в период рыночного управления городами (с середины 90-х до настоящего времени). Переориентация способов производства при переходе к постиндустриальной (информационной) стадии развития общества заметно влияет на выбор стратегий развития городов. Потребности экономического развития сейчас стали господствовать над удовлетворением социально-политических потребностей. Акцентируется сектор различных услуг, формируется новый облик города, опирающийся на культурную индустрию (особенно туризм и наследие), на этом основании поощряются внутренние и иностранные инвестиции⁷².

В конце 1990-ых за пределами старого города Вильнюса начали формировать новый «урбанистический узел» высотных зданий, который был открыт во время торжеств по случаю вступления Литвы в ЕС в 2004 г., а его площадь была названа Европейской. Этот коммерческо-развлекательный комплекс стал ярким примером того, как в контексте глобального капитализма при помощи инвестиций международных организаций, превращающих города в однородные и обезличенные, их прежнее визуальное разнообразие теряет свою уникальность и нивелируется стилистически⁷³. Также аналитики с беспокойством отмечают, что потребности становящегося все более массовым туризма и всепроникающие навыки консьюмеризма тоже неизбежно меняют как физический облик городов, так и их культуру и образ жизни⁷⁴. Социологи обращают внимание на то, что при всемирном внедрении модели так называемой

---

⁷² *Branchini F.*, Cultural Planning for Urban Sustainability. City and Culture: Cultural Processes and Urban Sustainability (ed. by L. Nystrom). Kalmar, The Swedish Urban Environment Council, 1999, p. 34–51.

⁷³ *Melanie K. Smith*, Issues in Cultural Tourism Studies. London, Routledge, 2003, p. 169.

⁷⁴ *Boniface P., Fowler P.J.*, Heritage and Tourism in «the Global Village». London, Routledge, 1996, p. 64.

«макдиснейзации» современные города становятся все больше похожи не только друг на друга, но и на тематические парки⁷⁵.

Включение свойственных тематическим паркам атрибутов и практик в большие торговые центры стало важным элементом в процессе создания коммерческих пространств, приспособленных к постмодернистскому потреблению. Некоторые авторы даже называют такие образования «квинтэссенциями пространствами постмодернизма», где подчеркивается смешение множества различных архитектурных стилей, сращивание реальности и фантазии и радость потребления⁷⁶. Эти новые торговые пространства — «города в городе» — привлекательны для посетителей, поскольку представленные здесь темы без труда локализуемы и понимаемы. В 2002 г. в Вильнюсе был открыт громадный супермаркет под запоминающимся названием Акрополис — хвастливо названный «столицей торговли и развлечений». Он не только снискал бешенный коммерческий успех и удостоился популярности, но и стал прообразом похожих супермаркетов, построенных в других крупных городах Литвы. Интересно, что этот очень полюбившийся соседям-белоруссам торговый центр Вильнюса, как и недавно (в 2013 г.) открытая за городом Президентом Литвы Д. Грибаускайте первая в странах Балтии ИКЕА, рассчитаны на привлечение покупателей всего региона. Таким образом, наверное, полшутя можно говорить об очередной (на этот раз коммерческой) попытке воссоздания Великого княжества Литовского со столицей в Вильнюсе.

Выводы

Благодаря своей сложной истории Вильнюс, как важное место в процессах нациастроения народов региона⁷⁷, до сих пор ставит труднорешаемую проблему, связанную с вопросом об определении, формировании и стабилизации его идентичности. Многочисленные попытки в разные времена «втиснуть» многокультурное и многогранное прошлое этого прекрасного города в узкие рамки одного или другого националистического нарратива всегда претерпевали немалые трудности и чаще всего не

⁷⁵ *Ritzer G.*, *The McDonaldization of Society*. Thousand Oaks, Pine Forge Press, 1996.

⁷⁶ *Misik R.*, *Simulated cities, sedated living. The shopping mall as paradigmatic site of lifestyle capitalism*. <http://www.eurozine.com/articles/2006-12-15-misik-en.html>

⁷⁷ В данной статье я оставила в стороне рассмотрение еще одной попытки национального «присвоения» города — роль Вильнюса в историческом сознании белоруссов, особенно в контексте вновь всплывшей псевдонаучной концепции «литвинизма», вообще отрицающей вклад литовцев в становление ВКЛ в пользу белорусов (некоторые академически некорректные белорусские историки даже употребляют анахроническое и исторически неверное название «Белерусь-ВКЛ»).

проходили без нарушений верности историческим фактам. Поэтому вместо сложной, часто неудобной и невосприимчивой к прямым манипуляциям истории города прибегали к мифотворчеству, позволявшему подтвердить право одних или других политических сил управлять им. Этому способствовали разнообразные средства — уничтожение или изменение физических останков «инородного» наследия, их реинтерпретация или одностороннее присвоение, внедрение новых идеологических знаков и символов в публичное пространство. Но город, как бы терпеливо принимая все это, все-таки каким-то чудным образом умудрялся остаться верным себе, своему истинному *genius loci*, с которым рано или поздно приходилось считаться и его очередным хозяевам. Долгая традиция мифотворчества Вильнюса оставила нам богатое и многогранное наследие культур воспоминания, запечатленное в его публичном и символическом ландшафте. Мифотворческая подоплека преобразований городского облика позволила сформировать многослойный полисемический визуальный текст, который так манит туристов.

Мифические черты культур воспоминания Вильнюса, которые я попыталась раскрыть и типологизировать, позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, хотя разные политические режимы, правившие городом в XIX–XX вв., при помощи исповедуемых ими идеологических доктрин пытались создать повествование о нашем городе, предназначенное и доступное лишь «своим», «посвященным», «воображаемому сообществу нации», деконструкция мифов о начале, единении, освобождении и выше приведенные примеры их осуществления в городском пространстве, раскрывают по сути нерешаемые смысловые противоречия и нехватку твердой политической или культурной опоры, которая позволила бы «до конца» освоить этот город и легитимизировать свою власть над ним. Во-вторых, функция мифов о золотом веке или толерантности от них немного отличается. Они решают проблемы скорее внешней, нежели внутренней политики — показать «исконно европейские» корни города и страны, из его богатого прошлого взять и использовать лишь те исторические прецеденты, которые могут быть привлечены как примеры успешного долговременного межэтнического сосуществования, что ныне стало очень актуально при расширении ЕС. В отличие от них, миф о прогрессе скорее ориентирован не на создание стабильных и долгосрочных групповых идентичностей, а на отражение более универсального дискурса «модернизации», демонстрации достигнутого уровня цивилизации столицы и «социального благополучия» страны.

Предложенная типологизация вильнюсских мифов, конечно, отнюдь не является исчерпывающей и нерушимой. Город этот намного богаче всяческих схем или попыток разложить его рассказы «по полочкам»,

опираясь сугубо на сухую логику и объективность. Вообще, будучи жителем и (неизбежно) страстным любителем этого города, говорить о нем непредвзято трудно и даже, наверное, невозможно, поэтому я тут попыталась приподнять лишь краешек покрыва охраняемых им тайн...

Rasa Čepaitienė

The City as a Myth: Lithuanian Capital in the Light of the Memory Culture

The article deals with the questions of the influence of different ideological systems and political regimes on the politics of memory and memory culture in the city of Vilnius from the ancient times until the beginning of the XXIst century. On the basis of the theory of political myths, visual semiotics and collective memory public spaces of the city have been analyzed. The author raises two main questions: why and how different political regimes seek to change the face of the Lithuanian capital? The interest in this city is not accidental since vivid traces of ideological manipulations in Vilnius' urban landscape are highly visible.

Наукове видання

ІСТОРІЯ, ПАМ'ЯТЬ, ПОЛІТИКА

Збірник наукових статей

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет *Зубець Л.А.*

Підписано до друку 07.07.2016 р. Формат 70х108/16.
Ум. друк. арк. 22,5. Обл. вид. арк. 21,29.
Тираж 300. Зам. 19. 2016.

Поліграф. д-ця Ін-ту історії України НАН України
Київ-1, вул. Грушевського, 4.

Свідоцтво
про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
Серія ДК № 5070 від 23.03.2016 р.